Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№75



РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

XXXIV год. № 75 Нью-Йорк **2004 г.**

CADET'S ROLLCALL

(Library of Congress Card № 79-642319)

Periodical Magazine

Published by the Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.,

New York, USA

Редакторы журнала

‡ П. В. Олферьев (1971-1978)

‡ Н. В. Козякин (1978-1992)

‡ А. Б. Иордан (1992-2002)

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал

Издатель:

ISBN 0-9741857-3-6

Ответственный редактор:

Игорь Николаевич Андрушкевич

Администратор:
Юрий Иллиодорович Шидловский

Компьютерная верстка:
Юрий Валерьевич Пазельский
E-mail: yp@adegi.com

Обложка:
Юрий Иллиодорович Шидловский

Адрес редакции:
I. N. Andruskiewitsch,
Casilla de Correo 51,
1653 Villa Ballester, Argentina.
E-mail: kadetpismo@hotmail.com

Адрес администрации и экспедиции:
George E. Schidlovsky, 2 Carman Place, Glen Head, NY 11545, USA
Tel: (001) 516-759-1328. Fax: (001) 516-759-0416.
E-mail: geosffa@i-2000.com

Цена номера:
В США и Западной Европе: 15 долларов США. В странах с низкой валютой (Канада, Южная Америка, Австралия): 8 долларов США.

Переводы делать по адресу администратора, в валюте США.

Отпечатано в мае 2004 года в типографии **Adegi Press - New York.**
www.adegi.com

СОДЕРЖАНИЕ

НАШЕ МНЕНИЕ

ТЕМА ГОДА

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УЧЕНИЯ И ТЕОРИИ

ЗАВЕТЫ И ТРАДИЦИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО

ИЗ НАШИХ КНИГ

КАДЕТСКИЙ ОБЗОР

БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗ НАШИХ ПИСЕМ

Проф. И. А. Ильин

О ПУТЯХ РОССИИ

Ивану Сергеевичу Шмелеву

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предначертания; и знамения Его скудно постигаются нашим детским разумом. Лишь края риз Его касаемся мы в наших постижениях; и лишь в священном тумане виднеются нам судьбы земли…

Есть ли русская душа, которая не вострепетала бы и не смутилась в наши годы и не подумала бы с укором о своем народе и с малодушием о судьбах и путях нашей России?.. О, эти годы, годы распада, бессилия и стона… Годы соблазна и стыда… восстания бездн и отрезвляющей расплаты… и героического умирания лучших сынов… Нам ли не смутиться? Нам ли не пасть духом? И когда же конец испытанию? И куда ведешь Ты нас, Ангел Божий?..

Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его силу, и его дар; и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего.

Эта запись о России дана всякой смущенной и вопрошающей русской душе, – пусть проникнет и читает; и, читая, пусть разумеет и укрепляется; а укрепившись, пусть не малодушествует и не ропщет.

Пусть не думает, что мы «слабее или хуже всех народов», пусть не осуждает нашего славянского племени; пусть не корит наших предков; пусть не тоскует и не трепещет за судьбы наших внуков. Но пусть в молитвенной уверенности ожидает грядущих событий и свершений.

Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. И ни один народ не вынес из **таких** испы-

таний и из **таких** мук – **такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины**. Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории? И если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка, или молиться, крепиться и собирать новые силы?

Первое наше бремя есть **бремя земли** – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства: шестая часть суши, в едином великом куске; три с половиною Китая; сорок четыре германских империи. Не мы «взяли» это пространство: равнинное, открытое, беззащитное – оно само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им, из века в век насылая на нас вторгающиеся отовсюду орды и армии. Россия имела только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримые окраины оружием и государственною властью… Россия подъяла это бремя и понесла его; и осуществила единственное в мире явление.

Второе наше бремя есть **бремя природы**. Этот океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовет и манит, но само не дается и нам ничего не дарит… Эта гладь повсюдная, безгорная; и лишь на краю света маячат Карпат и Кавказ, Урал и Саян, не ограждая нас ни от бури, ни от врага… Эта почва – скудная там, где леса дают оборону, и благодатная там, где голая степь открыта для набега… Эти богатства, сокрытые в глубине и не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст безопасность и замирение… Эти губительныя засухи, эти ранние заморозки, эти бесконечныя болота на севере, эти безлесныя степи и сыпучие пески на юге: царство ледяного ветра и палящаго зноя… Но Россия не имела выбора: славянские племена пришли позднее других через ворота Азии и должны были вернуться с Карпатских гор на русскую равнину. И это бремя было принято нами, и суровая природа стала нашею судьбою, единственною и неповторимою в истории.

И третье наше бремя есть **бремя народности**. Свыше полутораста миллионов людей, то сосредоточенных, то рассеянных в степях, то затерянных в лесах и болотах; сто сорок различных племен и наречий; и до самого двадцатого века – целая треть иноплеменников и одна шестая нехристей. Мы должны были приять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, а дать ей жизнь, дыхание и великую родину; найти ту духовную глубину и ширину, и гибкость, в лоне которой каждое включенное племя нашло бы

себе место и свободу посильно цвести, доцветая или расцветая. Но для этого мы должны были – прежде всего – сами расти, молиться, творить и петь. И вот, Россия подъяла и бремя своих народностей, подъяла и понесла его; - единственное в мире явление…

Нам дано было огромное обилие пространств и племен, несвязанных, несопринадлежащих, тянущих врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы. Мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в три – четыре века единое великое государство и единую великую духовную культуру. Наш путь вел – из непрестанной нужды, через непрерывныя, великия опасности, к духовному и государственному величию; и не было отсрочек, и не могло быть ни отпуска, ни отдыха. Из века в век наша забота была не о том, как **лучше устроиться** или как **легче прожить**; но лишь о том, чтобы вообще прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность: не как счастье добыть, а как несчастье избыть, и еще как бы в погоне за «облегчением» и «счастьем» не развязать всеобщую губительную смуту…

Народы не выбирают себе своих жребиев; каждый приемлет свое бремя и свое задание свыше. Так получили и мы наше бремя и наше задание. И это бремя превратило всю нашу историю в **живую трагедию жертвы**; и вся жизнь нашего народа стала **самоотверженным служением**, непрерывным и часто непосильным… И как часто другие народы спасались нашими жертвами, и безмолвно, и безвозвратно принимали наше великое служение…

История России есть история муки и борьбы: от печенегов и хазар – до великой войны двадцатого века. Отовсюду доступные, ниоткуда не защищенные – мы веками оставались приманкой для оседлого запада и вожделенной добычей для кочевого востока и юга. Нам как будто на роду было написано – всю жизнь ждать к себе лихих гостей, всю жизнь видеть разгром, горе и разочарование; созидать и лишаться; строить и разоряться; творить в неуверенности; жить в вечной опасности; расти в страданиях и зреть в беде. Века тревоги, века бранного напряжения, века неудачи, ухода, собирания сил и нового, непрекращающегося ратного напряжения – вот наша история. Захирела и погибла, едва расцветши, дивная Киевская Русь – и уже ушла Россия на север, уже строит Суздаль, Москву; но не сложилась еще северная земля в своей чудной лес-

ной строгости и созерцательной простоте, а уже огонь и меч татарина испепелили Россию… Мало было уйти в леса, надо было еще уйти в себя, в глушь сосредоточенного, скорбного молчания, в глубь молитвы, в немое, осторожное собирание перегорающей и выжидающей силы. Триста пятьдесят лет колобродили монголы на Руси, жгли и грабили, возвращались свергнутые и вламывались изгнанные. Но не одолели Руси; сами изжились и выродились, иссякли и захирели, но не истощили утробу нашего духа…

Триста пятьдесят лет учились мы в горе и унижении. И научились. Чему?

Мы научились **хоронить нашу национальную святыню в недосягаемости.** Мы постигли таинство уходящего Китежа, столь недоступного и столь близкого, неразрушимого и всеосвящающего; мы научились внимать его сверхчувственному, сокровенному благовесту; в дремучей душевной чаще обрели мы таинственное духовное озеро, вечно огражденное, навеки неиссякающее, - **боговидческое око русской земли, око откровения.** И от него мы получили наше умудрение; и от него мы повели наше собирание сил и нашу борьбу, - наше национальное Воскресение…

Вот откуда наша русская способность – **незримо возрождаться в зримом умирании,** да славится в нас Воскресение Христово!

Вот откуда наше русское умение – таить в глубине неиссякаемыя, неисчерпаемыя духовныя силы, силы поддонного Кремля, укрытого и укрывающаго. Вот откуда наше русское искусство – **побеждать отступая,** не гибнуть в огне земных пожаров и не распадаться в вещественной разрухе, все равно, горит ли Москва от Девлет-Гирея, или от дванадесяти языков, пан ли Жолкевкий засел под Иваном Великим, или революционные святотатцы свили свое поганое гнездо под Царь-Пушкою…

Мукою четырнадцати поколений научились мы – духовно отстаиваться в беде и в смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастии собирать силы; умудряться неудачею и творчески расти от поражения; жить в крайней скудости, незримо богатея духом; не иссякать в истощении; не опустошаться в запустении; но возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое…и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета…

Читайте же, маловерные, скрижали нашего прошлого; читайте и умудряйтесь; и не ропщите в ожидании грядущего…

Изжились и расступились монгольские племена; и открыли нам пути на восток и на юг. Но не пришло успокоение на Русь: север и запад потянулись в наши просторы; и этой тяге, этому спору и отпору еще и поныне не сказано последнее слово. История России есть **история ее самообороны**; она провоевала две трети своей жизни. И не потому, что русский народ жесток и воинствен, - нет, он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен: а потому, что русские поля искони были со всех сторон открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. Издревле русский пахарь погибал без меча; а русский воин кормился сохой и косою. Воевала Русь и один на один; воевала и против двух врагов, и против пяти, и против девяти. История наша есть история осажденной крепости; история сполоха, приступа, отражения и крови.

Так возник и былой сословно-крепостной уклад: все были нужны России – и воины, и плательщики, и хозяева, и чиновники; каждый на своем месте, каждый во всей своей силе, каждый до последнего вздоха. И было время, когда великий русский царь, закрепостив всю страну сверху донизу, - сам весь огонь вдохновения, весь служение, жертва и труд, - не пожалел и сына своего, закрепостив его, в самой смерти его, грядущему величию родины.

И доныне изумляются наши историки, как мог русский народ нести такие жертвы и вносить такие подати. И мог, и нес; и тем строил нашу великую Россию. И не было для него жертвы «чрезмерной»; а для русского солдата не было «невозможного». И все спасались духом жертвы, духом подвига, духом единения – внимая сокровенному благовесту поддонного Кремля. И только временами, изнемогая от бремени, падая духом, запутываясь в чаще страстей, теряли пути к таинственному озеру боговидения, изменяли служению, впадали в смуту и воровство и гибли от внутренних посяганий и раздоров. Судить ли изнемогших? Клеймить ли того, кто пал духом? Отвергать ли и обрекать ли того, кто временно запутался в злых страстях?..

Велик в своем служении и в жертвенности русский народ. Тих и прост, и благодушен, и даровит в быту своем. Глубок и самобытен, и окрылен в богосозерцании. Но страстна и широка его душа; и по-детски отзывчива на искушения и соблазны. И в детской бес-

печности своей забывает он перекреститься, доколе не грянет гром. Но грянул гром – и перекрестится; и сгинет нечистое наваждение…

И уже, смотрите, - в годину величайшей соблазненности и величайшего крушения – уже началось и совершается **незримое возрождение в зримом умирании**. Да славится в нас Воскресение Христово!

Судьбы народа сокрыты в его истории. И мы, смущенные, мы, малодушные и маловерные, мы должны научиться читать и разуметь молчаливые глаголы нашего прошлого; разуметь сокровенные судьбы и явные дары, и таинственное призвание нашего национального естества, нашего **русского величия**; уверенно разуметь и уверенно провидеть грядущее всенародное воскресение России.

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предначертания. И только края ризы Его касаемся мы в наших постижениях.

Но в недрах нашего прошлого нам даны великие залоги и благодатные дары, неиссякающие, живые, таинственные ручьи благодати. И видя их, приникая к ним и упояясь ими, мы уже не сомневаемся в тех путях, по которым ведет нас Ангел Божий, но в молитвенном напряжении уверенно ожидаем грядущих событий и свершений… Ибо с нами Господь нашего Китежа!

(ПЕРЕЗВОНЫ, литературно-художественный журнал, № 31, 1927 год.)

И. Н. Андрушкевич

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ

Что такое "идея"?

В статье «Русская государственная идеология», опубликованной в «Кадетском письме» № 11 и в «Кадетской перекличке» № 62 - 63, от декабря 1997 года, идеологии разбираются, как нечто нейтральное, с точки зрения оценки их достоинства:

«Большинство государств имеют свою определенную идеологию, выражаемую их основными документами и символами и их основателями и историческими лидерами.» Например, «идеология США выражена не только в их Акте Независимости и в их Конституции, но также уточнена такими их историческими лидерами, как Вашингтон, Джефферсон, Мэдисон и Линкольн.» В свою очередь, «государственная идеология Государства Российского **естественно развивалась** в течение тысячелетия, без идеологических перестроек, вплоть до Катастрофы 1917 года. Она постоянно подтверждалась и уточнялась великими русскими людьми: святым Владимиром, Владимиром Мономахом, святым Александром Невским, генералиссимусом Суворовым.»

В моем очерке «Сущность современных идеологий», написанном 33 года тому назад, идеологии трактуются в ином аспекте. (№№ 1105, 1106 и 1107 газеты «Наша Страна», от 27 апреля, 4 и 11 мая 1971 года, Буэнос Айрес. В сокращенном виде этот очерк был перепечатан в 8-ом выпуске издававшегося в Москве полковником Е. П. Исаковым исторического листка «Кадеты. Юнкера», в декабре 1994 года.) В нем утверждается, что современные **«идеологии являются системами идей»** или, вернее, **подсистемами**, ибо, в свою очередь, они, «несмотря на их видимое разнообразие, составляют **однородную систему глобальных идей,** являющуюся отличительной чертой современной цивилизации».

Если идеологии являются системами идей, очевидно, что их определение и классификация находятся в зависимости от определения, что такое идея. Однако, это одно из самых трудно понимае-

мых философских понятий, вот уже в течение 24-х веков.

Терминологические затруднения имеются также и в отношении к понятию «нация», в таких словосочетаниях, как «национальная идеология» или «национальная идея».

Выражение «идеология» имеет общий корень с целым рядом других слов, например: «идейность», «идеал», «идеализм». Все эти слова происходят от греческого слова «идея» (**ιδεα**), существовавшего уже до Платона, но именно в его учении получившего большое значение.

Слово «**идея**» находится в связи с греческим глаголом «**идеин**» (видеть, познавать, знать), латинским **videre** (видеть), готским **witan** (смотреть, наблюдать), русским **видеть, вид, видение,** немецкими **wissen** (знать) и **Weisheit** (мудрость), и т. д. Оно имеет общий корень и со словами **ведать, вежды, вежливый, невежда, идиллия, идол** (изображение) и даже история (от "вид - тор", буквально "**свидетель**", то есть "видевший или видящий, знающий"). Первоначальным смыслом слова «идея» было: «то, что видно», «**виденное**», а отсюда и «**представление**», «**сведение**», «**ведение**».

Таким образом, дабы **знать**, надо предварительно **видеть**. В свою очередь, такое, основанное на опыте, **знание** (как **теория** на эксперименте, причем «теория» буквально значит «созерцание»), дает возможность иметь **представление** о действительности, каковое на самом деле является **обобщением** имеющейся информации, то есть «**ведущей (руководящей) мыслью», Leitgedanke** (как тоже переводится на немецкий язык слово «идея»). И, наконец, такое представление и такое обобщение дают возможность сформулировать соответствующий генеральный план, **общую программу на будущее**, исходя из всего имеющегося до сих пор. (Платон считает, что такой план **предшествует** тому, что мы потом «видим».) Все эти понятия входят в широкую смысловую гамму выражения «идея».

Смысловые оттенки этого выражения находятся и в философском его употреблении Платоном. Чаще всего слово «идея» у Платона обозначает совершенный прообраз (модель, образец) вещей, причем этот общий прообраз трансцендентен, то есть находится вне или над частными конкретными его воплощениями. Пользуясь выше отмеченными словообразованиями из этого корня, можно сказать, что «идея» Платона является одновременно нашим видением сущности, смысла и значения вещей, самой этой сущностью, а также и предварительной и нематериальной программой, планом этих вещей. Например, идея

стола предшествует производству того или иного отдельного стола, являясь как бы его предварительным планом и прообразом, но в то же время она является и его сущностью. Платон считает, что такие прообразы или идеи обладают подлинным бытием, в то время как их материальные воплощения являются только их тенями, которые обладают лишь второстепенным (или кажущимся) бытием.

Что такое "идеология"?

Идеология это не учение об идеях, наподобие того, как зоология является учением о животных или этимология учением о правильном исконном значении слов. Идеология это система идей, но не любых идей, а **идей общественных**, главным образом политических и экономических. Есть два вида общественных идей: 1. Идеи - верования (ideas — creencias); 2. Идеи - домыслы (выдумки, ideas ocurrencias). Разница между этими двумя видами идей была исследована испанским философом Хозе Ортега-и-Гассет. Ортега предлагает их для краткости называть просто идеями и верованиями (ideas y creencias).

Те идеологии, которые являются **синтезом народных верований и общественных идей**, эволюционируют органически, ибо не являются закрытыми (окаменелыми) системами. Те же идеологические системы, каковые полностью исключают верования (как религиозные, так и вообще мировоззренческие верования), приобретают тоталитарный характер, в силу необходимости возводить сложные, натянутые и монопольно закрытые построения из домыслов, вместо вытесняемых народных верований и народного мироощущения. Такие тоталитарные системы не в состоянии органически эволюционировать, а посему они подвергаются от времени до времени **механическим перестройкам**, дабы как-то реагировать на нарастающие расхождения с действительностью.

Посему, когда речь идет о таких государственных идеологиях, которые основаны на религиозных и мировоззренческих верованиях той или иной нации, то к таким национальным идеологиям нужно относиться объективно, без политического квалифицирования и без дискриминации их религиозных и мировоззренческих фундаментов. Однако, когда речь идет о таких идеологиях, которые категорически отвергают не только все иные идеологии, но также принципиально отвергают и все верования, тогда необходимо такие идеологии, в свою очередь, отвергать, как тоталитарные.

Что такое "нация"?

В русском языке существуют два выражения, которые дополняют друг друга: **родина и отечество**.

Слово отечество указывает на кровную, генетическую связь с предшествующими поколениями **соотечественников**. Оно тождественно римскому термину patria, каковое имело совершенно определенное значение, в том числе и конституционное, ибо от **отцов-учредителей** римского государства (patres) происходили патриции, обладавшие правом на вето в Сенате, даже по отношению к решениям большинства. Причем, это отнюдь не считалось привилегией (это слово было ругательным в Риме), а **обязанностью блюсти постоянное приумножение благосостояния** всего государства, каковое может пострадать от опрометчивых и непродуманных решений большинства. От слова «приумножать» (augere) по латыни и происходит юридическое наименование этой обязанности «отцов» накладывать вето на опрометчивые решения: auctoritas patrum (авторитет отцов).

Теодор Герцль, основатель сионизма, считает, что «только **вера отцов** объединяет» еврейскую нацию. Значит, генетическое происхождение от общих «родоначальников» или «народоначальников» само по себе еще не обеспечивает единства нации, если потомки **отступают от веры своих отцов**. Единство нации в первую очередь нуждается в сохранении первоначальных общих верований, являющихся **конституционным фундаментом** для всех последующих дополнительных идей и инструментальных концепций.

Выражение «родина» в своем корне тоже содержит указание на генетическую преемственность и общность, однако сегодня оно больше понимается как **место рождения**, особенно в связи с правом на гражданство на американском материке, выводимом из места рождения (jus solis), а не из кровного родства (jus sanguinis). Выражение «**нация**» происходит от латинского слова natus, рожденный. (Одного корня со словами «натура», «наивный»). Современное понятие «нация» сегодня часто толкуется как «жизненная общность людей, сознающих общее политическо-культурное прошлое, с волей иметь общее государство» (Duden 7, этимология немецкого языка).

Современное употребление этого выражения началось во Франции. Такие словообразования, как «национальное собрание», «национальный гимн», превратили это выражение в синоним «государства».

Именно такое понимание выражения «национальный» распространилось широко в Америке. Например, в конституции Аргентинской Республики, в выражениях вроде Presidente de la Nación, Congreso de la Nación, слово «нация» является синонимом слов «республика» и «государство».

Весьма важно не упускать из виду, что в подтексте выражения «нация» недвусмысленно присутствуют **три** понятия: единство и общность **территории, расы и языка**. Более точный смысл современного понятия «нация» становится ясным, если внимательно проследить его возникновение во Франции. Как и многие другие явления, бурно проявившиеся после Французской Революции, оно на самом деле зародилось во времена абсолютизма. Кардинал Ришелье (премьер Франции от 1624 до 1642 года) в своем политическом завещании дает определение: «Цель моего пребывания у власти заключалась в том, чтобы возвратить Галлии границы, предназначенные ей **природой**, вернуть галлам короля-галла, поставить на место Галлии Францию и повсюду, где была древняя Галлия, **установить новую**». До Ришелье, Сюлли, министр Генриха 4-го, в своих мемуарах «Принципы государственного хозяйства», подчеркивает важность **«естественных государственных границ»**. Генрих 4-ый добавляет: «Те земли, в которых население **говорит по-французски**, должны принадлежать мне».

Однако, глубокий основной смысл этого нового понятия заключается в словах кардинала Ришелье: «**установить новую** Галлию». Именно этими словами определяется не только **территориальный и расово-языковой редукционизм** понятия «нация», но также впервые провозглашается современный политический волюнтаризм искусственного установления чего-то нового, взамен органически сложившегося положения. Это «новое» обладает двумя недвусмысленными (стыдливо умалчиваемыми) стремлениями: выборочно **ампутировать прошлое и отказаться от наднациональной имперскости**. Голландский историософ Йохан Хейзинга (Johan Huizinga, 1872 - 1945), в статье «Задача истории культуры», указывает на стремление Франции к ампутации собственной истории отказом от франкского (германского) происхождения своего государства и своей монархии. Эта ампутация была **антиимперской**, ибо именно первое франкское государство претендовало на восстановление «Римской Империи». Она была затем закреплена «второй ампутацией» (как говорит Хейзинга), то есть тотальной

антимонархической ампутацией, совершенной Французской Революцией.

Эти две ампутации консолидировались в рамках «новой нации», наподобие того, как сегодня делаются попытки консолидировать и закрепить ампутации, которым была подвергнута Россия, в рамках **«новой России»**.

Нельзя не отметить, что русская общественная мысль, особенно в русской белой эмиграции, пыталась выработать иное, более сложное и более богатое понятие «нации», чем французское. В основном, такое новое содержание этого понятия было даже противоположным французскому, ибо **восстанавливало идею наднациональной имперскости**, впервые зародившуюся в Древнем Риме, затем продолженную в Византии и гораздо глубже осуществленную в Империи Всероссийской. Это русское понимание «нации» исходило из иерархического представления эволюции человеческих обществ: совокупность многих семей образует **род**, несколько родов соединяются в **народ**, а несколько народов в **нацию**.

Что такое "национальная идея"?

Содержание «национальной идеи» любой нации (в обоих смыслах этого понятия) исторически эволюционирует, что зачастую вызывает затруднения для его полного определения. Однако, любая сложная (и эволюционирующая) национальная идея всегда имеет **один главный корень, одну коренную идею**, лишь в процессе истории как бы «облипающую» дополнительными идеями и инструментальными концепциями.

Каждый народ обладает некоторыми частными, только ему в такой степени присущими особенностями. Несомненно, что эти особенности связаны с предыдущими (например, родовыми) характеристиками его донародного бытия. Однако, процесс перехода донародного и догосударственного бытия на высшую историческую ступень народной государственности всегда связан с появлением какой-нибудь специфической идеи, имеющей **объединяющий и направляющий** характер. При любом органическом становлении государства можно наблюдать, наряду с сохранением прежних этнических особенностей, появление таких новых центральных идей.

Если взять, как пример, становление Римского государства, то мы видим, что в Риме сохраняются многие общелатинские характеристики, но одновременно появляются совершенно новые цели

и новые особенности. Например, полностью сохраняются многие прежние латинские политические термины, как «рекс» и «диктатор» (титул народных вождей соседних с Римом латинских племен). Но **при новых задачах** их **функции** существенно **иные**. При этом необходимо отметить привхождение чуждых, но географически доступных элементов, действующих аналогично катализаторам в процессе политической кристаллизации новых государств. В Риме таковыми были элементы этрусские, сильно повлиявшие на церемониальную и символическую сторону политической жизни нового государства (ликторы, курульное кресло и т. д.) и на характер многих политических учреждений (жреческие коллегии, авгуры и т. д.). Но, несмотря на эти собственные этнические элементы и на заимствованные чуждые элементы, все они вместе ориентируются в согласии с **новой идеей Рима**, в свете которой они и принимают новый, специфически римский характер.

Не входя в подробный разбор этой коренной римской идеи, можно лишь отметить ее две важные составные части: особенно развитое **правосознание** и тенденция к **включению** (то есть тенденция противоположная «ограничению» и «самозамыканию»). Идея включения обозначает, что потенциально все соседи, ближайшие и дальние, **могут включиться** в римскую civitas, то есть **в римское право**. Так оно и случилось, когда в 212 году после Р. Х., при императоре Каракалле, все свободные жители Римской Империи стали полноправными римскими гражданами. (Полтора века до этого апостол Павел говорит о своем римском гражданстве). Это включение предполагало расширение государства: urbs должно было превратиться в orbis, город во вселенную, Рим в Pax Romana. Именно от этой последней идеи ведут свою генеалогию - хотя бы частично - все современные идеи универсальности и «экуменичности» в мире. Однако, в Риме эта идея заключала в самой себе и собственное противоречие: безграничное включение (и расширение) невозможно, и ведет к гипертрофии и саморастворению.

В Греции процесс государственного становления тоже шел по линии преодоления родовых отношений, как об этом свидетельствует союз афинских родов, но центральная идея этого становления не включала в себя идею всеобщего включения и не доходила до идеи надплеменного объединения. Наоборот, в Афинах и в Спарте преобладало стремление к сохранению **местной специфики**, каковое понималось как сохранение **самобытности**. Посему в

Греции и не возникло общегреческое государство: общегреческий, панэллинский идеал имел надгосударственный характер, проявлявшийся главным образом в области духовной и физической культуры. (Ярчайшим выразителем этого неполитического единства были олимпийские игры, проводившиеся каждые четыре года). Идея общего политического объединения привносится в Грецию из Македонии, а затем из Рима. Однако, эта идея никогда не принимает чисто греческого характера, даже в Византии. По крайней мере, до освобождения Греции в прошлом веке.

Существенной частью центральной эллинской идеи было сознание внутренней **органической связи** между понятиями **добра, истины и красоты**: «Посему, если только с одной идеей мы не можем схватить добро, беря его тремя, красотой, мерой и истиной, мы скажем... подобная смесь будет добром». (Платон, Фил., 15, 64-5). Из этой идеи вытекает греческая идея необходимости **справедливости в обществе**, сопровождаемая идеей необходимости **порядочности правителей**, каковые должны быть **хорошими** людьми. Эта последняя идея особенно ясно видна в письмах Платона о его поездках в Сиракузы, в Сицилии. Содержание этих писем в нашей современности часто отбрасывается, под предлогом, что оно «утопично». Однако, внимательное их чтение раскрывает их центральную идею: истинная политическая мудрость заключается в том, что правители должны быть не только умными, хитрыми и компетентными, но также **порядочными и хорошими** людьми.

Центральная идея Древнего Израиля ярко выражена в Пятикнижии пророка Моисея и в остальных книгах Ветхого Завета. Эта идея может быть выражена одним единственным словом: **Закон**. Вокруг этой коренной идеи и происходила историческая эволюция израильского народа и государства. Сознание существенной важности «корней» и исторической памяти было всегда живо в еврейском народе, а необходимость сохранения корней была даже возведена в принцип.

Таким образом, высшая форма человеческого общежития - политическая или государственная жизнь - требует для своего зарождения и дальнейшего существования наличия объединяющей и ориентирующей **коренной идеи**. Ф. М. Достоевский по этому поводу пишет: «При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная

идея всегда из идей мистических». (Дневник Писателя. 1880 год.)

Эта коренная идея может иметь сложный и многогранный характер, даже несмотря на свою однородность и компактность. Она также содержит в самой себе пределы для своего развития, переходя которые, заложенные в ней противоречия заостряются и могут привести ее к вырождению или к гибели.

Зародышем или **сердцевиной** каждой коренной идеи, или вообще каждой культуры, является **религиозная идея**. В конечном итоге, вся история сводится к борьбе разных религиозных идей между собой (иногда, в наши дни, камуфлирующихся под идеи антирелигиозные). Каждая из этих религиозных идей затем облекается в многослойную оболочку, начиная от духовно-культурной и кончая юридически-политической.

Однако, никакая коренная идея никак не может сохраняться абсолютно неизменяемой в ходе истории. Больше того, именно творческое приспособление такой идеи к изменяющимся историческим обстоятельствам является необходимым условием для сохранения ее жизненности. Границы для такого приспособления даны, с одной стороны, в виде окаменения, петрификации, а с другой стороны, в виде вырождения (в результате индуцированных извне мутаций или в результате собственного упадка через отступление).

К центральной или коренной идеее каждого народа присоединяется ряд инструментальных концепций, которые имеют конкретное значение для каждого народа и для каждого периода истории. Кроме того, в эту сложную идеологическую систему входят исторические прецеденты. Каждый народ имеет свою историю, и эти исторические прецеденты тоже слагаются постепенно и тоже входят в состав его национальной идеи. Кроме этого, каждый народ создает свою собственную терминолгию: политическую, конституционную и юридическую. Или создает ее заново, или заимствует чужую терминологию, но влагает в нее свои собственные новые понятия или новые оттенки. Так же народ создает и свои определенные политические учреждения, или берет чужие и как-то их видоизменяет.

Русская коренная идея

Первым, в хронологическом порядке, проявлением русской коренной идеи было стремление к объединению восточно-славянских племен. Само по себе объединение было в основном инструментальной идеей, ибо оно вело к необходимой концентрации

собственных сил, что было необходимо не только для обеспечения самостоятельности и независимости, но и для сохранения внутренней **самобытности, своего быта**, то есть свободы. (Свобода, как это показал Хомяков, и есть **свой быт**). Идея самобытности является первым элементом коренной национальной идеи России, а стремление к самобытности, обладающее великой инертной силой в России, является одним из важнейших признаков свободолюбия русского народа, упорно не замечаемого многими наблюдателями, по злобе или по невежеству.

Одновременно, другой целью объединения было стремление к достижению **справедливых порядка и суда**, в согласии с уже существующим правом, выработанным до этого у славян тем же бытом. (Этимологически, справедливость и есть согласие с **правом**). Краеугольным и основополагающим элементом русской государственной идеи было **правосудие**, как это свидетельствует Русская Летопись:

«**Реша** сами в себе: поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву».

Наши предки не сказали: «Позовем себе князя, чтобы он нам привез свое право, или написал для нас новое право». У них уже было свое, славянское, право, которое Аристотель называет «неписаным правом», и считает более важным, чем право писаное. Призыв князя обозначал всего лишь решение установить **общий надпартийный и надгрупповой арбитраж**. Идея общего арбитража является одной из первопричин возникновения государственности, согласно немецкому ученому фон Игерингу (von Ihering).

Обе задачи, вставшие перед нашими предками в девятом веке, были ими разрешены ясно и категорически: только надродовая, надсословная и вообще надгрупповая верховная государственная власть может обеспечить **собственный быт, то есть свободу, и справедливое правосудие**. Таким образом, две первые русские национальные идеи, **самобытность и справедливость**, можно определить как нравственный двигатель зарождения русской национальности, о котором говорит Достоевский.

Однако, рядом с этими двумя идеями, с самого же начала русской национальности ярко светит еще одна, третья идея, которая хронологически не только предшествовала первым двум, но тоже была инструментом для их воплощения. Это была общеславянская идея **соборности, то есть хоровая** (многоголосая, но стремящаяся к гармонии) **идея**, присущая в том или ином виде и другим индоев-

ропейским народам. (Ее присутствие, в качестве государственного конституционного элемента, можно бесспорно проследить в политических учреждениях Древнего Рима).

Воплощение этой хоровой соборной идеи в политических учреждениях южных славян до сих пор сохраняется в их политической терминологии, даже более, чем в России. На Руси она ясно выражается в самом акте Новгородского веча, учредившего надплеменную монархию. Затем она постоянно присутствует и развивается в ее политическом строе, вплоть до учреждения Земского Собора царем Иваном Грозным в 1550 году. Однако, для правильного толкования зарождения русской государственности, необходимо не упускать из виду функциональное и принципиальное разграничение государственной власти на власть верховную и на власти управительные.

Существенный смысл начала государственности в России, условно отмечаемый 862 годом, заключается в том, что с этого момента была провозглашена верховная власть для объединяющихся русских племен, но эта власть не имела с самого начала задачу быть также и властью управительной: для этого продолжают существовать посадники, тысяцкие и другие выбираемые начальники, а также и городские советы, в которые входят все действительные и все «старые» (бывшие) начальники. Таким образом, управление продолжает быть **самоуправлением**, наряду с которым сохраняется **прямое участие** всех граждан в **решении** особо важных государственных вопросов на вече. Верховной власти отводится функция «судить по праву», и эта функция является самой существенной, ибо даже функция военного водительства (воеводства) имеет скорее профессиональный - по тем временам - характер, несмотря на то, что верховной власти принадлежит, несомненно, также и верховное командование. Такова была наша русская подлинная «демократия», за девятьсот лет до возникновения США и за четыреста лет до создания в Англии первого парламента, который, однако, не имел права ничего решать, кроме учреждения налогов, а имел право только «говорить» (откуда и происходит его имя).

Было бы ошибкой думать, что эта наша самобытная идея «демократии» тысячелетней давности с тех пор полностью исчезла, испарилась из русской мысли и русской жизни, под тяжестью сначала чужеродного татарского, а затем и чужеродного большевицкого ига. Во-первых, она всегда упорно сохранялась в казачестве. Во-вторых, она всегда, при любой возможности, так или иначе, снова всплы-

вала на историческую поверхность, что свидетельствует о ее постоянном наличии в народном подсознании. Например, когда царь Иван Грозный преобразил древнерусскую городскую вечевую систему в общенациональную систему Земских Соборов, он также восстановил административное и судебное самоуправление на местах. Конечно, такие преображения требовали грозной власти. Когда же царь Александр Второй Освободитель, после повторного частичного восстановления самоуправления, замыслил также снова созвать Земский Собор (после полуторавекового перерыва), он был немедленно убит.

Таким образом, мы ясно различаем в самих истоках России ее три коренные национальные идеи: **самобытность, справедливость и соборность**.

Вскоре руководству древней Руси стало очевидным, что эти идеи нуждаются в точном определении к месту. Великий государственный ум Владимира Святого удачно и одним махом определил и уточнил две первые: самобытность будет великолепно оправдана в рамках **вселенскости**, а справедливость будет возвышена в **Правде и Законе**. Сын Владимира Святого, Великий Князь Киевский Ярослав Мудрый, согласовывает в Русской Правде старое славянское неписаное право с новыми христианскими уставами своего отца.

Таким образом, Крещение Руси и приятие ею Православия точно **определили** две первые национальные идеи России: **Самобытность во вселенскости и справедливость в Правде**. Для их обеспечения, еще тогда, во времена Киевско-Новгородской Руси, была принята, вместе с Крещением, идея **христианского просвещения**, вскоре расцветшая в **Русской Летописи**.

Необходимо было еще уточнить и определить третью идею: **соборность**. Тогда, как и сегодня, было много разных альтернатив, но только одна из них была правильным путем, а все остальные были и всегда будут распутьями. Владимир Мономах, правнук святого Владимира, понял, что ни доморощенный удельный путь, ни соседский, приведший потом к параличу Польши (когда исконная славянская соборность выродилась в привилегию отдельных лиц говорить государству «не позвалям»), к добру не приведет. Его внук, Андрей Боголюбский (сын основателя Москвы Юрия Долгорукого), впервые ясно выразил, что **сохранение соборности** возможно только при **единоначалии**. (Настоящая монархия как раз и означает «единоначалие», а не «единовластие».) За это он и был

убит, как Павел Первый, Александр Второй и Царь Мученик Николай Второй. Так сатана, при помощи своих соратников, тоже принимает участие в истории.

Так как единоначалие не было своевременно достигнуто, мы подверглись Татарскому Игу. Когда мы, наконец, смогли установить в нашем государстве единоначалие, мы смогли одновременно преодолеть и наше первое Иго. Тем временем, мы оказались изолированными от вселенскости. Преодолевая эту изоляцию, мы сильно повредили соборность нашей государственной конституции, подорвав этим наш общественный строй и само государство, оказавшиеся в результате бессильными, чтобы справиться с провокацией Катастрофы 1917 года.

Сегодня Катастрофа уже произошла, но еще отнюдь не кончилась, хотя ее страшные последствия уже налицо. Для борьбы с дальше раскатываемой Катастрофой и ее последствиями у нас, однако, есть хорошие идеи, национальные идеи России. Указать вкратце на их подлинный фундамент и было целью этой статьи.

И. Андрушкевич

950-ЛЕТИЕ РАЗРЫВА ЗАПАДА С ПРАВОСЛАВИЕМ, 800-ЛЕТИЕ РАЗГРАБЛЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И 550-ЛЕТИЕ ЕГО ПАДЕНИЯ

В прошедшем 2003 году исполнилось 550 лет со дня падения Константинополя, или Нового Рима, или, по-славянски, Царьграда, столицы Восточной Римской Империи и кафедры Вселенского Константинопольского Патриарха. (Византийской Империей ее стали называть уже после её падения).

Нет необходимости подчеркивать значение этой годовщины, ведь она отмечает одну из двух дат, символически обозначающих хронологическое размежевание всей человеческой истории на условно принятые в науке периоды: древнего мира, средних веков и новой истории. Однако, как это ни странно, в мировой печати эта годовщина прошла совершенно незамеченной. Когда 28 лет тому назад исполнилось 1500-летие падения Западной Римской Империи в 476 году, всё-таки эта годовщина была более или менее отмечéна. В «Кадетском письме» № 35, от апреля 2003 года, годовщина падения Константинополя была упомянута в связи с 300-летним юбилеем основания Санкт-Петербурга, происшедшего точно через 250 лет после падения Нового Рима и в самый день его основания, на праздник Пресвятой и Живоначальной Троицы.

С падением Константинополя в 1453 году, произошел исторический разрыв с античным миром. В Западной Европе этот разрыв уже намечался в течение многих веков, как последствие варварских нашествий и вызванных ими процессов варваризации. Испанский философ Ортега-и-Гассет отмечает, что уже с пятого века после Р. Х. население Италии перестало быть двуязычным. Этот разрыв на Западе не был равномерным, ибо кое-где сохранялись остатки древнего

просвещения, но всё же он был радикальным. Уже в конце 8-го века на Западе не были в состоянии правильно перевести на латынь постановления 7-го Вселенского Собора, оригинал какового по традиции был греческим. Тогда это вызвало ряд глубоких недоразумений на Западе, далекие отголоски каковых иногда чувствуются и по сей день. Больше того, когда западная философия решила обратиться к эллинским философским первоисточникам, она должна была для этого прибегнуть к переводам на латынь арабских переводов с греческого. В то время, как в Византии еще в 11-ом веке Константинопольский университет продолжал быть двуязычным, сиречь греко-латинским, как это подтвердила университетская реформа императора Константина Мономаха (деда по матери нашего Владимира Мономаха), в Италии греческий язык снова стали изучать лишь в 14-ом веке, прибегая для этого к византийским ученым из соседней Калабрии.

В силу вышеуказанного, одним из последствий падения Константинополя для Запада была потеря возможности непосредственного доступа к авторитетным источникам античной греко-римской культуры, из которой сам Запад выводил свое происхождение. Правда, падение Царьграда еще отнюдь не обозначало полного пленения и разрушения византийских структур и византийского просвещения. Византия продолжала еще долгое время жить своей культурой и своим бытом и под турецким красным флагом с полумесяцем и пятиконечными звездами, не говоря уже о ее частях, временно оставшихся вне турецкого ига, или сохранивших известную автономию под иными завоевателями, как это было в случае некоторых греческих островов. В частности, оплодотворяющий византийский импульс для итальянского Возрождения дошел до Италии не только через константинопольских эмигрантов, но также и через византийскую Калабрию, к тому времени еще не лишенную в значительной мере своей православно-византийской культуры. Петрарка и Бокаччио учились греческому языку у Варлаама Калабрийского.

(Первый оплодотворяющий византийский культурный импульс произошел в 7-ом, 8-ом и 9-ом веках, через византийские провинции Сирии, Палестины и Египта, завоеванные в 7-ом веке арабами, и привел тогда к расцвету арабской культуры. Даже политическо-административные структуры мусульманского Калифата были созданы под сильным влиянием римско-византийских организационных учреждений, в том числе и должность Эмира, бывшего военным заместителем Калифа, а также и всеобщей налоговой системы.)

Однако, более существенной потерей, не только для Запада, но и для всего мира, была ликвидация в 1453 году альтернативной **византийской культурно-политической модели**, без которой весь мир до сегодняшнего дня, несмотря ни на что, всё-таки является куцым. Ибо после этого события в мире остались **явно** присутствующими только лишь иные, не европейские, модели, и куцая **половинчатая западноевропейская модель**.

Причем, эта половинчатая западная модель не только возымела претензию **занять место** всей **двойственной** греко-римской цивилизации, но и сама возомнила себя **исключительной наследницей** таковой. Именно из этого последнего обстоятельства и вытекает та черная легенда по отношению к Византии, а затем и к ее наследнице России, которая стала неотъемлемой частью идеологии Запада. В частности, именно этой идеологией объясняется систематическое манипулирование всеми темами, связанными с Византией и с Россией.

Отнюдь не надо думать, что подобные рассуждения являются чисто отвлеченными и не имеют практического приложения к нашей действительности. Ведь, в конечном итоге, вся проблематичность этой нашей современной действительности как раз и вытекает, главным образом, из упорных попыток игнорирования одной из культурно-политических моделей человечества, активно действовавшей в человеческой истории в течение одиннадцати с лишним веков. Причем, такая политика игнорирования и подмены культурной **полноты** на **хромающую половинчатую** альтернативу, с необоснованными претензиями на монополию, влияет и на более глубокие пласты общечеловеческих судеб. Конкретно, такая политика ведет к попыткам упразднения самой истории, ибо если игнорировать одну часть истории, то невольно приходится, в конечном итоге, игнорировать и всю историю как таковую.

Зловещим проявлением этой последней тенденции была попытка известного североамериканского специалиста по идеологическим манипуляциям Фрэнсиса Фукуямы провозгласить **конец самой истории**, продолжая в иных вариациях прежние марксистские домыслы. Мол, с момента конца истории как раз и наступит **всеобщее счастье** для людей, ибо они впредь смогут, как довольные собаки, грызть каждый свою кость и греться на солнышке перед своей будкой, утверждает Фукуяма. (Как я уже отмечал в моей статье «Конец истории», в газете «Наша страна» № 2267, от 15 января 1994 года, Фукуяма, к сожалению, ничего не говорит о том, **кто же будет хозя-**

ином этих людей, превращенных в собак, и **кто им будет добывать**, а затем **и бросать кости**). Однако, Фукуяма все-таки прав в несомненном наличии тесной взаимосвязи между человеком и историей, ибо, как метко подметил еще в первой половине прошлого века испанский философ Ортега-и-Гассет, **только человек живет в истории**, помимо природы, в то время как животные, в том числе и собаки, живут только лишь в природе, без истории.

В связи со всеми этими проблемами, будет немаловажным отметить, что, конечно, такой подход к истории сам по себе оказывает на ее ход несомненное влияние. Конкретно, в данном случае даже само падение Константинополя было вызвано в значительной мере также и **каиновым комплексом Запада** по отношению к православной Византийской Империи.

Для иллюстрации этого последнего утверждения весьма хорошо подходят две другие крупные исторические годовщины, связанные с историей Восточной Римской Империи. А именно, **в настоящем 2004 году** исполняется 800 лет со дня **разграбления и осквернения Царьграда** западными лжекрестоносцами в 1204 году, а также и 950 лет со дня разрыва Запада с Православием, путем «отлучения» в 1054 году Православной Восточной Христианской Церкви от Римской, легатами Папы Римского, на основании лживых обвинений Православия во всех ересях, бывших до этого в Христианской Церкви.

Как видно, тут очевидно проявляется некая историческая цепь, с протяженностью ровно в четыре века (1054 – 1453 годы). Однако, любая такая историческая цепь, заключенная между двумя историческими датами, почти всегда является всего лишь **отрезком более длинной цепи** исторических процессов. Чтобы понять полностью смысл такого исторического отрезка и причины его возникновения, исторический анализ необходимо продлить в глубь истории. По возможности, до первого исторического факта, даже, может быть, на первый взгляд малозначительного, но все же являющегося началом определенного «**крена**» в исторических процессах.

Такой отправной точкой этого «крена» Запада можно считать мало известный факт присвоения римскими епископами языческого титула «**верховного жреца**» (Pontifex Maximus, буквально: «верховного мостостроителя»). Этот титул в древнем Риме принадлежал верховному жрецу жреческой коллегии «понтификов», сиречь «мостостроителей», ведавшей наводкой мостов на Тибре, а также и составлением официального римского календаря. Точное происхож-

дение и значение этого имени наукой еще окончательно не установлено. Эта коллегия понтификов занимала первое место в иерархии жреческих коллегий языческого Рима, в согласии с его неписаной конституцией.

Во время превращения консульской республики в империю, в Риме происходили процессы концентрации многочисленных старых республиканских титулов, званий и функций в лице носителя новой единоличной власти. Так, Юлий Цезарь стал пожизненным диктатором, с правами народного трибуна, и императором (верховным командующим, триумфатором). Но еще до этого он добился титула **верховного жреца** (понтифика), дававшего право на неприкосновенность личности. Затем, Юлий Цезарь провел закон, дающий верховным понтификам также **«авторитет»** (auctoritas) **авгуров**, сиречь право на подтверждение или на **вето всех законов и выборов**. Со времен племянника Юлия Цезаря, императора Августа, этот титул верховного понтифика носили все последующие римские императоры, в том числе и первые христианские, начиная с императора Константина Великого, правившие многоконфессиональной империей, значит, в том числе и языческим большинством, постепенно тающим. Когда процесс христианизации Римской Империи практически закончился во времена константинопольского императора Феодосия Великого (испанца по происхождению), провозглашением Христианства в 391 году имперской религией, этот титул верховного языческого жреца был им отброшен, как несовместимый со званием христианского царя. Его тут же подхватили епископы старого Рима, что тогда прошло незамеченным, и до сих пор мало известно, хотя этот титул римских пап чаще всего встречается на памятниках и зданиях Рима, вплоть до наших дней. (Иногда в сокращении «Pont. Max.») Это был коренной поворот Римской Церкви, наметивший уже тогда ее **претензии на имперскую власть**.

Затем, эти претензии развивались подспудно и незаметно в течение нескольких веков. Они открыто всплыли лишь в середине 8-го века, когда римское папство оказалось вовлеченным в войну между германскими варварами на территории Италии. Когда лонгобарды завоевали в 750 году Равенну, столицу Византийского экзархата в Италии, чем поставили под угрозу завоевания и сам город Рим, юридически являвшийся Византийским воеводством (дукатом), Папа Римский обратился за помощью к франкам. Одновременно, тогда возникло искушение прихватить в мирскую собственность те ви-

зантийские территории в Италии, которые новые франкские союзники папства смогут отвоевать от лонгобардов. Именно так и возникли в 756 году впервые папские территории в Италии, правда, не в обещанном франками размере, ибо последние всегда умели ловко обманывать пап. В благодарность, Папа Римский в 800 году незаконно короновал франкского предводителя Карла «императором Римским», на что Папа не имел никакого права, ибо этот титул могли законно давать только лишь римские императоры и Римский Сенат в Константинополе. За 19 лет до этого, с 781 года, епископы римские стали чеканить собственную монету, с собственными изображениями, вместо изображений константинопольских императоров, как это всегда было до тех пор.

Затем последовал трехвековой период варварских междоусобных войн на территории всей Италии, вскоре усугубленных вторжениями норманнов в Южную Италию и Сицилию, являвшихся частью Византийской Империи. Именно в процессе этих варварских интервенций на итальянских территориях, юридически принадлежавших Византийской Империи (например, Калабрия была провинцией № 2 этой Империи), в которых ловко лавировали римские папы, постепенно нарастало отчуждение Италии от Византии и **Римской Церкви от Православия**.

Для юридического и дипломатического прикрытия этих **отступнических процессов**, папство было вынуждено прибегать к разного рода махинациям, талантливо предвосхищавшим современные политические манипуляции Запада. Была состряпана подложная документация о якобы полученной папами мирской имперской власти в дар от императора Константина Великого. Этот подлог известен в истории под именем «**Константинова дара**» (Donatio Constantini). С его помощью подводился лжеюридический фундамент под мирские притязания римских пап.

Таким образом, вся идеология политических претензий римских пап основывалась не на их религиозном «первенстве» («примате»), но на двух **незаконных политических прецедентах**, один из каковых к тому же был подлогом: самозванного присвоения, без санкции Римского Сената, римского государственного титула верховного языческого жреца Pontifex Maximus, и незаконного присвоения императорских прерогатив, на основании подложного «дара» императора Константина Великого.

Одновременно, также нужно было подвести подобный лжефундамент и под императорские претензии Карла Великого и его наследников. Известная аргентинская мыслительница и философ Кармен Бальцер, в одном своем докладе несколько лет тому назад, в «Аргентинском обществе эллинской культуры», выдвинула предположение, что разрыв Западной Церкви с Восточными Церквями в 1054 году был в значительной мере вызван необходимостью легитимации имперской власти наследников **Карла Великого**: если Константинопольская Церковь будет отлучена и, вследствие этого, потеряет свою легитимность, то, следовательно, императорская власть константинопольских императоров станет тоже нелегитимной. Вследствие этого, только лишь германские императоры будут легитимными. Еще можно предполагать, что разрыв папства с Восточными Церквями и с Византией также преследовал цель избавиться от необходимости Симфонии с Православной Империей, то есть разграничения между Церковью и Государством, и одновременно избавиться и от Вселенских Соборов, всегда созывавшихся Православными Императорами. Таким образом, римские папы могли впредь действовать не сообразуясь и не считаясь ни с кем.

Так был заложен не только **идеологический**, но и **психологический фундамент** для претензий на монопольную исключительность Западной Европы, а затем и всего Запада, включая Америку, на **политическую легитимность**. Тогда эта претендуемая исключительная легитимность имела монархическую лжеимперскую окраску, а сегодня она стала демократической. Можно предполагать, что такое предрасположение к собственной исключительности стало одной из психологических причин западноевропейского **центризма** и **мировоззренческого фундаментализма**, в том числе и геоцентризма, в Византии не игравшего никакой роли.

Интересно, хотя и мало известно, что Папа Римский Лев IX, именем которого его легаты отлучили Константинопольскую Церковь, к этому времени **уже скончался** в плену у норманнов, которыми он был захвачен в июне 1053 года, во время одной из типичных итальянских военных интриг того времени. Многие историки, в том числе известный римо-католический церковный историк Губерт Йедин (Hubert Jedin), считают, что отлучение было в силу этого юридически **недействительным**, ибо оно было сделано от имени уже умершего Папы. С формально-юридической точки зрения, вероятно, это так, но

важнее то, что **по существу** этот акт отлучения был недействительным, в силу его полной **фактической** лживости.

16 июля 1054 года Римский кардинал Гумберт, возглавлявший легатов уже умершего Папы, внезапно положил на престол константинопольского Собора Святой Софии буллу, с отлучением и анафемой патриарху Константинопольскому и его «сообщникам», после чего поспешно попытался уплыть обратно в Италию. В этом отлучении, Константинопольский Вселенский Патриарх Керуларий именуется «псевдопатриархом» и одновременно обвиняется практически во всех до этого бывших в Христанской Церкви ересях. Патриарх Керуларий и его «сторонники» в этом акте «отлучения» обзываются, между прочим, «симониаками», «арианами», «николаитами», «северианами», «пневматомаками», «маникеями», «назареями» и так далее. Кроме того, анафема кардинала Гумберта была направлена не только против неприятия латинской вставки слов «филиокве» («и от Сына») в Никейско-Царьградский Символ Веры, но также и против многих традиционных канонических установлений Православных Восточных Церквей, как, например, брака белого духовенства.

Очевидно, что такая грубая провокация преследовала цель **обязательно вызвать разрыв** Западной Церкви с Восточными Христианскими Церквами. Так же очевидно, что Константинопольская Церковь не могла реагировать на эту провокацию путем аналогичных манипуляций, как, например, просто сжечь эту буллу легатов, предоставив императорской власти их арестовать за такие грубые оскорбления. Правда, император Константин Мономах, прочитав буллу, приказал догнать и вернуть легатов, чтобы они объяснили свои поступки. Когда же разъяренный народ окружил местопребывание легатов, император их окончательно отпустил и под охраной доставил на их корабль. Затем, 24 июля 1054 года, Синод Константинопольской Церкви предал анафеме папских легатов и всех их сторонников и сообщников. Правды ради, к тексту этой анафемы присоединялся полный текст буллы папских легатов.

Так был грубо спровоцирован разрыв Запада с Православием, разрыв, ставший поворотным пунктом в истории. Один из основоположников современной «футурологии», Герберт Кан, относит **начало всех современных исторических процессов** именно к **середине 11 века**, хотя и не уточняет, что же тогда конкретно произошло. Однако, известный историк Арнольд Тойнби относит начало отдельной западноевропейской культуры на два века раньше, **к середине**

9 века, то есть к моменту **политического разрыва папства с Восточной Римской Империей и его альянса с варварами**.

Через пять лет после инцидента 1054 года, происходит крутая перемена в папской политике на юге Италии. Папа признает завоевания норманнскими пиратами византийских провинций на юге Италии: Апулии, Калабрии и Сицилии, – в то время бывших православными и грекоязычными. В 1071 году византийский город Бари, куда были перенесены из византийской Малой Азии греческими монахами мощи Святого Николая Угодника, был оккупирован норманнами. В 1082 году норманны впервые пытаются высадиться в византийском порту Дураккиум (сегодняшнее Дураццо в Албании), из которого начиналась известная римская дорога Виа Эгнатиа, в Салоники и к Константинополю.

Это было первое проявление главного исторического комплекса Западной Европы, упорно продолжаемого всеми лжекрестоносцами всех времен, включая Наполеона, Гитлера и НАТО. Гитлер отмечает в «Майн кампфе», что этот «Drang nach Osten» («Устремление на Восток») осуществлялся также и германской нацией в течение тысячи лет. Одновременно, тогда же, в 11-ом веке, формулируется недвусмысленно доктрина этого «Дранга»: папа Григорий VII Хильдебрандт (1073 - 1085) провозглашает доктрину, что «**неверных мусульман надо предпочитать православным христианам**», каковых он называет «непослушными сыновьями Церкви». В 1096 году начинается Первый «крестовый» поход Римской Церкви. А через 108 лет – Четвертый «крестовый» поход, вместо того, чтобы направиться в Святую Землю, вдруг поворачивает в сторону Константинополя и путем измены захватывает его в свои руки, в день **Страстной Пятницы 1204 года**.

После основательного разграбления всего города и кощунственного осквернения его храмов и святынь, лжекрестоносцы провозглашают в Константинополе свою собственную так называемую «Латинскую Империю» и своего собственного «латинского патриарха». Значительная доля награбленного попадает в руки Венецианской Республики, на чьих судах лжекрестоносцы были доставлены в Константинополь. В частности, известное бронзовое изваяние лошадиной квадриги, стоявшее перед императорским дворцом в Константинополе, по-варварски водружается на верх фасадной стены венецианского собора Святого Марка, где оно до сих пор и стоит. В соборе южно-итальянского города Амальфи до сих пор гиды-мо-

нахи хвастаются замечательными бронзовыми вратами, высотой в несколько метров, украденными из одной из константинопольских церквей в 1204 году.

Именно **в течение этих полутора веков**, от разрыва с православием в 1054 году и до насильного захвата Константинополя в 1204 году, впервые намечаются **контуры** так называемого «**нового мирового порядка**», покоющегося в основном на двухвластии франков (то есть французов и германцев, сегодня ведущих Европейский Союз) и норманнов (сегодня англо-американцев), в постоянно меняющихся союзах с папством римским, при двуличном отношении к мусульманскому миру. Причем, крайне жестокое отношение «крестоносцев» к мусульманскому населению в Сирии и Палестине уже тогда вызвало ответное ожесточение, до сих пор сказывающееся в отношениях между Западом и мусульманским миром. Вскоре этот мусульманский мир начинает двоиться на арабский и турецкий Ислам. В основанном в Святой Земле, в результате Первого «крестового» похода, «Иерусалимском Королевстве» начинает действовать с 1118 года новый военно-религиозный орден Тэмплиеров (Храмовников). Он стал так называться, ибо расположился на месте разрушенного Иерусалимского Храма, где братья храмовники, якобы, вели поиски скрытого под ним в недрах земли Ковчега Завета и других принадлежностей Храма царя Соломона. Через два века этот орден распускается Папой Римским, а его члены арестовываются по приказу короля Франции, на основании обвинений в ереси, но он так или иначе продолжает свое существование под видом других орденов в Испании, Португалии, Англии, Шотландии и в Прибалтике, а также уходит в конспиративное подполье.

Этот орден Тэмплиеров несомненно оказал сильное влияние на дальнейшее развитие Запада. В частности, Тевтонский орден «меченосцев», имевший устав Храмовников, уже тогда, «устремился на Восток». Через 38 лет после разграбления Константинополя, тевтонские лжекрестоносцы устремились грабить также и Новгородскую Русь, пользуясь почти одновременным нападением татар, открывая этой агрессией длинную цепь западных вторжений и попыток **изменить исторический путь России**. Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский отвратил тогда, в 1242 году, на Ледовом побоище, эту двойную беду от России. Ворам и самозванцам открыла двери в Россию лишь Катастрофа 1917 года.

С тех пор Православный мир оказался в тисках между двумя противоположными устремлениями: Западной Европы на Восток и Ислама на Запад. Также необходимо отметить, что уже тогда Византийская Империя предложила свою **собственную модель** мирового порядка.

Эта модель может быть охарактеризована, как модель **политического реализма, без идеологизмов**. Византия уже тогда понимала, что необходимо найти некое **устойчивое равновесие** в отношениях с арабским миром. Вот почему Византия, хотя и была вынуждена до некоторой степени считаться с устремлением лжекрестоносцев в Палестину, однако, считала, что положение в Святой Земле может быть улажено гораздо лучше дипломатическим путем, **без фанатических эксцессов**, тем более, что в занятых мусульманской экспансией византийских провинциях продолжало жить много православных христиан. Эта византийская мировая политика внешне выражалась в признании **сосуществования трех политических центров**: Православной Восточной Римской Империи, Латинско-Германской Империи **и Мусульманского Калифата**. Для этого, Константинополь даже **признал де-факто** Франкское государство Империей, хотя с юридической точки зрения этого никак не мог сделать.

Византия уже тогда считала более серьезной турецкую проблему. Эта турецкая проблема так и осталась не преодоленной вплоть до наших дней. 80 лет тому назад было ликвидировано младо-турками (состоявшими в интимном дружественном отношении не только с западными наследниками «тэмплиеров», но и с ленинско-троцкистской властью в России) греческое западное побережье Малой Азии, являвшееся колыбелью европейской цивилизации, ее философии и науки. Храм Святой Софии, всегда бывший «большой церковью» Православного Христианства, до сих пор кощунственно оскверняется, как музей, для варваров-туристов. А уже в наши дни, незаконная оккупация турками части острова Кипр является одним из препятствий для включения Турции в Европейский Союз.

Через 60 лет после разграбления Константинополя, он был освобожден и снова стал столицей Византийской Империи. (Во время оккупации Константинополя имперская столица была перенесена в город Никею, в Малой Азии, на противоположной стороне проливов). Однако, Империя была окончательно ослаблена этой вероломной агрессией Запада и не смогла устоять под турецким натиском. В 1453 году Константинополь был занят турками, оставленный полностью

Западом, несмотря на все обещания помощи. (Помощи, всегда обуславливаемой изменой Православию, путем принятия любой формы «униатства»). На стенах Константинополя геройски пал последний римский император, молодой Константин XI. Турецкий султан затем осквернил Храм Святой Софии, под крики турецких всадников с красными флагами. (Один мусульманский ученый недавно заверял автора этих строк, что такое осквернение запрещено Кораном.)

Через 19 лет после падения Константинополя, племянница последнего Византийского императора, царевна София Палеолог, повенчалась в 1472 с русским великим князем Иваном III Васильевичем, став великой княгиней Московской и всея Руси. А через через 94 года после падения Константинополя её внук, Иван IV Грозный, восстановил Православное Царство, став первым русским царем в 1547 году. При его сыне, царе Федоре Иоанновиче, в 1589 году в России было учреждено Патриаршество, на пятом месте в числе православных христианских патриархов, после Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима. Так в Москве была восстановлена Симфония между Православием и православным государством, через 136 лет после падения Константинополя.

Однако, в ответ, уже через 15 лет после этого, ровно **четыреста лет тому назад**, в 1604 году, на Западе был организован очередной поход против России, всё с той же главной целью: подмены русской государственной идеологии - одной из западных идеологий. Осенью 1604 года первый самозванец Лжедмитрий, в сопровождении иезуитов, выступил из Польши в Россию.

В этом заключается **великая тайна истории**: сама история как таковая, начиная с Адама и Евы, является цепью провокаций и реакций на них. Тогда, в начале 17-го века, реакция на тогдашнюю провокацию Запада и на тогдашних воров и самозванцев завершилась Земским Собором 1613 года.

П. К.Несторов

КАЖУЩИЕСЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последнее время в международной печати участились заметки и комментарии о так называемой «глобализации». Однако, было бы неправильно считать, что это явление недавнего происхождения, ибо его идеология своими корнями уходит, по крайней мере, к временам до Французской революции.

В современном американском прагматическом сокращении, эта идеология сегодня часто сводится всего лишь к требованиям **демократии, законности и рынка**, на общем фоне скандирования **«человеческих прав»**. Такая сжатая **идеологическая триада**, объявленная универсальной **панацеей**, тоже ведет к неправильным заключениям о подлинном характере её требований. Если сделать серьезный исторический анализ практических попыток её осуществления, неизбежно предстанет ряд на первый взгляд непонятных противоречий и несуразиц. Для наглядности, можно отметить несколько конкретных современных примеров.

Для преодоления создавшейся ситуации в Ираке была объявлена необходимость поспешного написания демократической конституции для этой страны. Однако, сегодня в мире имеется много конкретных примеров, эмпирически доказывающих, что наличие хорошо написанных конституций отнюдь не обеспечивает ни политического порядка, ни экономического развития, ни «человеческих прав». Например, конституция африканского государства Либерия полностью списана с конституции США, что, однако, не смогло предотвратить в этой стране ни военных путчей, ни многолетней гражданской междоусобицы, ни экономического маразма, ни жутких нарушений человеческих прав её несчастного населения. Многие конституции

Латинской Америки тоже написаны под сильным влиянием северо-американского конституционного прообраза.

В России вопрос о конституции и одновременно о расчленении нашей страны впервые был поднят в тайных ложах, готовивших декабристский путч. Как известно, тогда, в декабре 1825 года, в бунтовавшие массы был спущен лозунг **«за Константина и за конституцию»**, что было истолковано, как требование воцарения Великого Князя Константина Павловича (вместо Николая Первого) и «его супруги Конституции». Лишь столетие спустя в России была провозглашена её первая «конституция» западного образца, одновременно с декабристским принципом **«федерации»**, формально взятым из коммунистической программы. Согласно П. Н. Милюкову, этот программный пункт о **«самоопределении, вплоть до отделения»** был включен Лениным в коммунистическую программу (**только для России**), по австро-венгерскому (а сиречь и ватиканскому) заказу. Однако, это первое звено всех последующих конституций в России:

1. Было **незаконным** по своему происхождению, по своей апробации (только лишь одной из партий) и по своему содержанию.
2. Отнюдь не обеспечивало **никакой демократии.**
3. Преднамеренно **устраняло рыночное хозяйство**.

Так что, в данном случае, эта первая в России конституция никак не соответствовала ни одной из трех частей панацейной триады.

Затем, Россия была подвергнута целому ряду новых конституций (сталинской, брежневской, ельцинской), каковые тоже никак нельзя назвать удачными, хотя черновик последней, согласно некоторым информациям, был не только «списан», но и прямо написан в США. Больше того, все эти конституции нарушали, в той или иной мере, человеческие права народов России и, в первую очередь, **человеческие права русского народа**, в том числе и его право на собственность своего имущества.

Пример России в этом отношении является характерным, свидетельствующим о **манипуляционной сути** всей этой «конституционной» возни. Ведь никто из наших конституционных заговорщиков и пропагандистов никогда даже и не заикнулся о том, что Государство Российское до Катастрофы имело свои **Основные Законы**, легитимно обеспечивавшие законность, рыночное хозяйство и свободные парламентские выборы. Уже Креститель Руси, Святой Владимир,

тысячу лет тому назад советовался со своей дружиной об «**Уставе Земли Русской**», как об этом свидетельствует наша Летопись.

Вообще, требования законности не только зачастую имеют двойственный, ассиметричный характер, но иногда и оправдывают нарушения человеческих прав и права вообще. Например, многие преступления гитлеровской Германии совершались **в рамках формальной законности**, в том числе и так называемые «расовые законы» в Германии, а затем и в Италии. Что подтверждает необходимость **подчинения законов праву**, трансцендентному по отношению к ним. Лишь в согласии с правом достигается **справедливость**.

Аналогичные противоречия и несуразицы происходят и с современными толкованиями понятия **рынка**. С одной стороны, этому понятию придается почти абсолютное значение, исключающее всякие другие соображения.

Например, США упорно отказываются считаться с рекомендациями международных экологических конференций о необходимости снижения загрязнения атмосферы, ссылаясь на **рыночные** аргументы. В свою очередь, Япония продолжает безжалостно уничтожать фауну мировых океанов, тоже ссылаясь на свои **рыночные** нужды. Аргентинский писатель Томас Элой Мартинес недавно отметил, что порода так называемых «голубых китов» (самое большое по своим размерам живое существо) находится перед окончательным уничтожением. Раньше этих китов насчитывали в Аргентинском море (куда они приплывают для родов) более двухсот тридцати тысяч. Сегодня же их количество не превышает восьмиста особей, из-за их безжалостного убоя японскими китобойными судами (Аргентинская газета La Nacion, 4.10.2003). Коммунизм подверг природу России безжалостному загрязнению и уничтожению, тоже ради временных экономических псевдовыгод и для финансирования «мировой революции».

Однако, три самые крупные в мире экономические зоны, упорно провозглашающие **абсолютное первенство рынка**, отнюдь не стесняются сами его грубо нарушать, когда им это экономически выгодно. США, Европейский Союз и Япония **ежегодно субсидируют** свои сельские хозяйства более чем **двухстами миллиардами долларов**, без каковых субсидий они не могут успешно конкурировать на международных **рынках** с другими странами производительницами сельскохозяйственных продуктов.

Вообще, международные рынки сельскохозяйственных продук-

тов питания, сырья и промышленных товаров имеют больше разных **ограничений**, чем финансовые рынки. Причем, эти последние приобрели в современном капиталистическом мире совершенно новую функцию: на них котируются не только разные валюты и кредиты, но также и всё реальное имущество средств производства. Дело в том, что в так называемом промышленном «развитом мире» широко развита технология представления всех активов, в том числе и физических (то есть недвижимого и движимого имущества) акциями или подобными бумажными (а сегодня и электронными) документами, которые могут котироваться на разных биржах. С одной стороны, это дает большие преимущества странам, где такая технология сильно развита, ибо в них все капиталы их народных хозяйств не только обращаются чрезвычайно быстро, но также и могут служить гарантией для новых предприятий. (Эта система хорошо разбирается в книге: Hernando de Soto, The Mystery of Capital).

Таким образом получается, что, в конечном итоге, всё имущество всех народных хозяйств оказывается предметом бешеных спекуляций на финансовых и биржевых рынках, где оно циклически подвергается чрезмерным повышениям и падениям цен. Получается, что **рыночные** цены всего движимого и недвижимого имущества одной страны сильно колеблются в обе стороны, давая возможность спекулянтам систематически присваивать себе имущество остального населения. Если таковое уже привыкло к такой игре (или к таким махинациям), оно может как-то защищаться, или соглашаться на нее. Когда же такие манипуляции применяются против неискушенного населения, то в результате получается, что все эти так подстроенные рынки на самом деле лишь служат инструментом для ограбления населения, а не для укрепления законности и демократии. Наоборот, получается, что сама «законность» служит такому ограблению, а демократия его камуфлировке.

Все эти противоречия между современной глобальной практикой и её теорией на первый взгляд действительно могут показаться непонятными. На самом же деле, в основном это лишь **инструменты** для **концентрации** экономического могущества и политической власти.

Игумен Савватий (Перепелкин),
(выпускник Казанского Суворовского военного училища 1985 года)

РОЖДЕСТВО В ГРОЗНОМ

5. 01. 2004. Утро. Слава Богу! Мы с отцом диаконом Феофаном в Чкаловском, в военном аэропорту. Хочется успеть на Рождество в Грозный. Самолет-почтовик вот-вот должен вылететь. Диспетчер сообщает, что из-за непогоды вместо Моздока, куда нам нужно, самолет полетит в Ростов-на-Дону. Соглашаемся и через час-полтора приземляемся в столице Северо-Кавказского военного округа. Моздок по-прежнему не принимает из-за тумана, выезжаем из Ростова на поезде до Прохладного. Попутчики-офицеры помогают на всем пути следования, вместе с ними доезжаем на легковой машине до Моздока, где все так же непогода. Значит, до Ханкалы, в штаб объединенной группировки войск (ОГВ) нам придется ехать железнодорожным транспортом. Это 8-9 часов вместо 20-30 минут на вертолете. Успеем ли на сам праздник?

6.01. В десятом часу утра выезжаем на бронепоезде из Моздока в Ханкалу. Немного остановимся на этом виде транспорта с исторически колоритным названием: нынешние бронепоезда — современные бронированные железнодорожные составы, оснащенные разнообразным оружием вплоть до средств ПВО. Они имеются в Российских железнодорожных войсках. В нашем же составе бронированный вагон только один, на нем установлена зенитная пушка, кроме пары обычных плацкартных вагонов есть и платформы с танками; по составу рассредоточено подразделение охраны. Заблаговременно до выдвижения нашего транспорта были приняты необходимые меры предосторожности: на всем пути предполагаемого следования была проведена инженерная разведка местности — проверка саперами транспортных коммуникаций, установлены блокпосты для охраны. Иногда состав сопровождают вертолеты, но в этот раз их нет.

В вагоне мы знакомимся с людьми. Поздравляем с Новым годом, наступающим Рождеством. Едут в Чечню на служение люди

разных званий и возрастов, есть здесь и представители внутренних войск, и мотострелковых частей, и десантных, есть и военнослужащие-женщины. На общем фоне, в преддверии Рождества Христова мы — священнослужители — выглядим приятным сюрпризом. Люди по отношению к духовенству здесь особенно доброжелательны и открыты. Забегая вперед, скажу, что так было на протяжении всей командировки. С удовольствием берут православную литературу, иконочки, крестики, немало желающих пообщаться лично.

Один старший лейтенант, смуглолицый, с добрыми глазами, приглашает побеседовать. Он пытлив в духовных вопросах: его интересует посмертная участь людей, чем отличается Православие от других религий, природа добра и зла. Час-полтора разговариваем, находим общий язык. Офицер с удовольствием берет Евангелие, другую православную литературу. Мне же отдает оккультную книгу, она ему больше не нужна. Слава Господу, что Он помогает в нужный час ищущей душе.

Многие хотят угостить повкусней, но т.к. еда в основном скоромная, то от многих блюд приходится воздерживаться — день постный, сочельник. Еще надеемся послужить на Рождество, хотя бы Литургию. По Минее в поезде вычитываем вечернее богослужение.

Вечером, около семи попадаем в штаб объединенной группировки, нас встречает заместитель командующего по воспитательной работе (ВР) полковник Внутренних войск МВД Роганов Анатолий Александрович. В темное время суток передвижение невозможно. Поездка в Грозный откладывается на утро, Анатолий Александрович приглашает нас отслужить молебен в часовне, что мы и делаем. Для военнослужащих внутренних войск мы появились неожиданно, от того в их глазах удивление. Поздравляем всех с Новым годом, с наступающим Рождеством от имени Святейшего Патриарха, благословившего эту поездку, от всей нашей Церкви.

Говорю, что основа воинского служения — это заповедь о любви... Присутствующие военнослужащие слушают со вниманием. Такой приезд на праздники священников не может восприниматься иначе, как видимое свидетельство того, что «с нами Бог!». Как важно для военных чувствовать, что они не одиноки, что с ними Сам Господь, что с ними Церковь, что с ними наша страна.

Останавливаемся у десантников до отъезда.

7.01. Рождество Христово. «Слава в вышних Богу и на земли

мир и в человецех благоволение!». Поздравляем всех встречающихся с Праздником. Желаем Божией помощи в делах службы, счастья в личной жизни, успешного возвращения домой. Ощущается, что слово священника воспринимается по-особому.

В 12-м часу удается выехать в центральную комендатуру Грозного. Мы едем на бронированной машине вместе с комендантом Грозного генерал-майором Фоменко Григорием Петровичем. Температура плюсовая, кругом грязь, грязь... Сам разрушенный город предстает в сером цвете, дороги более-менее убраны, но много мусора на улицах. Кажется, что спокойно. Когда проезжали под мостом, один из офицеров сказал:

— Здесь был подорван генерал Романов...

Около полудня приезжаем в комендатуру, ждем заместителя коменданта по ВР полковника Нечипуренко Анатолия Анатольевича. Раздаем иконы, молитвословы, литературу... Военные берут с благоговением, благодарят. Ближе к часу приезжает Анатолий Анатольевич. Сразу же берет благословение. Он спокоен и в то же время опечален: только что у него на глазах подорвался офицер, и он сам отвез его в госпиталь.

Боевиками ведется минно-подрывная война, жертвами которой становятся не только военнослужащие, но и мирное население. Не так давно был взорван городской автобус. Подрываются даже дети. Брать, либо поднимать какие-либо предметы не рекомендуется. Случается, что обыкновенные «игрушки», «ручки», «бутылки» неожиданно взрываются, калеча и убивая людей. По местному телевидению можно увидеть учебные мультфильмы, рассказывающие на чеченском языке о различных минах, которые можно встретить в обыденной жизни; как нужно вести себя, если обнаружишь «растяжку», каково устройство взрывоопасных предметов. С этим вынуждены знакомиться не только взрослые, но и дети.

Анатолий Анатольевич сам берется доставить нас к храму, приглашает в спецуазик, где в задних дверцах оборудованы бойницы для стрельбы. Двум автоматчикам офицер назначает секторы для возможного ведения огня. Выезжаем из комендатуры, вспоминаю с благодарностью привезшего нас сюда из Ханкалы коменданта Грозного генерал-майора ВВ МВД Григория Петровича Фоменко. Анатолий Нечипуренко преисполнен глубокого уважения к своему непосредственному начальнику, говорит, что Григорий Петрович много лет прожил в Грозном, отлично знает здешние места, обычаи. Это

помогает ему принимать правильные решения в непростых ситуациях. Генерал, прежде чем встать на путь офицерской службы, отслужил срочную. Ему близок солдат, как никто другой он понимает, что без солдата нет армии. Несколько дней назад был случай, характеризующий коменданта Грозного. Выяснилось, что на складах не хватает сухпая (сухого пайка), чтобы раздать всем. Тогда тыловики высказали мнение: на двух солдат дать по одному сухпаю, а офицерам по одному. Анатолий Анатольевич, зная, что его начальник не одобрит такое, предлагает на двух офицеров дать один сухпай, а солдатам по одному. Григорий Петрович узнал про подобные «маневры» и предложил свое решение: всё отдать солдатам, а офицеры поймут, они же и за деньги могут купить необходимое.

Солдат составляет основу армии и должен чувствовать заботу отцов-командиров. Это поднимает воинский дух, а значит, повышает боеспособность. Поднимает воинский дух и Православие...

Едем по центру города. За окном меняются виды израненного города. Причудливо на фоне грязи, мусора и общей разрухи выглядят наряженные в дорогие одежды женщины с яркокрашенными волосами. Проезжаем через печально известную площадь Минутка; дальше вверх, по Ленинскому проспекту, к храму св. Архангела Михаила. Созерцаем остатки некогда одного из красивейших городов Советского Союза. Останавливаемся рядом с входной дверью церковной ограды, выходим из машины. Минуты три ждем. Офицер беспокоится:

— Слишком долго стоим на открытом месте.

Его опасение понятно: из рядом находящихся полуразрушенных зданий мы видны как на ладони.

Открывает дверь староста Антонина Михайловна. На поздравление с Рождеством Христовым ее скорбное лицо пытается улыбаться. Скорбность и усталость — отличительная черта русских лиц в Грозном. Конечно же, нас ждали здесь всю ночь на сам праздник. Человек 200 прихожан и примерно столько же военных для обеспечения охраны. Сейчас все разошлись по домам, они живут в разных районах Грозного, и некоторым добираться до своих квартир приходится часами. Интересуюсь:

— Может, по телефону оповестить о приезде священника?

— Какой там телефон, — грустно улыбается староста, — думаю, что все равно завтра придут, мы знали, что вы в Ханкале, просто не можете до нас доехать.

Да, уж какой там телефон... Здание храма не имеет ни крыши, ни окон, ни дверей; красноватые стены испещрены выбоинами от пуль и осколков. Службы совершаются в бывшей крестильной. Там есть всё, что положено: и престол, и жертвенник. Алтарная часть, как и в обычных храмах, выше основной, но иконостаса нет. Полы чистые — обувь снимают перед входом. На окнах — тюль. Одним словом, домашняя обстановка. Совершаем здесь малое освящение воды и идем в щитовой домик, где останавливаются приезжающие священнослужители. Нас встречают здесь уют и радушие. Приглашают за накрытый рождественский стол. Ощущение того, что мы с этими матушками давно знакомы, они открыты, делятся и печалями и радостями...

Люди здесь «скорбями входят в Царствие Небесное». Вряд ли в России есть еще такое место, где на рубеже XX–XXI вв. люди подвергались бы стольким бедствиям.

Вот раба Божия, сготовившая обед. В 98-м году ее двадцатишестилетняя дочь была задержана за «нарушение паспортного режима». Отец взял документы и поспешил улаживать недоразумение. Больше она не видела ни мужа, ни дочери. Молится о них как о живых. Конечно, у Бога все живы... Кажется, среди прихожан нет таких, кто бы не потерял кого-либо из родных, близких.

Совершаем вечернее богослужение без клироса и прихожан. С наступлением темноты откуда-то доносятся приглушенные автоматные очереди, иногда слух улавливает что-то похожее на взрывы гранат.

8.01. Собор Пресвятой Богородицы. Начинаем Божественную Литургию. Задушевно поет местный клирос, очень стараются. Читать помогает один из всего двух пришедших мужчин. Люди молятся сосредоточенно, собралось человек семьдесят. Видно, что для них большим утешением является Божественная служба. Основу присутствующих составляют женщины 50-60-ти лет и старше. После чтения Евангелия зачитываю Патриаршее поздравление с Рождеством. Прихожане подходят поближе, внимают каждому слову. Молимся за упокой убиенного протоиерея Анатолия, бывшего здесь настоятелем и всех, за Веру и Отечество живот свой положивших.

На Великом входе поминаем Святейшего Патриарха Алексия и преосвященнейшего Феофана, епископа Ставропольского и Владикавказского. Недели две назад Чечня была передана в состав Ставропольской епархии, и правящий архиерей лично благословил нашу

поездку. Поминаем прихожан «святаго храма сего», всех православных христиан. Присутствующие ощущают внутреннюю связь с Церковью Христовой, со своим Отечеством.

Великий вход — важный момент Литургии, вспоминается шествие Христа на Крест, Его страдание и смерть «нашего ради спасения». Господь помиловал распятого разбойника за его раскаяние. И здесь стоящие не раз могли умереть, — они прошли через жизнь в подвалах во время кровопролитных боев за город, видели улицы, заваленные трупами, подолгу не убиравшимися. У некоторых до сих пор ощущение, что они ходят по костям, да и сейчас лишь официально войны нет... Видя, что земная жизнь может легко оборваться, а человеческое достоинство унижено и попрано, потянулись многие к Богу, Который являет здесь многочисленные подтверждения истинности и благодатности христианского пути.

Раньше в Грозном русских и русскоязычных было тысяч двести, и в храм Божий ходило человек сто. Сейчас же осталось человек двести-триста и почти все за исключением беспомощных, старых и больных ходят в церковь. Вспоминается русское рассеяние, когда за границей после гражданской войны оказались миллионы людей. И для них храм был не только местом евхаристического единения и коллективной молитвы, но и местом моральной и материальной поддержки. И в здешней общине можно рассчитывать на участие в различных нуждах, во многом благодаря старосте Антонине Михайловне. Как бы ей хотелось освободить «почетную» должность, да людей жаль; как говорят, с креста не сходят — с креста снимают. Антонина Михайловна стремится, чтобы и у священнослужителей было все необходимое и для службы, и для молитвы, и для кратковременного отдыха. Без священника же невозможна Литургия, где, причащаясь Тела и Крови, тесно соединяются со Христом. Только через это Таинство возможно познание Истины, обретение жизни вечной.

В этот раз причащающихся около пятидесяти. На исповеди, исходя из окружающей обстановки, стараюсь быть снисходительным. Главное условие для желающих приобщиться Святых Христовых Таинств — покаяние и твердое желание исправиться, жить по заповедям согласно обетованию Христа: «Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей... да радость Моя в Вас будет и радость Ваша исполнится» (Ин. 15, 10-11).

После заамвонной молитвы молимся, чтобы Господь «умирил во вражде сущих», «утвердил друг ко другу любовь, угасил всякую рас-

прю»… В Евангелии Господь говорит, что посылает Своих последователей как овец среди волков. Известно, что образ серого хищника является и эмблемой чеченских боевиков, он точно вписывается в закон безбожного мира: «человек человеку волк». Безбожию противостоит христианство. Христос победил мир злобы и ненависти и сообщает верным благодатные силы явить эту Победу духа.

По окончании богослужения говорю на проповеди, что надо стремиться соответствовать евангельскому учению, а Господь наш, Творец и Спаситель явит свое присутствие и заступление. Когда проповедую, то чувствую некую неловкость оттого, что учу людей, видевших беспредел и ужас войны.

После отпуста люди подходят и благодарят за праздничную Литургию, многие не уходят из церкви, долго смотрят на предстоятеля. Может, вспоминают своего бывшего настоятеля протоиерея о. Анатолия Чистоусова. Он был человеком глубокой веры, доброты, не знающим страха, когда нужно было идти на помощь страждущим. Помогая ближним, о. Анатолий был схвачен боевиками и принял мученическую кончину. Вечная ему память! В алтаре есть его камилавка, священнические облачения, в которых благоговейно служат приезжающие отцы. Вечная память и убиенному иеромонаху Захарии Ямпольскому, служившему в храме после о. Анатолия…

После службы — трапеза. Потом долго ждем транспорт. Из общения с людьми вырисовываются контуры местного бытия. Власти пытаются нормализовать жизнь. Идут занятия в университете, работают школы. Военные не только охраняют, но и берут шефство над учебными заведениями. В городе подключены электричество, вода, газ. Выделяются немалые средства на восстановление жилого сектора, коммуникаций. По ночам во многих квартирах горит свет, — значит, там есть условия для жизни. Но все же, как много нужно потрудиться, чтобы доброта победила злобу в душах людей. Если даже среди чеченцев, воспитанных еще в Советском Союзе можно встретить таких, которые могут унижать сограждан только за их принадлежность другой вере и национальности, то как изменить сознание молодежи, впитавшей войну с молоком матери? Думаю, мало кто будет отрицать, что психологическая травля русского меньшинства, к сожалению, возможна. И это притом, что федеральные силы внутренних войск МВД стоят в Грозном. Конечно, это не всем нравится. Вспоминаю сюжет чеченского телевидения о том, что якобы военные внутренних войск грубо обращаются

со студентами при осмотре городского транспорта. Смысл: какие плохие внутренние войска федералов и какая хорошая местная милиция, которой не дают работать. Вывод как бы напрашивается: нужно убрать внутренние войска или хотя бы ограничить сферу их деятельности. Причем умалчивается, что террористы взрывают и городские автобусы. Может, кому-то и хотелось, чтобы местная милиция самостоятельно обеспечивала охрану правопорядка. Но вот командующий ОГВ генерал-полковник В.П. Баранов считает, что пройдут годы, прежде чем подразделения МВД Чечни смогут нормально функционировать, т.к. старых кадров нет, а готовить новые — тяжелый, кропотливый труд.

Нельзя думать, что все чеченцы настроены против русского населения. Есть среди них и такие, у которых ночи коротают русские, ибо в своих квартирах небезопасно. Есть и чеченцы, которые прятали наших солдат от боевиков, помогали обезвреживать террористов.

И все-таки, как получилось, что брошенное семя вражды дало такие обильные всходы, и эта кавказская земля стала голгофой для многих наших соотечественников? Как цветущий город стал пустынным, серым и мрачным?

«История — учительница жизни», — говорили древние римляне. Вспомним Великую Отечественную, когда Гитлер пытался подготовить плацдарм в горных районах Чечни для развития дальнейшего наступления на Северном Кавказе, т.к. вермахту нужна была нефть. Планы гитлеровцев встретили сочувствие у местного населения, и в советском тылу оказались воинские части немецких егерей, поддерживаемые чеченцами. После уничтожения враждебной группировки и восстановления советской власти на этих территориях Сталин выслал почти всех чеченцев вглубь страны.

Похоже, нынешние враги Отечества снова решили создать «чеченский плацдарм», на этот раз для дальнейшего развала России. Ими умело использовались амбиции лжевождей, застарелые обиды чеченцев, особенности национального характера, например, кавказская гордость, закон кровной мести и т.д. Был импортирован ваххабизм как идейное обоснование разбоя. Откуда ни возьмись в руки руководителей, занимающих антироссийские позиции, потекли большие деньги. Так на долгие годы Чечня оказалась вне российского законодательства.

Все шло как по плану. Сначала гнали ингушей, потом преследовалось еврейское население, за которыми скоро прилетело два само-

лета, и всех их увезли. Затем начались страшные гонения на русских, сопровождавшиеся бесконечными убийствами, изнасилованиями и грабежами. Русское население воспринималось гонителями как иноверцы, как опора российской государственности. Чтобы прекратить беспредел, правительство вынуждено было ввести войска. Так началась первая чеченская кампания.

Кто-то умело разжигал ненависть и направлял злобу. Мирные чеченцы, переселяясь с гор, легко становились убийцами и насильниками. Русские спрашивали:

— Зачем вы идете нас убивать? Разве десятилетиями мы не жили в мире?!

На это чеченцы отвечали, что их принудили идти сюда. Выбор был у них небогат: либо быть убитыми за отказ войти в состав бандформирования, либо за деньги участвовать в той вакханалии.

Сейчас оставшаяся горстка русских — это преимущественно пожилые женщины. Они и при желании не могут уехать в Россию. Мизерных пенсий (менее 2 тысяч) не хватит на то, чтобы на новом месте заплатить за квартиру, купить продукты и все необходимое для жизни. Неужели Российское государство бросило своих людей на произвол судьбы? Понятно, что официально идет мирная жизнь, но люди живут в реальном мире. Есть среди православных и дети. А что ждет их?

Сегодняшние СМИ, когда говорят о чеченской проблеме, пытаются большей частью освещать положительные стороны жизни республики: либо это национальная свадьба с красивыми кавказскими танцами, либо новоселье возвратившихся беженцев, либо открытие школ и занятия в них... Разумеется, это способствует формированию определенного общественного мнения о становлении мирной жизни в регионе. Но с другой стороны нельзя игнорировать и печальные явления, которые широкой общественности практически не были известны как ранее, так неизвестны и сейчас.

Во-первых, это бесправное положение оставшегося нечеченского населения, в большинстве своем — это русские. Моральная и материальная поддержка должна оказываться не только чеченцам. Оставшиеся в Чечне несколько сот человек (в основном, это пожилые женщины) должны иметь возможность переселиться в какой-либо другой район России. При этом потребуется финансовая помощь от государства, т.к. они не имеют никаких средств для такого переезда.

Во-вторых, по телевидению немало говорилось о беженцах-чеченцах, но практически умалчивалось о многочисленных представителях других национальностей, вынужденно покинувших территорию Чечни и не менее нуждающихся в социальной защите. Сейчас эти российские граждане живут как беженцы в собственной стране, не имея соответствующего статуса.

В-третьих, те нечеченцы, которые желают остаться в Чечне (может, это люди, потерявшие в войне всех родных и близких) должны чувствовать поддержку и защиту со стороны государства.

Необходимо обеспечить надлежащий контроль над использованием финансовых средств, направляемых в Чечню: денежных компенсаций, вложений в строительство и т.д.

По свидетельству командующего объединенной группировкой федеральных войск, на сегодняшний день основная финансовая подпитка бандформирований в Чечне происходит именно из России, а не из-за границы, как было раньше. Поэтому если не перекрыть эти каналы, то мы будем только умножать список наших потерь.

Недопустима информационная дискриминация и правовое ущемление российских войск в Чечне, поскольку именно военные при всей напряженности ситуации сейчас являются реальной миротворческой силой. Бандиты пытаются устранять прежде всего тех лидеров, кто стремится к установлению мира и согласия — представителей местного духовенства, глав районных администраций, казачьих атаманов.

Поскольку истоки конфликта коренятся в глубинах человеческой души, государство не может не содействовать, и всемерно, миротворческой деятельности Русской Православной Церкви в зоне конфликта.

В наше время есть определенный «югославский» опыт: в разрушенной Приштине сербы преследовались агрессивным албанским большинством. Американцы отремонтировали два многоэтажных дома, подключили электричество, воду, установили тарелки-антенны, переселили туда оставшихся сербов и взяли их под свою охрану. Плохо ли, хорошо ли, но геноцид сербов был прекращен.

Может, и у нас подобным образом решить грозненскую проблему? Например, построить для желающих переселиться русских дом в средней полосе, если в Чечне сейчас невозможно реально обеспечить безопасность граждан. Другой вариант: твердой рукой проводить в Чечне пророссийскую политику. В любом случае люди не должны

быть заложниками обстоятельств. Впрочем, это все человеческое...

«Не надейтеся на князи, на сыны человеческия» (Пс. 145,3) — говорит Священное Писание. Может, от слабости государственной власти, правовой и социальной незащищенности наши православные соотечественники постигают всей душой евангельское учение. Видят, что кроме Бога подчас не на кого надеяться, поэтому и вера становится основой жизни.

Последняя ночь в Грозном, за окном, где-то далеко обычная стрельба, взрывы. Спрашиваю у Володи, солдата, который ночует в доме и обеспечивает нашу охрану:

— А что будешь делать, если на нас нападут?

— Буду отстреливаться, постараюсь ни в кого не попасть, а то вместо дембеля можно и за решетку угодить.

— А зачем тогда стрелять?

— Как?! Чтоб боялись!

Странная мирная обстановка... Или странная война. Как лучше?

9.01. Утром прощаемся с Антониной Михайловной, которая передает для воинов нательные иконочки, просит, чтобы к ней заехал о. Михаил, организующий службы в церкви. Выезжаем на уазике в Ханкалу.

Сиротлива 20-метровая Президентская елка в центре Грозного, местное население более любит свои праздники. Мелькают все те же разбитые дома. Проезжаем под мостом, где был подорван генерал Романов. На выезде из Грозного — рекламный щит с крупной надписью: «Жить в Чечне — быть героем». Воистину так.

И. Андрушкевич

СИМФОНИЯ

Учение Святого Императора Юстиниана Великого о благосозвучии между священством и государством

1. Взаимоотношения между религией и государством

Добрая симфония (благосозвучие) между священством и государством, о которой говорит Шестая Новелла императора Юстиниана Великого, является **одним из видов взаимоотношений** между религией и государством.

Взаимоотношения между религиозными учреждениями и государством не являются взаимоотношениями между двумя абсолютно автономными и независимыми друг от друга учреждениями, ибо не может быть такого положения, чтобы между ними не было абсолютно никаких взаимоотношений. Это вытекает из природы или сущности этих двух типов учреждений. (Отношение современных безбожных, а тем паче богоборческих, государств к религиозным учреждениям является скрыто или открыто враждебным, что является одним из видов этих взаимоотношений).

В учебниках государствоведения обыкновенно указываются три элемента государства: власть, население и территория. «В понятие государства входят следующие три элемента: 1). Власть, обладающая признаками самостоятельности и исключительности; 2). Совокупность лиц, подчиненных этой власти — народ, и 3). Территория». (Кн. Е. Н. Трубецкой. Энциклопедия права. Киев, 1901. Репринт Нью Йорк, 1982. стр. 260). Однако, в самих истоках политической науки было четко установлено наличие и других элементов государства, помимо этих трех.

Аристотель обращает особенное внимание на политический строй (режим, конституцию) государства, фиксирующий соотноше-

ния (в писаной или неписаной форме) между собой всех остальных элементов государства:

«Если государство (“полис”) является сообществом граждан в рамках политического строя, то если изменяется и делается иным политический строй (“полития”), по необходимости государство тоже перестанет быть прежним. То же мы говорим про хор, что он является одним, когда он комический, и другим, когда он трагический, несмотря на то, что зачастую он состоит из тех же людей... Если говорить про государство, что оно то же самое, то прежде всего надо иметь в виду его строй, независимо от того, имеет ли оно то же самое имя, или иное, и населяют ли его те же самые люди, или совершенно другие». (Политика, 1276 в, 1-6, 10-13). «Политический строй это организация должностей в государствах, как они распределяются, каковой является верховная власть и какая цель у сообщества в каждом случае». (Политика, 1289 а, 15-18). «Политический строй (“полития”) это форма жизни государства (“полиса”)». (Политика, 1295 а, 40).

Кроме того, в истории всех исторических государств можно отчетливо проследить наличие еще одного элемента: религиозных верований народа. Фюстель де Куланж, в «Древней гражданской общине», говорит: «Взгляните на учреждения древних, не размышляя о их верованиях, и вы найдете их темными, необъяснимыми... Но рядом с этими учреждениями и этими законами поставьте верования: факты тотчас станут ясными». (Стр. 2, 3; цит. в «Монархической Государственности» Л. А. Тихомирова). Ортега-и-Гассет утверждает, что любая верховная власть только тогда «юридически легитимна,... когда... она основывается на компактном верований всего народа, что она действительно обладает на это правом. Это право не признается в обособленном виде, ибо верование, что царь или сенат имеют право править, существует только лишь как часть целостного верования в определенную концепцию мира, каковая тоже разделяется всем народом. В итоге, это и есть consensus. Эта концепция... должна быть религиозной. Поэтому, когда — по тем или иным причинам — эта общая целостная конценпция расщепляется, слабеет или исчезает, то вместе с ней расщепляется, слабеет или исчезает и легитимность». («Интерпретация всемирной истории», Мадрид, 1959, стр. 174). Ортега-и-Гассет определяет «консенсус» как «общее полное верование в определенное представление о жизни и мире...». (Там же, стр. 190). «За распадом верований и системы нравственных норм, то есть пове-

дения, следует немедленно распад легитимности публичной власти». (Там же, стр. 226). Тогда, уже «нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе». (Там же, стр. 228).

А. Тихомиров считает верования частью «социального фундамента государства», каковым является «нация». («Монархическая Государственность», Буэнос Айрес, 1968, стр. 30). Верования выражаются более всего в верховной власти, «которая есть конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало». (Там же, 33). «В той или иной форме верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни». (Там же, 67). Лишь, «если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, количественная, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому». (Там же, 68). «Верховная власть... выражает весь дух, предания, верования и идеалы народа». (Там же, 80).

Святой Константин Великий «являлся представителем не какой-либо, хотя бы и христианской, народной воли, а выразителем народного нравственно-религиозного идеала». Он был «новым монархом», который «выступил властью верховною..., но не безусловною, не абсолютною». (Там же, 143). Ибо, «для того, чтобы нравственное начало могло оказывать свое благодетельное влияние на политические отношения, необходимо, чтобы источники зарождения и созревания этики были независимы от государства. Государство есть область принуждения. Этическое начало, по существу, самобытно и свободно». (Там же, 466).

Ф М. Достоевский утверждает, что это начало является учредительной силой, создающей саму национальность: «При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью». («Дневник писателя», 1880 год).

Основатель сионизма, Теодор Герцль, тоже говорит, что «в начале — идея». (Речь на Пятом конгрессе сионизма, в Базеле). В

другой речи (в Берлине) Герцль говорит об «облачении древнего народного идеала в политические формы». В своем труде «Еврейское государство», Герцль подчеркивает, что «мы признаем сами себя принадлежащими к одному народу только через веру наших отцов».

Таким образом, если элементами государства являются (кроме власти, народа и территории) **верования** этого народа и его **политический строй**, очевидно, что государство не может игнорировать неизбежную необходимость установления каких-то взаимоотношений с религиозными учреждениями, вытекающими из верований, то есть из одного из государственных элементов. Народ является создателем и учредителем двух видов учреждений, религиозных и государственных, исполняющих разные функции, но принадлежащих одному общему народно-общественному организму. Посему и связь между этими учреждениями является абсолютно неизбежной, так как у них один и тот же источник и один и тот же пользователь.

Конечно, характер этих взаимоотношений может быть разным. Чтобы определить главные виды этих взаимоотношений, необходимо сделать обзор реально существовавших видов государств и установить, какие взаимоотношения они имели с религиозными учреждениями.

В так называемых «больших» восточных государствах Древнего Мира, в государствах-культурах Египта и Месопотамии, можно наблюдать максимальное слияние религиозных и государственных учреждений. Высшая политическая и высшая религиозная власть в них принадлежала одним и тем же лицам. Такая «персональная уния» откладывала свой отпечаток на весь государственный строй. Лучше всего такой строй выражен в Древнем Египте: Фараон был одновременно главой государства, верховным жрецом и даже божеством.

В Древнем Израиле, географически возникшем между этими двумя культурами-государствами, впервые в истории человечества появляются совершенно новые соотношения между государством и религией. Государство Израиля как таковое образовалось после Ветхозаветной Церкви. В Древнем Израиле Церковь не только существовала до государства, но она же и создавала его.

Барух Спиноза считает, что «правление у евреев можно назвать теократическим», ибо «его граждане не признавали никакого иного права, кроме полученного через откровение». (Tractatus Theologico-Politicus, 17, 32). Спиноза отмечает несколько периодов развития это-

го правления. Сначала «евреи... обязались единодушно исполнять все указания Бога, без назначения никакого посредника», так как «они уступили взаимообразно сами себе свои права». (Там же, 17, 33). Это была своеобразная **демократическая теократия**, считает Спиноза. Затем, они передали все свои права вопрошать Бога Моисею. Моисей стал единственным посредником между Богом и еврейским народом. Народ даже не имел права назначить преемника Моисею. Потом сам Моисей раздвоил свои функции, передав первосвященство своему брату Аарону и его наследникам. (Именно в этом назначении царь Иоанн Грозный видит историческое начало «**братской симфонии**» между священной и государственной властями).

Таким образом, говорит Спиноза, были созданы две власти, взаимообразно ограничивающиеся. Религиозная власть толковала законы, но не по своей инициативе, как Моисей, а только в ответ на запросы власти административной. В свою очередь, административная власть должна была править в соответствии с божественными законами и с этими толкованиями. (Там же, 17, 41). Эта административная власть первоначально была раздроблена по племенам. Лев Тихомиров считает, что в начале она еще не была государственной, в полном смысле этого понятия, а только социальной: «Избранному народу сначала было дано основание закона нравственного, состоящее в вере в Бога... (завет Авраама..). Затем, через Моисея, в десяти заповедях, даны основы социального строя, и в законодательстве Моисея дополнены общественные уставы... Но, Моисей, не учреждая царства, предвидел его и заранее указал Израилю... Моисей именно заранее указал **два условия** возникновения **царской власти**: Нужно для этого, во-первых, чтобы сам народ сознал ее необходимость. Нужно, во-вторых, чтобы не народ избрал царя над собою, но предоставил это Господу. Сверх того, Моисей указывает еще руководство и для самого царя: "Когда сядет на престоле царства своего, должен... исполнять все слова закона сего"». (Монархическая государственность. Буэнос Айрес, 1968. Стр. 127 - 129). Другими словами, такая монархическая власть не является абсолютной, но ограниченной и правовой, что обеспечивается симфонией двух властей: государственной и религиозной. Симфония обозначает не слияние и не разделение, а совместное, братское созвучие (благозвучие).

Переходя к другому типу древних государств, который можно назвать типом маленьких государств, государств-городов (полисов), необходимо отметить, что несмотря на все существенные различия

между этими маленькими по размеру «полисами» и колоссальными государствами Египта и Месопотамии, и те, и другие были государствами **религиозными**, как по своему происхождению, так и по своему конституционному строю. Но характер этой религиозности был иным.

В афинском государстве Аристотель насчитывает до него одиннадцать конституционных реформ. После замены монархии архонтами в 683 году (третья реформа по счету), все режимы (аристократия, олигархия, демократия, тирания) чередовались друг за другом, но все они имели несомненный религиозный характер. Во время правления известного генерала (стратега) Перикла (460 - 429), которое на Западе любят называть демократическим (на самом деле оно было авторитарным бессменным правлением одного человека, ежегодно номинально переизбираемого), эта сугубая религиозность Афинского государства была великолепно зафиксирована. Построенный при Перикле Парфенон, с тех пор ставший символом древней афинской демократии, на самом деле был религиозным центром этой демократии, храмом, посвященным Афине, богине покровительнице города. Афинская демократия относилась весьма строго к «преступникам против религии»: Сократ, лучший из людей, по словам Платона, был казнен за подозрение в том, что он «растлевал религиозность» молодежи. Религиозность и сугубый традиционализм в области народных верований были всегда характерными признаками Афинского государства. В монархический период, цари являлись одновременно и верховными жертвоприносителями, но и после отмены монархии был сохранен титул царя (василевса), то есть лица, «распоряжавшегося всеми факельными бегами и заведывавшего всеми традиционными жертвоприношениями», хотя уже без политических прерогатив. (Псевдо-Ксенофонт. Государство афинян, 57, 1).

Приблизительно такой же религиозный характер имело и Римское государство, с самого основания Рима. Этот характер был конституционно зафиксирован, когда Нума Помпилий (716 - 673) был выбран вторым царем Рима, ибо он «славился справедливостью и благочестием», хотя и был иностранцем (сабинянином). Прибыв в Рим, он решил «последовать примеру Ромула» и **получить религиозную санкцию** на верховную власть в государстве, «повелев и о себе вопросить богов». Тогда авгур, чье «занятие отныне сделалось почетною и пожизненной **государственной должностью**», помолился, испрашивая «надежных знамений». Знамения «были ниспосланы

и Нума сошел с места гадания уже царем». (Тит Ливий. История от основания Рима, 1,18). Значит, до этого он еще не был царем, хотя и был уже выбран сенатом и народом.

Цицерон, в своем труде «О государстве» (De republica), утверждает, что вся суть римской государственности заключалась в учреждении Ромулом «двух наивысших основ нашего государства», каковыми являются авгуры и сенат. «**В республике основной и самый важный правопорядок опирается на авторитет авгуров**». (De legibus 2, 31). Таким образом, авторитарный строй римской монархии, а затем и республики, определялся религиозным авторитетом авгуров и политическим «авторитетом отцов» (auctoritas patrum), то есть сенаторов. («Аугурум» и «aукторитас» происходят от глагола augere, увеличивать, приумножать, прибавлять. Цицерон намекает на общий корень этих двух слов). Ортега-и-Гассет обращает внимание на то, что Цицерон ставит на первое место авгуров, а не сенат, что «выявляет тот строгий смысл, который для римлян имела религия... Понятия верований и государства взаимно проникаются». (Ортега-и- Гасссет. О римской империи).

После отмены монархии в 510 году, в Риме сохраняется, как и в Афинах, должность с титулом священного царя, rex sacrorum, чьей функцией является исполнение религиозных ритуалов, раньше совершавшихся царями. Сохраняется и прежняя конституционная фигура междуцаря (interrex), выбираемого сенатом на десять дней во время междуцарствия, для рукоположения нового царя или (после 510 года) новых консулов.

Таким образом, очевидно, что все древние государства имели тот или иной **религиозный характер**, как по своему происхождению, так и по своему конституционному строю. Но дуализм государственных и религиозных учреждений в этих государствах имел разный характер. В Египте религия сливалась с государством, но в этом слиянии религия отчетливо превалировала над государством. В меньшей мере, и в несколько ином виде, приблизительно такое же положение было и в Месопотамии. В маленьких же государствах типа полиса, слияние религиозных и политических учреждений принимало форму включения религиозных учреждений и функций в государство. При таком слиянии, государство превалировало над религией. Лишь в Израиле можно наблюдать **преодоление слияния религии и государства**. Это было достигнуто превращением первоначального религиозного превосходства в **симфонию между церко-**

вью и государством, а не в превосходство государства. Симфония обозначала **неподчинение друг другу и церкви, и государства**. Дуализм оставался, но это был дуализм равноправного **сосуществования, без слияния**.

По мере того, как город Рим превращался во всемирную империю, со включением в нее эллинистических государств, возникших на территориях и частично на традициях древних восточных государств, возглавитель этой империи все более становился похожим на верховных властителей Египта и Месопотамии. Титул императора, бывший когда-то титулом генерала-победителя, сперва превратился в титул единственного народного представителя в государственных делах, а затем и в представителя божества. В конечном итоге, он сам тоже стал божественной фигурой, божеством, почти как и в Египте.

Очевидно, что такое положение было несовместимо с новой ситуацией, после торжества Христианства в Римской Империи. Процесс христианского возрождения выродившейся языческой империи длился около двух веков. Ведущую роль в этом процессе сыграли три императора: Константин Великий, Феодосии Великий и Юстиниан Великий. Последний и является автором закона о симфонии.

2. Хорошее созвучие православия с правильными государствами

Император Юстиниан (527 - 565) подытожил процесс перерождения Римской Империи из языческой в христианскую, найдя подходящий термин, с помощью которого он выразил основное начало нового положения. Более того, он придал четкое юридическое определение этому началу, ставшему основным конституционным принципом Римской Империи, а затем и Русского Государства, начиная со святого Владимира.

Известный византинолог А. А Васильев считает, что «два труда Юстиниана оставили глубокий след в истории человеческой цивилизации и полностью оправдывают данное ему имя Великого. Это его гражданский кодекс и Собор Святой Софии. Интересно, что каждый из этих двух великих трудов был окончен в пятилетний срок».

К тому времени, «Двенадцати таблицам», первому своду римских законов, было уже около тысячи лет. Количество старых римских и новых имперских законов приняло такие громадные размеры, что император Юстиниан решил уложить их в новое собрание.

В 528 году началась работа комиссии десяти юристов (наподобие децемвиров, назначенных в 451 г. до Р. Х. для составления «Двенадцати таблиц»). Уже в 529 году был готов Codex Justinianus, со всеми имперскими законами, начиная от императора Адриана. В 533 году были опубликованы Pandectae, являющиеся сводкой двух тысяч старых римских юридических книг, и Institutiones, руководство по гражданскому праву для студентов. Эти труды были написаны по-латыни, уже непонятной большинству населения восточной части Римской Империи, почему и были сделаны их сокращенные переводы на греческий язык. Так было сохранено «римское право, которое нам дало юридические основные начала, управляющие большинством наших современных обществ». (А. А. Васильев). В дополнение, император Юстиниан составил ряд новых законов, зачастую уже по-гречески, получивших название «Новелл» (Novellae leges). (В 12-ом веке Кодекс, Пандекты, Институции и Новеллы были собраны в один Corpus juris civilis).

«Законодательная деятельность Юстиниана опередила законодательство церковное. Из разрозненных соборных постановлений еще не составилось одного церковного кодекса. Юстиниан... синтетизировал церковные узаконения и обычаи. Например, 123-я Новелла является сводкой всех узаконений об епископах и клириках, 133-я о монашестве и т. д. Эти сводки... положили начало церковному Номоканону или Кормчей.» (А. В. Карташев. Вселенские соборы. Париж, 1963, стр. 538).

В Шестой Новелле, адресованной «Епифанию, святейшему архиепископу царского града и вселенскому патриарху», император Юстиниан впервые четко определил идеал нового соотношения между «священством и царством», как симфонию между ними. Ее текст, по-гречески, по-латыни и на средневековой латыни, занимает 12 страниц современного издания. (Corpus juris civilis. Volumen tertium. Novellae. Berolini MCMLXII. Apud Weidmannos.)

Доктрина о симфонии определена в предисловии этой Новеллы. В русской науке имеется перевод основной части этого определения в следующей формулировке:

«Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, это — священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое со своей стороны

постоянно молится за них Богу. **Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (симфония)**». (А. В. Карташев. Там же, стр. 537. В «Кормчей» дается немного иной перевод).

Из этого перевода Шестой Новеллы ясно видно, что симфония отнюдь не является любым сосуществованием церковной иерархии и государственной власти, ибо она обуславливается конкретными условиями. Однако, набранная жирным шрифтом последняя фраза этого перевода является сокращением, опускающим требование к священству также и «быть верным Богу», и сводящим требования к царству к одному только условию: «пользоваться лишь законной властью». Но суть этого определения заключается в требовании **правильного государственного строя**, с **порядочной властью,** как необходимых предпосылок для доброй симфонии. Буквальный перевод этой фразы гласит:

«Потому, если первое поистине беспорочно и верно Богу, а второе украшено правильным и порядочным государственным строем, между ними будет добрая симфония, которая для пользы человеческого рода предлагается».

Вот полный текст начала Шестой Новеллы по-латыни:

«Preafatio. Maxima inter homines Dei dona a supera benignitae data sunt sacerdotium et imperium, quorum illud quidem rebus divinis inservit, hoc vero humanas res regit earumque curam gerit: quorum utrum que ab uno codemque principio proficiscitur et humanam vitam exornat. Quare nihil imperatoribus aeque curae fuerit atque sacerdotum honestas; si quidem hi etiam pro illis ipsis semper Deo supplicant. Nam si alterum omni ex parte integrum est et fiducia Dei praeditum, alterum ***recte et decenter rempublicam*** *sibi traditam exornat,* ***bonus*** *quidam* ***concentus*** *existet, qui quicquid utile est humano generi praebeat».*

Слова, набранные жирным шрифтом, в греческом тексте гласят: «орфос те ке просиконтос... политиян» и «симфония... агафе». В другом латинском варианте, слово decenter (порядочным) заменено словом competenter (компетентным), а слово «симфония», вместо concentus переведено как consonantia (созвучие).

Выражение «орфос политиян» принадлежит Аристотелю. Употребление такой специфической терминологии в этой Новелле указывает, что ее смысл необходимо толковать именно в смысле определений Аристотеля и всей классической философии политики. Аристотель многократно обозначает этим термином в своем труде

«Политика» три правильных политических строя, в отличие от трех неправильных, или извращенных режимов. (Политика, 1288 а, 34).

Следовательно, слова «recte rempublicam» («правильной республикой») в латинском тексте Шестой Новеллы (являющиеся переводом греческих слов «орфос политиян») означат «правильным государственным строем», а не «римской республикой», тем паче, что в этом же абзаце говорится о «царстве» и о «империи».

Таким образом, в данном случае определение **«правильный** государственный **строй»** уточняет **одно из необходимых условий** для достижения симфонии. Император Юстиниан добавляет к этому условию еще требование Платона (Письмо VII), чтобы такой строй был также **порядочным** (decenter), а по другой латинской версии компетентным (competenter).

Значит, **добрая симфония** (сиречь «благосозвучие») отнюдь не является только лишь согласием между священством и государством, а тем паче **любым согласием**. Достижение согласия зависит от субъективной воли соглашающихся сторон. Но, для доброй симфонии, одной субъективной воли к согласию недостаточно, ибо кроме этого еще необходимо осуществление ряда **объективных предпосылок**.

«Симфония» — это буквально созвучие. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово «согласный» калькирует латинское consonans, или греческое «та симфона». Однако, под словом «симфония» словарь дает буквальный перевод этого греческого слова как «созвучие». «Согласие» нужно было бы перевести на латынь как concordia. Однако, слово «симфония« в Шестой Новелле в латинских текстах переводится как consentus и как consonantia, хотя выражение concordia было в широком употреблении в римской политической и юридической практике. (Цицерон определяет дух римского государства **свободой и согласием**, libertas et concordia, в римском понимании этих понятий). Concordia этимологически происходит от «**сосердечия**», то есть от субъективного, сердечного предрасположения. «Созвучие» же зависит от объективной и точно измеряемой частоты составных звуков. Благозвучные аккорды получаются только тогда, когда составляющие их звуки: 1. не одной частоты, ибо в таком случае получится не аккорд, а унисон; 2. имеют такие разные частоты, которые гармонируют между собой, ибо в противном случае получится не добрая симфония, а какофония, то есть плохое созвучие.

Таким образом, необходимые объективные предпосылки для достижения хорошего созвучия между Церковью и государством, согласно учению (доктрине) императора Юстиниана, можно изложить следующим образом:

1. Добрая симфония Церкви возможна только лишь с каким-нибудь из трех правильных («recte», «орфос») государственных режимов, то есть, согласно определению Аристотеля, с монархией, аристократией, или политией (республикой), или, в крайнем случае, с каким-нибудь смешанным режимом, в котором преобладают принципы этих правильных режимов. Определение симфонии исключает возможность таковой с каким бы то ни было политическим строем, являющимся извращением правильных режимов. Значит, симфония Церкви невозможна ни с тиранией, ни с олигархией, ни с демократией (понимаемой в классическом смысле, то есть как извращение политии, сиречь республики).

2. Кроме того, в рамках такого правильного режима, необходима еще и порядочность («просиконто», «decenter»), или, по другой латинской версии, компетентность («competenter») государственной власти.

3. Добрая симфония, требуя эти два условия от государства, не требует ничего от Церкви как таковой. Церковь, как Тело Христово, не подлежит никаким требованиям, ибо, в данном случае, святой император Юстиниан, адресуя Шестую Новеллу вселенскому константинопольскому патриарху, имеет в виду Православную Христианскую Церковь. Однако, эта Новелла выдвигает недвусмысленные **требования к священству** (духовенству, согласно А. В. Карташеву, «иереон», «sacerdotum»): для того, чтобы симфония была возможна, священство должно быть **благочестивым** («honestas»), **беспорочным** («integrum») и **полностью верным Богу**. Значит, хотя само по себе священство и не является всей Церковью, все же от его качеств зависит возможность доброй симфонии Церкви с государством.

4. В основании этих трех объективных условий для достижения доброй симфонии лежит принцип равнозвучия царства и священства, каждого в своей сфере, ибо «оба происходят от одного источника», оба являются «величайшими дарами Божьими» и оба имеют одну и ту же цель «украшать человеческую жизнь», для «пользы рода человеческого». Именно признание и принятие такого божественного происхождения правильной государственной власти (царства, «василеи», «империума») и является основной принципиальной предпосылкой для симфонии. Очевидно, что отрицание самой государственной властью такого своего происхождения, или тем паче ее **принципиальный агностицизм**, автоматически исключают возможность доброй симфонии. Симфонию также исключает принципиальное непризнание, что оба, и царство и священство (при исполнении обоими всех указанных условий), являются «величайшими дарами Божьими», которые должны «украшать человеческую жизнь».

Из обзора этих необходимых предпосылок доброй симфонии явствует, что она на практике трудно достижима полностью. Кроме того, такая сложная структура необходимых предпосылок для симфонии оказалась одной из причин для ее непонимания, а вследствие этого и ее весьма распространенных совершенно неправильных трактовок.

Однако, являясь идеалом **идеальных соотношений** между церковью и государством, такая симфония характерна тем, что даже если она и не всегда достижима в совершенстве, ее принципиальное признание является одним из важных стимулов и ориентиров для стремления к легитимности государства и к беспорочности священства. А, следовательно, через то и другое, к «украшению человеческой жизни, для пользы рода человеческого».

3. Симфония в истории

Двумя главными видами непризнания симфонии в истории были доктрины цезаропапизма и папоцезаризма. Обе эти доктрины нарушают **принцип равнозвучия** Церкви и государства. Первая доктрина отдает превосходство государству, вторая — Церкви.

Весьма часто высказывались мнения, что в самой Восточной Римской Империи доктрина симфонии частично потерпела фиаско, так как в ней часто практиковался цезаропапизм. Однако, это отнюдь не так. Зачастую такое мнение вызвано недостаточным знакомством с доктриной симфонии и с историей этой империи.

В Восточной Римской Империи доктрина симфонии всегда была идеалом соотношений между церковью и государством. Правда, идеалом трудно достижимым, а посему зачастую так или иначе нарушаемым. Однако, эти нарушения почти всегда были практического, а не принципиального характера. Стремления к цезаропапизму отдельных императоров никогда не смогли вылиться в преобладающую доктрину.

Лишь в восьмом веке императоры еретики (иконоборцы) «в борьбе своей против установленных в церковной жизни обычаев, стремились присвоить себе верховные права в церковном управлении и поставить себя выше власти патриархов». (Н. Н. Алексеев. Идея государства. Издательство имени Чехова. Стр. 220). Однако, после преодоления иконоборческой ереси, уже в следующем веке, в обряде коронования (в Эпинагоге, автором которой, по-видимому, был знаменитый ученый патриарх Фотий), теория симфонии была

снова «классически формулирована», утверждает Н. Н. Алексеев: «Государство в ней уподобляется организму, составленному из многих частей и членов. Царь и патриарх являются двумя главами этого тела, которые в симфоническом взаимном согласии и при полном разделении своих функций управляют государственным организмом». (Там же, стр. 220 и 221). (Вместо «**государственным организмом**» лучше было бы поставить «народным организмом»).

Император Иоанн Комнен (1124 -1130) пишет папе Гонорию Второму:

«Во всем моем управлении я признавал две вещи, как существенно отличныя друг от друга: первая есть духовная власть, которую верховный первосвященник мира, царь мира Христос, даровал свои ученикам и апостолам, как ненарушимое благо... Вторая же есть светская власть, заведующая делами временными и обладающая по божественному установлению одинаковым правом в своей сфере. Обе эти власти... отдельны и отличны друг от друга». (О. Курганов. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской Империи. Казань. 1880. Цитируется по Л. Тихомирову, Монархическая государственность. Буэнос Айрес. 1968. Стр. 152).

На протяжении всей истории Восточной Римской Империи в большинстве случаев можно наблюдать не только принципиальное признание симфонии, как доктрины, долженствующей направлять в правильном направлении соотношения между церковью и государством, но также и практическое сотрудничество между царем и патриархом. «**Великие дела**» (как говорило посольство митрополита Филарета в Польше в 1612 году) в Константинополе **решались совместно** царем и патриархом. Ярким примером может послужить совместное решение о миссии святых Кирилла и Мефодия, для просвещения славян. Это было самым великим совместным историческим делом константинопольской церкви и Восточной Римской Империи. Но даже и несомненно имевшие место столкновения между «священством и царством» в Константинополе своим конечным исходом в подавляющем большинстве случаев подтверждают действительность симфонии.

Блестящий эллинист и специалист по греческой истории, английский историк Арнольд Тойнби, в своем последнем труде (опубликованном посмертно «The Greeks and their Heritages»), приводит «внушительный список» константинопольских патриархов, имевших конфликты с императорами. Причем, подчеркивает Тойнби, некото-

рым патриархам удавалось выходить победителями из этих конфликтов, но, начиная с середины 11-го века, «чаша весов склонилась в сторону церкви». Тойнби утверждает: «В столкновениях римских восточных императоров с константинопольскими патриархами, первые выиграли много сражений, но не выиграли ни одной войны... Даже в тех случаях, когда принесенный в жертву патриарх не получал личного удовлетворения, с прошествием времени обычно побеждало то дело, за которое он принес себя в жертву». Тойнбы поясняет, почему так получалось: «В религиозных вопросах, восточные римские императоры в конечном итоге всегда терпели поражение, когда их политика отходила от **преобладающего народного чувства**». (Цитаты по изданию на испанском языке: Arnold Toynbee. Los griegos: Herencias y raices. Mexico , 1988. Стр. 298, 121, 119). Значит, **конечным арбитром** в конфликтах между императорами и патриархами **был православный народ**, так как и царство и патриаршество были институциями одного и того же народно-общественного организма.

Даже профессор Н. Заозерский, сильно критиковавший византийскую систему, признает в конечном выводе: «Выступления императоров за пределы их власти в сферу церковной жизни были далеко не обыкновенным делом.... Каждый раз, когда императорская власть касалась важных сторон церковной жизни, она встречала резкий отпор со стороны представителей Церкви и каждый раз в конце концов победу одерживала Церковь и никогда император». (Н. Заозерский. «О церковной власти», стр. 303 -304. Цит. по Л. А Тихомирову, там же, стр. 161).

На основании некоторых конкретных примеров, приводимых Арнольдом Тойнби, можно придти к заключению, что конфликты между императорами и патриархами в Византийской Империи зачастую даже вызывались самой системой симфонии, в моменты, когда ее существование оказывалось под угрозой, из-за нарушения тех или иных обуславливающих ее предпосылок. В таких случаях происходила здоровая реакция, в большинстве случаев со стороны церковного руководства, считавшего, что, если добрая симфония существенно нарушалась, то в таком случае нет необходимости скрывать этого, делая вид, что якобы все идет нормально. **Если нарушается подлинная внутренняя симфония, то и нет нужды сохранять видимость внешнего согласия.** Таким образом, нарушение симфонии вело и к потере внешнего согласия (консенсуса), что в свою очередь **заставляло нарушителей** рано или поздно **восстанавливать сим-**

фонию, дабы вернуть согласие и мир. Например, патриарх Полиевкт (956 - 970) отказался короновать императора Иоанна Цимисхия до отмены закона императора Никифора Второго (от приблизительно 964 года), согласно которому для рукоположения епископов требовалось императорское согласие. (Hubert Jedin, Hanbuch der Kirchengeschichte. Испанский перевод: Manual de historia de la Iglesia. Barcelona, 1987. Tomo 3, p. 626).

Для более совершенного понимания этой **мировоззренческой** и одновременно **конституционной системы**, необходимо не упускать из виду, что симфония отнюдь не сводилась к отношениям между римскими императорами и константинопольскими патриархами. Симфония не была внутренним делом только лишь восточной половины Римской Империи, а тем паче внутренним делом только лишь константинопольского патриархата. **Симфония существовала между империей и всеми пятью патриархатами Христианской Церкви.**

Во время императора Юстиниана Великого все эти патриархаты находились на территории Империи. Однако, ровно через сто лет после опубликования Шестой Новеллы, сразу после смерти Магомета в 632 году, начинается мусульманская экспансия, которая уже к 650 году приведет к потере для империи территорий, находившихся в юрисдикции Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского патриархатов. В 669 году пал Карфаген, а к началу восьмого века вся христианская Африка оказалась под мусульманами. Из Африки и Азии мусульмане попытались ворваться и в Европу, на востоке и на западе. В 718 году арабы держали в течение целого года под осадой Константинополь, но город не сдался. Его защитник, «император Лев Третий таким образом стал спасителем Христианства». (Hubert Jedin, op. cit. p. 57). Через четыре года, в 722 году, победа в Ковадонге астурийских войск над арабами обеспечила сохранение в Испании этого маленького христианского королевства, откуда затем и начнется испанская «реконкиста» Испании.

В результате этих макроисторических перемен в тогдашнем мире, полностью изменилось и геополитическое положение всего христианского мира. Его центр тяжести стал перемещаться с северных, восточных и южных берегов Средиземного моря на северо-запад, во внутренню часть Западной Европы, а затем также и на северо-восток, в Россию. В Западной Европе наступает период гегемонии бывших варварских королевств над остатками Империи. В

рамках этих процессов и происходит **отход римского патриархата (папства) от Империи** и его сближение с франкским государством, в конечном итоге приведший к **потере симфонии**, а затем и к искажению Символа Веры, на территории его юрисдикции, в результате чего и произошел раскол 1054 года.

Однако, идея такой «апостасии» (отступления), как именуют некоторые западные авторы этот отход римской поместной Церкви от Империи (там же, стр. 61), была трудно осуществима, потому что еще в восьмом веке «Империя была не только политической действительностью, но также и духовной, в рамках которой папы жили не менее, чем императоры, несмотря на возникавшие конфликты». (Там же, стр. 57). Из тринадцати пап между 678 и 752 годами, одинадцать были греками, сицилианцами или сирийцами. Именно в это время Рим перенимает с Востока четыре великих Богородичных праздника: Введение во храм, Благовещение, Успение и Рождество Богородицы. Папа Захарий еще в 742 году извещает императора и константинопольского патриарха о своем избрании и посылает им свое исповедание веры. Юридически формально симфония между Империей и Римской Церковью подтверждается чеканкой папских монет с изображением царствующих императоров и датировкой папских писем и документов годами царствования константинопольских василевсов.

Лишь в 781 году впервые появляются монеты с папскими изображениями и папские документы, помеченные годами папы. В этот момент оформляется конец симфонии между Римской Церковью и Империей и начинается многовековая тенденция **папоцезаризма** на Западе, переметнувшаяся затем в противоположную тенденцию **цезаропапизма**.

По-видимому, именно этот момент имеет в виду английский историк Арнолд Тойнби, когда он пишет в начале своего многотомного исторического исследования, что Западноевропейская цивилизация начинается с конца восьмого века: «До этого мы еще видим на ее территории имперские структуры». Ф. М. Достоевский, в «Легенде о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых», влагает в уста Великого Инквизитора в 16-ом веке утверждение, обращенное к самому Спасителю, что «мы давно уже не с Тобою, а с ним, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад, как мы взяли от него (от "страшного и премудрого духа") Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными». Инквизитор упрекает Спасителя, что Он отказался пойти на три искушения «страшного и премудрого

духа», поклониться ему и получить власть над всем миром, при «**всемирном соединении**». (Экуменизме?) Для этого «**мы должны будем лгать**», - говорит Великий Инквизитор.

Таким образом, прямой причиной этой коренной перемены было искушение двойной властью, церковной плюс государственной, в одних руках Папы Римского.

В 750 году король лонгобардов Астольф оккупировал Равенну, столицу имперского экзархата в Италии, а в 752 году начал экономическую войну против Рима. В 753 году папа Стефан Второй заключает союз с франками против лонгобардов. В 754 году папа короновал королями франков Пипина Короткого и его сыновей Карла и Карломана, дав им всем также имперский титул "римских партициев". Так как последнее являлось прерогативой императоров, историки спорят, были ли даны эти титулы по поручению императора, или же это было нововведением, с претензией папы на право давать светские государственные титулы. Франки ворвались в Италию, и в том же 754 году король лонгобардов капитулировал. Однако, и после этого войны между франками и лонгобардами продолжались дальше, при одновременной смуте в Риме. В результате борьбы между партией римского высшего клира (proceres ecclessiae) и военной римской партией (iudices militiae), в 767 году на римский престол взошел папа Константин Первый, который затем был изгнан и ослеплен. После смерти Пипина, королем франков стал Карл, который, после заточения, а затем и смерти своего брата Карломана, прибыл в 774 году в Рим, где папа его крестил. В этом же году было ликвидировано королевство лонгобардов, а сам Карл 17 июля 774 года впервые употребил титул «короля франков и лонгобардов и римского патриция» (Rex Francorum et Langobardorum atque Patricius Romanorum). Юридически это обозначало включение в государство франков не только прежних владений лонгобардов, по праву выигранной войны, но также и незаконное включение в это королевство территорий, принадлежащих Империи, до этого оккупированных лонгобардами. Причем, такое присвоение имперских территорий сопровождалось также и парадоксальным (и незаконным) присвоением имперских титулов. Все это при соучастии папы, в надежде, что все имперские территории в Италии будут переданы в полное владение (а не только в церковную юрисдикцию) римскому патриархату. Этим самым наносился смертельный удар симфонии на Западе, так как две власти, разде-

ленные в Ветхом Завете еще Моисеем, а в Новом Завете законом святого Юстиниана Великого, снова сливались вместе.

Такое отступление «де факто» от симфонии было вскоре дополнено и отступлением «де юре», с помощью подлога, известного в истории под именем «дара Константина» (Constitutum Constantini, или Donatio Constantini).

Передав в 756 году папе часть имперских владений в Италии и положив этим начало светским владениям римских епископов, Пипин Короткий, а затем и его сын Карл, не выполнили однако всего обещанного во время войн с лонгобардами. Часть обещанных папе территорий они оставили себе. И вот, в 778 году папа Адриан обращается с письменной просьбой к королю франков, чтобы он полностью исполнил свое promissio (обещание) и дал папе обещанные территории. Свое письмо папа Адриан сопровождает ссылками на подложный документ, якобы выданный императором Константином Великим римскому папе Сильвестру.

Согласно этому подложному документу, Константин Великий своим имперским правом дал папе «вселенский примат». Такое утверждение весьма интересно, ибо подтверждает доктрину Четвертого Вселенского Халкидонского собора, что «престолу ветхаго Рима прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град». 28-ое правило этого собора, содержащее это определение, долго не признавалось Западной Церковью. Константин Великий якобы дал папе еще знаки императорского достоинства и суверенитета, а также «город Рим и провинции, места и города Италии». Римский клир получал права и привилегии римского сената, а сам император Константин покидал Рим и переходил в Константинополь, чтобы «глава христианской церкви» имел «власть земного императора» («imperator terrenus potestatem»).

Через полтысячелетия, эта порочная доктрина достигла своего апогея в булле «Unam Sanctam», в которой папа Бонифаций Восьмой (1294-1303) провозгласил государственную (светскую) власть римских пап над всеми христианами в мире. (Между прочим, римские епископы, несогласные с «догматом о папской непогрешимости», ссылались на Первом Ватиканском соборе в 1870 году на эту папскую буллу, как на пример папской погрешимости. Ибо, если папы непогрешимы, то и эта булла должна была бы быть непогрешимой, говорили они.)

Так, притязанием на то, о чем было сказано: «Отдайте кесарево

кесарю», в погоне за властью и за территориальными владениями, нарушалось указание Спасителя, что «царство Мое не от мира сего». Это был конец симфонии на Западе.

Такое **порочное слияние** религиозно-духовных и геополитических интересов Римской Церкви продолжает сохраняться и после потери ею территориальных владений в Италии, вследствие объединения Италии в одно государство в прошлом веке. Латеранский договор в 1929 году с правительством Муссолини закрепил территориальный суверенитет Ватикана, чье правительство продолжает преследовать гласные и негласные геополитические цели, особенно на территориях православных народов, как-то в России и на Балканах, нарушая этим правило апостола Павла, указанное им как раз в его Послании Римлянам: «Я старался благоветствовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании». (Рим. 15, 20). Конечно, политическими союзниками в этом деле сегодня стали, вместо франков и норманнов, другие силы, зачастую отнюдь не христианские. Но зато, тоже антиправославные.

От такой доктрины, на основании подложных документов, пострадала больше всего сама Римская Церковь. Причем, еще долго сохранявшееся православное сознание среди верующих на Западе весьма ясно это выражало. Данте Алигиери в «Божественной комедии» восклицает:

Ahi, Constanin, di cuanto mal fu matre,
Non la tua conversion, ma quella dote
Che da te presse il primo ricco patre!
Ай, Константин, как плохо было сделано,
не твое обращение, но тот дар,
который от тебя получил первый богатый отец!
(Ад. Песнь XIX, стихи 115-117).

E qual esce di cuor che se rammarca,
Tal voce usci dal cielo e cotal disse:
“O navicella mia, com'mal'secarca!”
И как из сердца стенающего,
так глас с неба сошел и сказал:
“О суденышко мое, как плохо ты нагружено!”
(Ад. Песнь III, стихи 127-129).

Под суденышком тут подразумевается Церковь, а под ее плохим грузом «дар Константина». Но не только такой гений, как Данте, понимал порочность этого «дара». Сам верующий народ это тоже сознавал. Согласно народной легенде, в день «дара» раздался громкий голос с неба: «Сегодня разлился яд в Церкви Господней». («Hodie diffusum est venenum in Ecclesia Dei».)

Конечно, ни Данте, ни народ не знали, что «дар Константина» был фальсификацией и не соответствовал исторической правде. Поэтому, вся вина за «разлитый в Церкви яд» и за «плохой груз», наложенный на Церковь, возлагалась на императора Константина, что, в свою очередь, вызывало вторичную горечь, ибо все сознавали, что заслуги этого святого императора перед Христианством весьма велики.

Эта мистификация поддерживалась еще довольно долго. Через двести лет после смерти Данте и через семь веков с лишним после первого упоминания «дара Константина», папа Лев Десятый заказал в 1520 году Рафаэлю четыре большие фрески для зала святого Константина в Ватикане. На одной из них должна была быть представлена сцена «дара Константина». Фреска была затем сделана учениками Рафаэля.

Однако, это было уже во время противоположной, но неверной реакции кидания из одной крайности в другую: протестантизма, а вместе с ним и **цезаропапизма**, каковой сохраняется юридически формально и по сей день в Англии, где королева официально объявлена «главой Церкви».

Цезаропапизм (и его подсобное явление «секуляризации») затем, к сожалению, затронул частично и Россию, хотя сама доктрина святого Юстиниана Великого принципиально никогда не была отменена. Это произошло одновременно с искажением коренной русской соборной монархии, под влиянием западноевропейского абсолютизма, затем переметнувшегося в либерализм. Но все же, практические повреждения симфонии были настолько значительны, что, несомненно, тоже сыграли свою роль в гибели Православного Царства в России. Восстановленное, уже после падения Империи, патриаршество, еще успело до его насильной ликвидации предать анафеме безбожную и богоборческую власть, чем и была исключена всякая возможность провозглашения какой бы то ни было замаскированной **лжесимфонии** между этой властью и той или иной частью священства. Осталась только лишь возможность попыток искушения несведущих разными какафониями.

Какой ответ заслуживает вопрос, можно ли будет в России восстановить симфонию? По сути, такой вопрос не является логичным, ибо наличие или отсутствие симфонии является всего лишь последствием наличия или отсутствия **определенных конкретных объективных условий**. Если в России будут восстановлены, хотя бы и поэтапно, условия для симфонии, то в тот момент, когда все эти предпосылки **станут полнозвучными, их созвучие и будет симфонией.**

Петр Плонин

РОССИЯ

Зарастают поля, на которых вставала пшеница,
Вымирает деревня, в которой родился и рос.
Мне приятно вдвойне здесь увидеть знакомые лица
И пройти по траве, замирая от холода рос.

По-калужски в реке искупаться в рассветную пору,
Одичавшим лошадкам дорогу свою уступить…
Пустыри да погосты от селений останутся скоро,
Да святые ключи, из которых уж некому пить.

Как я счастлив, что вижу пока что всё это живое!
Из семидесьти хат только в двух еще теплится дым.
За водою к колодцу зимою ходить будут двое…
Прежде я им чужой, возвратившись для них стал родным.

В шумном городе позже должно быть ночами взгрустнется,
Что не в силах родную деревню от смерти спасти,
Где табун облаков в тишине в чистых водах пасется,
Зарастают березами пашни - грусти не грусти.

И Россия на время пригнулась, притихла!
Уж деревни терять приучила Советская Власть…
В отголосках кровавых безбожного красного вихря
Ей самой бы остаться в живых, до конца не пропасть.

Август 2003 г.

А. Г. Денисенко

ТРАДИЦИИ

Слово это особенно дорогое для слуха читателей и сотрудников наших кадетских писем. И вместе с тем, увы, как часто им вокруг злоупотребляют. Говоря о традициях, мы, разумеется, имеем в виду те ценности, которые могут быть в них заключены, то есть ценности морального порядка. Поэтому больно и совестно, когда под термин «охраны традиций» стараются подвести пассивность, бездумность, безыдейность или суетное тщеславие.

Хранить традиции дело не только не легкое, но наоборот, весьма ответственное и не допускающее скольжений по «линии наименьшего сопротивления». Иначе получается карикатура, о которой и говорить место разве лишь в сатирическом журнале. Не случайно, что один из известнейших в зарубежье юмористических журналов, выходящих до последней войны, был задуман и осуществлен бывшими кадетами. В этом журнале весьма едко «продергивали» многие недуги эмиграции и, в частности, касались и некоторых способов «хранить традиции» - балами, чашками чаю и склоками на почве личных амбиций. Как известно, кадеты не враги ни балов, ни рюмки водки, но в то же время, чутко относясь к традициям, морально не принимали, когда под это дорогое им слово хотели подсунуть пошлость.

Кстати, слово «пошлость» имеет прямое отношение к традициям: пошлость стремится разрушить традиции, традиции уничтожают пошлость. Окружающая нас современность полностью утратила понятие о традициях. Поклоняясь идолу мгновенного успеха, достигнутого на любом поприще любой ценой (идеал, трогательно роднящий нынче Восток и Запад), современность отвергает все качества, из которых складывается образ рыцарства. Сохранение же

этого образа и передача его более молодым, хотя бы в форме традиций, уже само по себе является великим делом, сияющим немеркнущим светом даже и в тех проявлениях, которые для современно-утилитарного взгляда могут показаться и донкихотскими…

Только те из традиций жизненны, в которых живо вложенное в них **нравственное содержание**, или, точнее говоря, носители данной традиции имеют силы действовать вопреки эгоистичным побуждениям, во имя ценностей надличных, высшего порядка. Как только нравственное содержание традиций исчезает, традиции, в лучшем случае, обращаются в мертвый ритуал, а зачастую могут обернуться и полной своей противоположностью. Если кто хочет иметь примеры, пусть ищет их в окружающей жизни, мы же воздержимся от «тыканья пальцем», ибо последнее тоже противно хорошим традициям.

Совершенно вздорный взгляд, что традиции враждебны поступи истории вперед. Это логический абсурд, ибо традиции – это неотъемлемая составная часть истории, свойством которой является движение к новым формам. Но новое рождается в старом, и элементы прошедшего заключены в настоящем и будущем. Тот, кто не ценит и не понимает истории, отрицает значение традиций. Но тот, кто только упирается вспять, тот не понимает традиций, ибо зачем их иметь и охранять, как не для передачи в будущее, а если таковое отрицать, то зачем же огород городить?..

Когда мы говорим о нашем отношении к традициям, рождается мысль: правильно ли мы выражаемся, утверждая, что мы их охраняем? Не наоборот ли: это они нас сохраняют, оберегая в нас гражданский облик, не допуская нашего превращения в мельничную пыль, падающую из-под тяжелых жерновов пережитых нами событий. А от нас зависит лишь выбор: пройти ли мимо них, будучи занятыми будничными проблемами, или приобщиться к ним, почерпнув в них силы, достоинство и уважение к себе и к своему.

Традиции нас учат помнить, что не мгновенный и мимолетный успех определяет конечный успех исторических событий, и что подлинная доблесть – при самых неблагоприятных обстоятельствах не потерять души и сохранить мужество. История не знает случаев, когда бы проявления подобной доблести не были бы вознаграждены в конечном итоге по заслугам.

Приходится также слышать: «Ну что ж, возитесь с вашими традициями, тешьте себя, насколько можете, но не думайте, что это может иметь какое-либо значение для России. Современная Россия, хорошая или плохая, но она совсем изменилась, и все прошлое для нее мертво и похоронено». Не станем спорить с тем, что воздух состоит из кислорода и азота, но не поверим и тем, кто утверждает, что жизнь – это вдыхание кислорода. Приведем только для примера, вернее, напомним читателям отрывок из письма кадета, волею судьбы оказавшегося за железным занавесом, в родных ему местах, которое было напечатано в 15-ом письме:

«Осматривал Петропавловскую крепость и Петропавловский собор... На могиле Петра лежат свежие цветы. Как объяснил экскурсовод, ленинградцы чтут основателя своего города и цветы на его могилу приносят часто. На ограде сделана даже специальная полочка для цветов...»

Какая ирония! Ленинградцы, то есть жители города Ленина (официальная номенклатура, ставшая привычной), чтут основателя города. Кого? Императора Петра Первого, создателя Российской Империи и Российских Армии и Флота, которого коммунистическая власть обворовала, передав имя его города-детища тому, кто уничтожил и Империю, и Императорские Армию и Флот. И настолько упорно кладут на царскую могилу цветы, что пришлось сделать специальную полочку на ограде...

В этой иронии – вся трагическая судьба русского народа и ключ к пониманию его душевного состояния. И это не единственный пример. Многое из приходящего к нам «с той стороны» свидетельствует о том, что ничто так не привлекает внимания современного русского человека, как осмысление пройденного Родиной исторического пути, и именно в том виде, как то открывает подлинная история, а не коммунистическая пропаганда, набившая всем оскомину.

И наоборот, ничто не свидетельствует о враждебности к прошлому (мы говорим вообще о русских людях, а не о прихлебателях власти), в отношении к которому ушла острота политических страстей (в гораздо большей степени, чем в эмиграции, как старой, так и новой), и осталось то, что было бы правильнее всего назвать уважением к исторической традиции.

Пусть сегодня эта традиция понимается неполно, бледно и иногда в искаженном виде, но она присутствует вопреки всем попыткам коммунистической власти ее искоренить. Присутствует она даже в той среде, к каковой следует отнести «суворовцев», которые не могут не чувствовать где-то в себе нитей, связующих их с традициями славных Императорских Кадетских корпусов. А что уже говорить о миллионах тех, кто никогда и ни под каким предлогом советской власти не воспринимали.

Таким образом, труды Кадетства, оберегающего свои славные традиции, достойны и оправданы в плане историческом. И если Бог даст нам счастье дожить до времени, когда Россия станет свободной, даже тем из нас, кто по возрасту не сможет ничего в нее принести, кроме верности высоким традициям, будет, что сказать и чем поделиться. И найдутся слушатели, которые поймут и оценят.

Но, конечно, этим слушателям будут ценны не внешние формы прошлых традиций, а вложенное в них духовно-нравственное содержание, увлекающее к идеалам Доблести, Добра и Красоты.

(«Кадетское письмо» № 16, Буэнос-Айрес, июнь 1959 года.
Автор – кадет Крымского Кадетского Корпуса).

НАША СИМВОЛИКА И НАШИ ТРАДИЦИИ

Слово “символика” происходит от греческого слова “симболон” (знак, вещественное изображение чего-либо отвлеченного), в свою очередь происходящего от глагола “симбаллеин” (складывать, сбрасывать или собирать вместе). Первоначальное значение этого понятия было “собрать вместе разбитый на части предмет” (например, круг или цепь). Когда в древности люди уходили куда-то в дальние походы, то каждый нес по кусочку разбитого на части общего знака. Возвращаясь, и не всегда сразу узнавая друг друга, они собирались и складывали вместе эти кусочки, и, когда восстанавливалась целостность общего знака, говорили: “Мы снова все вместе, и среди нас нет чужих”. Значит, это был своего рода военный “пароль и отзыв”. Получается, что символика тесно связана с военным делом. (Между прочим, слово “пароль” тоже отдаленно связано с корнем, лежащим в основе слова “символ”).

Символика — это цепь из прошлого в будущее. Враги Христовы, и враги наши, враги всех православных государств — и в первую очередь русского и сербского — уже много лет стараются эту цепь разорвать. И они ее все время разрывают. Сначала они боролись с Византией — восточной частью Римской Империи — и им все-таки удалось ее погубить. Сегодня они борются с русским народом, с русскими традициями, и с сербским народом... Но они нашу цепь разрывают, а мы ее снова постепенно воссоединяем и восстанавливаем. И верим, что Господь сжалится над нами, смилуется, видя наши труды, наше старание, наше желание, нашу добрую волю эту цепь восстанавливать, и не допустить, чтобы она была окончательно прервана.

Мы приурочили открытие нашего Кадетского зала ко дню святых благоверных и благочестивых царей Константина и Елены. Это был праздник Крымского Корпуса и шефский праздник Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, в Югославии, в котором учились почти все присутствующие здесь кадеты. Это шефский праздник, потому что это был день ангела Великого Князя Константина Константиновича. И вообще этот праздник для нас — для каждого кадета — очень ва-

жен, по многим причинам. Одну из этих причин, чисто кадетскую, я назову: в душе и сердце каждого кадета живет (может быть, иногда только подсознательно) любовь, по крайней мере, к трем Константинам.

Во-первых, к самому святому царю **Константину Великому**, который впервые создал православную империю и который положил предел тому безобразию, тому упадку, той дегенерации — духовной, моральной, интеллектуальной, государственной и общественной — которые царили в те времена в Римской Империи. Он преобразил эту империю. Чем? Одним только лишь словом, одним только лишь знаком, одним только лишь символом — символом Креста Господня. С того самого момента, когда он, следуя видению, явившемуся ему, сказал: "**Сим победиши**", крест стал имперским стягом Римской Империи (сначала всей, а потом только лишь ее восточной части, когда западная пала). И до сих пор греческое государство сохраняет в своем флаге и гербе этот крест, а также его имеет и сербский герб. На военных знаменах Российской Империи было изображение Христа Спасителя. И пока мы шли за такими знаменами, наша армия была победоносной. И теперь подлинное возрождение России возможно только таким путем.

Второй Константин, без которого нас бы не было, нашей культуры бы не было, и я даже вам ничего сегодня не мог бы сказать, — это наш Константин Философ, святой Кирилл в монашестве, который создал нашу азбуку, кириллицу, для нас — русских, сербов, болгар, а также и создал наш замечательный, единственный в мире церковнославянский язык. Без которого не было бы и нашего русского литературного языка.

Третий Константин — это наш **Великий Князь Константин Константинович**, который был начальником военных учебных заведений в России до 1915 года, и который оставил нам 12 заповедей товарищества, являющихся кульминацией наших русских военных традиций.

Вот эти три Константина сегодня именинники, и мы их вспоминаем и хотим их примеру, насколько возможно, подражать.

Теперь я хочу сказать пару слов о значении кадетских корпусов. Кадетские корпуса были такими учереждениями, в которых русское государство пыталось дать цельное, целостное, интегральное воспитание. В первую очередь — христианское и духовное, во вторую — интеллектуальное и патриотическое во всех отношениях. Эта идея

целостного воспитания тоже происходит из Византии, а Византия унаследовала ее от Древней Греции: от Платона, от Аристотеля.

Платон говорил, что для того, чтобы государство благоденствовало, чтобы народ был счастлив в этом государстве, им должны править не любые люди (скажем — не любая кухарка), а только **специально для этого подготовленные граждане**. Платон отмечал для этого три необходимых условия: 1. Эти люди должны быть хорошо воспитанными и хорошо образованными. Причем, в процессе обучения они должны жить вместе, в **общежитии**. Воспитание должно быть цельным и полным: религиозным, моральным, интеллектуальным, музыкальным, художественным, спортивным и военным. 2. После окончания такого образования, воспитанники таких общежитии должны служить несколько лет государству как **воины**. 3. Лучшие из воспитанников и воинов должны затем обучаться еще и философии, то есть **мудрости**, а не только наукам. Лишь после этого они будут полностью культурными людьми, и **только лишь они могут править государством**, возглавлять его. Фактически, жизнь в общежитии, при хорошем воспитании и образовании — это как раз и была жизнь в кадетских корпусах. Слово "кадет" происходит от уменьшительного "капдет" на гасконском наречии, производного от латинского "капителлум", что значит "маленький капитан" или "маленький глава".

Сегодня же всякий сброд захватывает мафиозными, бандитскими и обманными путями государственные и общественные рычаги и хочет всеми править! Но мы должны стремиться к возрождению нашей страны. Правда, на это сейчас часто отвечают: "Да, но это невозможно!" Я с этим категорически не согласен. В прошлом году я читал в монастыре в Джорданвилле перед семинаристами доклад о "Симфонии между Церковью и государством", в котором, в частности, я сказал: "Преображение Римской Империи произошло, потому что армия решила это преображение произвести и потому что в армии было много христиан (точно неизвестно, сколько, но во всяком случае гораздо больше, чем в остальном населении). Армия пошла за императором Константином. Но не только за ним. В армию в процессе селекции попадали лучшие. Но уже там, среди военных, происходила, в свою очередь, вторая селекция, выделялись лучшие из лучших, которые становились вождями. И вот эти **лучшие** почти все **были христиане**. И армия пошла за христианами... Даже те, которые не были христианами... Потому что они говорили: "Они лучше нас!" А для военного человека это удовольствие — идти за лучшим

(а не за худшим). Ведь военный, какого бы ранга он ни был, хочет, чтобы первый был самым лучшим. Вот эти самые лучшие во главе с императором Константином возглавили армию и перевернули и преобразили всю империю.

И этого нам нужно добиться сейчас в России. Нам много говорили о "перестройке". Но во что она вылилась? Перестройщики — это **оборотни**. Эти волки и удавы превратились в ядовитых змей и говорят: "Мы теперь другие, мы теперь демократические". Это перестройка оборотней, это не преображение и подлинное возрождение России. Оборотни переметнулись — они умеют переметываться. Но мы хотим возрождения через **преображение**.

И вот мы хотим, мы стараемся какими-то путями внести нашу малую лепту в этот возможный процесс будущего преображения. Для этого мы и создали этот зал; на это направлено все, что делают вообще все кадетские объединения во всем мире... Вот уже в России восстанавливаются кадетские корпуса. Они, конечно, еще несовершенны. Они еще не такие, как наши. Но и это чудо! А разве чудеса обрываются на половине пути? Кто бы сказал 20 лет назад, что это будет возможно? Значит, мы все-таки сможем кому-то что-то передать...

Главное, чтобы они имели нашу символику. Вот они носят, например, наши бляхи. А на бляхе изображен наш двуглавый орел в сиянии. Это все тот же двуглавый орел святого благоверного царя Константина Великого, чей день мы сегодня празднуем. А затем, начиная с великого князя Иоанна Третьего и всех наших благоверных государей, Россия унаследовала от Византии этот римско-византийский герб. И унаследовала скипетр и державу. И вот эта русская военная бляха, в натуральных цветах, но сильно увеличенная, и занимает центральное место на этой стене с кадетской символикой. А над ней высится наш двуглавый орел, с распростертыми крыльями, со скипетром и державой. Над державой — крест, как и над коронами. Пока в мире был православный царь во главе православного царства, это царство крепко держало крест над миром, и этим самым удерживало весь мир от падения в пропасть. Поэтому православный царь и был тем Удерживающим, про которого говорит апостол Павел в своем Послании Солунянам.

Сербский и югославянский орел тоже двуглавый, но он белый, чтобы не быть одинаковым с византийским. Югославянский королевский орел не имеет скипетра и державы, поскольку он не претендует на царскую власть. В мире только один православный царь

— это был сначала римский император, потом византийский василевс, а затем русский царь. Сербский король не претендовал на это место, но он тоже сыграл большую роль в истории человечества. Я имею в виду нашего югославянского короля Александра Первого. Его портрет тоже есть в нашем зале, потому что он, во-первых, был кадетом — учился в Пажеском корпусе. А во-вторых, он был хорошим православным сербом. А хороший православный серб — это все равно, что сказать "хороший православный русский". Он позволил — единственный случай в истории мира— чтобы 3 кадетских корпуса и одно военное юнкерское училище другого государства могли продолжать существовать на территории Югославии. И так с 20-го года до 44-го, почти что четверть века, в Югославии просуществовал наш Русский Кадетский Корпус. Все Кадетские Корпуса за это время выпустили приблизительно от 2500 до 3000 кадет, из которых сейчас в живых осталось, может быть, 10 процентов (есть подсчеты, что в мире еще осталось 200-300 кадет). Тут у нас в Аргентине сейчас 19 человек...

Но какую роль играли вообще кадеты в жизни русской эмиграции? Я говорю "в эмиграции" — **в белой политической эмиграции**. Среди них были и есть епископы, священники. Вот наш о. Владимир — тоже кадет. Протоиерей о. Сергий Иванов, настоятель прихода в Темперлее (в другом буэносайресском пригороде) — тоже кадет. Наш Первоиерарх русской Православной Зарубежной Церкви митрополит Виталий — крымский кадет.

Таким образом, если бы король Александр не позволил, чтобы эта свеча горела дальше в Югославии — свеча хорошего, христианского, православного, цельного, интегрального воспитания, — то нас бы, вообще бы эмиграции сейчас не существовало. Если проследить жизнь эмиграции после войны, после 1945 года, то она была бы без кадет не той, она была бы гораздо более бесцветной, гораздо более тусклой и даже, может быть, в некоторых местах не могла бы существовать.

И какую тоже роль сыграла эмиграция в Югославии! Там после 25-го года было от 60.000 до 100.000 эмигрантов. Югославянская часть русской эмиграции сохранила свой национальный, свой православный, свой настоящий патриотический русский дух. Целостный. И это была своего рода закваска, которая дала рост всему тесту. И в этом король Александр, которого потом погубили те же силы, которые погубили и нашего царя, сыграл большую роль. Без его помощи

наша эмиграция совершенно иначе бы выглядела. Не было бы и тех 2500 кадет. И мы, может быть, не донесли бы этой свечи до России.

А мы все-таки ее доносим постепенно. Мы передали ей наши погоны, наши бляхи, мы передаем ей наши традиции. Мы **не навязываем**, но мы **показываем**. Мы говорим: "Вот это **русские традиции — настоящие**. Это не мимикрия, не мистификация, не камуфляж, не обман. Это не камень вместо хлеба, не змея вместо рыбы."

Как говорил директор нашего корпуса генерал-лейтенант Б. В. Адамович, "суть традиций не в формах, а в **смысле** форм". И что такое для нас традиции? Генерал Адамович их точно и недвусмысленно определил: "Традициями называются лучшие нравственные правила и убеждения, воспринятые от предшественников, хранимые современниками и передаваемые преемникам. Имени наших традиций достойны лишь правила добрые и чистые и убеждения, охраняющие верность старой национальной великокняжеской и царской России и Российской Империи".

Сейчас в России орудуют разные люди и толкуют, что, мол, это было так, а то не так... Нет. Мы говорим: "Это было так". Ведь мы являемся свидетелями. А свидетельство — важная вещь и в истории, и в христианском учении. Мученики Церкви Христовой были свидетелями, по-гречески "мартири", "мартирес" по-испански. Они были свидетелями Правды Христовой. И мы свидетельствуем о том хорошем, что было у нас в России. А без этого хорошего Россия вообще не сможет и существовать.

Мы сделали и положили в этом Зале три больших альбома. В одном — материалы о Царской Семье, в другом — о Белом Движении и в третьем — о кадетских корпусах. На одном из альбомов мы сделали надпись о том, что наше Объединение завещает нашим детям, внукам или кому-то из наших потомков передать в дальнейшем все эти материалы в Россию лучшему из корпусов, который там будет. А мы верим, что будет. А если не будет, то не будет и подлинной России — тогда и передавать нет смысла никому ничего.

Я уже однажды говорил, что мы являемся знаменщиками, что мы возвращаем нашу символику, наши знамена, наши традиции в Россию. Потом мне сказали: "Знаменщики были лучшие, а мы уже не лучшие. Лучшие давно умерли — остались худшие". Я на это ответил: "Да, я с этим совершенно согласен, что все, кто были до нас, были гораздо лучше нас. В этом нет никакого сомнения." Это не шутка, не анекдот — это факт. Но это как на войне. В русской армии знамен-

щиками были лучшие унтер-офицеры, во время Гражданской войны — лучшие младшие офицеры. Но когда знаменщик в бою падает, то знамя подхватывает любой другой офицер или унтер-офицер. А когда все они пали, то его подхватывает хороший солдат. А когда и эти хорошие солдаты пали, остается плохой, он тоже знамя подхватывает и несет дальше. Он — знаменщик. Вот и мы все остались плохие, но несем дальше это знамя, несем, как можем: с трудом, хромая, падая, но снова подымаясь.

Смысл тот, чтобы сохранить эту зажженную свечу, наши знамена, наши символы, наши традиции для России. Чтобы их высоко вознести и всем показать. А кто их в России признает **своими**, то тому и передать.

(Выдержки из слова И. Н. Андрушкевича, председателя Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Аргентине, по случаю открытия Кадетского зала, в день праздника святых благоверных царей Константина и Елены, в 1995 году.)

НАШИ ЗАВЕТЫ РУССКИМ КАДЕТСКИМ КОРПУСАМ

Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов в Аргентине, на своем Общем Годовом собрании от 4 июня 2000 года, постановило обратиться ко всем возрождающимся и вновь образующимся Кадетским Корпусам в России со следующими Заветами:

1. Русские Кадетские Корпуса должны иметь своими Небесными Покровителями святых Православной Церкви. Например: Святого Николая Чудотворца, Святых царей Константина и Елену, Святого Александра Невского. Имена святых в названии корпусов по традиции не применялись, как это было отмечено в **«Обращении 15-го Общекадетского Съезда о воспитании Русской молодежи в Кадетских Корпусах».** Праздники этих Небесных Покровителей каждого Корпуса, по православному календарю, являются Корпусными праздниками. В этот день не должно быть занятий. Этот день должен отмечаться в Корпусе общей молитвой всего Корпуса, а затем должен быть торжественный парад, с Зарей с церемонией, в согласии с историческими традициями Русской Армии, подробно описанными в «Седьмой Юбилейной Кадетской Памятке 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса». В одном из помещений Корпуса должен стоять киот с иконой этого святого (например, в коридоре Первой роты). Кроме того, желательно, чтобы каждая рота тоже имела своего Небесного Покровителя.

2. В Русских Кадетских Корпусах необходимо преподавание Закона Божьего всем кадетам. Кадетам православного вероисповедания Закон Божий должен преподавать православный священник. Если этот предмет еще не фигурирует в официальной программе, его нужно преподавать отдельно.

3. Также необходимо строго следить за правильным преподаванием подлинной русской истории, по учебным пособиям без тенденциозных партийно-идеологических искажений и без русофобской дискриминации славного прошлого нашей Родины России и тысячелетней истории Русского Государства.

4. Желательно преподавать в Русских Кадетских Корпусах **Государствоведение,** как это делалось раньше в Государстве Российском. Пока этот предмет не числится в официальной программе, его можно преподавать отдельно, или, по крайней мере, делать на эту тему отдельные доклады.

5. Рекомендуется не упускать из виду рекомендации, перечисленные в выше упомянутом «Обращении 15-го Общекадетского Съезда о воспитании русской военной молодежи в Кадетских Корпусах», а также указания графа А. А. Коновницына, председателя «Комиссии Кадетского Объединения в Аргентине для определения основных предпосылок для наименования **Русский Кадетский Корпус»** *(Кадетское письмо № 5).*

Граф А. А. Коновницын определил: «Русские кадетские корпуса... поставляли русскому государству кадры молодежи, хорошо подготовленной религиозно, морально, интеллектуально и физически, для жертвенного служения родине... Кадетские корпуса были военными общежитиями, с военной дисциплиной, в которых был военный дух... Вместе с тем, кадетские корпуса давали прекрасное общее среднее (семилетнее) образование, чтобы их питомцы могли потом служить государству и народу на любом поприще... Религия вообще и Православие в частности занимали исключительно важное место в этой педагогической системе. Закон Божий стоял на первом месте... Все наше национально-патриотическое воспитание основывалось в конечном итоге на Христианских Заповедях, как их проповедует Православная Церковь, на любви к отечеству, на уважении к родителям и старшим, на высокой нравственности и на высочайшем понятии чести. Ничего лучшего придумать нельзя, а посему и выдумывать ничего иного не надо».

(«Кадетское письмо» № 24, лето 2000 г.)

ТОСТ ЗА РОССИЮ

Бокал свой заздравный я вновь подымаю
И пью за Отечество – славную Русь,
Хотя я ее ведь почти что не знаю,
Но именем этим повсюду горжусь.

Какую Россию? Конечно, не эту,
Поправшую прошлое, веру отцов,
Несущую горе свободному свету,
Народ обращая в послушных рабов.

Не пью я за Родину, где я родился,
Березки, дубы не влекут уж меня,
С тех пор, как всю жизнь я по миру влачился,
Я видел и лучше – леса и поля.

Я пью за ту кровь, что поля орошала,
Ту кровь, на которой березки взошли,
За дедов и прадедов, тех, что создали
У этих дубов славу Русской земли.

Былинных героев – Илью и Добрыню,
Алешу Поповича, сказочный быт,
Святого Владимира, Ольгу княгиню,
Прибитый в Царьграде Олеговский щит.

За иноков тех, что, надевши кольчуги
И вместо креста взявши в руки мечи,
Как дети Отчизны, как Божии слуги
В степях разгромили Мамая орды.

За вольных сынов наших Волги и Дона,
Что шли с Ермаком в азиатскую ширь,
И кровью своею к подножию трона
Они поднесли, как подарок, Сибирь.

Бокал поднимаю за тех я монахов,
Кто Лавру святую для нас отстоял,
Кто с ратником русским – литовцев и ляхов
От нашей земли навсегда отогнал.

Я пью за то злато и гроши народа,
Что Минину нес и богач, и бедняк,
За то, что Пожарский, наш князь-воевода
Врагу показал наш могучий кулак.

Я пью за тот лес, где Сусанин молился
В то смутное время, Россию храня,
Где он под ударами с жизнью простился,
Спасая Руси молодого Царя.

Я пью за героев Петра, за Полтаву,
За чудо Суворовских грозных полков,
За Альпы, за Рымник, за Русскую славу,
За всех, кто Отчизну спасал от врагов.

Я пью за поля Бородинских сражений,
За зарево нашей сожженной Москвы,
За то, как народ наш, из тла поражений,
Стал твердой рукой у Парижской стены.

За город морской, мой родной Севастополь,
За Кошку матроса, за Дашу сестру,
За тот серебристый Нахимовский тополь,
Который картечью был срезан к утру…

За горы Кавказа и степь Туркестана,
Омытые кровью пески и ковыль,
И крест на вершине седого кургана,
Который хранит нашу Русскую быль.

За крепость-герой, Порт-Артур тот далекий,
Что долго громил желтолицый наш враг,
За гордый наш крейсер, в борьбе одинокой
Так славно погибший – красавец «Варяг».

За снежность Карпат, Эрзерума твердыню,
Мазурские топи, поросшие мхом,
Где в бой свой последний за наши святыни
Шел русский народ под Двуглавым Орлом.

За те – за Донские, Кубанские дали,
За Крыма последний кусочек земли,
Прощальную строчку где кровью вписали,
Уйдя навсегда, бывшей славы полки.

Я пью и за тех, кто, обманутый ложью
Своих властелинов и подлых врагов,
Встал снова за Русь и за Правду ту Божью,
За честь и за имя погибших отцов.

За тех, кто поверил, что кончились муки,
Что всходит над Русью свободы заря,
Кому заковали усталые руки
И снова как скот повели в лагеря.

Я пью за Россию, за ту, за святую,
Которой готов был всю жизнь я отдать,
За няню за нашу – старушку простую,
Которой уж больше нигде не сыскать.

Я пью за крестьянина с сивой Савраской,
Того, что с зарею, крестясь на восток,
Пахал свою землю с любовью и лаской, -
Кормил всю Европу той пашни кусок.

Россия моя – это сказка былого,
Она не заснула – она умерла!..
Пройдут пусть столетья, но, может быть, снова
Найдется в народе «живая вода».

И сбросивши гнет и ту кличку позора,
И цепи позора и споров лихих,
Он станет искать своего Святогора,
И вновь призовет он Российских святых.

Придет богатырь, и водою живою
Он мертвое тело вновь к жизни вернет.
Воскреснет Россия, и мощью былою,
Свободой и правдой она зацветет!

И я свой бокал высоко поднимаю
За прошлую славу России моей,
За то, чтоб воскресла Отчизна родная,
И мир и покой воцарились над ней!

(Бюллетень Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Сан-Франциско. №74, август 2003 г. Автор сихотворения - кадет Крымского Кадетского Корпуса.)

В. Михайлов

РОССИЯ ДО КАТАСТРОФЫ, ПО МЕНДЕЛЕЕВУ

Без коммунизма, Россия сегодня имела бы население в 600 миллионов жителей

Великий русский ученый Д. И. Менделеев уже около ста лет тому назад высчитал, какое население должна была бы иметь Россия в 2000 году. Конкретно, Д. И. Менделеев высчитал, что Россия к 2000 году должна была бы иметь население в 594 миллиона жителей, если бы естественный прирост ее населения продолжал сохраняться в том же ритме, как и в его время.

Эти данные подробно анализируются Менделеевым в его книге «К познанию России», вышедшей в свет в 1906 году, на основании Переписи 1897 года. Этот труд затем был переиздан в 1952 году в Буэнос-Айресе известным русским белым эмигрантом А. А. Власовым, ставшим крупным судовладельцем в Аргентине, Англии, Монако и в других странах.

Этот замечательный научный труд разбирает и анализирует глубоко и подробно все данные Царской Переписи 1897 года, сохраняя, таким образом, для будущей истории точные научные данные о действительном положении Государства Российского в начале прошлого века (Д. И. Менделеев дополняет цифры 1897 года данными последующих восьми лет, вплоть до 1905 года), а также формулирует **научную программу** (не партийно-идеологическую) для будущего России. В книге 157 страниц, с приложением пяти статистических таблиц и карты России, с ее разделением на 19 отдельных краев.

Этот научный труд Д. И. Менделеева знаменателен во многих отношениях. Однако наибольшее впечатление он производит своим

строго объективным и правдолюбивым характером, категорически отличающимся от недоброкачественной и несостоятельной гнилой восторженности партийно-идеологических программ тех же лет в России. Невольно приходят на память слова Аристотеля, высказанные им в его капитальном труде «Политика», о том, что наряду с программами профессиональных политиков существуют также и **политические программы идиотов от политики**. Аристотель рассказывает о том, как известный архитектор Иподам, построивший крепостные стены вдоль дороги, ведущей из Афин к его порту Пирею, вдруг возомнил себя также и государственным деятелем (политиком) и решил, помимо архитектурных планов, сочинять также и политические программы. Это и была первая политическая программа в истории человечества, которую Аристотель называет «программой профана», сиречь, по-гречески, **программой идиота**. Задача настоящих ученых (философов) как раз и заключается в том, чтобы разобраться в разных программах и установить, какие из них являются положительными государственными программами, а какие идиотскими утопиями. Именно это и делает в своем труде Д. И. Менделеев, отмечая с научной беспристрастностью идиотизм тех или иных идеологических словоблудий, в том числе и коммунистических, уже тогда накликавших беду на Россию.

В 1897 году Государство Российское состояло из **97 губерний и областей**, в каковых насчитывалось всего **816 уездов**. Д. И. Менделеев разделяет их на **19 земель или краев**. В первой таблице, на шести страницах, перечисляются эти края и губернии с данными о числе их жителей. Д. И. Менделеев перечисляет края Царской России в следующем порядке: Петербургский край, Ливонский край, Польский край, Малороссийский край, Литовско-Белорусский край, Подмосковная земля, Средне-Русская земля, Верхне-Волжская земля, Пермская земля, Нижне-Волжская земля, Южно-Русский край, Кавказский край, Закавказский край, Закаспийский край, Южно-Сибирский или Киргизский край, Восточно-Сибирский край, Западно-Сибирский край, Северно-Русский край и Финский край.

Общее население всех этих 19-ти земель и краев, образовывавших Российское Государство до Катастрофы 1917 года, в 1897 году составляло 128.239 тысяч жителей, из них мужеского пола 63.764 тысячи и женского пола 64.475 тысяч. В таблице также указано распределение жителей по возрасту, из которого явствует прогрессивный характер демографического положения в Царской России.

Жители в возрасте до 10 лет составляли 27% всего населения, от 10 до 20 - 21% и от 20 до 30 лет - 16%. Таким образом, жители в Царской России в возрасте до 30 лет представляли 64 % всего населения страны. Последние же две возрастные группы (то есть пенсионные возрасты свыше 60 лет) вместе взятые не доходили до 8% всего населения. Менделев высчитывает прирост населения России за истекшие 9 лет после переписи 28 января 1897 года. Этот реальный прирост населения для всей России превышает 1,5 % в год. Однако, Д. И. Менделеев отмечает, что реальный прирост для 50 европейских губерний для 1897 года равнялся 1,8 % в год.

Согласно этим данным, Менделеев высчитывает население России на будущее. В момент выхода в свет его книги в **1906 году население России**, по его подсчетам, **достигало** приблизительно **147 миллионов жителей**, то есть больше, чем сегодня в посткоммунистической России. По его подсчетам, население России к 1910 году должно было достигнуть 156 миллионов, к 1950 году - 283 миллионов, а к **2000 году - 594 миллионов.** По поводу такого демографического роста России до Катастрофы 1917 года Менделеев пишет: «Для меня высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой «политики» яснее, проще и осязательнее всего выражается в выработке условий для размножения людского». (Стр. 14).

Однако, в результате Катастрофы 1917 года и последовавшего за ней коммунистического режима, СССР по переписи 1959 года имел 209 миллионов жителей, а посткоммунистическая РФ в 2000 году около 146 миллионов, т.е. почти **на 450 миллионов меньше**, чем должно бы было быть без коммунизма, согласно Менделееву. По подсчетам профессора И. Курганова, «общее количество людских потерь в СССР за время диктатуры коммунистической партии с 1917 по **1959** годы – 110,7 миллионов, в том числе потери в военное время 44,0 и потери в невоенное-революционное время 66,7 миллионов.» («Посев» № 12, 1977 г.).

Менделеев также отмечает, что «общее число умалишенных, глухонемых, слепых и немых во всей Империи достигает по Переписи 545 тысяч человек, что составляло на 1000 жителей немногим более 4 человек... Примечательно, что это процентное отношение почти во всех краях выходит одинаковым. Это постоянство тем характернее, что оно сохраняется даже в больших городах. Например, в Петербурге 4,1 на 1000, а в Москве 3,7 на 1000».

На основании данных Переписи Менделеев высчитывает, что

«при том невероятном случае, когда все способные к работе по социалистическо-коммунистической программе будут подгоняться на работу, останется 42,6 миллионов работоспособных». (Стр. 32).

Значит, Менделеев предвидел возможность попыток применения «**социалистическо-коммунистической программы**», как он пишет, хотя он это и считал «невероятным случаем». Однако через две страницы он снова возвращается к такой катастрофической возможности, каковая будет преодолена лишь «когда правительства крупнейших государств всего света дойдут до сознания необходимости быть сильными и достаточно между собой согласными для подавления всяких войн, революций и утопических начинаний **анархистов, коммунистов**, и всяких иных «Больших Кулаков», не понимающих прогрессивной эволюции, совершающейся во всем человечестве. Заря этого общего соглашения народных правительств видна уже в Гаагской, Портсмутской и Марокканской конференциях, хотя до правильно организованного служения тут и во всем ином еще далеко, уже потому, что сперва надо перестать кичиться одним народам и расам перед другими». (Стр. 34).

Во 2-ой таблице дается распределение жителей России по природному их языку и по вероисповеданию. Согласно подсчетам Д. И. Менделеева, по Переписи 1897 года **русские составляли** 65,6% всего населения России, из них 43,5 % великороссов, 17,5 % малороссов и 4,6% белоруссов. Поляков и других славян было 6,4%, литовцев и латышей 2,5%, евреев 3,2%, грузин и кавказских народов 2%, финских народов 4,5% и турецко-татарских и монгольских народов 11,2%.

Менделеев затем переходит к проблемам школьного образования. Он обращает внимание на упадок этого образования в его время: «Уже одно то, что стачки и забастовки последняго времени повели свое начало во многих местностях России именно от высших и средних учебных заведений, говорит для меня совершенно ясно, что образование, вообще говоря, в России за последние годы сильно упало... Конечно, не только живет еще остаток от прежняго времени расцвета русского образования, но есть и между новыми учащими и учащимися некоторый процент таких, которые понимают, что дело политики ни под каким видом нельзя смешивать с делом обучения» (Стр. 50). Менделеев критикует «эпоху толстовских преобразований учебного дела... по примеру всей Западной Европы». Менделеев подчеркивает, что «семена истинного просвещения должны быть направлены на добро и пользу».

Тоже весьма интересны данные и анализы Менделеева о количестве государственных служащих в Царской России. Он отмечает, что число полицейских чинов в Лондоне в 10 раз больше, чем в Петербурге, а «во Франции более 500 тысяч казенных служащих, не считая выборных, а у нас с «выборными» менее 340 тысяч, жителей же у нас с лишком в три раза более, чем во Франции». «Примечательно, что общее число всех перечисленных выше служащих во всей России составляет лишь 336 тысяч, то есть около одной четверти процента всех жителей, тогда как даже умалишенных и тому подобных лиц с физическими недостатками всего 0,4% (545 тысяч)». (Стр. 67).

После этих данных о государственных служащих в Царской России, весьма интересны следующие за ними замечания Д. Менделеева: «Если последних жители содержат своими трудами по причине господства гуманных начал, то по причинам никак не менее важным совершенно разумно содержать на общий счет не только гражданских служащих, но и других общественных деятелей, вызываемых, с одной стороны, для борьбы со злом, несомненно существующим в мире..., а с другой стороны для специального содействия всему движению общества вперед и сохранению порядка. Ведь всех разрядов лиц, находящихся на общественном виду, в России лишь около 2,16 миллионов, то есть около 1,7%, что во всех отношениях очень немного не только по сравнению с тем, что видим в других прогрессивных странах, но даже с тем, что, без сомнения, существовало в давние, полупатриархальные времена, хотя от этих последних статистических сведений осталось очень мало». (Стр. 68).

В залючение небходимо отметить следующие интересные указания Д. Менделеева для дальносрочных стратегических планов России: «Мне нет нужды говорить о необходимости военной силы не только для ограждения от врагов внешних, но и от врагов внутренних, против которых везде, т.е. во всем мире, не исключая никаких республик, от европейских до американских, военную силу приходится применять, потому что полицейской силы часто недостает для борьбы с нетерпимым злом и озорниками. Главный или основной смысл военных сил, конечно, состоит в ограждении от врагов внешних, которые нам-то грозят со всех сторон, исключая разве что Ледовитого океана, составляющего наш базис защиты. Уже по этому одному Ледовитый океан должен обратить на себя русское внимание, как я старался доказать это выше... Не желая долго останавливаться

над этими предметами, я все же хоть мельком выскажу ту мысль, что Россия, содержа войско и не поддаваясь утопическим соблазнам «разоружения», может, благодаря своему положению, играть важную роль в общем концерте мирного соглашения всех стран, и это будет тем легче, чем плотнее она сблизится с Китаем, так как в этом последнем должно ждать быстрых успехов и так как народа в нем больше (около 430 милл. жителей), чем у какой-либо другой державы, а следовательно и войск может быть очень много. Дружественное сближение с Китаем полезно тем более, что Китай граничит с нами непосредственно, и если задумает что-либо противу Европы, то прежде всего может причинить нам много зла. По отношению ко флоту, моя мысль скажется ясно, если я повторю желание флотом завоевать прежде всего Ледовитый океан и содействовать ограждению русских интересов в Великом океане и на Черном море, а в замерзающем Балтийском море ограничиться только настоятельно необходимыми приспособлениями. (Часть того, что сюда относится, изложено уже мною в «Заветных мыслях»). Вместо громадных денежных затрат на новый сильный флот, мне кажется, было бы гораздо важнее для всего народного быта затратить средства на торговый флот, тем более, что он подготовит и военных моряков. Англия была слаба военным флотом, пока «Навигационным актом» (1651 г., при Кромвеле) не создала громадной силы своего торгового флота». (Стр. 68).

(«Кадетское письмо» № 37, октябрь 2003 г.)

РУССКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ

(Историческая справка)

1. Терминология

До Катастрофы 1917 года, официальное имя России было «**Всероссийская Империя**». В ее конституции (Основных Законах) также употреблялось наименование «Государство Российское». Это было многонациональное государство, со многими вероисповеданиями, обладавшее гибкими конституционными формами, допускавшими разнообразные конфедеративные отношения (например, с Финляндией, с частью Польши и т. д.), и даже княжества с собственными монархами, как, например, в случае хана Нахичеванского.

Этот многонациональный характер отражался также в имперских паспортах, каковые не только аккредитировали имперское гражданство, общее для всех жителей России, но также национальность и вероисповедание каждого гражданина, в согласии с собственным волеизъявлением каждого. Между гражданами Российской Империи были подданные нерусских и даже неславянских национальностей, которые в паспортах значились русскими, по их собственному желанию.

Вследствие этого, в данной справке наименование **«русский»** употребляется в самом широком понимании этого слова: русскими именуются все русские граждане, которые так себя называли сами, даже если у них было иное этническое происхождение. Русская культура и русское государство **не признавали национальной и расовой дискриминации**, ибо по своему духу были имперскими, сиречь антирасистскими. Также необходимо иметь в виду, что до конституционных реформ де-факто, произведенных коммунистической диктатурой, наименование «русский» применялось де-юре и де-факто безразлично к великороссам, украинцам (малороссам) и белорусам. Великий русский ученый Менделеев отмечает этот критерий в его анализе результатов имперской переписи 1897 года.

Русская эмиграция, возникшая в результате пятилетней гражданской войны (1917 -1922), численно достигавшая трех миллионов человек, всегда употребляла именно такой критерий. Кроме того, эта эмиграция состояла не только из членов вышеотмеченных трех групп восточных славян, но также из лиц, принадлежавших к

различным меньшинствам Российской Империи, что не было препятствием для их собственного самоопределения в качестве «русских эмигрантов».

В этой статье применяются эти самые критерии, без учета разных переименований и переклассификаций коммунистической диктатуры, часто употребляемых и до настоящего времени. Согласно таким коммунистическим критериям, Ленина, Сталина и большинство революционных главарей никак нельзя именовать русскими.

2. Происхождение Русской Белой эмиграции

Основным ядром Русской Белой эмиграции были **русские воины**. Эта эмиграция возникла **де-факто**, как последствие почти пятилетней Русской гражданской войны (1917 - 1922), и **де-юре**, как последствие ленинского указа, незаконно и бесчеловечно лишившего, без суда, гражданства всех русских, оказавшихся заграницей, в результате этой гражданской войны. Этот незаконный и бесчеловечный указ до сих пор никем не был отменен, несмотря на то, что породивший его режим давно провалился, не достигнув ни одной из двух своих целей, ради которых он якобы возник: мировой пролетарской революции и построенния социализма в одной стране.

После государственного путча, произведенного в 1917 году Лениным со своей командой (прибывшими через воевавшую с Россией Кайзеровскую Германию, руководством каковой они финансировались), в России возникла гражданская война, длившаяся 5 лет, в результате каковой (и в результате вызванного революцией расчленения Российской Империи) возникла русская Белая политическая эмиграция, иногда называемая просто **Русская эмиграция**. Этот колоссальный человеческий контингент имел, главным образом, два происхождения:

1. Эвакуировавшиеся с Белыми армиями из портов юга России в 1920 году и из Владивостока в 1922 году.

2. Русские граждане, оказавшиеся за рубежами нового советского государства, провозглашенного де-факто Лениным, проживавших на приграничных территориях, отколотых коммунистической катастрофой от России, и включенных в новосозданные независимые государства (Финляндия, Польша и Прибалтийские страны). Кроме того, несколько сотен тысяч жителей на территории русской "Китайской Восточной Железной Дороги", со столицей в Харбине, в Маньчжурии, ликвидированной Сталиным и отданной им Китаю в 1945 году.

Центральное ядро первой группы состояло из чинов Белой армии, под конец гражданской войны на юге России именовавшейся Русской армией, под верховным командованием генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля. Эта армия эвакуировалась в ноябре 1920 года из Крыма на 130 кораблях. Более 150 тысяч лиц, военных и гражданских, были эвакуированы, главным образом, в Галлиполи, на юге от Константинополя, и на остров Лемнос. В составе Русской армии находилось несколько русских Кадетских корпусов и два русских Военных училища. Французские военные власти в Константинополе реквизировали у Русской армии 45 тысяч винтовок, 350 пулеметов, 12 миллионов патронов, 58 тысяч пар сапог.

Русский военно-морской флот направился во французскую морскую базу в Бизерте, в Африке, под русским военным флагом Святого Андрея, незаконно отмененным в России коммунистическими путчистами в январе 1918 года, которые заменили этот русский государственный флаг красным флагом немецких социалистических партий. Андреевский флаг Русского флота был временно спущен в Бизерте 16 октября 1924 года, при демобилизации флота, и был снова поднят на военных кораблях России после падения коммунизма. Однако, вся русская национальная и государственная символика с тех пор бесперебойно полностью сохранялась в Русской эмиграции, в её школах и её организациях.

Вместе с войсками эвакуировались многие гражданские лица, большей частью из интеллигенции, включая академиков и профессоров, более 30 архиереев и тысячи священников.

В 1922 году к ним присоединилось около 150 представителей высшей культуры России (философы, мыслители, ученые, писатели и поэты), незаконно изгнанные со своей родины и депортированные в Западную Европу без никакого суда ни приговора, по личному приказу Ленина, утверждавшего, что коммунистическое государство «не нуждается ни в философах, ни в математиках», ибо оно может быть управляемо «любой кухаркой».

Вся эта колоссальная масса людей обоих полов, включая стариков и детей, была незаконно лишена своего российского гражданства советской властью, без какого бы то ни было судебного решения, указом коммунистической интернациональной тирании от 15 декабря 1921 года.

Таким образом, в мире возникла группа численностью приблизительно в 3 миллиона русских эмигрантов и беженцев, оказавших-

ся незаконно лишенными своего гражданства. Это обстоятельство вынудило управляющего делами беженцев Лиги Наций, лауреата Нобелевской премии Фритьофа Нансена, создать в 1924 году специальный паспорт, затем прозванный «**Нансеновским паспортом**», с помощью какового подтверждалось **«бесподданство»** русских белых эмигрантов.

Посткоммунистические правительства, возникшие после коллапса и развала коммунистического государства, потеряли возможность исправить это несправедливое беззаконие и грубое нарушение права и человеческих прав, при жизни их последних жертв, путем аннулирования акта от 15 декабря 1921 года. Десять лет тому назад еще были живы некоторые жертвы этого злодеяния, но сегодня уже практически никто из них больше не остался в живых. Таким образом, остается только лишь возможность посмертного восстановления их прав и прав их наследников.

3. Вклад Русской эмиграции в мировую культуру

Невозможно перечислить даже частично в короткой статье самых выдающихся членов русской Белой эмиграции, рассеянной по всему миру, но главным образом в Европе и в США, сделавших значительные вклады в мировую культуру. Лишь в качестве примера можно указать некоторых из них:

Философы: Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Борис Вышеславцев, Владимир Вейдле, Иван Ильин, Николай Лосский, Федор Степун, Василий Зенковский, Симон Франк.

Нобелевские лауреаты: Иван Бунин (Лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 года), В. Леонтьев, Илья Пригожин.

Композиторы: Игорь Стравинский, Сергей Прокофьев, Александр Глазунов и Сергей Рахманинов.

Писатели: Марк Алданов, Владимир Волков, Зинаида Гиппиус, Александр Куприн, Димитрий Мережковский, Владимир Набоков, Анри Труайя, Иван Шмелев.

Ученые: Социолог Питирим Сорокин («отец североамериканской социологии»), историк М. Ростовцев (чей труд «Рим» был издан в переводе на испанский язык в Буэнос-Айресе в 1968 году, издательством Буэнос-Айресского государственного университета), Татьяна Проскурякова, расшифровавшая письмена майя, астроном Н.

Стойко, отец аэродинамики Р. Рябушинский, изобретатель геликоптера (вертолета) и авиаконструктор Игорь Сикорский, изобретатель телевидения В. Зворыкин, изобретатель высококачественной нефти В. Ипатьев.

Оперные певцы: Федор Шаляпин, Николай Гедда. **Дирижер**: Игорь Маркевич.

Хореографы: Баланчин, Сергей Дягилев, полковник де Базиль, Матильда Кшесинская, Сергей Лифарь, Нижинский, Анна Павлова.

Артисты и кинорежиссеры: Жак Тати (Татищев), Роже Вадим, Марина Влади (Полякова), Одиль Версуа (Полякова), Саша Дистель.

4. Русская диаспора (рассеяние) в мире

Согласно некоторым исследованиям, общее количество русских в Изгнании в 20 -е годы прошлого века приближалось к числу трех миллионов человек, составлявших **русскую диаспору**. Из этих трех миллионов изгнанных, один миллион можно считать активными **политическими белыми эмигрантами**, в узком смысле этого слова, в то время как остальные два миллиона можно считать **политическими беженцами**.

Всю эту трехмиллионную русскую диаспору было принято обобщать под одним общим названием «русской Белой эмиграции». Однако, сегодня такое обобщение неуместно, ибо сегодня в русской диаспоре оказались большие контингенты лиц, не имеющие ничего общего с гражданской войной и зачастую вообще не являющиеся политическими эмигрантами.

Вместе с семью миллионами русских, проживавших тогда на приграничных территориях, после Катастрофы оказавшихся за рубежом государственных границ России, эта диаспора образовывала «**Зарубежную Русь**», в состав каковой, в итоге, тогда входило около 10 миллионов человек. Сегодня, после второго тура расчленений России, эта Зарубежная Русь сильно увеличилась.

Поначалу большинство изгнанников осело в Югославии, Болгарии, Чехословакии, Германии и Франции. В 1922 -1923 годы количество русских эмигрантов в Германии достигало цифры в 600 тысяч человек, из них только в Берлине 360.000. По данным немецкой статистики, в Германии в эти годы издавалось больше книг на русском языке, чем на немецком.

5. Русская диаспора в Аргентине: три иммиграции и одна Эмиграция.

В Аргентину, кроме русской белой эмиграции, до сих пор прибыло **пять иммиграционных волн из России**, начиная с конца XIX века. Из них, только последние три входят в **русскую диаспору** (рассеяние).

Первыми иммигрантами (то есть **переселенцами**) из России в Аргентину были русские немцы с Волги. После введения в 1874 году в России всеобщей воинской повинности, некоторые группы волжских немцев решили переселиться в Аргентину, пользуясь её новым иммиграционным законом от 1876 года. (Тогда в Аргентине еще не было всеобщей воинской повинности, введенной в начале 20-го века, и отмененной президентом Менемом в середине 90-ых годов). К 1910 году в Аргентине проживало около 45.000 русских немцев.

Приблизительно с 1890 года в Аргентину стали переселяться **евреи**, из западных областей Российской Империи. Это была **вторая волна** иммигрантов в Аргентину из России. В 1891 году в Лондоне было основано бароном Хиршем Общество для помощи еврейской колонизации. К 1914 году в Аргентине проживало около 100.000 евреев из России, с паспортами Всероссийской Империи.

Третьей волной иммигрантов из России в Аргентину были временные **сезонные работники**, главным образом крестьяне из западных губерний России, в начале 20-го века, которые затем застряли в Аргентине, в результате Первой Мировой войны и Катастрофы 1917 года.

Затем, после первого расчленения коммунистами России, в Аргентину прибыли в начале 20-ых годов тысячи переселенцев из тех западный частей Белоруссии и Украины, которые были отданы Лениным Польше. Это была **четвертая волна иммигрантов.**

Пятая волна иммигрантов в Аргентину из России возникла после второго расчленения коммунистами России, в начале девяностых годов. Это так называемые «**новоприезжие**».

Всех этих **экономических и бытовых иммигрантов** нельзя ни путать, ни смешивать с русскими **политическими белыми эмигрантами**.

6. Русские политические Белые эмигранты в Аргентине

Согласно исследованию Митрополита Санкт-Петербургского Иоанна, опубликованного в 1993 году, в двадцатых годах прошлого столетия в Южную Америку прибыло около 3.000 русских белых эмигрантов. Трудно установить, сколько из них попало в Аргентину, но можно предполагать, на основании некоторых свидетельств, что менее тысячи. К. Парчевский в своей книге «В Парагвай и Аргентину» (Париж, 1937 г.) свидетельствует, что в 1930-х годах в Буэнос-Айресе жило около 500 русских белых эмигрантов.

В начале 30-х годов прошлого века в Парагвай прибыло несколько сотен русских белых военных, сотрудничавших с Парагвайской армией во время войны с Боливией. Некоторые из них достигли важных постов, и им были признаны их военные чины. Такая роль русских в Парагвае имела одним из последствий тот исключительный факт, что Парагвай никогда не признал коммунистическую диктатуру в России её законной властью.

После Второй Мировой войны начался **второй великий исход** русских белых эмигрантов, этот раз в страны Америки. Первая страна, пригласившая к себе русских белых эмигрантов после войны, была Аргентина. Президент Республики, генерал Перон лично издал приказ в 1948 году о приеме 10.000 русских, независимо от их возраста и семейного положения. Однако, в Аргентину прибыло от 5.000 до 7.000. Среди прибывших в 1948 -1951 годы были не только русские эмигранты, проживавшие до войны в странах Западной Европы, но также и значительное число бывших советских военнопленных в Германии, не пожелавших вернуться в продолжавшую находиться под коммунизмом Россию, и включившихся в белую эмиграцию.

Среди этой волны прибыло более десяти священнослужителей Русской Православной Церкви, как из ее Зарубежной части, так и из России, в том числе и члены Катакомбной Церкви и бывшие узники концлагерей на Соловках. Также прибыло несколько сотен военных. В Аргентине жили и скончались восемь русских генералов, несколько десятков полковников, около двадцати пажей Его Императорского Величества, около сорока Георгиевских Кавалеров и более двадцати офицеров Русского Императорского Флота. Также прибыло около 250 кадет Императорских и Зарубежных Кадетских Корпусов.

7. Русская диаспора и русская эмиграция в XXI веке

Сегодня, в процессе реализации долгосрочных планов, неумолимо развивающихся после Катастрофы 1917 года, русская **диаспора** и **Зарубежная Русь** сильно **увеличились**. Одновременно, Русская Белая эмиграция сильно **сократилась**. Её первое поколение скончалось, за единичными исключениями, но её второе, третье и даже четвертое поколение частично продолжают причислять себя к Русской Белой эмиграции. Почти все они принадлежат к русскому рассеянию и к Русской Православной Церкви Заграницей.

Однако, несмотря на сильное численное сокращение, **Русская Белая эмиграция политически продолжает существовать,** в первую очередь по той простой причине, что в России до сих пор всё еще не была аннулирована псевдоюридическая причина её существования: ленинские незаконные акты **изгнания и лишения гражданства миллионов русских людей.**

После краха других тоталитарных режимов прошлого века, их политическим эмиграциям были не только немедленно возвращены все их права, незаконно у них отнятые, но они, кроме того, были снова приняты в лоно своих отечеств с почетом. Так они стали снова **подлинными соотечественниками**.

(По материалам «Совещания Русских Белых Организаций в Аргентине» и «Кадетского письма" № 34 и № 38)

Я – ВЕРНУСЬ

(Белым воинам)

Мы погружались днем, а уплывали ночью…
Из труб упорно шел тяжелый черный дым…
А утром, с палубы, мы видели воочию,
Как медленно тонул за горизонтом Крым…

Вокруг крестили даль… Стоял и плач и шепот…
Но с Родиной тогда я не прощался, нет!
А позже – лишь во мне вставал обиды ропот,
Я верил, что вернусь, хоть через много лет!

И верю я теперь: быть может, лишь душою
Вернусь на Родину – в Россию, в нашу Русь!
Молитвой, книгами – я мост туда построю!
Любовью к Родине!.. В Россию я вернусь!!!

1980 г. Лос Анжелес.

(Написано к 7-му Кадетскому Съезду в Париже, в июле 1980 года. Автор – кадет 11-го выпуска ПРВКККК).

М. А. Кублицкая

ПУШКИН В АРГЕНТИНЕ

Пушкина в Южную Америку привезли русские белые эмигранты. Как и в европейских странах, они под Южным Крестом, тяжко работая, не имея своего угла, потеряв родных и все имущество, слышали в этом светлом имени отзвук родного, безвозвратно потерянного, бесконечно любимого. «…А Капитанскую Дочку сожгут в печи»… Плыли в трюмах огромных кораблей в неведомую страну, весь багаж – в одном чемоданчике. И в этом чемоданчике – томик Пушкина, издания И. Сытина или А. Суворина, или – кто через Европу – издания берлинские, парижские… И в южном шумном, нарядном городе, после работы на фабрике или в порту, шли репетировать «Барышню – крестьянку» или читать детям «Полтаву». Думаю, Пушкин помог им выжить.

Кто-то привез в Буэнос-Айрес тоненький сборник стихов Николая Туроверова, изданный в Безансоне в 1939 году в количестве всего 500 экземпляров.

«В огне все было и в дыму, -
Мы уходили от погони.
Увы, не в пушкинском Крыму
Тогда скакали наши кони.
В дыму войны был этот край,
Спешил наш полк долиной Качи,
И покидал Бахчисарай
Последний, мой, разъезд казачий.
На юг, на юг. Всему конец.
В незабываемом волненьи,
Я посетил тогда дворец
В его печальном запустеньи.
- И увидал я ветхий зал, -
Мерцала тускло позолота, -
С трудом стихи я вспоминал,
В пустом дворце искал кого-то;

Нетерпеливо вестовой
Водил коней вокруг гарема, -
Когда и где мне голос твой
Опять почудится, Зарема?
Прощай, фонтан холодных слез,
-Мне сердце жгла слеза иная-
И роз тебе я не принес,
Тебя навеки покидая».

Жизнь русских белых эмигрантов в Южной Америке интересно и подробно описана в книге К. Парчевского «В Парагвай и Аргентину» (Париж, 1937 г.). Отправленный из Парижа в Южную Америку редакцией газеты «Последние Новости», автор добросовестно собирает все сведения о положении русских в Бразилии, Парагвае, Уругвае и Аргентине.

Особенно тяжело пришлось русским в Парагвае. «Переселиться в Парагвай – это значит поставить крест на всякой духовной жизни. Газета, музыка, книга, картина, лекция, разумная беседа, все то, что наши энтузиасты почему-то называют европейской псевдокультурой, нам недоступно, потому что этого нет, а средств хватает только на пищу. Живем, чтобы есть, а едим, чтобы жить… Нет ощущения, что ты дома, все чуждо, и приспособиться невозможно…» (К. Парчевский, стр. 205). И после этого грустного разговора с женой русского генерала автор направляется в гости к недавно переселившемуся в Асунсион из Франции русскому доктору со звучной французской фамилией Шарбо д-Артуа. «Похожая больше на разрытые траншеи, в которые я то и дело ныряю, улица еще не имеет освещения. Где-то сердито лают собаки, кричит осел, кругом навороченные груды песку и глины, темнота, и только вверху, над головой, ярко сияет Южный Крест». (К. Парчевский, стр. 205 – 206). Хозяин дома, уроженец Санкт-Петербурга и потомок французских эмигрантов, сам теперь эмигрант, прослужил восемь лет врачом в Конго, в Европе не смог найти работу и решил «попытать счастья» в Парагвае. Здесь он пробует наладить производство чугунных котелков, употребляемых туземцами для варки на кострах пищи. В его кабинете – привезенный из Парижа ковер покрывает каменный пол, тяжелые занавеси на окнах, портрет Пушкина на стене. «Самое тяжелое для переселенцев, мне кажется, это психологическая акклиматизация, - говорит доктор. – Люди забывают, что человеческая душа, ее требования и законы

– не последнее дело. Не хлебом единым сыт человек. Это очень правильно сказано». (К. Парчевский, стр. 207). Доктор-философ перечитывает Платона и Пушкина, пишет стихи… Что с ним будет завтра, когда кончатся его небольшие сбережения? За плотными шторами – потонувший в ночной тьме Асунсион, на другом берегу реки Парагвай начинается громадная, почти неисследованная пустыня Чако, наполовину покрытая лесами, наполовину болотами…

В Аргентине в 1930-х годах «белым русским» было несравненно легче, но и попасть в Буэнос-Айрес мог не каждый: только тот, кто имел вызов от родственников или друзей или же контракт на работу. Или же – нелегально, по туристической визе, как умудряются это делать русские во все времена. Вот почему в это время русская белая колония (колония русской политической эмиграции, вышвырнутой из России революцией) в Буэнос-Айресе насчитывала всего около 500 человек.

Это капля в море старых переселенцев (в основном крестьян), уехавших «за океан» на заработки из разных областей Российской Империи еще до Первой Мировой войны; в Буэнос-Айресе и других, земледельческих, провинциях Аргентины их число доходило до 200 тысяч человек. Но именно эта «капля в море» и сформировала, в результате, лицо русской эмиграции в Аргентине в 1920 – 1940-х годах.

Сразу же забурлила общественная жизнь. В 1931 году был создан отдел РОВСа, затем гимнастическое общество молодежи «Сокол», разные кружки и объединения, и даже драматический кружок. «Единственным связующим и осведомленным о русской жизни в Аргентине центром служит местная еженедельная газета «Русский в Аргентине». Редактором ее является бывший парижанин, инженер Г. М. Киселевский, шесть лет тому назад переселившийся в Буэнос-Айрес, а издателем предприимчивый С. И. Стапран, бывший офицер» (К. Парчевский, стр. 234). Тираж газеты доходил до 4 тысяч экземпляров и рассылался по всей Южной Америке. Естественно, что и в подготовке к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина газета играла ведущую роль.

Тоненькая брошюрка в 79 страниц: «Календарь на 1937 год. Посвящается памяти А. С. Пушкина по случаю столетней годовщины со дня смерти поэта. Издание Пушкинского комитета. Буэнос-Айрес». И на обложке – с детства любимый портрет поэта кисти Кипренского. Кроме отмеченных в каждом месяце года важных дат жизни

Пушкина, его краткой биографии (без подписи), знаменитой «Пушкинской» речи Ф. М. Достоевского и стихов самого Пушкина, есть нечто в этом календаре, что привлекает особое внимание: «Состав Пушкинского комитета в Буэнос-Айресе». С волнением перечитываю 33 строчки. Ведь эта, довоенная, эмиграция в Аргентине для нас – белое пятно. Ни имен, ни дат, ни могил… Сведения случайны, отрывочны, неполны. И ведь в состав этого комитета наверняка входили люди, известные в городе, люди высокой культуры, игравшие заметную роль в белой русской колонии…

За год поисков удалось найти сведения далеко не обо всех членах Пушкинского комитета.

Председатель комитета – М. А. Нечаев. Михаил Александрович Нечаев (1880 – 1945) похоронен на Британском кладбище Буэнос-Айреса. Офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка, он, по неполным данным, служил в русской военной миссии в Париже. В Буэнос-Айресе работал в крупной электрической компании. Занимался активной культурной деятельностью в кругах русской эмиграции, был председателем кружка "Наука и искусство".

Члены президиума – уже известный нам издатель газеты Сергей Иванович Стапран (приехал в Аргентину в 1920-х годах; служил администратором клиники) и Г. И. Толмачева. Галина Ивановна Толмачева – актриса, ученица Станиславского. Преподавала сценическое искусство в университете г. Мендоса. Переводила произведения Пушкина на испанский язык. В 1958 году в Буэнос-Айресе была издана книга: «Alejandro Pushkin. Teatro completo» с переводами драматических произведений Пушкина: «Борис Годунов», «Сцена из Фауста», «Скупой рыцарь», «Пир во время чумы», «Каменный гость», «Русалка». Перевод Галины Толмачевой и Фернандо Лоренцо (Lorenzo). Толмачевой же была написана и большая вступительная статья о жизни и творчестве поэта.

Секретарь комитета – князь Волконский Юрий Николаевич.

Члены комитета: Александрова И. Н. – это известная в русских кругах Буэнос-Айреса певица, участница многих благотворительных концертов, супруга В. В. Добровольского. Ирина Николаевна (1910 – 1986) похоронена на Британском кладбище.

Бейер Анатолий Аполлонович – генерал, выпускник Михайловского Артиллерийского училища. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вел большую культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника», с чтением докладов, затем

переименованный в кружок «Наука и искусство». Скончался в 1940-х годах.

Бернгард Александр Александрович и его супруга Евдокия Андреевна. О них практически ничего не известно.

Бразоль Дмитрий Анатольевич. Моряк Российского Императорского Флота, выпускник Морского корпуса. Приехал в Аргентину в 1930-х годах. Работал в военной метеорологической службе.

Гальперин Яков Михайлович. Служил в театре «Колон» как переводчик либретто, преподавал пение.

Григорьев Д. И. Кадет 2-го Кадетского корпуса в Санкт-Петербурге, окончивший Михайловское Артиллерийское училище, Дмитрий Иванович Григорьев (1889 – 1966) прошел бои Первой Мировой и Гражданской войн. В Праге окончил русский юридический факультет, а затем межевой факультет Карловского университета. Приехал в Аргентину в 1930 году. Работал по специальности землемером, затем многие годы – переводчиком в суде (переводил с 14 языков). Сотрудничал в газете «Русский в Аргентине», помещая в ней еженедельные обзоры международных событий. Похоронен на кладбище в Булони (пригороде Буэнос-Айреса).

Добровольский В. В. Удивительный человек, удивительная судьба! Поиском сведений о нем я занялась еще два года назад, когда на Британском кладбище увидела надгробие: «Dobrovolsky Vladimir. 5.9.1895 – 7.9.1987. Pionero de la Antártida del año 1924». Пионер Антарктиды 1924 года! Каким образом русский эмигрант оказался в Антарктиде? Удача пришла, когда сын покойного Сергея Ивановича Хотунцова (1898 – 1981) передал мне сведения о своем отце. Оказалось, что корабельный гардемарин Хотунцов и Владимир Викторович Добровольский служили вместе на крейсере «Орел», пережили вместе головокружительные приключения в 1919 – 1920-ом годах (порт Лаваль во Франции – Владивосток – порт Дубровник в Адриатическом море) и, не найдя работы в Европе, вместе в 1921 году приехали в Аргентину. Остальные сведения удалось обнаружить в книгах об исследовании Антарктиды. Добровольский, как моряк, имеющий навыки обращения с точными приборами, оказался в Буэнос-Айресе кстати. Аргентина с 1904 года ежегодно отправляла группу из пяти человек для зимовки на островах Оркадас (Южные Оркнейские острова) вблизи берегов Антарктиды. Там были построены станция для изучения метеорологических и магнитных явлений и деревянный домик (чуть более 50 квадратных метров) для жилья.

Группы формировались, в основном, из представителей «северных» народов: шведов, датчан, шотландцев… Начальником группы, в которую, кроме него, входили два немца, один швед и один аргентинец, и был в 1924 году назначен Добровольский. За год, проведенный в тяжелых полярных условиях, он был награжден золотой медалью.

Кажая Н. П. - мичман Российского Императорского Флота.

Ломоть Иосиф Иосифович, скончавшийся 2.10.1977 года, приехал в Аргентину из Польши в 1926 году. В 1930-х годах – издатель «Русской Газеты» в Буэнос-Айресе.

Макаров Ю. В. – это, безусловно, Юрий Владимирович Макаров (1886 – 1949), похороненный на Британском кладбище. В Буэнос-Айресе в 1951 году была издана его книга воспоминаний «Моя служба в Старой Гвардии. 1905 – 1917. Мирное время и война», где Ю. В. Макаров описывает свою жизнь – от детских лет в Ярославском Кадетском корпусе, юности в 1-ом Павловском военном училище – и до развала армии в 1917 году, который он встретил штабс-капитаном Лейб-Гвардии Семеновского полка. Приехал в Аргентину в 1929 году. Служил переводчиком на Главпочтамте.

Макарова В. М. – его жена Вера Михайловна, скончавшаяся в 1983 году и похороненная рядом с мужем. В Буэнос-Айресе выступала с лекциями об искусстве. Занимала ответственную должность в банке "Торнквист".

Михайликов В. С. служил страховым агентом.

Нечаева (ур. Олова) Александра Владимировна, супруга М. А. Нечаева. Родом из Санкт-Петербурга.

Николаев Владимир Николаевич, 1902 года рождения, племянник известного генерала Н. Ф. Эрна, жившего в Парагвае. Учился в Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, затем вихрь Гражданской войны забросил его в Константинополь. В Париже Николаев работал таксистом и в 1920-х годах (во всяком случае, до 1928 года) приехал в Аргентину. Был служащим в торговой фирме.

Нюренберг М. С. занимал ответственный пост в электрической компаниии.

Попов К. В. Имя художника Константина Васильевича Попова (1897 – 1952) хорошо известно в русских кругах Буэнос-Айреса. Потомок донских казаков, он учился живописи в Москве (его учителем был К. Коровин), а в 1920-ом году покинул страну. Три года занятий живописью в Италии и 15 лет в Париже сформировали прекрасного театрального художника и живописца. В 1936 году Попов приехал в

Буэнос-Айрес, работал в театрах «Колон», «Атенео» и других, писал пейзажи, портреты, натюрморты. В Аргентине при жизни художника прошло более сорока его персональных выставок, не только в столице, но и в городах Росарио, Баия-Бланка, Мар-дель-Плата, Тукуман, Мендоса. Едва приехав в страну, Попов сразу же окунулся в культурную жизнь русской колонии, в том числе и в работу Пушкинского комитета.

Сосновский Александр Сергеевич – владелец русской библиотеки в Буэнос-Айресе.

Толмачев Василий Сергеевич - офицер Российской Императорской Армии, окончивший Константиновское Артиллерийское училище.

Итак, из 33-х имен – краткие сведения всего лишь о 22-х.

Потеряв надежду узнать хотя бы что-либо о деятельности Пушкинского комитета, я неожиданно встретилась с Антоном Дмитриевичем Григорьевым, отец которого участвовал в заседаниях комитета и брал с собой сына-подростка. Антон Дмитриевич прекрасно помнит многих друзей отца и очень помог мне при составлении этого списка. Но некоторые детали повергли меня в смятение. Оказывается, в Буэнос-Айресе было два Пушкинских комитета! И два торжественных акта! Причина этому - раскол в среде русской эмиграции, политические разногласия.

Как хотелось бы рассказать о деятельности этих Пушкинских комитетов, вечерах, лекциях, любительских спектаклях... Ничего. Никакой информации. Вакуум.

Единственный источник сведений – периодическая печать. Но никаких русских изданий этого времени невозможно найти не только в нескольких русских библиотеках Буэнос-Айреса, но и в Национальной Библиотеке Аргентины, где чудом я смогла получить почти полный комплект журнала «Сеятель» (издатель Н. А. Чоловский) за 1932 – 1978 годы. Но, к несчастью, именно в 1937- 1938 годах Никифор Аввакумович, набиравший свой журнал вручную, не смог выпустить ни одного номера из-за отсутствия средств. Кроме «Сеятеля» - никаких следов ни 4-тысячного тиража «Русского в Аргентине», ни «Нового Мира», ни «Русского Вестника», ни «Вольной Мысли», ни «Голоса Труда» - ничего.

Единственное утешение – косвенные свидетельства влияния русских белых на жизнь Буэнос-Айреса. В «Сеятеле» № 11 за декабрь 1939 года в статье И. Окунцова «Русская культура» читаем: «Совсем

неожиданно выплыло огромное влияние русской культуры в Аргентине (в 1936 году), особенно в ее столице – Буэнос-Айресе – «Южно-Американском Париже». Этот красивый и быстро растущий город буквально пленен русской музыкой, русским театром, русским искусством. Там все русское в ходу. Там большое и широкое русское влияние. От оперного государственного театра «Колон» до кабарэ-ресторана с самоваром и русскими вышитыми рубахами. (...) Песня бурлаков становится народной песней Аргентины. Русские цветные наряды порабощают глаза аргентинцев...»

В «Сеятеле» № 8 за 1936 год: «...Русское художество занимало национальный аргентинский театр весь сезон 1936 года, где были поставлены русские оперы: «Борис Годунов», «Царь Салтан», «Град Китеж» и т.д.»

Не имея возможности в краткой статье коснуться такой большой и сложной темы, как русское искусство на сцене оперного театра «Колон» (то есть, по-русски, театра «Колумб»), хочу только сказать, что еще в 1930 году на его сцене состоялось триумфальное выступление Ф. И. Шаляпина в опере М. Мусоргского «Борис Годунов». Великий артист приехал в Буэнос-Айрес спустя 22 года после своего дебюта здесь в 1908 году.

Вспыхнувший в Аргентине интерес к русской культуре, а значит, в первую очередь, к творчеству А. С. Пушкина, сказался и на появлении переводов поэта на испанский язык. Еще в 1916 году в Буэнос-Айресе была издана «Капитанская дочка» в переводе Томаса Ортс-Рамос (Tomas Orts-Ramos). Прошли годы – и появились русские переводчики, у которых было очень большое преимущество – они переводили «с оригинала», тогда как ранние переводы Пушкина делались с английского или французского изданий поэта. В 1945 году был издан сборник прозы Пушкина под названием «Гробовщик» («El fabricante de ataudes»), куда вошли «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Кирджали», «Рославлев» в переводах Педро де Олазабаль (Pedro de Olazabal), А. Урванцовой и М. Быковой. В 1944 году – пять повестей Пушкина («Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Египетские ночи», «Роман в письмах») в переводе Ольги Волконской. Княгиня Ольга Александровна Волконская (урожденная Грекова) эмигрировала ребенком с родителями сначала в Турцию, затем во Францию, где училась в Сорбонне. В Аргентине, помимо переводов с русского, английского, французского, ею написаны книги: « История и развитие русской поэзии» («Historia

y evolución de la poesía rusa», Буэнос-Айрес, 1943 г.), «Александр Пушкин. Жизнь и творчество» («Alejandro Pushkin. Su vida y sus obras», Буэнос-Айрес, 1947 г.), а также роман «Эмигранты» («Los Emigrados», Буэнос-Айрес, 1948 г.).

Но как же обстояло дело с Пушкиным – для русских?

Вот трогательные стихи, присланные в редакцию «Сеятеля» из Варшавы А. Хирьяковым:

«У народа русского
Есть обыкновение:
Покидая родину,
Брать на память в ладанку,
Брать с благоговением
Горсть родной земли.
Русские изгнанники,
В Божьем мире странники,
Ладанку священную взяли ль мы с собой?
Ладанку бесценную – горсть земли родной?
Взяли!.. Пушкин - ладанка, горсть родной земли.
Пушкин - наша вечная, одухотворенная горсточка земли.
Мы в изгнаньи тягостном,
Но в сознаньи благостном,
В сердце гордом, радостном
Горсточку священную,
Одухотворенную
В сердце принесли.
Пушкин – неизменная,
Вечная, нетленная,
Одухотворенная
Горсть родной земли».

(«Сеятель» № 9, 1939 г.).

Эту «ладанку» эмигранты хотели передать своим детям. Молодежь, родившаяся в Буэнос-Айресе, ходила в аргентинские школы и, кроме семьи, только лишь в приходской школе при храме Святой Троицы могла научиться читать и писать по-русски. Но трудно найти русские книги, русские учебники… Какими-то судьбами попали в Аргентину и сохранились до нашего времени прекрасные юбилейные издания А. С. Пушкина: «Сочинения Александра Пушкина. Юбилейное издание Пушкинского комитета. Под редакцией профессора М. Л. Гофмана. 1837 – 1937. Отпечатано в Германии», «М.

Л. Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание (второе). 1837 – 1937. Париж». Но книг этих было так мало!

«...Простой белорус приехал, в буквальном смысле слова, без копейки. Через год у него уже была лавочка, через два года – магазин, в котором он торговал всякой мелочью и, между прочим, польскими и русскими газетами и книгами», - так пишет о начале долгой и плодотворной деятельности в Аргентине Владимира Лашкевича упоминавшийся нами выше К. Парчевский (стр. 239). Сейчас книжная лавка «Eslava» («Славянская») по-прежнему существует в центре города – на проспекте Санта Фэ. Но торгует она испанскими книгами и канцелярскими товарами, а за прилавком стоит типичный молодой аргентинец – смуглый, черноволосый. «Лашкевич – это дед моего дяди, - объясняет он по-испански, - но историю семьи я не знаю». А ведь Владимир Михайлович Лашкевич, скончавшийся в 1989 году на 83-ем году жизни и похороненный на городском кладбище «Чакарита», был первым (и единственным!) в Аргентине, вместе с братом Николаем, издателем произведений А. С. Пушкина на русском языке. Целая серия книг («Евгений Онегин. Арап Петра Великого», «Сказки», «Капитанская дочка. История Пугачевского бунта», «Дубровский», «Полтава») была им издана в 1943 – 1945 годах. На дешевой серой бумаге, в скромных переплетах, эти книги и поныне хранятся во многих русских семьях.

В предисловии к первой книге из «Пушкинской серии» - «Евгению Онегину» (1943 г.) – издатель пишет: «В наши дни, когда отдаленность от родины особенно тяжела всякому русскому человеку, каждая русская книга особенно ценна. К сожалению, последнее время из-за осложнений военного времени становится все труднее и труднее получать русские книги. Между тем с все возрастающим интересом к нашему языку и нашей культуре растет и спрос на русскую книгу не только среди русских, но и среди иностранцев, изучающих русский язык и интересующихся нашей культурой. Идя навстречу этим требованиям, мы хотели бы приложить все силы, чтобы дать читателю самые высшие образцы наших классиков, и в особенности величайшего нашего национального поэта А. С. Пушкина. (...) Не имея возможности приступить к изданию полного собрания сочинений нашего великого поэта, мы решили издать отдельными выпусками хоть некоторые из его произведений».

В годы Второй Мировой войны Лашкевичами были изданы также избранные произведения И. Тургенева, «Война и мир. Отрывки из романа» Л. Толстого, «Басни» И. Крылова, «Русский Букварь» В. Вахтерова, «Книга для чтения» Е. Фортунатовой, «Грамматика русского языка» Е. Спиридоновой, «Учебник русской истории» профессора С. Платонова… Всего более двадцати наименований.

После войны, как только доставка русских книг из Европы возобновилась, Лашкевичи снова с успехом занялись книжной торговлей.

После окончания Второй Мировой войны около 10 тысяч русских, получивших въездные визы в Аргентину по распоряжению Президента Республики генерала Перона, прибыло в страну. Как отметил в своем докладе «Русская белая эмиграция в Аргентине и в мире» И. Н. Андрушкевич, «Среди прибывших в 1948 – 1951 годы были не только эмигранты, проживавшие до войны в странах Западной Европы, но также и значительное число бывших советских военнопленных в Германии, не пожелавших вернуться в продолжавшую находиться под коммунизмом Россию и включившихся в белую эмиграцию». (“Кадетское письмо”. Специальный номер, октябрь 2002 г.).

Прожившие несколько лет в лагерях Ди Пи, под постоянной угрозой выдачи в СССР, они везли за океан, рядом с документами и фотографиями родных, тоненькие книжки Пушкина, изданные в послевоенной Германии: «Метель» (1946 г.), «Дубровский» (1947 г.) – без указания издательства; изданные UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Association, созданной в 1943 году для помощи перемещенным лицам) «Избранные стихотворения» («Златоуст», Мюнхен – Шлейсгейм, 1946 г.), «Сказки» (Байройт, 1946 г.); и даже изданные в Женеве в 1944 году книги: «Капитанская дочка» и «Евгений Онегин» - с вклейкой: «Напечатана Отделом Помощи Военнопленным Союза Христианской Молодежи (Y. M. C. A.) для исключительного пользования в лагерях для военнопленных».

Везли с собой и реликвии, связанные с именем Пушкина. Велико было мое удивление, когда Михаил Михайлович Борель (внук генерала М. В. Алексеева) показал мне, как одну из семейных ценностей, программку: «Памяти А. С. Пушкина. Торжественныя представления русских школ г. Белграда», 1937 г. Война, лагерь, долгое путешествие, годы… Сохранили. Следует отметить, что Пушкинские торжества в Белграде происходили в театре Русского Дома; в них участвовали

ученики русских женской и мужской гимназий и основной школы.

«Послевоенные» эмигранты продолжили традиции Пушкинских юбилеев. Едва успев ступить на аргентинскую землю, они устраивают 14 августа 1949 года большой вечер, посвященный 150-летию со дня рождения поэта. Со вступительным словом к публике обратился председатель Пушкинского комитета П. Крачковский. В концерте (арии из опер, романсы) приняли участие прекрасные исполнители: Иван (1898 – 1959) и Софья (скончалась в 1991 г.) Шведовы, до войны – солисты Киевского оперного театра; Леонид Иванов (1894 – 1982) – регент церковного хора, учившийся и преподававший пение в Италии. Стихотворения Пушкина читали: Лидия Компанейская – преподаватель русского языка в университете г. Ла Плата, поэтесса (псевдоним – Лидия Даль), скончавшаяся в 1994 году; Анатолий Борщ (1920 – 2002) – боец РОА, поэт, публиковавший свои стихи под псевдонимом А. Бор в эмигрантской прессе, а в последние годы жизни – и в патриотических изданиях на родине; И. Новосильцов (1905 – 2002). Об Игоре Леонидовиче Новосильцове собрала и подготовила к публикации материалы Людмила Оболенская-Флам (Порт-Тобакко, США). Ссылаясь на этот, еще не опубликованный, ее труд, привожу некоторые данные. Мать Игоря Леонидовича, Ольга Дмитриевна, урожденная Гончарова, была внучатой племянницей Наталии Николаевны Пушкиной. Мальчиком вместе с семьей Игорь Леонидович оказался в эмиграции в Югославии. После окончания Кадетского корпуса в Сараеве он переехал в Прагу, где был актером, а затем и директором Русского театра. Снимался в кино. В 1949 году приехал в Аргентину, где, до отъезда в США, прожил около 13 лет. Л. Оболенская-Флам пишет: «Это были трудные годы нужды и вечных поисков работы. Единственной отдушиной был русский театр, в котором И. Л. время от времени играл на сцене». В последние годы жизни Игорь Леонидович несколько раз приезжал в Россию, в Полотняный Завод, много помогал соотечественникам.

В том же 1949 году в Буэнос-Айресе была издана тоненькая книжка под названием: «Лукомория. Замечательное описание мнимого сказочного государства, сочиненное Александром Сергеевичем Пушкиным, в котором читатель увидит, как великий поэт, обладая пророческим даром предвидения, начертал нам яркую картину современной социалистической родины». В обращении «К читателю» автор-художник Виктор Цымбал пишет: «В своей известной поэме он дал исключительное изображение широкой страны – Лукомории

и ея обитателей – лукоморов. Нет сомнения, что поэт под Лукоморией подразумевал страну, в которой "жить стало лучше, жить стало веселей"». Авторская сноска: «Лукомория – слово составное: лук (Allium cepa) и морить (напр., морить голодом)». Знаменитые строки из пролога к «Руслану и Людмиле» оставлены почти без изменения, но карикатуры к каждой строчке – злые и меткие: Леший – Ленин, Кот Ученый – Сталин, Русалка – Маркс, избушка на курьих ножках – колхоз, Королевич – Троцкий, а «Колдун несет богатыря» - выдача союзниками русских пленных советским властям.

Послевоенные эмигранты, прожившие несколько лет в Европе в лагерях Ди Пи, привезли с собой в Аргентину уже сложившиеся коллективы, музыкальные и театральные. Вот что вспоминает Ирина Николаевна Ланская: «Первой искрой на горизонте русского искусства появился на сцене хор Дмитрия Михайловича Авраменко, который он создал после войны в Австрии и позже выехал в Аргентину почти со всеми хористами и всеми костюмами (боярские, украинские и казачьи). Хор состоял из 28 – 30 человек. Были хорошие солисты: Елена Герцог, Тамара Багговут, Владимир и Нина Сталманис, очень красивый баритон Виктор Трофимов». Руководитель хора, который в Аргентине назывался «Большой смешанный русский хор», Д. М. Авраменко, окончил Московскую Консерваторию и до войны работал в Ансамбле песни и пляски Александрова. Хористы собирались на репетиции два раза в неделю, после работы. Для концертов снимали помещения лучших залов Буэнос-Айреса. С большим успехом гастролировали в Бразилии и Чили. Были выпущены пластинки с записями концертов. Кроме народных русских, украинских, цыганских песен, исполняли и классический репертуар. Так, например, в 1953 году были поставлены фрагменты из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Успех был огромный. С отъездом в 1960-х годах Д. Авраменко в США – хор распался.

В 1950-х годах создается и театральная труппа из приехавших в Аргентину профессиональных актеров и любителей. В 1955 – 1956 годах на сцене «Дома Русских Белых» в Буэнос-Айресе были поставлены «Веер леди Венденмейер» О. Уайльда и «Василиса Мелентьева» А. Островского. Премьеры прошли блестяще, и вскоре было создано «Общество Друзей Русского Театра», просуществовавшее 25 лет и поставившее немало спектаклей. В 1968 году была создана также «Театральная Группа имени А. С. Пушкина» (режиссер Ирина Ланская, в прошлом артистка Винницкого драматического театра). Груп-

па, естественно, была любительской, постановка нового спектакля готовилась целый год, сами шили костюмы, съезжались на репетиции из разных районов и даже пригородов Буэнос-Айреса. Но какой радостью для всей русской колонии была каждая премьера! Сколько говорили, спорили, обсуждали! И сейчас больная, одинокая Ирина Николаевна живет этими воспоминаниями. Работа портнихой, потом массажисткой – это для «хлеба насущного», а в спектакли вложена вся душа. В ежегодно проводившийся «День Русской Культуры», в августе 1968 года, «Театральной Группой имени А. С. Пушкина» был поставлен спектакль «Барышня – крестьянка (вариации на темы, заимствованные из произведений «Повести Белкина», «Барышня – крестьянка», «Дубровский» и др.)» Восторженные рецензии на спектакль были помещены во всех русских газетах Буэнос-Айреса. Вот одна из них: «Барышня – крестьянка» привлекла на редкость большое число зрителей, особенно молодежи, которая бурно аплодировала артистам, выражая свой восторг. Публика, уходя после спектакля, оживленная, веселая, наперебой высказывала свои впечатления: «Это не успех – гораздо больше, чем успех», «Лучший спектакль из всех, которые я здесь видел», «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». И действительно, мы видели кусочек России, ее народные костюмы (чудесно сшитые г-жей Ланской), ее танцы девушек (их прекрасно поставила Л. Колесникова-Бабич, пригласив учениц своей балетной студии); видели чудного старика-сказочника (И. Самарин) и русских детей (Леночка Дубко и Т. Андрусен), переживавших страшные моменты сказок; видели жизнь старой помещичьей семьи; слышали народный и рядом с ним разговорно-литературный язык; слышали русские песни в прекрасном исполнении Н. Калиняк-Бочаровой и В. Трофимова...»

Через год была поставлена «Метель». Газета «Русское Слово» (№ 405, 13.9.1969) писала: «Традиционное торжество, организованное Правлением Российской колонии в Аргентине в сотрудничестве с «Артистической Группой имени А. С. Пушкина», прошло, по мнению публики, очень хорошо. Места в театральном зале «Касаль де Каталунья» были распроданы до последнего. (...) Низкий поклон всем Русским людям, заполнившим театральный зал, и всем участвовавшим в национальном торжестве в честь великой Русской Культуры».

В 1972 году, «по случаю 300-летия со дня рождения Императора Петра Великого», была инсценирована «Полтава».

Многих участников этих спектаклей уже нет в живых… Те, с кем я смогла поговорить, как лучшие дни своей молодости вспоминают репетиции, спектакли, радость творчества. Эту радость стараются передать и своим детям. Вот уже почти полвека существует в Буэнос-Айресе «Русский Театр Для Детей», созданный и руководимый Георгием Львовичем Лукиным, начальником ОРЮР (Организации Российских Юных Разведчиков). Инженер-строитель по специальности, он все свое свободное время отдает работе с детьми, субботней школе ОРЮР, детскому театру. Георгию Львовичу уже 80 лет, и сколько детей с его помощью приобщились к русской культуре, к Пушкину! Театр начал свое существование со спектакля «Руслан и Людмила». Затем грандиозная постановка «Сказки о царе Салтане» - на сцене 80 человек! Для спектаклей снимались театральные залы на 500 – 600 мест, и они всегда были переполнены. Возраст актеров – от 7-ми до 70-ти лет. Школьные Пушкинские вечера, с постановкой отрывков из «Русалки», «Полтавы», «Евгения Онегина». Спектакли «Снегурочка», «Князь Серебряный», «Ночь под Рождество», «Жизнь за Царя»… Не верится, что это – в Аргентине.

Ежегодные выпускные акты в епархиальной субботней школе при храме Святого Сергия Радонежского в пригороде Буэнос-Айреса – Вижа Бажестер (настоятель храма – митрофорный протоиерей о. Владимир Шленев) всегда заканчиваются спектаклем, подготовленным учениками школы. Это и «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», и «Сказка о рыбаке и рыбке», и сцены из «Бориса Годунова», и «Метель»… Школа существует уже больше 30 лет. В 1999 году в ее стенах состоялся Торжественный Акт, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, организованный Кадетским Объединением и Союзом Святого Александра Невского в Аргентине.

Пушкин и история русской эмиграции… Эта тема неисчерпаема.

Недавно я увидела портрет Пушкина на «Странице» Кооперативного Общества «Русские иммигранты в Венецуэле - Общее дело», № 35, 1956 год. Оказывается, в этой экзотической стране был создан «Русский дом имени Пушкина»!

Буэнос Арес, октябрь 2003 г.

ПИСЬМА К ДЕТЯМ
НОВОМУЧЕНИКА ЛЕЙБ-МЕДИКА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА

От редакции: *В «Кадетской перекличке» № 74 было впервые опубликовано семнадцать писем новомученика лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина своим детям, первое от 17 июля 1908 года, с яхты «Штандарт», и последнее от 2 мая 1918 года, из Тобольска. В настоящем 75-ом номере ниже публикуются, тоже впервые, еще два письма, от мая 1918 года, из Екатеринбурга.*

«Екатеринбург, 25 апреля (8-го мая) 1918 года.

...Особенно после пребывания на воздухе, в садике, где я большую часть времени сижу. Да и время-то это пока, вследствие холодной и неприятной погоды, было весьма непродолжительным: только в первый раз, когда нас выпустили, да вчера мы гуляли по 55 минут, а то 30, 20 и даже 15. Ведь третьего дня у нас было еще 5 градусов мороза, а сегодня утром еще шел снег; сейчас, впрочем, уже свыше 4 градусов тепла.»

«Екатеринбург, 26 апреля (10-го мая) 1918 года.

...Пока мы по-прежнему в нашем временном, как нам было сказано, помещении, о чем я нисколько не жалею, как потому что оно вполне хорошо, так и потому, что в «постоянном» без остальной семьи и их сопровождающих было бы, вероятно, очень пусто, если оно, как надо надеяться, хотя бы тех же размеров, что был дом в Тобольске. Правда, садик здесь очень мал, но пока погода не заставляла особенно об этом жалеть. Впрочем, должен оговориться, что это чисто личное мое мнение, т.к. при нашей общей покорности судьбе и людям, которым она нас вручила, мы даже не задаемся вопросом о

том, «что день грядущий нам готовит», ибо знаем, что «довлеет дневи злоба его»... и мечтаем только о том, чтобы эта самодовлеющая злоба дня не была бы действительно зла.

...А новых людей нам уж не мало пришлось перевидать здесь: и коменданты меняются, точнее, подмениваются часто, и комиссия какая-то заходила осматривать наше помещение, и о деньгах приходили нас допрашивать, с предложением избыток (которого, кстати сказать, у меня, как водится, и не оказалось) передать на хранение и т.п. Словом, хлопот мы причиняем им массу, но, право же, мы никому не навязывались и никуда не напрашивались. Хотел было прибавить, что и ни о чем не просим, но вспомнил, что это было бы неверно, т.к. мы постоянно принуждены беспокоить наших бедных комендантов и о чем-нибудь просить: то денатурированный спирт вышел и не на чем согревать пищу или варить рис для вегетарианцев, то кипяток просим, то водопровод закупорился, то белье нужно отдать в стирку, то газеты получить и т.д. и т.п. Просто совестно, но иначе ведь невозможно, и вот почему особенно дорога и утешительна всякая добрая улыбка. Вот и сейчас ходил просить разрешение погулять немного и утром: хотя и свежевато, но солнце светит приветливо, и в первый раз сделана попытка погулять утром... И она была так же приветливо разрешена.

...Кончаю карандашом, т.к. вследствие праздников не мог еще получить ни отдельного пера, ни чернил, и я все пользуюсь чужими, да и то больше всех.»

СВЕТЛЫЙ КНЯЗЬ

(Князь Олег Константинович)

В начале октября 1914 года во всех русских церквах совершались панихиды о погибшем на войне члене русского Царствующего Дома – князе Олеге Константиновиче.

«Судьба и случай дали России… прекрасного мальчика, который может быть «в пример» сотням тысяч русских учащихся мальчиков и девочек, - напишет В. В. Розанов через год после его кончины. – В пример радостный, живой, а самое главное – не измышленный, а действительный…»

Сын великого князя Константина Константиновича – президента Императорской Академии наук и поэта, и крестник государя Николая II, князь Олег (1892 – 1914) был натурой разнообразно и счастливо одаренной, много обещавшей. Он прожил красивую, духовно насыщенную, деятельную земную жизнь – увы! – недолгую. Говоря пушкинскими словами, *был рожден для вдохновений, для звуков сладких и молитв,* но погиб в самом начале первой мировой войны – неполных 22 года.

Князь Олег унаследовал литературное дарование своего отца – поэта К. Р. Он серьезно занимался музыкой и мечтал о создании собственного оркестра, писал рассказы, пьесы, стихи. С детских лет мальчик неуклонно следовал наставлению отца: *Кому много дано, с того много и взыщется.* Воспитание привычки к неустанному труду было положено в основу всей системы воспитания детей великого князя Константина Константиновича. Их день, начинавшийся в шесть – половине седьмого утра, был необыкновенно содержателен: утренняя и вечерняя молитва, четыре-пять ежедневных уроков и подготовка к ним, занятия музыкой и рисованием, верховая езда и гимнастика, ручной труд и ежевечернее чтение на иностранных языках, ведение дневника.

Наставники, преподаватели и друзья называли его – ***светлый князь.*** В его характере воплотились лучшие семейные традиции

Константиновичей – глубокая религиозность и теплая любовь к Божьему храму, самоотверженная любовь к России и всему русскому, развитое чувство долга и стремление оправдать свое высокое происхождение и положение, постоянное нравственное самосовершенствование и самовоспитание.

С раннего возраста юный князь вел дневники. И именно в них раскрывается сегодня перед нами его удивительно чистая и цельная личность. Эпиграфом к одной из своих дневниковых тетрадей он избрал наставление Серафима Саровского: *Каждодневно выметай свою избу, да хорошим веником.*

Вот несколько записей. Первые сделаны двенадцатилетним мальчиком – они по-детски трогательны, простодушны и в то же время глубоки и серьезны.

«До чего мы дожили!.. Да, много героев пало под Порт-Артуром. Кто во всем виноват? Русская халатность. Мы, русские, живем на авось. Это авось нас делает виноватыми. Когда же наконец пройдет эта ужасная халатность? У нас управляют не русские, а немцы. А немцам до нас нет дела. И понятно, оттого-то русские везде и проигрывают. Они с малолетства не стараются воспитать себя. И выходят ненужные люди для отечества. С малолетства себя воспитывать надо.

23 января 1905 года.»

«В моей жизни случилось счастье: нам разрешили носить медали императора Александра III. Первая медаль в жизни. Но заслужил ли я ее? – Нисколько. – Отчего я ее получил? – За то, что я – лицо царской фамилии. Значит, я должен за все эти привилегии поработать. Хватит ли у меня на это сил? Не знаю. Что надо для этого делать? Учиться. Итак, я приложу к этому все мои старания.

17 сентября 1905 года.»

«Беспокойное время. Все забастовки. 16 сентября был заключен мир, чему я не особенно обрадовался. У нас нет войны наружной, а есть война внутренняя. С японцами войны нет, а идет война между русскими. Проливается кровь, стонут люди, Россия не в порядке.

11 октября 1905 года.»

В 1910 году, по окончании Полоцкого кадетского корпуса, князь Олег успешно выдержал вступительные экзамены в Императорский Александровский (бывший Царскосельский) Лицей. Так он стал первым представителем русского Царствующего дома, который получил не только военное, но и гражданское, юридическое образование. Князь Олег закончил Лицей с серебряной медалью, а его выпускная диссертация «Феофан Прокопович как юрист» получила самую почетную лицейскую награду – Пушкинскую медаль.

Занимался Олег Константинович страстно, увлеченно, со свойственным ему трудолюбием и усердием, нередко выходя за пределы учебной программы, и получал за ответы и письменные работы высший, как правило, балл – 12.

1910-й год. Князь Олег возвращается из двухмесячного путешествия по Европе.

«В окне тянулась мимо меня однообразная немецкая равнина. Она вся обработана, вся засеяна – нет живого места, где глаз мог бы отдохнуть и не видеть всей этой, может быть, первоклассной, но скучной и назойливой культуры... Теперь я подъезжаю к милой России. Да, через час я буду в России, в том краю, где все хранит еще что-то такое, чего в других странах нет... Там, где по лицу земли рассыпаны церкви и монастыри... Там, где в таинственном полумраке старинных соборов лежат в серебряных раках русские угодники, где строго и печально смотрят на молящегося темные лики святых... В том краю, где сохранились еще и дремучие леса, и необозримые степи, и непроходимые болота... Отчего-то мне вдруг припомнилось в связи с этими мыслями стихотворение:

Приди ты, немощный, приди ты, радостный,
Звонят ко всенощной, к молитве благостной.

Я довольно много думал, думаю и, дай Бог, всегда буду думать о том, как мне лучше достигнуть моей цели – сделать много добра родине, не запятнать своего имени и быть во всех отношениях тем, чем должен быть русский князь. Я стараюсь всеми силами бороться со своими недостатками и их в себе подмечать. А это так трудно! Я уверен, что ты меня поймешь.» (Из письма отцу, от17 ноября 1912 г.)

«В моей душе есть чувства благородные,
Порывы добрые, надежды и мечты.
Но есть в ней также помыслы негодные,

Задатки пошлые, ничтожные черты.
Но я их затопчу. И с силой обновленною
Пойду вперед с воскреснувшей душой.
И пользу принесу работой вдохновленною
Моей отчизне, милой и родной.
Март 1912 г.»

«Нет, прошло время, когда можно было почивать на лаврах, ничего не знать, ничего не делать нам – князьям. Мы должны высоко нести свой стяг, должны «оправдать в глазах народа наше происхождение». В России дела так много! Мне вспоминается крест, который мне подарили на совершеннолетие (великокняжеское совершеннолетие – 20 лет – Т. К.). Да, моя жизнь - не удовольствие, не развлечение, а крест. В пример себе я ставлю Папа. Мне хочется довести себя до такого нравственного совершенства, которого достиг он. И тут-то я чувствую, насколько я хуже его. Меня пугает моя страстность, страстность во всем, что я делаю.
5 мая 1913 года.»

«Меня всегда увлекает мечта, что в конце концов в Царской семье образуется с течением времени остров. Несколько человек будут проводить в жизнь реакцию по отношению ко всем безобразиям сегодняшней жизни. И мало-помалу опять появятся настоящие люди, сильные и здоровые духом, а во-вторых, и телом. Боже, как мне хочется работать на благо России…
30 марта 1914 года.»

100-летие Лицея (1911) и память *первого лицеиста* августейший воспитанник почтил удивительным даром. Он задумал факсимильное издание всех рукописей Пушкина – как хранившихся в государственных собраниях, так и рассеянных по частным архивам. Этот замысел стал проявлением его деятельной любви к Пушкину, культ которого царил в семье К. Р., и отличался поистине великокняжеским размахом и фундаментальностью. Сколько кропотливого труда и старания вложил в это издание девятнадцатилетний «пушкиниа-нец», какую редкую ответственность проявил он на всех этапах работы: от выработки общего плана издания, отбора рукописей для первого выпуска до сличения готовых снимков с подлинниками и правки корректурных оттисков.

Первый выпуск «Рукописей Пушкина» вышел в начале 1912 года. Выполненное с изящной простотой и безукоризненным вкусом, издание включало факсимиле семнадцати стихотворных произведений *первого лицеиста*. Среди них – «Воспоминание в Царском Селе», которое пятнадцатилетний Пушкин *с необыкновенным оживлением читал* перед Г. Р. Державиным на публичном лицейском экзамене по российской словесности. Внешнее сходство факсимиле с оригиналами удивительно: оттенок чернил, размеры, цвет, даже сама фактура бумаги, аналогичной пушкинской, усиливали иллюзию подлинности.

Критика откликнулась благожелательно, что нельзя объяснить только высоким именем издателя:

«Осуществляется план как бы изъятия пушкинских рукописей из крепко-накрепко замкнутых музейных витрин и библиотечных шкафов, доступ к которым возможен лишь полноправным членам «ордена пушкинианцев», а не простым смертным.»

(Русский библиофил)

«Издание дает прямо эстетическое наслаждение, и первое, что думаешь, любуясь им, это - что надо его иметь в лучших русских средних школах. В самом деле, не знаю лучшего способа приблизить учеников к Пушкину, как показывая им эти тетради и листочки его автографов.»

(Русская мысль)

«Важно отметить и *охранное* значение факсимильного издания. Об этом провидчески, за несколько лет до его появления, писал современник князя Олега, коллекционер-подвижник А. Ф. Онегин:

Я давно ратую за полное воспроизведение таким образом (*т.е. фототипически* – Т. К.) всех рукописей Пушкина, чтобы к ним под предлогом **новых** редакций и не прикасались бы, не говоря уже о возможности полного исчезновения при пожаре не только от огня, но и от воды, которой заливают огонь, как это уже случалось на Руси…»

(Из письма А. Ф. Кони, 1 октября 1905 года)

Тираж первого выпуска составил 1000 экземпляров, 890 из них князь Олег принес в дар Лицею. Министр народного просвещения

«признал целесообразным рекомендовать издание к приобретению в библиотеки средних учебных заведений», что и было сделано.

«Мое настроение чудесно. Я поступаю в полк. Эта зима – последний год в Лицее. ...Опять сочинения, рефераты и т. д. К Рождеству думаю дать второй выпуск моего издания, куда войдет вся проза Пушкина, находящаяся в Лицее. Видишь, как много планов. Самое трудное – хорошо их выполнить, на что я надеюсь с Божьей помощью.»

(Из письма сестре Татьяне Константиновне, 31 июля 1912 года)

«...Мы очутились на проселочной дороге. Наступила невозмутимая тишина. В первый раз после упорной зимней работы и треволнений последних дней я вздохнул свободно. Вся грудь дышала и наслаждалась чистым деревенским воздухом. Экзамены, профессора, Лицей, полк, все волнения, все, все теперь позади... Боже, как хорошо! Вырвался! Где-то там, далеко, далеко люди волнуются, страдают, создавая себе обманчивые кумиры, в погоне за каким-то счастьем... Счастье! Да вот оно, счастье! Боже, как хороша эта тишина, как хорошо это небо, этот лес, поле...

- А что, Иван, - спросил я, заметив лежащие на дороге кучи камней, - никак шоссе собираются делать?

- А кто их ведает? Приезжали, мерили, да вот наворотили... Нет, им скоро шашу не сделать!

Шоссе! – думалось мне, - признак культуры, прогресса... Этому надо радоваться – шаг вперед! Не будет тогда ни ухабов, ни ямщиков, ни троек. Начнем сюда ездить на автомобилях и уж не два часа, а только час. Мало-помалу повырастут фабрики, закипит промышленность. Направо и налево я больше не увижу необозримых полей и лесов... Все застроится... Лес вырубят, болота осушат... И подумать-то страшно о том времени, когда перед окнами нашего помещичьего дома вырастет фабричная труба! Чудное небо закроет облаками вонючего дыма, воздух будет навсегда отравлен, и пропадет поэзия и прелесть деревенской жизни. Нет, нет... Лучше бы этого не увидеть, лучше не дожить до этого времени...»

(Дневниковая запись 1913 года)

«Дождь уныло по крыше стучит,
Догорает свеча у постели.
Вся усадьба давно уже спит:
Петухи уж вторые пропели.
Я не сплю. Я хочу превозмочь
Сон, навеянный поздней порою,
Чтобы слушать, все слышать весеннюю ночь,
Чтобы с нею сродниться душою.
Домниха. 1914-й год.»

Продолжению работ над изданием (к Рождеству предполагалась подготовка второго выпуска) все время что-то препятствовало: сначала – выпускные экзамены в Лицее, которым князь отдался без остатка, потом серьезная болезнь, наконец – война…

«Помню, как вернувшись из Зимнего дворца после слов Государя о начале военных действий, я заехал в Мраморный дворец и на лестнице встретил Олега Константиновича. Он был буквально потрясен тем, что он видел и слышал в Зимнем дворце. Бросившись ко мне, он обнял меня и сказал: «Вы знаете, такие минуты бывают раз в жизни, и счастлив тот, кому Бог дал их пережить… Я не дождусь отъезда на войну… вот теперь пришло мое время».

(Из воспоминаний М. Г. Гаршина)

«Мы, все пять братьев, идем на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как показывает, что в трудную минуту царская семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне.»

(1914-й год. Последняя дневниковая запись, сделанная в Петрограде)

«Я вижу перед собою, с той отчетливостью, которая свойственна скорби, князя Олега Константиновича в походной боевой форме, с его милым лицом и мягким, устремленным задумчиво вдаль взором «говорящих» глаз, - сердечно прощающегося со мною 23 июля, в день его отъезда в действующую армию…

Нас соединяла любовь к Пушкину, к которому он относился восторженно, проницательно и трудолюбиво. В Пушкине, рукописи ко-

торого были начаты им с таким успехом, - для него олицетворялось все, чем сильна, своеобразна, дорога и по праву может быть горда Россия. И когда эта Россия позвала Олега Константиновича на брань, он отдал ей все силы и помышления, сознавая, что есть исторические минуты, когда родина, видоизменяя слова Писания, должна сказать: Да оставит человек отца и матерь свою и прилепится ко мне. В его душе, так понимавшей и знавшей Пушкина, не мог не прозвучать завет «старицы-пророчицы» молодому витязю:

Уберися честно ранами,
Ты омойся алой кровию...»

(Из воспоминаний А. Ф. Кони)

Гусарский полк, с которым выступил в поход корнет Олег Константинович, входил в состав первой действующей армии и уже в начале августа 1914 года получил боевое крещение в Восточной Пруссии.

«Не знаю, как и благодарить Вас, наши милые, за все, что Вы для нас делаете. Вы себе не можете представить, какая радость бывает у нас, когда приходят сюда посылки с теплыми вещами и с разной едой. Все моментально делится, потому что каждому стыдно забрать больше, чем другому, - офицеры трогательны!

...Мы живем только надеждой, что скоро на нашем фронте немцы побегут – тогда дело пойдет к концу. Так хочется их разбить в пух и со спокойной совестью вернуться к Вам. А иногда к Вам очень тянет! Часто, сидя верхом, я вспоминаю Вас и думаю, что вот теперь Вы ужинаете, или Ты читаешь газету, или Мама вышивает... Были дни очень тяжелые. Одну ночь сплошь мы шли до утра, напролет. Солдаты засыпали на ходу. Я несколько раз совсем валился на бок, но просыпался всегда, к счастью, вовремя. Самое неприятное – это дождь. Очень нужны бурки, которые больше греют, чем пальто. Где Костя? Брат, князь Константин Константинович. Что он? Ничего не знаем. Слыхали и читали у Тебя или у Татьяны в письме, что его товарищ Аккерман ранен около него. Да хранит его Бог! Все за это время сделались гораздо набожнее, чем раньше. К обедне или ко всенощной ходят все... Церковь полна...

Маленькая подробность: последний раз я ходил в одном и том же белье 14 дней! Обоз был далеко, и все офицеры остались без белья, без кухни, без ничего... Варили гусей чуть ли не сами... Часто во время похода ложимся на землю, засыпаем на пять минут. Вдруг

команда: «Коням!» Ничего не понимаешь, вскарабкиваешься на несчастную лошадь, которая, может быть, уже дня три не ела овса, и катишь дальше.

Молитесь за нас! Да поможет Бог нашим войскам поскорее одержать победу.

Твой собственный Олежка.»

(Последнее письмо отцу из-под Кенигсберга,11 сентября 1914 года)

27 сентября 1914 года взвод под командованием корнета князя Олега Константиновича атаковал неприятельский разъезд, *причем Его Высочество первым доскакал до неприятеля, врубился в него, получил рану, от которой и скончался.* (Из официальной хроники). За мужество и храбрость он был награжден Императором орденом святого Георгия 4-й степени, и за час до смерти сына великий князь Константин Константинович, прибывший в Виленский госпиталь, успел приколоть ему Георгиевский крест его деда. Как князя императорской крови, согласно традиции, его должны были хоронить в Петербурге, в великокняжеской усыпальнице рядом с Петропавловским собором. Но принятый обычай нарушили. Еще 12-летним мальчиком князь Олег высказал желание быть похороненным в Осташеве – милом его сердцу подмосковном имении отца. Там, на высоком берегу реки Рузы, он и погребен. На могиле был сооружен храм-усыпальница, освященный в честь святого благоверного князя Игоря Черниговского и святого преподобного Серафима Саровского, которого особенно почитали в семье великого князя.

«…В любимом им Осташеве, видевшем расцвет этой жизни, на высоком холме спит он вечным сном. Его сторожат развесистые деревья, кругом расстилаются далекие нивы, блестит в своих извивах река и приветливо высится церковь – все, что так чтил и любил он, - а сбоку, близко, его земное жилище, где, в смирении перед Высшей волей, пролилось о нем столько горячих слез…»

(Из воспоминаний А. Ф. Кони)

(Татьяна Ивановна Краснобородько является хранителем Пушкинского фонда Рукописного отдела Института русской литературы, в Санкт-Петербурге.)

М. А. Гершельман

УЧАСТИЕ ПАЖЕЙ В ТОРЖЕСТВАХ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ

(Из воспоминаний полковника А. С. Гершельмана)

До сих пор говорилось о государственных заслугах и о воинских доблестях воспитанников Пажеского Корпуса, но хочется несколькими штрихами осветить и придворную службу, к которой также готовили выпускников этого Военно-Учебного Заведения, приведя выдержки из воспоминаний А. С. Гершельмана. Он выпуска 1913 года и, таким образом, будучи камер-пажем, имел счастье участвовать в торжествах **«300-летия Дома Романовых»**.

Назначенный к Великой Княгине Марии Александровне, дочери Императора Александра II, он сопровождал ее на всех торжественных «выходах», приемах, обедах и балах в Санкт-Петербурге и в Москве. Он пишет:

«... Я счастлив, что на закате Российской Империи мне суждено было состоять при представительнице нашего Царского Дома и именно при такой, какой я себе всегда представлял русскую Высочайшую Особу... она обладала каким-то врожденным чувством такта, какой-то царственностью, связанной с простотой и душевностью, и умела добиваться от подданных Императора той же искренней преданности династии, которая полностью захватила и меня за те короткие месяцы... и я благодарю Бога, что Он мне судил через «мою» Великую Княгиню заглянуть в мир старшего поколения Царского Дома...

Первой моей ответственной службой при Дворе был «выход» через залы Зимнего Дворца в дворцовую церковь, которым начинались торжества «Трехсотлетия Дома Романовых». Перед этим камер-пажи, стоя у подъезда Дворца, встречали каждый «свою» Государыню или Великую Княгиню и уже неотлучно сопровождали ее во время всех церемоний.

Царская Семья выходила парами, камер-пажи шли в шествии немного сзади и справа от Высочайших лиц, ими сопровождаемых,

поднимая шлейфы парадных платей на поворотах и на коврах.

Прохождение через роскошные залы Дворца, золото мундиров и красочные платья фрейлин - все это производило неизгладимое впечатление блеска и составляло величественную картину, невольно связуемую с представлением о мощи Русской Империи.

Перед выходом Государь принимал монгольскую делегацию, которая прибыла просить покровительства Белого Царя для своей страны. Монголы были одеты в пестрые халаты, а на головах у них были низкие шапки, к верхам которых были прикреплены лисьи хвосты. Встав на колени, они пали ниц, от того хвосты ударились о пол у ног Императора, что испугало Наследника, и Он, отвернувшись от этих страшных людей, прижался к плечу несшего Его казака. Монголы выражали преданность Русскому Царю. Государь им отвечал. Так я невольно приобщился к великодержавной политике нашей Родины.

На одном из обедов я стоял недалеко от Государя, за стулом одного из высокопоставленных лиц. Конечно, я воспользовался случаем, чтобы, не отрываясь, смотреть на Царя, изучая Его лицо, движения, улыбку. Не знаю, отчего Он обратил на меня Свое внимание. Прочел, может быть, в моих глазах чувства, меня волновавшие... Сначала Он посмотрел на меня вскользь, потом остановил на мне Свои светлые, лучистые глаза, взял в руку пирожок, показал его мне и с улыбкой откусил. По-видимому, этой шуткой Он хотел сказать: «Вот ты стоишь голодный, а я закусываю». На секунду между Царем и мною протянулась какая-то нить. Я от смущения густо покраснел; Государь еще раз улыбнулся и заговорил с соседом. Прошли десятки лет, но глаза и улыбка Государя никогда не изгладятся из моей памяти.

Самым утомительным во время торжеств был прием поздравлений Царской Четой. Бесконечной вереницей подходили поздравляющие, мужчины отвешивали поклоны, а дамы делали придворные реверансы. Царь подавал всем руку, а Царица давала руку для поцелуя. Долгие часы нам пришлось стоять на вытяжку. Особенно страдал от этой церемонии Цесаревич, Его живому нраву было невтерпеж сидеть на стуле и смотреть, как незнакомые люди скучной чередой подходили к Его Родителям. Вдруг я вижу, что Он начинает своей маленькой шашкой играть шлейфом Матери, оглядываясь при этом на Своих сестер. Государыня сделала Ему знак не играть, но через несколько минут Он снова начал. Наконец, Его маневры заметил Государь и, обернувшись к Нему, строго приказал: «Алексей, прекрати!» Наследнику стало еще грустнее.

В Санкт-Петербурге торжества закончились представлением оперы «Жизнь за Царя» в Мариинском театре. Когда я вошел в ложу за Великой Княгиней Марией Александровной, я оторопел от красоты представшей передо мной картины, этой игры красок, от роскоши мундиров, изобилия золота, разнообразия уборов - фрейлины были в своих придворных, украшенных золотом, платьях, с кокошниками на головах. Окончился этот незабываемый феерический спектакль пением «Боже, Царя храни», и слезы восторга наворачивались на глаза, слушая наш гимн.

В Москве мы тоже участвовали в «выходе». Шествие шло через залы кремлевского Дворца к Красному Крыльцу. В последнем, Георгиевском, зале навстречу Государю вышел А.Д. Самарин, предводитель московского дворянства, с приветственным словом. Я оказался вблизи Государя и мог слушать Его ответное слово. Я слышал Его впервые. Он говорил исключительно спокойно, ровным негромким голосом, но благодаря безупречному произношению каждое Его слово звучало отчетливо; как мне казалось, Он говорил без подготовки, так как касался многих пунктов обращения к Нему дворян. Затем «выход» снова выстроился для следования на Красное Крыльцо. С утра мы с грустью заметили, что погода была пасмурной, и здесь при выходе Царя на древнее Крыльцо произошло чудо – порыв ветра мгновенно разогнал тучи, и радостное весеннее солнце залило своим светом Царя, сходящего к толпе Своего народа, запрудившего всю Соборную площадь. Звон колоколов, музыка оркестров и крики «ура» несметной толпы слились в радостный аккорд. Шествие медленно спустилось и прошло в Успенский Собор. Роскошное облачение духовенства, песнопение, кажущееся, действительно, неземным в рамке древних расписанных сводов, строгие лики святителей – создали контраст с буйным ликованием площади, который врезался в память на всю жизнь.

Многим может быть непонятным, отчего для нас воспоминания о службе при Дворе Императора так дороги. Мне они дороги не только как память о красоте и блеске, меня окружавшем в те часы, не только потому, что я был близко от Государя, сиявшего в ореоле Царского венца... Участвуя в придворных торжествах, стоя в храмах или дивясь сказочной красоте, роскоши и блеску в Мариинском театре, я бессознательно чувствовал себя приобщенным тому дивному явлению, которое носило имя РОССИЯ.»

Татьяна Ганф, Владимир Цыганков

ПОСЛЕДНИЙ ДУХОВНИК ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

6 (18) августа – день рождения протоиерея Александра Васильева, а 5 сентября (23 августа) – день его мученической кончины. Новомученик протоиерей Александр пережил свое 50-летие всего лишь на 17 дней.

Он был одним из первых членов Татевского общества трезвости С. А. Рачинского, первым в Петербурге проповедником православной трезвости для больших групп рабочих и последним духовником Царской Семьи. В среде православных трезвенников Санкт-Петербурга растет его почитание. Думается, что память о протоиерее Александре Васильеве станет со временем всероссийской.

Александр Петрович Васильев родился 6 августа 1868 года в деревне Шопотове Смоленской губернии (ныне Тверская область) в семье простого крестьянина – землепашца.

В детском возрасте Александр лишился родителей, но без попечения не остался. Его принял в школу в соседнее село Татево известный народный учитель Сергей Александрович Рачинский (02. 05. 1833 – 02. 05. 1902). В Татевской школе профессор-педагог заметил в богобоязненном мальчике большую любовь к церковности и стремление к духовным наукам.

Церковно-школьная деятельность С. А. Рачинского стояла в самой тесной связи с его православной трезвенной работой. 5 июля 1882 года, в день преподобного Сергия Радонежского, Сергей Александрович совместно со своими учениками создал Татевское общество трезвости, которое послужило в дальнейшем примером для развития православного трезвенного движения в России. Молодой Александр Васильев промыслом Божиим оказался в числе первых членов общества трезвости С. А. Рачинского.

Рачинский определил своего любимого воспитанника А. П. Васильева в Бельское духовное училище, а затем в Московскую Вифанскую духовную семинарию, которую Александр закончил в 1889 году.

В том же году он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. С первого курса студент Александр Васильев начал свою проповедническую деятельность, вдохновением для которой стал опыт трезвенной работы его учителя С. А. Рачинского. Первые проповеди Александр произнес в храме своего небесного покровителя, благоверного князя Александра Невского, на знаменитой бумажной фабрике Варгуниных в Малом Рыбацком. В это время, в 1889 году, в журнале «Церковные Ведомости» появились знаменитые статьи С. А. Рачинского «Из записок сельского учителя» и «Открытое письмо», в которых был представлен Татевский опыт православной трезвенной работы.

В течение трех лет (с 1890 по 1893 год) студент Александр проповедовал Слово Божие в варгунинском храме от имени Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, которым руководил протоиерей Философ Орнатский, будущий новомученик, прославленный в лике святых на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года. Александр Васильев вел проповедь горячо, искренне, вдохновенно. Настоятель храма протоиерей Иоанн Васильевич Любимов, видя молодого проповедника, отдающего делу народного просвещения все свои силы, «иногда говорил даже, что недолго проживет А. П. Васильев, если так всегда будет говорить».

Проповеди Александра Васильева вдохновили варгунинских рабочих создать при храме общество трезвости. Вскоре появились первые трезвенники. «К обещанию на трезвость перед Святым Крестом и Евангелием приступили крайне осторожно. Студент Александр Петрович Васильев советовал употребить такую тактику, чтобы сначала допустить трезвенническое обещание только на три месяца. 13 января 1891 года было таких членов в Варгунинском Обществе 60 человек, а 25 марта того же года уже 146 человек». Через три месяца со дня основания Варгунинского общества трезвости, 14 апреля 1891 года, был утвержден уже годичный срок обета трезвости и установлена окончательная организация этого общества.

В это же время Александр Васильев стал ездить с проповедями на Боровую улицу во временный Покровский храм, где зарождалось еще одно общество трезвости – во имя святого мученика Вонифатия при Епархиальном Братстве Пресвятой Богородицы. Как в храме святого Александра Невского, так и в Покровском храме студент Александр «каждую свою проповедь, о чем бы она ни была, сводил к одному выводу…трезвись, православный народ, чтобы не погибнуть».

Современники отмечали: «...А. П. Васильев заявил себя талантливым народным проповедником-импровизатором, много потрудившимся при ведении внеслужебных бесед с народом от имени Санкт-Петербургского Общества распространения религиозно-нравственного просвещения».

19 июля 1892 года Александр Васильев был рукоположен в иерейский сан. Его огромная энергия и неутомимая деятельность в деле утверждения трезвого образа жизни еще более возросли и дали блистательный результат среди рабочего класса: идеи православной трезвости стали быстро распространяться в фабрично-заводской среде. А в день ангела о. Александра Васильева, 30 августа 1894 года, движимые чувством благодарности представители рабочих от Обуховского и Александровского заводов, а также Варгунинской и Торнтоновской фабрик, преподнесли любимому батюшке Евангелие и памятный адрес.

С 4 курса А. П. Васильев уволился, согласно прошению, на епархиальную службу. Служа на различных приходах, он окончил в 1900 году Санкт-Петербургскую духовную академию. Являясь членом Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, священник Александр Васильев активно принимал участие в его деятельности, проповедовал, вел беседы о трезвости, организовывал православные библиотеки на окраинах Петербурга, в рабочих районах.

Батюшка немало способствовал созданию общины, а затем молитвенного дома при белильной фабрике Ф. Г. Бажанова возле Нарвских ворот. Здесь с 1907 года им было начато регулярное богослужение, а с 1908 года – открыто Сергиевское общество трезвости и противосектантские курсы. В 1910-1911 годах здесь же его усилиями возводился храм Успения Пресвятой Богородицы (Болдыревская церковь). С 1912 года о. Александр стал настоятелем новопостроенного храма. К этому времени в семье батюшки Александра было уже семь детей.

С 9 января 1910 года протоиерей Александр Васильев по приглашению Императрицы Александры Федоровны состоял законоучителем Царских Детей, а с 7 января 1911 года стал преподавателем Закона Божия для Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Дочь о. Александра Мария вспоминает:

«Отец преподавал Цесаревичу Закон Божий. Алексей был очень религиозен. Отношения Государя с ним (то есть с о. Александром) были самые теплые».

С 1911 года протоиерей Александр Васильев стал почетным чле-

ном Епархиального Братства Пресвятой Богородицы, основанного обер-прокурором Святейшего Синода Константином Петровичем Победоносцевым. Братство Пресвятой Богородицы являлось в столице одним из центров православной трезвости и просвещения, в создание и развитие которого немало сил вложил батюшка Александр. В 1911 году он был награжден митрой и наперсным крестом из Кабинета Ее Величества.

С 5 октября 1912 года протоиерей Александр Петрович Васильев служил в придворном соборе Спаса Нерукотворного Образа при Зимнем Дворце, а с 1913 года был назначен настоятелем храма Феодоровской Иконы Божией Матери в память 300-летия Дома Романовых в Царском Селе. Протоиерей Александр Васильев был дружен с другим протоиереем Александром – Дерновым, настоятелем Петропавловского придворного собора. Они часто совместно служили в придворных храмах, а иногда вместе вели проповедническую деятельность от Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви.

Со 2 февраля 1914 года протоиерей Александр Васильев стал духовником Их Императорских Высочеств. В 1915-1917 годах он – духовник Их Величеств.

С 17 февраля 1915 года протоиерей Александр Дернов Высочайшим указом был назначен на должность заведующего придворным духовенством и получил сан протопресвитера. С этого дня протопресвитер Александр Дернов становится непосредственным начальником о. Александра Васильева. Эти два выдающихся пастыря и соратника многому учились друг у друга.

Проповеди батюшки Александра Васильева производили глубокое впечатление на слушателей. Это отметила, например, Государыня Императрица Александра Федоровна после литургии в Царском Селе 26 августа 1915 года. Она сообщает в своем письме Государю Императору Николаю Второму в Ставку о проповеди протоиерея Александра Васильева следующее: «Батюшка прекрасно говорил. Я хотела бы, чтобы побольше людей из города его послушали. Это было бы им очень полезно, так как он очень хорошо коснулся внутренних вопросов».

В переписке с супругом Государыня называет своего духовника, выходца из простого народа, «Батюшкой». «Наш Батюшка служил молебен...», «Я просила Батюшку прочесть молитвы...», «Батюшка говорил проповедь о Марии Египетской», «...Хотела бы, чтобы ты (Государь Император Николай Второй) причастился, и Батюшка думает то же

самое», «...Батюшка принес Бэби (Цесаревичу Алексею) Св. Причастие», «Я просила Батюшку отслужить благодарственный молебен, что он и исполнил после короткой, хорошей проповеди...», «Дети отправились... на панихиду по Батюшкиному сыну, он просил нас прийти».

При отправке Царской Семьи в Сибирь отец Александр Васильев служил им напутственный молебен. Он же служил напутственный молебен для камер-юнгферы М. Ф. Занотти, комнатных девушек А. П. Романовой и А. Я. Уткиной, которые последовали вслед за Царской Семьей в Тобольск.

Царская Семья до своей мученической кончины помнила о своем духовнике. Императрица Александра Федоровна называла его «наш отец Александр».

После отправки Царской Семьи в Тобольск протопресвитер Александр Дернов старался улучшить положение своего подчиненного, перевел о. Александра Васильева на рабочую окраину, в храм Успения Пресвятой Богородицы (Болдыревский), который был создан о. Александром. В этом приходе рабочие могли защитить своего батюшку если не от ареста, то, по крайней мере, от покушения на его жизнь пьяных солдат и матросов. К этому времени здоровье неутомимого пастыря было уже основательно подорвано. Усилиями протопресвитера Александра Дернова батюшке была назначена пенсия, что давало его большой семье возможность для выживания в условиях надвигающегося голода и разрухи.

Батюшка Александр принял мученическую кончину менее чем через два месяца после расстрела Царской Семьи. 16 (29) августа он был арестован, когда после покушения на Ленина шли так называемые «ленинские расстрелы». Его дочь, Мария Васильева, вспоминает: «По делу Ленина брали десять человек с дома. Кого выпускали за крупный выкуп, кого нет...». 23 августа (5 сентября) 1918 года тяжело больной протоиерей Александр был расстрелян в Петрограде «в общей массе заложников»...

Ныне православными петербуржцами тщательно изучается опыт просветительского, трезвенного и пастырского служения новомученика протоиерея Александра Васильева, готовятся материалы к его канонизации. Думаем, что в наше время для всех русских людей особенно важно помнить и соблюдать завет пастыря доброго: «Трезвись, православный народ, чтобы не погибнуть».

(Подготовлено по архивным материалам Санкт-Петербургского православного общества трезвения. «Трезвение», № 13.)

ЮНКЕРА

(Виленцы в Полтаве)

1.

К первому мая 1916 года в Полтаву, для поступления в Виленское военное училище, съехалось из разных запасных полков и батальонов множество молодых людей в защитной форме, коротко остриженных, обветренных, огрубелых. Их временно, до приема в училище, разместили в каких-то старых цейхгаузах на двухэтажных нарах.

Все они уже привыкли к нарам, к тесноте, к духоте и к насекомым забитых людьми казарм, к солдатским щам, хлебаемым из общей миски, к крутому ржаному хлебу, к мясной порции на деревянной палочке, вообще ко всему тому, что отличало в те годы нелегкий быт солдата военного времени.

Поэтому-то военное училище, даже очень строгое, каким слыло Виленское, не только никого не пугало и не смущало, а наоборот – радовало, суля хотя и строгую, но упорядоченную жизнь.

На тенистой и тихой Монастырской улице – типичной губернской архитектуры здание Полтавской духовной семинарии. За семинарским садом стелятся зеленые поля и холмы Полтавщины.

Само здание отделено от улицы железной решеткой, маленький палисадник, тротуар из каменных плит, в щелях пробивается трава.

В этом здании размещен первый батальон (1, 2 и 5 роты) Виленского училища. Второй батальон (3, 4 и 6 роты) рядом, в новом, более просторном и более светлом здании Епархиального училища. Оба здания отделены друг от друга недлинной улочкой, на которую выходят ворота из внутренних дворов обоих батальонов.

Полтава, город-сад, утопает в зелени старых лип, цветут вишни, сирень, черемуха; в садах цокают соловьи. Солнечно и радостно.

Стоя перед училищем, приятно наблюдать, как из ворот, взвод за взводом, выходят загорелые, в выцветших от полтавского солнца синих погонах, с вытертыми галунами, юнкера.

Час ранний, и они отправляются в поле на учение, в зеленую долину у монастыря, где проходит полотно железной дороги, соединяющей оба полтавских вокзала.

Выправка, равнение, шаг, бодрое пение – все особое, юнкерское, строгое и безукоризненное, то самое «виленское», о чем много говорилось в запасных батальонах в предвидении отправки в училище. Офицеры, идя в стороне, зорко следят за своими, уже хорошо вышколенными питомцами, которые через месяц станут прапорщиками.

Строй, команды, ученья – не новинка для подавляющего большинства поступающих: почти все прошли курс солдатского обучения в запасных частях, многие кончили учебные команды, некоторые носят унтер-офицерские нашивки.

Но в юнкерах имеется нечто отличное, какие-то особые черты, делающие их - даже несмотря на короткий срок нахождения в училище – людьми особого военного склада, особого духа. Почему это так и почему всякое военное училище очень скоро накладывало на каждого новичка свой особый отпечаток, - нетрудно было понять, переступив училищный порог и увидев в вестибюле вывезенный из Вильны бронзовый бюст Императора Александра II-го на постаменте.

Еще легче понять юнкерскую сущность, став в строй, скажем, пятой роты, выстроенной утром в бывшем семинарском, а теперь училищном зале, отделенном от церкви широкими дверями.

Портреты трех Императоров в тяжелых золотых рамах; знамя в чехле, с часовым, берущим по-ефрейторски на караул проходящим офицерам; строгий порядок, тишина – все это свидетельствует о том, что в условиях военного времени подготовка офицеров идет с той же неуклонной настойчивостью, терпением и высоким искусством, которые прославили Виленское военное училище со времен генерала Адамовича.

В наши дни его уже в училище не было: он командовал полком на фронте; но его дух, его заветы, правила и идеи – продолжали жить и живо ощущались во всем училищном быту. Передавались красочные рассказы о нем, читались его приказы, пелся им введенный, если можно так сказать, училищный гимн на слова К. Р.: «Наш полк, наш полк – заветное, чарующее слово!»

Внедрялись всем училищным духом в сознание новых юнкеров девизы: «К великому и светлому знай верный путь!», «Виленец один в поле – и тот воин».

И в отсутствие генерала Адамовича все это тщательно поддерживалось прекрасным кадром училищных офицеров. Начальником училища в наши дни был генерального штаба полковник Анисимов, человек малозаметный, с юнкерской точки зрения «шляповатый». Он редко появлялся и мало влиял на юнкерскую жизнь.

Зато виленцем самой чистой воды был полковник Чевнов. Он-то и наблюдал за тем, чтобы в училищных стенах, на новом месте, в особый период жизни училища, не слабел и не рассеивался виленский дух.

Элегантный старый холостяк, лысеющий и коротко остриженный, с тугими усами, с каким-то кавалерийским изяществом, хотя он и был природным пехотинцем (170 пехотного Молодечненского полка), - он представлял собой образец виленского училищного офицера.

Насколько было возможно в крайне короткие сроки обучения военного времени, он всеми мерами стремился к тому, чтобы внедрить в сознание будущих прапорщиков хотя бы малую долю того, что носило печать «виленства».

Как-то, в очень знойный полтавский день, наш взвод, утомленный, запыленный и пропотевший, возвращался с полевого учения. Все были истомлены, винтовки оттягивали плечи, тяжелые сапоги тяготили ноги. Хотелось скорей освободиться от них, растянуться в палатке на койке. Взвод шел молча, озабоченно, угрюмо.

На углу, на повороте к училищу, мы увидели полковника Чевнова. Он стоял на краю тротуара, заложив руки за спину и посматривая на нас несколько иронически. «Взводный, что случилось? – спросил он строго. – Почему нет песни? Виленцы всегда поют, при всех условиях… Песню!»

«Колеблются грозно знамена, гремят барабаны кругом, в коварное царство тевтона мы смело и гордо пойдем!» - грянула песня, и дух уныния испарился.

…Итак, пятая рота выстроена для осмотра и утренней молитвы. Требовательный, знающий себе цену фельдфебель с золотой поперечной лычкой на погоне внимательно осматривает новых юнкеров: «Побриться надо!», «Затяните пояс!», «Плохо вычистили бляху, в следующий раз получите наряд»…

Для некоторых из прибывших со стороны все это странно и ново: женатые люди, отцы семейств, кончившие университеты, студенты – как бы возвращаются в давние школьные дни.

– Господин фельдфебель, разрешите стать в строй!

– Почему опоздали?

– Оправлялся!

– Становитесь! Взводный второго взвода! Запишите юнкеру Смирнову наряд вне очереди.

– Смирно, равнение направо!

Ротный командир капитан Муратов. Статный, жгучий брюнет южного типа, с кольцами закрученных черных как смоль усов… Спокойный, корректный. Одет, как все училищные офицеры, безукоризненно по форме. Никто из них не носил модных тогда френчей, бриджей, галифе.

Короткий, четкий ответ на командирское приветствие. Очень внимательные глаза командира пробегают по новым лицам. Как будто все в порядке.

Рота по лестнице спускается в столовую. Дежурный фельфебель – портупей-юнкерский тесак с офицерским темляком, три белых лычки – вытянулся в струнку.

– Батальон, смирно! – командует он при выходе дежурного офицера

Сдержанный гомон, гул голосов, звяканье посуды. Перед образом горит красный глазок лампады.

На столах приготовлены бутерброды с сыром для идущего в поле старшего курса – он не будет завтракать в училище. Младший же курс после завтрака идет на лекции.

Темноватые классы, через которые, наверно, прошло не одно поколение семинаристов.

Тактику читает наш батальонный командир подполковник Бутурлин. Он из того же виленского теста, из которого вылеплены и все другие училищные офицеры, спокойный, выдержанный, тщательно одетый.

Преподаватель он не требовательный, вероятно, потому, что знает и состав аудитории, на три четверти состоящей из людей, не имеющих среднего образования, и то, что за четыре месяца учения многому не научишь. Читает он хорошо и понятно, но в дальнейшем, когда мы втянулись в строевые занятия, слушание лекций и его, и всех других преподавателей представляло собой исключительно трудное испытание.

Постоянная физическая усталость и недосыпание сказываются немедленно. Не успевал лектор развить свои мысли, как мягкая ис-

тома начинает баюкать усталые мозги, веки сами собой смыкаются, голос лектора уплывает в какую-то даль, тело мякнет. Страшным усилием воли стряхиваешь с себя оцепенение. Сколько оно продолжалось? Успел ли Бутурлин заметить, что сидящий на передней скамье портупей с университетским знаком вдруг клюнул носом?

Может быть, и заметил, но он хорошо знает, как тяжело дается юнкеру военного времени его учение, и, по своей благожелательности, вероятно, делает вид, что ничего не заметил.

Даже очень сокращенный курс наук в училище для многих представлял необоримые трудности. Артиллерия, топография, фортификация – все это многим кажется самой сложной, непонятной и неодолимой мудростью.

Впрочем, и преподаватели, в свете всего нового, что дает длящаяся война, по-иному стали смотреть на то, что они преподавали много лет юнкерам.

Например, преподаватель фортификации, старый, кадровый виленец, побывал на фронте специально для того, чтобы проверить применение своей науки на практике.

Вернулся он из командировки положительно потрясенным. Куда делась вся красота парапетов, траверсов и прочих сооружений, которые с такой красивой точностью смотрели со страниц учебников и безукоризненно, с любовью вычерченных на классной доске чертежей?

Беспорядочные, неправильной и неожиданной формы окопы, ходы сообщений, блиндажи, не имеющие ничего общего с тем, что он преподавал, – все это привело в ужас старого знатока прежней фортификационной науки. Он не скрыл своего разочарования перед нами, откровенно заявив, что на всем, чему он учил раньше, надо поставить крест.

Лекции длились до завтрака, до 11 часов. Таким образом, целых три часа приходилось, напрягая все силы, бороться с дремотой, а это было, пожалуй, тяжелей, чем делать перебежки под жарким южным солнцем или во время ночных занятий пробираться в чаще кустов, разведывая пути «противника».

Впрочем, в те дни лозунг «Все для победы!» стоял превыше всего. Да и победа как раз тогда повернула свое прекрасное лицо в нашу, русскую сторону: шло победоносное «брусиловское» наступление. Поэтому-то всякий чувствовал, что надо крепиться и терпеть.

Картинный и молодецкий, щеголявший своим красноречием командир второго батальона подполковник Зеленин высказал эту мысль перед застывшим строем своего батальона: «Когда Государь Император выйдет на поле битвы и скомандует : «Вынь патроны!», - прозвучит отбой и все вернуться по домам. А до тех пор надо учиться, работать, не покладая рук».

Слова эти производили впечатление, отвечающее общему настроению.

2.

Полевая дорога, поросшая подорожником и мелкой кудрявой травкой, идет от Полтавы к месту Полтавской битвы. Кругом матовая зелень начинающей колоситься пшеницы, полевые цветы, пенье жаворонков в далекой выси, там, где на жарком небе лениво ходят кудрявые облака. Белые хатки, плетни, вишневые садочки.

Сворачивают с дороги возы, лениво влекомые круторогими волами, понукаемые флегматичными «дядьками» в соломенных брилях. Зной, тишина, ленивая истома…

С громкими, бодрыми песнями, в свежих погонах, с винтовками на плече идут новые виленцы на поле Полтавской битвы для принятия присяги.

Увы, строй уже не украшают грознощетинящиеся штыки: они все на фронте. Да и винтовки неоднородны: часть русских трехлинейных образца 1891 года, часть английских.

До места Полтавского сражения верст восемь; идти с короткими привалами часа два с лишком. К полудню, наконец, открывается оно, это заветное поле русской славы и русской чести. Окаймленное вдали голубоватой кромкой дальних лесов и садов, оно расстилается широкой равниной, на которой тут и там белеют возведенные недавно, в дни празднования двухсотлетия Полтавского сражения, колонки, означающие места прежних редутов.

Величественно высится громадный холм, увенчанный трехсаженным гранитным крестом. Он зелен, к верхней части гранитной же площадки с обеих сторон ведут лестницы с железными решетками. Это-то и есть так называемая «Шведская могила», в которой на самом деле покоятся вовсе не шведы, а русские воины – герои Полтавы.

Рядом белая церковь с золотыми куполами во имя Святого Сампсона Странноприимца (память его празднуется 27 июня) и музей. В нем зеленые мундиры петровских полков, треуголки, каски, громадные ружья, такие же штыки, заржавленные мячики-бомбы, гранаты и другое, что безмолвно говорит о «славе прошлой». Все это волнует, трогает, рождает высокие чувства.

Невольно обращается мысль к давним, петровским дням и, в частности, к тому дню, первому после полтавской победы, когда Царь самолично хоронил верных воинов, павших на поле брани.

Рано утром после сражения – гласит отечественная быль – начали копать могилы для убитых. Во время отпевания Государь пел с певчими, и часто голос его дрожал от сдерживаемых слез.

Потом, обращаясь к лежащим в братских могилах своим соратникам, Государь взволнованно сказал: «Храбрые воины, за благочестие, отечество и род души положившие! Всем, яко венцами, вы увенчались и у праведного подвижника Господа дерзновение имаете: споспешествуйте мне в праведном оружием моем против врагов отечества и благочестия, молитвами вашими да возможем в мире прославить Бога и ваши подвиги!»

Затем Государь трижды земно поклонился усопшим, и могилы стали засыпать. На могильном холме Император Петр собственноручно водрузил крест с надписью: «Воины благочестивые, кровию венчавшиеся лета от воплощения Бога Слова 1709, июня 27».

Эти слова и ставшие знаменитыми другие петровские слова: «А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия», - читаем мы теперь, находясь на этом святом месте в виду громадного креста, венчающего братскую могилу.

Там же, на одной из сторон памятника, надпись: «Погребены бригадир Флейнгейм, полковники Нечаев и Лов, подполковник Козлов, майоры Кропотов, Ерст и Гельт, обер-офицеров сорок пять, капралов и рядовых тысяча двести девяносто три. Всего погребено 1345 человек».

С грустью и благоговением читаются имена, и, как всегда в таких случаях, хочется представить себе, какими в жизни были и бригадир Флейнгейм, и полковник Нечаев, и те безвестные обер-офицеры, капралы и солдаты, которые, вот уже два века, спят под этим могильным холмом.

И вот теперь и мы, их потомки, идущие по тому же нелегкому пути воинского долга, по которому шли и они, пришли сюда для

того, чтобы на их костях дать клятву верности «отчизне славной, великому Царю и вере православной».

С высоты могильного холма наш училищный священник о. Георгий Спасский, красивый, с матово-бледным лицом, обрамленным черными кудрями и бородой, - с глубоким чувством, вдохновенно читает святые слова.

О. Георгий недавно напутствовал в Вильне смертельно раненого Князя Олега Константиновича: он пламенный проповедник, своими словами жгущий людские сердца.

В Виленском училище во время церковных служений, как бы продолжительны они ни были, юнкера стоят все время в положении «смирно»: ни повернуть головы, ни отставить или ослабить ногу – невозможно. При таких условиях слушать даже такие необыкновенные проповеди, которые говорил о. Георгий, было нелегко.

Сейчас, конечно, во время принятия присяги перед памятником Российской военной славы, - все несколько иначе. Об усталости нет и речи. Минуты торжественные, возвышающие душу, оставляющие в сердце глубокий след.

Ласковый весенний ветерок чуть колеблет старое знамя, овевает непокрытые, стриженые головы юнкеров, струйкой поднимает голубой кадильный дым.

Потом по полтавскому полю, широко и мощно, как славословие к петровским полкам, проливавшим некогда свою кровь на этом поле, и тем полкам Российской армии, которые льют ее сейчас на всех участках громадного фронта, несутся волнующие слова: «Наш полк, наш полк, заветное чарующее слово!». Начальник училища поздравляет юнкеров с принятием присяги. «Государю Императору – ура!»

– «Ур-а-а! Ур-а-а», - вторит эхо громкому крику.

Позже в соседней роще, где устроен привал и дается походный завтрак, к начальнику училища вызываются юнкера, предназначенные для фельдфебельского и портупей-юнкерского звания. Они выстраиваются в длинную шеренгу, вытянувшись в струнку. Будущие фельдфебели производятся в старшие, а взводные в младшие портупей-юнкера.

Такое производство для начальства – дело нелегкое. Из массы новых людей, пробывших в училище всего один месяц, надо угадать, распознать и выделить достойных. Раздумывать и взвешивать некогда; решать надо быстро.

Впрочем, наметанный глаз училищных офицеров ошибался редко: как правило, назначения на начальственные должности было удачным.

По тем же, но уже вечереющим полям училище возвращается в Полтаву.

Великаны первой роты, усатые, мужественные, крепко отбивая ногу, поют о двух гренадерах, бредущих из русского плена; вторая рота (командир – щеголеватый капитан Мириманов, бывший московский гренадер) звонко, молодецки поет давнюю, подмывающую песню: «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать! То ли дело под шатрами в поле лагерем стоять!», а наша пятая рота, в тон тихому вечеру, поет с чувством: «Белой акации гроздья душистые вновь ароматом полны…».

Розовый отсвет вечерней зари, золотистые облака, мир и тишина свежих полтавских полей и слова этой песни – навевают привычные, молодые мысли о том немногом, что уже прожито, и о том большом, таинственном и грозном, что ждет нас за порогом училища.

Вечером, как бы подтверждая глубокую значительность всего пережитого в этот день, в приказе по училищу объявлялось полученное от командира Н-ского полка сообщение (такие сообщения получались сплошь и рядом) о том, что виленец такого-то выпуска, имя рек, такого-то числа и месяца пал в бою смертью храбрых.

Как всегда, сообщение это в приказе заканчивалось словами: «Вечная память тебе, славный виленец!». Итак, еще один виленец честно выполнил свою присягу! Не так ли должны будем и мы поступать в свое время?

1-го июня прибыло новое пополнение в училище. Мы, пробыв в нем всего лишь месяц, делались уже старшими юнкерами.

Через два-три дня после прибытия новых некоторые из нас проводили на мощеном училищном дворе шереножное учение с вновь поступившими, главным образом, со студентами, уже сменившими свои студенческие тужурки с путейскими и горными наплечниками на защитные рубахи.

Надо сказать, что за единичными, очень редкими исключениями, студенты очень скоро поддавались воздействию училищного духа и училищных порядков; свободомыслие и либерализм обычно очень скоро улетучивались. Юнкерская закваска делала свое дело.

Что же касается основной массы, пополнявшей в те дни учи-

лище и состоявшей, главным образом, из людей, окончивших учительские семинарии, то есть из людей, не очень искушенных в книжной премудрости и не отличавшихся большой светскостью, - то этот контингент представлял собой очень хороший материал для военной школы.

Все они, как правило, были очень исполнительны и лишены всякого поползновения к «ловченью». Поговорка «Ловченье – свет, неловченье – тьма» в Виленском училище в ходу не была.

Одновременно с переводом нас в разряд старших было объявлено, что наш прием останется в училище еще на один месяц, то есть пробудет в нем не четыре месяца, а пять. Для вновь поступивших, впервые за все военные годы, срок обучения установился в 6 месяцев.

Это, помимо всего прочего: вступления в войну Италии, победоносного наступления на юго-западном фронте и общего сознания своей силы, - свидетельствовало о том, что критические для русской армии дни, когда совсем зеленые прапорщики, только что прибывшие на фронт, командовали не только ротами, но и батальонами, уже прошли.

Однако продление срока обучения даже на месяц – ведь во время войны месяц большой срок – вызвало у многих чувство разочарования и опасения того, что они не поспеют к окончательной победе, к взятию Вены и Берлина.

Было ли такое разочарование общим и было ли стремление на поля битв господствующим в юнкерской среде? На этот вопрос ответить нелегко. Надо иметь в виду, что училища военного времени по своему составу были иными, нежели в мирные времена, когда они пополнялись либо однородной кадетской массой, связанной единым духом и едиными патриотическими настроениями, либо молодыми людьми, шедшими на военную службу по призванию и по душевному тяготению к ней.

В военное время в училище шли в порядке повинности, выполняя тяжелый долг, который война накладывала на каждого русского человека. Поэтому-то, думаю, среди юнкеров описываемого времени не могло быть полного единства настроений, стремлений и взглядов. Однако, вспоминая общие разговоры на привалах, в палатках, в столовой, беседы с отдельными юнкерами разных положений и состояний, отдельные высказывания и мнения, - мне казалось тогда, что и в условиях военного времени сохранилась та основная душевная

струя, которая объединяла юнкеров в их приверженности к России, в их готовности выполнить перед ней свой долг.

Недаром же в революционные дни, когда русские люди испытывались в своей верности отчизне кровью и потом, - юнкера краткосрочных курсов, в своем большинстве, оказались в числе верных. Не знаю, как в этом смысле обстояло дело в Полтаве в эти дни и каков был конец Виленского училища. Кажется, положение его было осложнено, помимо общих тяжелых условий, тем, что Полтава стала местом кипения украинских самостийных страстей, что, вероятно, делало положение училищного начальства и верных юнкеров – нелегким.

Пока же, в описываемые дни, никому из нас даже отдаленно не мерещилось то, что стало страшной явью менее чем через год. И когда фельдфебель, окончив вечернюю перекличку, рапортовал ротному командиру: «Господин капитан! В пятой роте во время вечерней переклички все юнкера, за исключением находящихся в карауле, оказались налицо. Разрешите петь гимн!», - и торжественные звуки гимна неслись в вечерней тишине, - для всех было бесспорно не только то, что иначе и быть не может, но и то, что так будет всегда, пока жива Россия.

Однако будущее показало, что в мире нет ничего вечного и незыблемого, кроме Бога и Его воли.

3.

В начале июня мы вышли в лагерь. Собственно говоря, наш переход в палатки на лагерное положение «выходом» назвать было нельзя, ибо лагерь был расположен буквально через улицу, против училищных зданий, на большом плацу Петровско-Полтавского кадетского корпуса, почти в центре города.

Корпусное здание, массивное, украшенное благородной колоннадой и фронтоном с николаевским орлом, выходило на небольшую площадь, в центре которой высилась стройная колонна, на вершине коей зиждился орел, держащий в клюве лавровый венок. Это был памятник, сооруженный в честь Полтавской битвы: орлиные очи и венок в хищном клюве были обращены в ту сторону, где находилось поле Полтавского сражения.

С корпусом и кадетами мы никакой связи не имели. Впрочем, тогда было каникулярное летнее время, и кадет в корпусных стенах, наверное, не было. Но будучи когда-то кадетом и хорошо зная кадет-

скую психологию, - я не сомневался в том, что никакой связи между кадетами и юнкерами некадетского училища и быть не могло.

Кадетский плац был очень обширен: он без труда вместил в себя все 6 рот. Он был обсажен тенистыми липами вдоль всех четырех стен забора, и как раз впереди всех этих липовых аллей были установлены белые юнкерские палатки. Одна из длинных сторон прямоугольника, образовавшего плац, там, где тянулась каменная стенка кадетского тира для стрельбы, была свободна от палаток: там была училищная лавочка, умывальные, уборные, а вправо в углу, ближе к правому флангу первой роты, палатка дежурного по училищу офицера. В центре плаца, под специально выстроенным навесом, стояло знамя, рядом часовой, а несколько сзади палатка для караула.

В 6 с половиной часов утра горнистами или барабанщиками игрался подъем. Начальствующие лица из юнкеров должны были подниматься раньше, с повесткой, и к общему подъему должны были быть уже вполне готовыми.

Некоторые офицеры любили проверять готовность взводных к моменту подъема, и сплошь и рядом при первых звуках подъема по лагерю несся зов: «Взводные, к дежурному офицеру!». Поправляясь на ходу, изо всех углов лагеря взводные портупей-юнкера стремились предстать пред требовательные офицерские очи.

Для утренней и для вечерней молитв все роты сходились к центру плаца, имея впереди знамя и караул при нем.

Особенно торжественно и таинственно звучала вечерняя молитва. Занималась воспетая Пушкиным украинская ночь. На темном небе зажигались далекие звезды, выплывала луна, вечерний воздух дышал прохладой и ароматом цветущих лип.

Без малого тысяча молодых мужских голосов стройно и мощно возносила ввысь, к звездам, молитву Небесному Царю. «Отче наш, иже еси на небеси…» - задумчиво и проникновенно, навевая серьезные думы о Боге, о жизни, об идущей войне, звучали святые слова в тишине летнего вечера. Потом пелся гимн, и вслед за ним роты распускались: усталые юнкера растекались по палаткам.

Как приятно было растянуться на чистой простыне, как приятно было, ежась от утренней прохлады, натянуть на себя одеяло или, проснувшись среди ночи, когда от палатки тянется черная лунная тень, прислушаться к шагам дневального и подумать о том, что до подъема еще не скоро.

На лекции и в столовую мы ходили по-прежнему в училищное здание. Только лекции по пулемету происходили в лагере на открытом воздухе. Пулемет преподавал гроза всех юнкеров, капитан Анненков, крайне строгий, раздражительный, желчный, несдержанный. Он буквально приходил в ярость, когда вызванный им трепещущий юнкер не мог выполнить его требовательного приказа.

В училище для учебных целей был только один пулемет. Пробиться к нему было очень нелегко, а потому понятно, что пулемет знали плохо. До тех пор, пока пулеметный курс включался в артиллерию, беда от неудовлетворительного балла по пулемету была не очень большая: неудовлетворительный балл покрывался баллом по артиллерии. Но когда пулемет выделили в самостоятельный предмет, дело приобрело трагический оборот.

Анненков неистовствовал, неудовлетворительные баллы сыпались как из рога изобилия. Но самое неприятное было в тех язвительных и несдержанных разносах, которые учинял преподаватель над теми, которые не могли толково рассказать и показать, как, например, устранить пулеметные задержки.

«Что это вам, игра, что ли? Перед вами противник, а вы не знаете, как подступить к пулемету! Безобразие! Не допущу вас до производства!» - кричал он в бешенстве.

На наше счастье, капитан Анненков в середине лета, вместе с другими училищными офицерами (капитан Барышев, штабс-капитан Крашенников, подпоручик Брежнев и другие), уехал на фронт. По пулемету нас экзаменовал Добровольский, спокойный и доброжелательный. Экзамен прошел вполне успешно.

Вместо уехавших прибыли с фронта боевые офицеры, которые принесли с собой, вместе со своим боевым опытом, и несколько иное отношение к юнкерам: более простое и душевное. Кстати, в это время все кадровые виленские офицеры стали числиться по гвардии.

Между тем, время незаметно подходило к осени. Понемногу сдавались репетиции, заканчивалась программа строевого обучения, проходили ночные занятия, маневры, стрельба.

Стреляли мы мало, раза два-три, причем не по мишеням, а по площадям. Инструментальной съемки не было, только глазомерная. Одним словом, обучение очень упрощенное, получаемые знания минимальные. Хорошо изучались уставы, но, если память мне не изменяет, не все: кажется, не учили устава гарнизонной службы.

Маневры производились в самый последний месяц нашего пребывания в училище. Было уже прохладно, и мы были в шинелях, причем для отличия от «противника» наш батальон был в бескозырках. Глаз, привыкший к однотонности защитных цветов, радовался забытым золоченым пуговицам шинелей, синим погонам с галунами и лентам алых околышек бескозырок. Как будто вернулись довоенные золотые дни военных училищ с их щеголеватостью, горделивой стройностью и четкостью.

Это чувствовали и юнкера, выстроенные на мощеном дворе училища, с подчеркнутой отчетливостью ответившие на приветствие ротного командира капитана Муратова, и он сам, как будто с особым удовольствием окинув взглядом свою молодецкую роту.

Маневры в окрестностях Полтавы, на берегу исторической Ворсклы, были не утомительны и приятны. Ласково грело солнце, рдели и золотились леса и речные заросли, и, лежа в цепи вдоль шоссе, на котором окруженный офицерами начальник училища разъяснял задания, можно было не только отдохнуть от долгого марша, но и насладиться созерцанием осенних полей и прислушаться к курлыканью высоко летящих журавлей.

Можно было подумать о близящемся производстве, которое сулило короткий, в несколько дней, отпуск, поездку домой, некоторые удовольствия, а, главное, хотя только прапорщичье, но все же офицерское положение. Что за беда, что погон украсит только одна звездочка! Ведь на позиции – уже через четыре месяца производство в подпоручики, и тогда две заветные, непререкаемо офицерские звездочки засияют на синем или красном просвете армейского погона. В запасном полку в Москве, куда есть возможность выйти, хотя и очень трудная служба, но все же можно найти вечер, чтобы побывать в опере или поужинать в «Праге».

Разборка вакансий – момент, в старое время имевший такое большое значение, в училищах военного времени проходит бледно и буднично. В конце концов, не все ли равно, в каком запасном полку отбывать три-четыре месяца до отправления на фронт. Конечно, лучше прослужить это короткое время где-нибудь вблизи родного дома, в столице, в Крыму, чем в каком-нибудь захолустье. Но ведь это не на всю жизнь! Впрочем, никто не хочет выходить в Казанский округ, где бушует знаменитый генерал Сандецкий.

В середине сентября переходим из палаток в зимнее помеще-

ние. Пятый месяц, дополнительный, нашего пребывания в училище как будто даже лишний: он не очень заполнен занятиями. Повидимому, программу свою, рассчитанную на четыре месяца, мы выполнили. Напряжение, которое чувствовалось все предыдущие месяцы, как будто ослабевает. Стало больше времени, стало спокойнее и свободнее.

Удалось даже, пользуясь снисходительностью добряка училищного врача, маленького, толстого и круглого (подстать ему был такой же короткий и круглый старый училищный фельдшер), несколько дней понежиться в пустом лазарете, поспать вволю, почитать, поболтать с приятелями.

Наконец, настал канун производства. Как всегда, после переклички объявлялся наряд на следующий день. Но на этот раз взводные выпускных взводов, первого и второго, со скрытым удовольствием отрапортовали: «На 1-е октября от первого (и от второго) взвода – наряда нет!».

На следующий день нам, выстроенным в училищном зале перед церковью, начальник училища объявил о том, что Высочайшим приказом по военному ведомству мы произведены в прапорщики армейской пехоты. Он поздравил нас с производством; прогремело «ура» Государю Императору, в последний раз прозвучали звуки училищного гимна. Мы быстро сменили на своих защитных гимнастерках синие юнкерские погоны на золотые офицерские. В церкви отслужили молебен, священник роздал нам маленькие серебряные образки с изображением покровителей училища Святых Косьмы и Дамиана – благословение Виленского военного училища на предстоящий нам тяжелый и тернистый путь.

Волею судьбы мне только краем и мимолетно довелось коснуться этого училища. Однако я полностью почувствовал и оценил в высокой мере суровый мужественный дух, коим оно было напитано. Училищный девиз – «К высокому и светлому знай верный путь!» - много говорил моему сердцу. Девиз этот, в сущности, мог быть полностью отнесен ко всему тому верному и непоколебимому, что составляло основу славной и могущественной Российской Империи. Виленское военное училище, как и другие, было одним из тех гранитных камней, на которых эта Империя зиждилась.

Поэтому-то полученный мною при производстве черно-белый училищный знак с вензелями Императоров, с изображением рыца-

ря на коне и училищным девизом, - я принял с благодарностью и гордостью, ибо он приобщал меня к славной когорте виленцев, немало послуживших Царю и Отечеству.

Позже, на полевом перевязочном пункте, когда снятая с меня окровавленная гимнастерка с виленским знаком чуть не была выброшена в груду кровавых отбросов, - я вспомнил об этом знаке. Сестра милосердия отстегнула его и отдала мне.

Он сопровождал меня и в лазаретах, и в испытаниях гражданской войны. Утерян он был мною уже позже, при печальных обстоятельствах. Но память о нем и о всем том, что духовно с ним связано, - жива. Об этом свидетельствуют эти самые строки, в которых я постарался, хотя бы отчасти, по мере своих сил, восстановить далекие картины последнего года жизни славного Виленского военного училища.

Строки эти с братским чувством посвящаю здравствующим ныне, рассеянным по всему свету виленцам.

(Из книги «Поля неведомой земли».)

Генерал-лейтенант В. К. Витковский

ВЕРНЫЙ ДО ГРОБА

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас – все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.
К. Р.

В 1890 году Борис Викторович Адамович, двадцати лет, с производством в офицеры выходит в Кексгольмский полк, и с того времени вся жизнь его до кончины, в течение 46 лет, тесно и неразрывно связана с родным ему полком.

Будучи еще молодым офицером, он по своей инициативе приступает к сложной ответственной работе – созданию Музея Л.-Гв. Кексгольмского полка, одного из первых музеев войсковых частей Российской армии, и становится его первым хранителем.

Одновременно Б. В. Адамович работает по изучению и собиранию исторических материалов для составления истории полка.

С 1893 года начинают появляться в печати его труды. Перечислим некоторые из них: «Участие Кексгольмского полка в морском Чесменском походе 1769-1774 г.г.», «Кексгольмские рассказы для солдат. 1. Защита знамени. 2. Взятие турецкого флага – эпизоды Чесменского похода. 3. Серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г. 4. Подвиг рядового Арисова», «Хранение старых знамен», «Персидский поход 1722-1724 г.г.», «Кексгольм в 1710 и 1898 г.г.», «Проклятой – взятие Телиша 16 окт. 1877 г.», «Полковые музеи – пособие для составления полковых историй и устройства музеев», «Новое о начале Л.-Гв. С.-Петербургского полка», «Осада Выборга. 1710 г.», «Князь Иван Федорович Борятинский – биография к-ра полка 1712-22 г.г.», «Новое из истории полков Л.-Гв. Литовского и Московского», «Подвиг поручика Чернцова», «Пехотные полки – участники Полтавского боя», «Хроника, отличия и боевой формуляр Л.-Гв. Кексгольмского полка», «Сборники военно-исторических материалов Л.-Гв. Кексгольмского полка» в 3-х томах, «Гангут. 1714-1914 г.г.».

Русско-Японская война 1904-05 г.г. и затем назначения по Военно-Учебному ведомству: командир батальона Киевского военного училища и начальник Виленского военного училища, 1906 – 1914 г.г. – являлись как бы временными уходами Б. В. Адамовича из родного полка. И в этот промежуток времени он продолжал работать для своего полка и оставался членом юбилейной комиссии по празднованию в 1910 году 200-летия полка. К этому времени относится и часть его трудов, выше перечисленных.

В начале Великой войны, в сентябре месяце, генерал-майор Адамович получает в командование родной ему Кексгольмский полк, в условиях исключительно трудных после «Сольдау». В короткий срок восстанавливает полк и во главе его принимает участие во всех последующих боях в 1914-15 г.г.

В эмиграции, в самом начале, Б. В. Адамович создает Объединение Л.-Гв. Кексгольмского полка, составляет устав его и возглавляет Объединение. Им дается Объединению девиз: «Рассеяны, но не расторгнуты», - причем в уставе один из пунктов – цель Объединения – гласит: «Сохранение, до смерти последнего из нас, традиций старых кексгольмцев для возможности их передачи». Для обеспечения единства указывалось: беспрекословное подчинение исключительно командному началу и недопущение принимать на себя, ни в отдельности, ни группами, никаких иных обязательств, кроме принимаемых на себя всем Объединением через его возглавляющего. К тому же и огромный авторитет Б. В. Адамовича способствовал сплочению и полному единству Объединения.

И за рубежом Б. В. Адамович продолжал свою работу по увековечению родного полка. Им написаны: в 1927 г. – «Спасение знамени Л.-Гв. Кексгольмского полка в 1914 г.», в 1928 г. – «Дочь Кексгольмского полка», «К минувшему 22 авг. – 4 сент. 1931 г. 100-летнему юбилею 3-ей Гвардейской пехотной дивизии», в 1932 г. – «Отход из Галиции», и, наконец, последняя его книга, посвященная полку, к 225-летию со дня основания его в 1935 г. – «Трыстень» - описание славного боя полка 15 июля 1916 г.

Заботами и трудами Бориса Викторовича создан за рубежом России музей полка, насчитывающий к 15 сентября 1935 г. 1147 номеров.

Любовь Б. В. Адамовича к родному полку была безгранична, полк для него был действительно родной семьей. Он, как никто, знал историю полка, почитал и исполнял его традиции и делал все воз-

можное, чтобы они сохранились навсегда. Однополчане горячо любили и уважали Бориса Викторовича. На поднесенной ему однажды однополчанами книге была сделана надпись: «Дорогому Борису Викторовичу – хранителю Чести и Славы Кексгольмцев». И это поистине было так: сколько труда, забот и любви было положено им и как мудро было его руководство. Лежа уже на смертном одре, 2 февраля, Борис Викторович заканчивал свое последнее письмо словами: «Да хранит Господь моих лучших спутников жизни – однополчан-кексгольмцев. Благодарный полку ученик, удостоившийся учительства. Борис Адамович. 1890-1936».

Вклад, сделанный Б. В. Адамовичем в историю полка, и заслуги его перед полком огромны и неоценимы, и долг наш, оставшихся в живых кексгольмцев, не только сохранить светлую память о нашем дорогом однополчанине, командире и друге и его деятельности и работе во имя полка, но и продолжать его работу и осуществлять данный им нам девиз: «Рассеяны, но не расторгнуты».

Вечная тебе благодарная память, дорогой, незабвенный Борис Викторович!

(Журнал «Часовой», № 167-68, май 1936 г.)

Т. И. Ганф

МАТУШКА ТАМАРА, НАСТОЯТЕЛЬНИЦА ЕЛЕОНСКОЙ СПАСО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ

(В миру – Княжна Императорской крови Татьяна Константиновна)

К 150-летию русской духовной миссии в Иерусалиме

«Рече Господь своим ученикомъ: Внемлите от человек, возложат на вы руки своя, и ижденут, предающе на сонмища и темницы, ведомы к царем и владыкам, имене моего ради. Прилучится же вам во свидетельство. Положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещевати: аз бо дам вам уста и премудрость, ей же не возмогут противиться или отвещати вси противляющиеся вам. В терпении вашем стяжите души ваша». (Евангелие от Луки, зач. 106, из службы св.мч. Татиане).

Основание такого большого, поистине вселенского дела, как создание русской духовной миссии в Святой Земле, было счастливо совершено около150 лет тому назад. 31 января 1858 года миссия прибыла в Иерусалим с тем, чтобы русские паломники, тысячами посещавшие Святую Землю, встречали здесь заботу, приют, необходимую помощь. История сохранила упоминание о паломниках из России еще со времен Святого Равноапостольного князя Владимира («Былина о хождении в Иерусалим 40 калик с каликою»). Игумен Даниил в XII веке рассказывал о трудностях такого путешествия: «Есть тот путь тяжек и страшен вельми, и безводен, суть бо горы каменны и высоки вельми…» («Житие и хождение Даниила, Русские земли игумена», СПб, 1896 г.).

Русский православный паломник не боялся трудностей, целительных для спасения души, воспринимал их как естественное для каждого сердца испытание, которое может по Божией воле завер-

шиться и болезнью, и смертью. Но все же в 1847 году была сделана весьма удачная попытка упорядочить дело русского паломничества. В то же время пытались наладить и сотрудничество в Святой Земле с другими православными церквями, в первую очередь – греческой. Глава миссии – архимандрит Порфирий (Успенский), до того преподававший в Санкт-Петербургской духовной академии, за пять лет своего пребывания здесь смог многое для этого сделать. Среди его помощников был и иеромонах Феофан, в будущем – святитель Вышинский (Затворник). Но из-за начавшейся русско-турецкой войны русская миссия покинула Иерусалим.

Поэтому именно в 1958 году все русские церкви Иерусалима отмечали столетний юбилей миссии, считая 1858 год – годом основания ее, началом регулярной, планомерной и эффективной работы. Немало одаренных, высокодуховных отцов церкви служили делу укрепления миссии: архимандрит Антонин (Капустин), епископ Кирилл (Наумов), блаженнейший митрополит Анастасий (Грибановский). Но хотелось бы рассказать о женщине, родившейся 11 (24) января 1890 года в Мраморном дворце в Санкт-Петербурге, пережившей все ужасы революции, потерявшей на фронте Первой Мировой войны любимого мужа и любимого брата, о сестре трех братьев – Алапаевских Мучеников, племяннице Новомученика Петроградского Великого Князя Димитрия Константиновича, княжне Татьяне Константиновне, в постриге – игуменье Тамаре, настоятельнице Елеонской обители.

Родители ее: Великий Князь Константин Константинович (1858 – 1915), реформатор военного образования в России, Президент Академии Наук, поэт (К. Р.), переводчик, музыкант, возглавитель трезвеннического движения, и мать – Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна (1865 – 1927) – были многочадны, милосердны, христианского смирения и любви к ближнему. Они вырастили шестерых сыновей, из которых пять были боевыми офицерами, и двух дочерей, третья скончалась во младенчестве.

Дети воспитывались глубоко воцерковленными. Ежедневно в присутствии родителей совершали утреннее и вечернее молитвенное правило, зная тропари двунадесятых праздников, особо чтимых икон и святых. Но даже и в этой семье особой набожностью отличались брат Великого Князя Константина Великий Князь Димитрий, княжна Татьяна и ее старший брат – князь Иоанн. В ежедневных записях их бабушки, Великой Княгини Александры Иосифовны, по

немощам с 1903 года редко покидавшей свои комнаты, особо часто отмечены посещения после воскресной службы во Введенской церкви Мраморного дворца сыном Великим Князем Димитрием и внуками – князем Иоанном и княжной Татьяной.

Княжна Татьяна получила хорошее домашнее образование и воспитание, в котором не последнюю роль играли и родители, музицировавшие с детьми, ставившие спектакли, подготавливавшие литературно-музыкальные вечера, совершавшие прогулки с детьми на лыжах, велосипедах, верхом или в экипажах по Павловску или Стрельне, рядом с которой был расположен мужской монастырь – Приморская Троице-Сергиева пустынь. Там подвизался духовник семьи – иеромонах Сергий (Дружинин), впоследствии – настоятель пустыни, погибший в 1937 году. (Чаще других детей княжна Татьяна сопровождала мать в ее поездках на родину – в Альтенбург (Саксония). РГИА, ф. 537, оп. 1, д. 1037, 1900 г.).

В трапезной пустыни висело письмо детей Великого Князя Константина: «Дорогой Батюшка! Узнав от дяденьки (Новомученик Великий Князь Димитрий), что Вы хотите сделать в трапезной каменный пол, мы собрали, сколько могли, из наших карманных денег и просим принять эту лепту и помолиться о болящих Гаврииле и Олеге. Просят Вашего Благословения Иоанн, Татьяна, Константин, Олег, Игорь. 6 мая 1903 года».

Буквально со дня рождения детей часть их собственных денег перечислялась на благотворительные учреждения. Подрастая, дети уже сознательно принимали на себя ответственность перед своими опекаемыми, воспринимая принадлежность к царскому роду как ответственность перед людьми и перед Богом.

Приобретение в 1904 году имения Осташево и выезд летом в подмосковное имение Прыски (1891 г.) позволили детям познакомиться с Оптиной пустынью, старцами и Шамординским монастырем, где особое их внимание привлекла монахиня – сестра Льва Толстого. Впоследствии семья хлопотала об учреждении и строительстве подворья Шамординского монастыря в Стрельне, где в 1917 году о. Анатолий (Потапов) освятил часовню или церковь, вскоре закрытую и снесенную.

Знакомство с историей Церкви, Божиим Законом, Священным Писанием было не поверхностным, поскольку, помимо духовников семьи - иеромонаха Сергия и прот. Арсения (Друкарева), скончавшегося в 1895 году, - приглашались незаурядные проповедники, в

том числе и печально знаменитый прот. Г. Петров. Каждодневная молитвенная практика семьи, ее жизнь была немыслима без Бога, без постоянного, трепетного, живого молитвенного общения с Ним.

Ежемесячно, если судить по ежедневным журналам Великой Княгини Александры Иосифовны, бабушки княжны Татьяны, их посещал о. Иоанн Кронштадтский, близок к семье был будущий Священномученик Серафим (Чичагов). Существовала традиция служения во Введенской церкви Мраморного дворца братии Александро-Невской Лавры, во главе с Санкт-Петербургским митрополитом или настоятелем Лавры. Близкими семье Константиновичей были почитаемые всеми прот. Михаил (Прудников) и прот. Владимир (Рыбаков).

Мы, отделенные от описываемых событий не только временем, но и отсутствием преемственности духовной, бытовой культуры, превратными представлениями о быте великокняжеских семей, многое искажаем. Знакомясь с архивными документами, можно воссоздать быт этой семьи, для нас – аскетический. Питание было очень скромным, по нашим понятиям – скудным, как и в царской семье. Распорядок дня детей: подъем в 6 ч. 30 м., обливание холодной водой, молитва, затем – прогулка, чай с булочкой. С 8-ми часов начинались уроки, каждый по 40 минут, в 13 часов – завтрак. 14-16 часов – игры, верховая езда, велосипед, лыжи, купание, катание на лодках. С 16 до 19 часов делали уроки на завтра, затем в 19 часов – обед, иногда вместе со взрослыми. После обеда – иностранные языки, музыка, рисование, ручной труд.

Няни, кормилицы по традиции брались из старообрядческих семей, часто из близкого к Павловску Феодоровского. Вся семья кормилицы княжны Татьяны была предметом особой попечительности Великого Князя Димитрия – «Дяденьки».

Несмотря на славу женоненавистника, очевидно, несправедливую, он был заботливым, любящим дядей для племянницы еще в большей степени, чем для племянников. Он дарил ей кукол, все необходимое для них: мебель, белье, наряды.

Как-то брат Олег предложил сестре поучиться на курсах или в женском институте. Но со временем оказалось, что полученное ею домашнее воспитание сделало ее не только достойной своей семьи, но и практичной хозяйкой, устроительницей склада белья для раненых воинов, открытого ею в Стрельнинском дворце в 1914 году, где также она организовала пошив и ремонт белья для госпиталей, сбор

вещей, продуктов для фронта, как это когда-то делала ее бабушка Великая Княгиня Александра Иосифовна в войну 1877 – 1878 годов. Уже став вдовой, она была награждена Георгиевской медалью за раздачу подарков воинам в непосредственной близости к переднему краю, в пределах артиллерийского огня противника (зимой 1915 года).

Будучи настоятельницей монастыря, лишенного какой-либо государственной или частной помощи, игуменья Тамара умела все: обрабатывать сад с оливками, ухаживать за маленьким огородом, содержать больничку для больных и немощных сестер, учила рукоделию, правильному чтению богослужебных книг, разбиралась в оформлении юридических документов, менявшихся с неоднократной сменой государственной власти. И самое главное – была молитвенницей, долгие годы возраставшей под окормительством многих духоносных священнослужителей, а в 1920 -1950-е годы – блаженнейшего митрополита, первоиерарха Зарубежной Церкви Анастасия (Грибановского). Он же был хорошо знаком с ее любимым дядей Великим Князем Димитрием и Великой Княгиней Елизаветой Федоровной, Августейшими попечителями Московской бесплатной лечебницы для бедных, духовно окормлявшейся в то время епископом Серпуховским Анастасием.

Интересна и первая встреча с замечательным храмом, рядом с которым она прожила десятилетия между двумя мировыми войнами, - Крестовоздвиженским Кафедральным собором в Женеве (Швейцария), в строительстве которого принимал участие ее дед, Великий Князь Константин Николаевич. Освященный 14 сентября 1868 года, он не только украшал город, хранил множество святынь, но и десятилетиями вел большую приходскую работу: сестричество, основанное в 1924 году, благотворительное общество для помощи неимущим даже и вне прихода и епархии, приходская школа, хор, библиотека, основанная в 1921 году.

Княжна Татьяна впервые увидела его в 1899 году, во время поездки детей, тяжело болевших после перенесенного тифа, на курорт в Швейцарию 23 мая – 12 сентября 1899 года (РГИА, ф. 537, оп.1, д. 1035). Для поездки шестерых детей и сопровождавших их доктора Дмитрия Александровича Соколова, Гофмейстера Двора Ильи А. Зеленого, воспитателя Михаила К. Мухина, нянь Анжелики Клейн и Екатерины Ф. Спиридоновой, лакеев Д. Анисимова и Ф. Селезнева был нанят целый вагон, а для проживания – небольшой домик. Среди счетов за продукты, фотоаппарат «Кодак» для князя Иоанна, по-

ездки и благотворительные взносы – множество депеш родственникам в Россию, Грецию с поздравлениями. От кн. Татьяны – именные депеши в Ильинское в дни семейных праздников Великой Княгине Елизавете и Великому Князю Сергею.

Впервые дети посетили церковь в Женеве 27 июня (10 июля) – в день Святого Сампсония, память Полтавской баталии. В день рождения отца, Великого Князя Константина Константиновича, дети опять были в церкви, как и 22 августа – в день рождения любимой тети – королевы Греции Великой Княгини Ольги Константиновны. Чем дольше жили дети на курорте, тем чаще выезжали в церковь. Прискучили им и прекрасные горные виды, и канатные дороги, и пароходные и пешие прогулки, и бродячие музыканты, и кукольники. Перед отъездом, 5 сентября 1899 года, в день тезоименитства матери Великой Княгини Елизаветы, очевидно, дети заказали молебен в ее здравие и напутственный молебен о возвращении домой.

Две замечательные няни – Варвара Петровна Михайлова (Вава), воспитавшая три поколения Константиновичей, и Анна Александровна Беляева (Атя), выпускница Смольного института (в иночестве – Гавриила, инокиня Леснинской Богородицкой обители) – были так же дороги детям, как и родителям. Атя, став монахиней, навещала детей, как и они ее, поскольку с благословения о. Иоанна Кронштадтского подворье Леснинской обители располагалось в Иоанновском монастыре на Карповке (Санкт-Петербург). Сохранилась замечательная фотография, сделанная в день присяги старших братьев – князей Иоанна и Гавриила 6 или 7января 1908 года. Няни нет на ней, но она присутствовала на хорах церкви Большого дворца Царского Села вместе с младшими детьми, наблюдая торжественную церемонию присяги перед аналоем с крестом и Евангелием. Верность царствующему Государю и Отечеству сохранили не только все братья (хотя младший, Георгий, по возрасту не принимал ее), но и сестры – княжна Вера и княгиня Татьяна.

Ответственность перед своими служащими, подчиненными отличала всех членов этой семьи. Уже в 1918 году, лишенная всех средств, живя тем, что удавалось продать с рук, королева Греции Ольга Константиновна на Рождество дарит матушке Гавриииле 2 фунта кофе – поистине королевский подарок.

Замечательной традицией семьи были паломничества и образовательные экскурсии. В 1908 году все, кроме младших детей Веры и Георгия, путешествовали по монастырям и святым местам России:

Тверь, Углич, Ярославль, Ростов Великий, Кострома, Нижний Новгород, Владимир, Суздаль, Боголюбов и Москва. Позже, став прихожанкой Крестовоздвиженского храма в Женеве, княгиня Татьяна Константиновна могла, переходя от одной старинной иконы к другой, мысленно возвращаться ко многим русским святыням. Между иконой Богородицы «Отрада и Утешение» (Афонской) и фреской Святого Александра Невского на солее находится икона Святой Мученицы Татианы. А далее, в том же правом приделе – Святой Ксении. При входе в храм в правом же приделе – мемориальный уголок, который был собран в 1899 году, когда дети отдыхали в Швейцарии, и посвящен был столетию перехода Суворова с русскими войсками через Альпы. Священник, служивший в храме с 1905 по 1944 год, прот. о. пресвитер Сергий Орлов, очень поддерживал княгиню Татьяну Константиновну, впрочем, она была активной прихожанкой, разделявшей все хлопоты сестричества. Долгие десятилетия издававшийся в Женеве журнал «Вестник Западно-Европейской Епархии Русской Церкви За Рубежом» также, помимо текущих церковных дел, публиковал множество исторических материалов, возвращая княгиню к тем 28 годам ее жизни, которые она прожила в России. Но все это будет позже.

А в 1908 – 1909 годах происходит более близкое знакомство и увлечение камер-пажом Государя, князем Константином Александровичем Багратион-Мухранским, отец которого, генерал, потомок древнего грузинского царского рода, служил в Павловске. Это увлечение было взаимным, и, невзирая на неравность этого союза, молодые влюбленные доказали искренность, серьезность своего чувства.

Разлученная с любимым данным отцу словом, княжна Татьяна серьезно заболела от удара в спину во время катания на санях. В ее комнате с пилястрами находился образ Божией Матери в профиль, в синем покрывале, перед которым любила молиться и Императрица Мария Федоровна, супруга Императора Павла I. Княжна Татьяна заметила, что и ей Господь отвечает после молитв перед этим образом. Чтобы развеять грусть болящей и тоскующей княжны Татьяны, ее матушка Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна подарила ей брошюру о Святой царице Тамаре. Княжна полюбила эту Святую, обращаясь и к ней с молитвой о своем возлюбленном, отдаленном потомке Святой царицы.

Помолвка состоялась 1(14) мая 1911 года в Покровской церкви Ореанды, построенной из разобранных остатков сгоревшего Ореандского дворца тщанием и заботами Великого Князя Константина

Николаевича, как памятник Русскому Флоту. Молебен по случаю помолвки отслужил прот. Леонид Колчев (будущий в эмиграции духовник Императрицы Марии Федоровны). Этот день был днем памяти Святой Благоверной царицы Тамары (грузинской).

24 августа, через три дня после свадьбы брата князя Иоанна и дочери Сербского короля Елены Петровны, состоялась свадьба княжны Татьяны Константиновны и князя Константина Александровича Багратион-Мухранского. Церковь Павловского дворца была полна многочисленными родственниками, присутствовал и Государь в белом кавалергардском мундире.

Еще не прошло и года, и 22 августа 1912 года родился первенец, названный в честь грузинского царя Багратиона Теймуразом. Этот замечательный человек был одним из самых деятельных, добрых, милосердных представителей русской эмиграции. Он возглавлял и Толстовский фонд, и Общество попечения о нуждах зарубежной церкви, и массу комитетов и организаций, в том числе и кадетских. Дочь, появившаяся на свет в Крыму 19 апреля 1914 года, была крещена 28 апреля и названа в память скончавшейся во младенчестве 23 мая 1905 года сестры Наталии, моложе княгини Татьяны на 15 лет.

На торжестве, проходившем в имении любимого дяди Великого Князя Димитрия Константиновича «Кичкине», рядом с Ливадией, присутствовала почти вся семья, в том числе Государь и Государыня, Императрица Мария Федоровна, Великий Князь Константин Константинович, Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна, многие лица свиты.

В обстоятельствах крайней бедности, которые приходилось испытывать в эмиграции не одной княгине Татьяне, обучение сына Теймураза в кадетском корпусе в Белграде, а дочери – в Лондоне было спасением. Дочь вышла замуж за английского аристократа, сэра Чарльза Хепберна Джосона, 22 апреля 1944 года, причем был обряд венчания и в православной (сербской) церкви Лондона. Детей в этом браке, как и у Теймураза, не было.

Неравный брак почти не сказался на положении княгини Татьяны – дядя Великий Князь Димитрий брал ее с собой на семейные торжества, в свою ложу в театре.

Смертельное ранение и похороны брата, не дожившего до своего 23-х летия, затем – гибель в бою мужа, князя Константина Александровича 19 мая (1 июня) 1915 года. Три вдовы – княгиня Татьяна с двумя малолетними детьми, ее мать Великая Княгиня Елизавета

Маврикиевна, овдовевшая 15 (28) июня 1915 года, тетушка королева Греции Ольга Константиновна – жили в Павловске, удалившись от светской, семейной суеты, пребывая в молитве и заботе о детях. Королева Греции организовала госпиталь в Павловске, где сама деятельно работала сестрой милосердия. На попечении женщин оставались не только малолетние князь Георгий и княжна Вера, но и дети князя Иоанна и его супруги Елены (Сербской), бывшей также в действующей армии: князь Всеволод Иоаннович и княжна Екатерина Иоанновна (род. 13 (26) июля 1915 года).

Финансовые и бытовые проблемы взял на себя дядя, Великий Князь Димитрий, по своему слабому зрению, приближавшемуся к слепоте, не призванный в действующую армию. Он приобрел на берегу реки Невки два небольших дома: Песочная набережная, д. 24 для себя и на противоположном берегу, более просторный, с садом – для княгини Татьяны. Управляющий делами Великого Князя вел дела и княгини Татьяны. Совсем недалеко от этих домов находился монастырь, где подвизалась любимая няня Атя, где в нижней церкви упокоился о. Иоанн Кронштадтский, уже тогда почитавшийся ими Святым Угодником Божиим.

Осенью 1917 года Великий Князь Димитрий, передав свой дворец в Стрельне под гимназию, смог перевезти из своего имения на Петроградскую сторону уголь, немного картофеля, овощей, корову с дояркой для маленьких детей. Но недолго продолжалась эта гражданская жизнь. После его ареста и ссылки в Вологду княгиня Татьяна Константиновна добровольно последовала за ним с детьми, как и его верный адъютант А. В. Короченцев. В книге Александра Быкова «Путь на Голгофу» (Вологда, 2000 г.) достаточно подробно исследован этот период жизни четырех Великих Князей, с середины марта по 21 июля 1918 года. Но Великий Князь Димитрий и его племянница и в ссылке, как и прежде, удалялись от суесловия, пустых встреч, рассказов о своих чувствах и проблемах. Они с достоинством переносили испытания. Провожая их из Вологды, один из иностранных дипломатов заметил о Великом Князе Димитрии: «С безбородым плохо выбритым лицом, в костюме из солдатского сукна и скверной фуражке, он был похож на неимущего, но сохранял внушительный вид и величественную осанку Романовых своего поколения». А княжна Татьяна «была плохо одета, в скверном поношенном платье и убогой шляпке». Они очевидно нуждались. Но ничего ни у кого не просили, разделяя все невзгоды с миллионами своих соотечественников. Позже князь

Теймураз вспоминал, что ему удалось с матерью побывать и в камере Петропавловской крепости, где содержался дядюшка. Очевидно, нельзя было говорить, и они молча поставили корзину с продуктами на стол и ушли, провожаемые взглядом узника, вскоре погибшего в ночь с 29 на 30 января 1919 года. В сопровождении верного адъютанта дяди княжна Татьяна через Одессу покидает Россию.

Вторичное замужество княжны Татьяны Константиновны, состоявшееся в Крестовоздвиженском соборе Женевы 9 ноября 1921 года, с адъютантом дяди – Александром Васильевичем Короченцевым (родился 29 августа 1877 года в семье генерал-лейтенанта Василия Петровича Короченцева и Марии Костантиновны Намикосовой) закончилось через три месяца трагически. А. В. Короченцев, человек долга, высочайшей ответственности, глубоко верующий, очевидно, ослабленный годами лишений, чрезвычайностью обстоятельств, громадным грузом ответственности перед памятью трагически погибших Царственных Мучеников, в том числе и Константиновичей, умер 6 февраля 1922 года в Лозанне от дифтерита. Напомню, что это – день памяти преподобной Ксении, который для петербуржцев и до революции, и в эмиграции был днем блаженной Ксении Петербуржской, прославленной в лике святых значительно позже.

Исследователь русских церковных архивов Грезин отмечал, что он встречал сотни, если не тысячу раз имя Т. К. Короченцевой как восприемницы детей русских эмигрантов, что говорит о многом. Ее собственные дети учились: Теймураз – в кадетском корпусе в Белграде, а дочь Наталия – в Лондоне. Княгиня Татьяна Константиновна жила на «послушании», избрав жизнь не от мира сего и в то же время – в служении русской эмигрантской общине. Замечательный, деятельный настоятель Женевского собора в 1920 –1930-е годы расширил приходскую жизнь, организовав при помощи деятельных прихожанок несколько благотворительных организаций, собиравших значительные средства при помощи устройства балов, выставок, концертов, выпуска печатной продукции, открыток, изготовления «ручных» поздравительных открыток.

Не только поддержание старых церквей, но и материальная помощь неимущим, создание приютов, богаделен, фондов помощи неимущим, строительство новых – делалось это большей частью женскими руками, вышивавшими, делавшими пельмени, пирожки, неутомимо стучавшимися в двери с подписными листами, кружками для сбора средств. Сохранилась такая «самодельная» открытка

сестре Вере (28 января 1938 года), где поздравления с Рождеством и благодарность за рождественский пирог «столлен» соседствуют с кратким: «Мне так хотелось бы пригласить тебя к себе, но живу сама на помощь Батюшки», - протопресвитера о. Сергия Орлова. Открытка адресована в Германию и подписана: «Твоя Татиана». Она находилась под духовным руководством не только о. Сергия, но и митрополита Анастасия (Грибановского), опекавшего и ее сестру. Впрочем, в их семье не принято было выбирать «звездных» батюшек, находя возможность общаться и помогать любому, видя в нем образ Божий. Один из корреспондентов пишет ей: «От отца вы унаследовали доброту и в каждом человеке видите Того, за которого Господь принес себя в жертву. Благослови Вас Господь за это».

В 1946 году митрополит Анастасий, постригая ее, неожиданно дает ей имя Тамары, особо почитаемой ею. И с 1951 года она становится во главе Елеонской Спасо-Вознесенской женской обители в Иерусалиме.

Такой внешне неожиданный поворот судьбы был подготовлен не только глубокой воцерковленностью с детских лет, близким родством с Новомучениками, Великим Князем Димитрием Константиновичем, князьями Иоанном, Игорем, Константином, не только безукоризненным, полным смирения служением Родине в годы Первой Мировой войны, преданностью самому беззащитному в семье, почти слепому, лишенному средств и приговоренному к ссылке, а затем и к смерти дяде Димитрию, но и служением Церкви и всему русскому рассеянию в годы эмиграции. И эта мирская внешняя канва ее жизни сочеталась с возрастанием в молитве и внутреннем духовном делании.

Это дало ей громадную силу противостоять всем трудностям устройства женской обители, окруженной войной, перекраиванием границ, неоднократным изменением правовых норм и посягательствами со стороны советского правительства на все, что было приобретено на пожертвования верующих. Все, что удалось советскому правительству отвоевать на Святой Земле, тут же **пошло «с молотка» - странноприимные дома, святыни, земли с дорогими для христиан названиями**. В 1964 году СССР и Израиль заключили сделку на приобретение имущества Императорского Палестинского Общества на сумму 4,5 миллиона долларов. К счастью, часть имущества оказалась на территории Иордании, которая признала преемственность современных православных в своих правах на приобретения предков.

Но жизнь в монастырях была трудной, лишенной всякой внешней помощи, к тому же случилось разрушительное землетрясение, впрочем, без трагических для русских построек последствий. Во время войны неоднократно военные пытались использовать самую высокую точку Иерусалима – колокольню Елеонской обители (Русскую свечу) как огневую точку, на что матушка Тамара имела мужество категорически не согласиться. Удивительно, что ее не осмелились ослушаться. После войны положение русской эмиграции, пополнившейся «перемещенными лицами», было очень сложным: ее неоднородность, отсутствие жилья и работы, скитальчество и потеря близких, потеря Родины требовали от духовных лиц не только усилий по сохранению домов, кровель, храмов, но прежде всего – восстановления духовности человека. Трудно представить всю меру тяжести, легшей на плечи 60-летней женщины. Но вот небольшой штрих: лишенная возможности пополняться русскими верующими женщинами, обитель растет за счет обращенных в православие арабок, преданных вере настолько, что возможность получать одноразовое питание в монастыре, состоявшее в обычные дни из одного блюда, а в праздники из двух (!), не пугала этих невест Божиих. Тяжелые послушания в саду, в храме, в часовне, по уходу за больными в устроенной матушкой больничке для старых и немощных, а также – работа в миру для поддержания монастыря – все это переносилось со смирением.

В 1958 году все русское рассеяние отмечало 100-летний юбилей со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича, к подготовке которого матушка Тамара привлекла множество людей – от прихожан, большинство из которых еще помнили Великого Князя и членов его семьи, и до руководителей Русской Православной Церкви Заграницей. Блаженный митрополит Анастасий и архиепископ Иоанн (Максимович), сам бывший кадет Полтавского кадетского корпуса, издали соответствующее постановление, призывавшее паству в день его кончины 2 июня и в столетие его рождения 10 августа вознести молитвы о его упокоении. Архиепископ Иоанн писал:

«Великий Князь был истинно «благоверным», проявляя глубокое благочестие в своей личной и семейной жизни, в государственной и общественной деятельности. Воспитав в том же благочестии своих детей, из коих три сына мученически пострадали в Алапаевске, один был убит, мужественно сражаясь за Веру, Царя и Отечество, а дочь ныне является игуменьей Елеонской обители, Великий Князь тот же дух вносил и в военные учебные заведения, когда состоял во

главе их. Отеческое попечение об их воспитанниках, соединенное с сердечной чуткостью, искренним стремлением каждого вывести на верный путь, как бы кто ни уклонился от него, любовью и простотой в обращении, - оставило печать на всех воспитавшихся в то время. Такое же благотворное влияние имел он своими вдохновенными творениями». *(Архиепископ Иоанн, 24.5.1958 г. Западно-Европейская епархия РПЦЗ.)*

Кроме того, выпущены были по подписке замечательные сборники памяти Великого Князя. В одном из них, под редакцией Геринга, опубликованы воспоминания об отце матушки Тамары. Сын матушки Тамары, князь Теймураз Багратион-Мухранский, пишет матери: «Владыко (митрополит Анастасий) нам читал вслух некоторые отрывки из твоих картинок. Как я стоял с вытянутыми вверх руками, как вы сидели четыре вдовы (Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна, княгиня Елена Петровна, Королева Греции Ольга, княгиня Татьяна), потом про Св. Себастиана, больше всего ему понравилось, что сказал Кони. Потом как ты сидела с Елизаветой Федоровной. Ему это очень понравилось, и он сказал, что все надо печатать как есть и что это замечательный документ, хорошо написанный. Видно, что ты дочь своего отца, ясно и хорошим языком пишешь. Он несколько раз повторил, что «обаяние – когда несешь Христа в себе». (27 июня 1958 года).

Это очень сплотило эмиграцию, дало новый импульс к сбору воспоминаний, оживлению деятельности кадетских объединений, их служению в разных концах света и объединению.

В том же 1958 году было торжественно отмечено всеми православными церквями 100-летие русской духовной миссии в Иерусалиме. В двухтомнике «Русская Православная Церковь Заграницей», т. 1 (ред. гр. А. А. Соллогуба, изд-во русской духовной миссии в Иерусалиме, РПЦЗ, 1968 г.) достаточно подробно освещено и положение миссии в первой половине XX века, и юбилей ее.

Для помощи всем учреждениям миссии создано было несколько организаций: «Комитет помощи православным учреждениям в Святой Земле», «Комитет поддержки паломников в Святую Землю», «Комитет попечения о нуждах РПЦЗ» и другие. В 1963-64 годах число паломников увеличилось до 60 человек в год! К счастью, жертвенность и служение Богу было так сильно укоренено в русских, что множество людей, рассеянных по всему свету и лишенных возможности путешествовать по недостатку средств или по немо-

щи, собирали значительные средства для поддержания монастырей, школ, церквей, скитов и издательского дела в Святой Земле. Среди состава миссии упоминаются только мужские имена: архимандрита Димитрий (Биакая), иеромонаха Герасима (Романова), игумена Игнатия (Ракша), архим. Серафима (Седова) и Аристоклия (Громыко). Но значение и влияние матушки Тамары были несомненными. Как тут не вспомнить историю.

Первая инокиня из великокняжеского рода на Руси была жена Святого Великого Князя Владимира – Рогнеда, принявшая постриг после его женитьбы на греческой принцессе, вторая – супруга князя Ярослава Ирина (Анна), учредившая первую школу грамоты для девиц (1086 г.). Далее вспомним Святую Евфросинию, жену Полоцкого князя Романа Всеволодовича, скончавшуюся во время своего паломничества в Святую Землю (1178 г.), но почивающую нетленно в России. И много других имен, и среди них – инокиня Анастасия, Великая Княгиня Александра Петровна, которую хорошо знала княжна Татьяна. Жена Великого Князя Николая Николаевича (старшего), она жила неподалеку от Стрельны, в имении Знаменка, будучи близкой подругой Великой Княгини Александры Иосифовны, бабушки княгини Татьяны. Обе Александры были частыми гостьями в ближней Троице-Сергиевой пустыни, активными благотворительницами, участницами всех благотворительных начинаний Императорской Семьи, Женского Патриотического Общества. Великая Княгиня Александра Петровна основала Покровскую общину сестер милосердия (Санкт-Петербург, Большой проспект Васильевского острова, д. 85). В 30 каменных и деревянных постройках размещались больница, амбулатория, аптека, детские приюты, школа фельдшериц, гимназия и пр. Основана она была в ноябре 1858 года, а на следующий год была построена и освящена церковь во имя Покрова Божией Матери. В 1868 году была построена и еще одна – во имя Святителя Митрофана Воронежского, часть икон для которой написала игуменья Митрофания (баронесса Розен). Вся семья Константиновичей участвовала в делах милосердия этой общины. Семьи дружили во всех поколениях, часто навещая друг друга, все дети были одарены иконами от Великой Княгини Александры Петровны, а одна была общая на всю многочадную семью Константиновичей – Святого Преподобного Антипия, на прорезывание зубов. Позже, 25 мая (7 июня) 1891 года, она приняла монашеский постриг (еп. Анастасий), не делая официальных заявлений о нем, но и не скрывая его, живя в основанной

ею в Киеве Покровской обители в келии и нося монашеское облачение. Это позволило ей получаемые ежегодно от казны средства как Великой Княгине расходовать не только на Покровскую общину в Санкт-Петербурге, но и на Киевскую Покровскую обитель, представлявшую также монастырь, состоящий из 125 маленьких домиков для монахинь, церкви, больницы, приюта для малолетних девочек, школы, приюта для слепых. В общине поддерживался строгий монастырский устав. Дети младшего поколения Константиновичей бывали в этой обители, а после кончины инокини Анастасии, которая совпала с часом, днем, месяцем смерти ее супруга, но только на 9 лет позже – в ночь с 12 на 13 апреля 1900 года, посещая монастырь, заказывали панихиду по этой милосердной и боголюбивой Великой Княгине. (Вел. Кн. Гавриил Константинович «В Мраморном дворце»).

Профессор В. В. Болотов писал в 1900 году: «Какое многозначительное явление!.. В царской семье снова возгорается светоч подвижничества, и русская Великая Княгиня, как в Древней Руси, слагает с себя высокий сан и меняет его на смиренное, но – в глазах народа – святое наименование черницы – подвижницы». Эти слова можно отнести и к Великой Княгине Елизавете Федоровне, и к княгине Татьяне Константиновне (матушке Тамаре). Есть устный рассказ о том, что в 1920-1930-е годы княжна Вера Константиновна, также находившаяся на послушании митрополита Анастасия, не получила его благословения на замужество, которое должно было состояться по взаимному влечению сердец. Но, оставшись в девстве и пребывая в молитве, княжна «Русская Вера» не жалела об этом, хотя потомки от этого брака могли быть претендентами на Русский Престол. Блаж. митрополит Анастасий был редким молитвенником, исихастом, аскетом, умевшим передавать своим духовным чадам пламенное, сердечное отношение в вере. Он знал и предвидел многое, что закрыто и теперь еще от наших умов, сердец. В 1990-х годах княжна Вера, скорбя по-человечески о немощном своем состоянии, по которому она была лишена возможности побывать в России, бесстрастно относилась ко многим «эпохальным» событиям и именам, которые уже через 10 лет невозможно вспомнить из-за их мелкого масштаба. Эта «приподнятость» над привычным ландшафтом была свойственна и матушке Тамаре, также десятилетиями глубокой внутренней молитвы снискавшей от Бога редкие дары. Она имела удельный вес, небывалый для многих знаменитых и влиятельных ее современников, духовных и политических деятелей.

Среди святынь Спасо-Вознесенского монастыря есть камень, на котором стояла Богоматерь в момент Вознесения Господня. Сестры Елеонской обители начинают свое молитвенное правило по утрам поклоном и молитвой у него: «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево, молений наших не презри в скорбех, но от бед избави нас, едина Чистая и Благословенная. Пресвятая Богородице, спаси нас».

Предстательство Богородицы в семье матушки Тамары сказалось не только в чудотворном образе Павловского дворца, но и в Богородичных церквях, построенных семьей: Введенской Мраморного дворца, Казанской – усыпальницы семьи в Павловске, Покровской в Ореанде. Дед княгини-инокини, Великий Князь Константин Николаевич, учредитель и первый возглавитель Палестинского комитета в 1858 году, родился в день Рождества Пресвятой Богородицы, ее первый муж – потомок грузинского царственного дома Багратионов – родился в день празднования Феодоровской иконы Божией Матери 14 (27) марта 1889 года. В день Успения был освящен странноприимный дом в Гефсимании в память ее деда и его внучки – греческой принцессы Александры Георгиевны. В день Успения Богородицы отошла ко Господу матушка Тамара, 28 августа 1979 года, немного не дожив до 90-летия. Ее младшая сестра – княжна Вера – в это время была в Иерусалиме. Кто-то неосторожно сообщил ей о смерти сестры на высокой лестнице при выходе из храма. Потеряв сознание, она упала, сломав кости бедер, что сделало ее инвалидом до конца дней. Княжна Вера, обладавшая редким присутствием духа, мужеством, присутствовавшая при последних минутах жизни отца, ухаживавшая за тяжело больной матерью, а затем – и умиравшей у нее на руках няней Атей (Шадевиц), не присутствовала на отпевании и похоронах сестры. Как не хоронила она и дядю-мученика, расстрелянного в Петропавловской крепости, не хоронила она и братьев-мучеников, чьи тела, возможно, находятся под спудом в Пекине. Как будто сестра избрала другой удел – не тот, что дан большинству из живущих на земле, но удел немногих. Не умерла – а «отошла».

Похоронена она у стен любимого ею храма Вознесения Господня. Господи, молитвами Пресвятой Богоматери, мученицы Татианы и Святой царицы Тамары, Новомучеников и Исповедников Российских, спаси нас в дни сии лукавые молитвами всех угодников, от века Богу угодившими. Аминь.

РУССКИЕ В САРАЕВЕ

Летом 1938 года Сараево посетил Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Анастасий. Он прибыл вечером из Белграда, и отец Алексий поручил мне, как начальнику дружины скаутов-разведчиков, собрать на вокзале молодежь для встречи митрополита.

Церковным старостой многие годы был Борис Петрович Викентьев, старшей сестрой сестричества Елена Николаевна Пелипец, казначеем – Алексей Николаевич Богатырев (1885 – 1986), а его супруга Ольга Петровна (1898 – 1972), сестра старосты, пекла просфоры.

Как старшая сестра, Е. Н. Пелипец, после своей первой неудачной попытки в 1931 году создать воскресную школу, создала ее при поддержке сестричества в 1934 году. Сестры составили тогда список детей гимназического возраста, говорящих и не говорящих по-русски, для занятий по русскому языку. Осенью 1937 года я начал в этой школе преподавать родиноведение (историю и географию России) и разучивать русские песни. В связи с этим, школа пополнилась новыми учениками. Школа снимала для занятий раз в неделю, за плату, конечно, большую комнату у одной русской семьи, в центре города.

Сараевские кладбища находились в конце улицы Кошево, за чертой города. Первым, слева, было католическое кладбище, а за ним православное. Дальше, справа, было военное кладбище, где был русский участок, а за ним лютеранское, еврейское и, в самом конце, солдатское кладбище времени Первой мировой войны. В центре этого кладбища, на котором были похоронены и русские военнопленные, был памятник умирающему льву. Во время развала Австро-Венгрии соседние жители разворовали деревянные кресты на отопление, но отец Алексей достал список похороненных русских пленных и у памятника служил по ним панихиду, каждый год 1-го ноября – на католический праздник Всех Святых. Сопровождая отца Алексея, как прислужник, я поинтересовался, почему он, православный священник, совершает панихиды в католический день Всех Святых, на

что получил ответ, что он, как священник, не имеет права отказать своим прихожанам совершить панихиду тогда, когда его об этом просят. По военнопленным же он служит потому, что после дальнего пути, оказавшись поблизости, он не видит греха заодно отслужить и панихиду по ним. Он осуждал русских, которые, по католическому обычаю, ставили свечки на могилах и просили совершать в этот день панихиды, но в просьбах не отказывал.

Сотнями свечей светилось католическое кладбище, а за ним, без единой свечи, погруженное во мрак, находилось кладбище православных сербов. Дальше, на русском участке военного кладбища, снова светились горящие свечи, а потом – снова мрак.

В Сараеве было две мужские гимназии. Каждое второе воскресенье православные дети приходили в гимназию на перекличку и строем, под наблюдением учителей, так как бывали случаи побега, шли в собор, где занимали место вдоль северной стены. Когда мы стали прислуживать, то нас, конечно, освободили от переклички. И вообще, русских гимназистов вскоре освободили от обязательного посещения сербского богослужения, отпуская в русскую церковь без переклички, под честное слово.

Уважение к русским оказывалось и на похоронах русских военных, а военными в Сараеве были почти все русские мужчины. Их хоронили с воинскими почестями. Гроб везли на лафете, и наряд югославянских солдат троекратным залпом отдавал последний воинский долг.

Со своей стороны, русские были не только лояльны, но и искренно преданны Югославии, в особенности королю Александру. После его трагической гибели, в церкви на собранные пожертвования был установлен большой киот до самого потолка с двумя иконами – святому благоверному великому князю Александру Невскому, в честь которого был назван король Александр, и святому Николаю, в честь которого был назван русский царь-мученик Николай II. Киот был с двумя резными дубовыми колоннами, увенчанными двуглавыми орлами России и Югославии и вензелями. В 1941 году, когда Босния и Герцеговина были присоединены к Хорватии, югославянский герб и вензель короля Александра были скрыты за широкой траурной черной тесьмой.

Хорватские усташи закрыли все православные храмы Сараева, убили если не всех, то почти всех священников, включая и престарелого Петра – митрополита Дабро-Босанского, но русской церкви

не тронули и закрывали глаза на то, что сербы ходили молиться в русскую церковь.

День святого Георгия был при усташах рабочим днем. Ни о каком «уранке», т. е. традиционном сербском походе в горы до восхода солнца, не могло быть и речи. Мы, русские, хоть и не так рано, но все же уходили на целый день в горы. На этот раз мы попросили отца Алексея отслужить в церкви молебен небесному покровителю скаутов-разведчиков, на что отец Алексей, конечно, охотно согласился. Школы были закрыты с первого дня войны, и в церковь пришла вся дружина, родители и все, кто не должен был в этот день идти на работу, как русские, так и сербы. Церковь была полна, но на улице люди, как бывало до войны, не стояли, чтобы не привлекать внимания усташей к православному богослужению.

Сараевский православный собор усташи не разрушили, а передали его специально для этого приехавшему униатскому священнику. В Сараеве до войны было 15 - 20 семей украинцев-галичан, и к ним, раз в месяц, приезжал униатский священник отец Биляк. Так как униатское богослужение мало чем отличалось от православного, то многие сербы не считали за грех ходить на богослужение к «усташскому попу». Большинство сербов и не знало, что «усташский поп», как они его называли, не православный, а униат.

Слышали, что отец Алексей ходил в лес к четникам совершать богослужения, исповедывать и причащать борцов против нацистов и усташей. Четники были, в основном, сербы-монархисты, хотя в их «четах» (отрядах – ударение на первом слоге) можно было встретить и мусульман, и даже хорватов- католиков. Конечно, об этом ни немцы, ни усташи не знали.

Из русских сараевцев в Германию уехали считанные единицы. Большинство было уверено, что, после проведенной высадки союзнических сил в Италии, на очереди будет Югославия. Там было все готово, и вооруженная поддержка населения, и аэродромы, и пилоты, знакомые с местностью и не раз летавшие вывозить раненых и снабжать партизан оружием. Никто не думал, что Рузвельт, вместо легко осуществимого десанта в Югославию, пошлет на верную смерть тысячи своих солдат штурмовать неприступный Атлантический вал.

Кроме того, многие боялись ехать в Германию из-за бомбардировок союзниками поездов и железнодорожных станций. К тому же, немцы, в августе 1944 года, разрешили уезжавшим брать с собой только ручной багаж. Моя мать, покинувшая Сараево в это время, писала мне:

«Почти все знакомые против моей поездки и говорят, что это безумие». В том же письме она писала, как русский летчик, служивший в хорватской авиации, поехал за женой и сыном в Сараево, как его поезд налетел на мину, как все его вещи пропали, а он, получив ранения, был отправлен в госпиталь. Кроме того, покинуть Сараево было не так просто. Моя мать должна была получить сперва разрешение из Берлина, а затем хорватский паспорт с немецкой визой из Загреба.

По свидетельству Эшрефа Смайовича, местного мусульманина, члена Сараевской дружины русских скаутов-разведчиков, в начале 1946 (или 1947) года группа русских эмигрантов была арестована по требованию СССР и передана в Белграде представителям советской власти. Все арестованные были отправлены этапом в СССР. По моим сведениям, в эту группу входили только члены НТС и старшие офицерские чины белой армии. В том числе председатель отделения НТС в Сараеве - Доне (кажется, Александр), скончавшийся после отбытия срока в пересыльном лагере Потьма; член НТС Борис Иванович Мартино (скончавшийся в пути), бывший в 1930-х годах председателем русской колонии и отделения РОВС; военный юрист, правовед Николай Иванович Чарторыжский; председатель отделения Союза военных инвалидов Буяченко; специалист по борьбе с комарами и, кажется, директор Биологического института Скворцов, арестованный как нужный специалист и работавший по специальности, как заключенный, в Средней Азии; полковник Александр Красильников, который, как мне говорили, служил в царское время в тайной полиции; директор британского рудника пирита и серебра Сергей Арефьев и другие.

Богослужения в русской церкви в Сараеве продолжались и после прихода коммунистов, но уже при меньшем количестве молящихся. В алтаре прислуживали братья Невструевы – Володя (родился в 1931 году) и Жорж (родился в 1933 году), а также Миша Жуков, а у свечного ящика стояла Оля Огнева.

Русская церковь была закрыта только после ареста настоятеля отца Алексия, вскоре после конфликта между Тито и Сталиным, а ее имущество было передано сербским церковным властям.

Был уничтожен и русский участок на военном кладбище. По одним сведениям, коммунисты решили расширить городскую больницу за счет военного кладбища, но В. С. Невструев писал в письме от 30 октября 2001 года, что на месте военного кладбища было построено два здания, в одном из которых разместился строительно-ар-

хитектурный (граджевински) факультет. Так или иначе, но русским было предложено перенести останки родных и знакомых далеко за черту города. Слышал, что там в отдельной могиле был похоронен директор кадетского корпуса генерал-лейтенант Б. В. Адамович, в другой, братской, могиле – кадеты, и в третьей, тоже братской, могиле – все прочие русские. Скромный памятник на далекой загородной поляне указывал на место погребения «русской семьи». После этого русских стали хоронить на новом кладбище «Баре», где хоронили всех сараевцев, невзирая на национальную или религиозную принадлежность.

Сперва на русских в Югославии, в том числе и на отца Алексея Крыжко, оказывался нажим, чтобы они принимали советское подданство, а затем, после исключения Югославии в 1948 году из Коминформа, его, регентшу К. П. Комад, прислужника Петра Соколова, Владимира Огнева, отца Оли, стоявшей в церкви у свечного ящика, и еще ряд других, арестовали, обвинили в шпионаже в пользу СССР, назвали «шпионско-диверсантской группой» и устроили в ноябре-декабре 1949 года громкий показательный «Сараевский процесс». Священник Алексей Крыжко получил 11 с половиной лет принудительного труда, К. П. Комад – 3 года, П. Соколов – 4 года, бывший капитан царской армии и председатель русской колонии в годы войны В. Огнев – 6 лет, инженер Анатолий Поляков – 10 лет, медик Василий Кострюков – 5 лет, служащий Советского информбюро Илия Жеребков – 6 лет, студент юрист Вадим Геслер – 5 лет и студент юрист Георгий Ольшевский – 4 года. С группой русских судили и местного жителя Арсения Боремовича. Он был осужден на 20 лет. Судебное дело против белградского настоятеля отца Владислава Неклюдова было прекращено, так как несчастный, якобы, повесился в камере в ночь с 29 на 30 ноября. Что отец Владислав был священником, в газетах не было сказано, а отец Алексий был назван «бывшим священником в штабе царской и Деникинской белой армии». (1)

В «Новом русском слове» от 3 февраля 1956 года говорилось: «Прошлой осенью в Югославию приехала первая партия советских туристов. Среди других был в этой группе и молодой инженер-химик из Ленинграда. Узнав, что его отец, протоиерей Алексей Крышко (надо Крыжко – Р. В. П.), осужден на Сараевском процессе на 12 лет (11 с половиной – прим. Р. В. П.), и не имея возможности повидаться с ним, Крышко обратился к советскому посольству в Белграде с просьбой предпринять соответствующие шаги и убедить югосла-

вянские власти вернуть ему отца, которого он хочет взять с собой в Ленинград. Вмешательство его не осталось без последствий. По указаниям из Москвы, советское посольство обратилось к Югославии с просьбой передать советскому правительству всех советских граждан, находящихся в югославянских тюрьмах и лагерях. Посольство полагало, что советские граждане, о которых оно просило, будут амнистированы и выпущены на свободу, т. е., что их коснется та большая политическая амнистия, которая была дана 29 ноября 1955 года в связи с десятилетием югославянской республики. Но никто выпущен не был. И только 12 января группа эта была выслана в Советский Союз». (2) С этой группой в СССР уехал и отец Алексий Крыжко, который получил небольшой приход под Ленинградом. Он переписывался со своими бывшими прихожанами, и в 1976 году от него были получены последние письма.

Вопрос об отношении Югославии к русским эмигрантам обсуждался на четвертой сессии генеральной ассамблеи ООН в ноябре 1949 года. Советский министр иностранных дел А. Я. Вышинский обвинил Югославию в том, что она относится к местным русским плохо не из-за того, что они «белоэмигранты», а из-за того, что ныне они искренние приверженцы дружбы с СССР. Однако, советский дипломат не смог ответить на реплику, почему, в таком случае, его правительство не желает этих граждан репатриировать из Югославии.(3)

США, 2002 г.

Библиография

1.«Политика», Белград, 2 и 10 декабря 1949 г. (а также 18, 14, 16 ноября, 3, 4 и 5 декабря 1949 г.)

2.«Новое русское слово», Спектатор: Новая высылка русских эмигрантов из Югославии (От собственного корреспондента Нового Русского Слова), Нью-Иорк, 3 февраля 1956 г.

3.«Политика», Белград, 7 декабря 1949 г.

Считаю своим долгом поблагодарить Алексея Борисовича Арсеньева, Георгия Алексеевича Богатырева, Анну Николаевну Григорьеву (урожденную Вдовкину), ее супруга Юрия Григорьева и Владимира Сергеевича Невструева за помощь в работе над этой статьей. Р. П.

ИЗ ДАЛЕКОГО КАДЕТСКОГО ПРОШЛОГО

Девичьи Институты в Югославии

В Югославии до Второй Мировой войны было три Института.

В Белой Церкви бывший Донской Мариинский институт – из Новочеркасска.

В Новом Бечее – бывший Харьковский и в городе Великая Кикинда – бывший Смольный институт из Петербурга. Два последние института просуществовали недолго, но Донской в Белой Церкви вместе с нашим корпусом был закрыт уже во время немецкой оккупации Югославии.

В корпусе мы пели:

«В Белой Церкви все лишенье,
Нет веселья капли тут.
И одно лишь утешенье,
Здесь родной наш институт».

Когда я был в первом и втором классе корпуса, моя бабушка с семьей жила в Кикинде. На каникулы я ездил на поезде из Белой Церкви, через Новый Бечей, в Кикинду.

У меня сохранились воспоминания о двух преподавателях кикиндского института. Математику преподавал Велихов – по виду напоминающий Дон-Кихота, с душой поэта. Он охотно танцевал на институтских балах, писал неплохие стихи, а в классе излагал геометрические формулы в стихах:

«Пред вами конуса модель –
Его поверхность пи-эр-эль!
Объем шаров твердит, кто туп,
Четыре трети пи-эр-куб».

Он же определил в литературной форме число «Пи»: «Кто и шутя, и просто пожелает пи число узнать – уж знает». Оставалось пересчитать буквы и записать: 3, 1, 4, 1, 6, 8, 2, 5, 6, 2, 5… Согласитесь, что такая точность достаточна даже для современных компьютеров!

Русский язык и литературу преподавал Топор-Родчинский. Небольшого роста, полненький, он, скорее, напоминал Санчо Панса. Он тоже любил стихи, но выражал в них не геометрические формулы, а составлял каламбуры.

Мне запомнились два:

«Как приятно в вечер майский
В чай китайский ром ямайский подливать»,
«Слуга наш Прокофий
Про копи, про кофе, про опий ужасно любил говорить!»

Облеченные в поэтическую форму, такие формулы и каламбуры сохранились в памяти на всю жизнь.

Три института и три корпуса в Югославии сохранили русскую культуру и помогли нам остаться русскими в наших странствиях по белу свету. Дружба кадет и институток сохранилась надолго. На кадетских съездах нашими дорогими гостьями всегда были и остаются институтки.

«Иванов Павел»

Не знаю автора этого «стихотворно-музыкального произведения».

У нас его ставили в корпусе, и мне запомнилась эта «оперетка».

Действующие лица: Иванов Павел, гимназист 2-го – 3-го класса; его мать; преподаватели математики, истории и географии; гимназический сторож и, конечно же, Шпаргалка. Шпаргалку играла институтка.

Фабула простая: Иванов Павел приходит на экзамен раньше других, засыпает, и ему снятся экзамены. Поет его заботливая мама, поют грозные преподаватели, и старается ему помочь хорошенькая Шпаргалка. Иванова Павла будит гимназический сторож: «Вставай, вставай, довольно спать, давно уж все звонки звонили». В конце пьесы преподаватели стараются поймать Шпаргалку: «Ах ты Шпаргалка, ах ты нахалка! Ее ловите, на части рвите!» Но Шпаргалка ловко убегает за сцену.

Мотивы песенок простенькие и легкие. Я запомнил слова участников.

Мама:

Павлик, Павлик, занимайся,
Даром время не теряй,
Не ленись, не отвлекайся
И в носу не ковыряй».

Иванов Павел:

«Надоели мне науки,
Ничего в них не понять.
Просидел насквозь я брюки,
Не в чем выйти погулять!

Преподаватели – по очереди и вне очереди – поют:

Разрешите наудачу мне по алгебре задачу:
Сколько бочек из бассейна
Можно выкачать портвейна?
И в конце какого века
Был основан город Мекка?
И какие папиросы
Курил Фридрих Барбаросса?

Те же преподаватели, но на другой мотив:

Царь персидский грозный Кир
В бегстве изорвал мундир.
Укрощал бег конский
Сам Александр Македонский.
Коня назвал он Буцефал.
Пифагоровы штаны
На все стороны равны.
Эти теоремы любимы
Нами с детства всеми.
Да, нами всеми, господа!
- Есть у нас земная ось,
Протыкает нас насквозь.
А меридианы
На части делят наши страны,
Да, наши страны, господа!

В заключительной сцене грозные преподаватели встают один за другим и объявляют: «*Иванов Павел – кол!*»

В корпусе у нас эта пьеса пользовалась большим успехом, и мы долго напевали эти стишки. Повторяю, что я не знаю автора этого произведения.

Может быть, среди читателей нашего журнала найдутся люди, которые знают, кто написал эти веселые стишки. Возможно, в России в какой-нибудь библиотеке найдут книжечку со скромным названием «Иванов Павел». Уверен, что эта пьеска не устарела и доставит много удовольствия русской учащейся молодежи.

Лазарет

«То место, куда от науки
Кадетское сердце рвалось
Из классов мучений и скуки,
У нас лазаретом звалось.
То было прекрасное место –
Любил его каждый кадет,
И долго потом в своей жизни
Добром поминал лазарет!» - и так далее.

Я не знаю, кто автор этого стихотворения и не помню, где я его читал или слышал.

Дальше автор дает советы, как здоровому кадету попасть в лазарет и вспоминает, как «прекрасно он спал и едал…и так далее».

В мои годы в корпусе (1929-1937) медицинский персонал состоял из старшего врача, действительного статского советника, доктора медицины Алексея Сергеевича Далматова и фельдшера Ивана Константиновича Васильева.

Доктор Далматов был корпусным врачом с 1920 года в Сараево и, насколько знаю, до революции в России.

В Белой Церкви лазарет состоял из трех палат и приемной, куда приходили строем больные и здоровые кадеты. Больные – для лечения, а здоровые, чтобы попытаться «словчить» в лазарет. В младших классах «ловчил» не было, и на приемы приходили только больные мальчики. В третьем, четвертом и пятом классах появлялись «ловчилы», а в старших классах их снова почти не было. В переходном возрасте это был своего рода «спорт» и желание выделиться своей изобретательностью.

Помню рецепты самодельных «лекарств», от которых кадет обязательно на короткое время «заболевал».

Советовали также идти на прием после специальной «зарядки», с раскрасневшимся лицом, симулируя температуру, в надежде получить градусник. Кадета с градусником сажали в угол на скамейку, и тогда начиналось «нащелкиванье». Не знаю, по какому закону физи-

ки, но легкое пощелкивание по верху термометра вызывает медленное продвижение ртути вверх. Этот способ был опасен тем, что, по неосторожности, можно было «разорвать» столбик ртути. Верхняя часть уходила наверх и показывала, скажем, 39.5, а нижняя 36.5. Соединить обе части было невозможно. Сидящим в углу кадетом овладевала паника, когда у него фельдшер забирал градусник. Видавший виды доктор Далматов с улыбкой смотрел из-под очков на «больного» и говорил: «Ты, брат, перестарался – иди обратно в класс!»

Больным выдавали чистое нижнее белье, халат и укладывали в одну из палат. В лазарете была небольшая библиотека.

Доктор Далматов также преподавал нам гигиену. Болезненным кадетам он прописывал «усиленное питание» к чаю и хлебу, которые мы получали в 4 часа. «Слабунявая команда», как ее называли кадеты, строилась на левом фланге и получала масло, мед, иногда сыр.

Доктор Далматов был знающим, опытным, заботливым врачом и приветливым человеком, с чувством юмора.

При серьезных заболеваниях кадет отправляли в городскую больницу. За 8 лет в корпусе я помню только две смерти: мой одноклассник Каранковский умер от менингита, и кадет XI выпуска Бенуа от туберкулеза.

Для хирургических операций кадет везли в русский госпиталь в город Панчево, недалеко от Белграда. Начальником госпиталя был известный в Югославии хирург – профессор Левицкий, а старшим врачом – доктор Мандрусов, отец кадета XVIII выпуска Славы Мандрусова. Впоследствии Слава Мандрусов сам стал врачом с практикой в Сан-Франциско. Слава умер раньше своего отца. Доктор Мандрусов - старший дожил до глубокой старости и был хорошо известен среди русской колонии города.

В мое время в городской больнице в Белой Церкви старшей сестрой была мать кадета XVI выпуска Миролюбова. Я помню эпидемию «свинки». Одними из первых заболели мой одноклассник Георгий Левчук и я. Доктор Далматов отправил нас в городскую больницу, где нас приняла под свою опеку старшая сестра Миролюбова.

Помню также эпидемию гриппа в корпусе. Больных было так много, что пришлось прекратить занятия. В лазарете скоро не осталось места, и больных укладывали в нескольких спальнях и даже в гимнастическом зале. У доктора Далматова и у фельдшера было много работы. Им помогали кадеты-добровольцы.

На этот раз я не заболел и вместе с другими хорошо проводил

время. Уроков не было, времени хватало и на помощь больным, и на чтение, игры в классах, прогулки и игры в саду и тому подобное. Не помню, сколько продолжалась эпидемия, но постепенно больных становилось меньше, занятия возобновились, и жизнь вошла в привычную колею.

Прозвище доктора Далматова в корпусе было «Коновал». Я не знаю происхождение этого прозвища, и в те молодые годы я об этом не задумывался. Сейчас я чувствую всю несправедливость этого прозвища. По словарю В. И. Даля, коновал – это «простой, неученый конский лекарь». Здесь уместно напомнить кадетам, что В. И. Даль (1801-1872) окончил Морской кадетский корпус и прослужил 5 лет сначала в Черном, а затем в Балтийском морях.

По-видимому, об этом прозвище знал и Алексей Сергеевич. Вспоминаю утро в приемной нашего лазарета. Доктор Далматов в хорошем настроении, шутит с одним из старших кадет (не помню фамилию) и спрашивает: «Скажи мое прозвище среди кадет!» Мы – малыши – настораживаемся: что будет дальше? «Не могу знать!» - отвечает кадет. Доктор настаивает. Мы видим, что старший кадет смущен, волнуется, не знает, что сказать, и вдруг выпаливает: «Коновал!» Теперь мы смотрим на доктора, а он с добродушной улыбкой говорит: «А коновал-то скотинку лечит!»

В этот день было много разговоров об утреннем приеме в лазарете. Некоторые считали, что доктор нас незаслуженно обидел. Другие возражали, что виноваты те, кто эти незаслуженные прозвища придумал, и мы – кадеты, которые эти прозвища повторяем.

Это уже далекое прошлое! Доктор Далматов умер в Белой Церкви 15 апреля 1937 года, за два месяца до моего окончания корпуса. В моей памяти он сохранился как знающий и преданный своему делу врач и как добрый и мягкий человек.

В корпусе было много таких людей. Приведу еще два примера. Преподаватель русского языка и литературы Михаил Владимирович Тычинин и воспитатель полковник Александр Николаевич Азарьев.

Благодаря таким людям, мы на всю жизнь сохранили светлые воспоминания о днях, проведенных в стенах корпуса.

РУССКИЕ КАДЕТЫ В БЕЛЬГИИ

Бельгийская Колония Русского Кадетского Корпуса

В 1923 году пять кадет II выпуска Русского кадетского корпуса перебрались в Бельгию. На их счастье, им удалось найти покровительство организации «L'Aide Belge aux Russes», основанной кардиналом Мерсье, и они оказались его стипендиатами в бельгийских университетах, на полном содержании и попечении так называемого «Oeuvre»-а, ведающего стипендиатами кардинала. В настоящее время все они или инженеры, или директора фабрик и предприятий в Бельгии и Конго.

В 1924 году, когда репутация кадет Русского корпуса уже была заложена этими пионерами, кардинал Мерсье, в ответ на просьбу директора корпуса, предоставил ему лично еще три стипендии, которые и были замещены кадетами IV выпуска.

Мало-помалу в Бельгии, при Лувенском университете, образовалась колония в составе двадцати бывших кадет Русского корпуса, учредивших свое легализированное «Объединение» и живущих традициями своего родного корпуса…

«Объединение», обложив себя денежным взносом и устраивая ежегодно «бал», учредило свою собственную стипендию в «Oeuvre»-е и предоставило замещение ее личному усмотрению директора корпуса.

Кончина кардинала Мерсье не прервала организованную им помощь Белым русским студентам и не лишила Русский корпус покровительства «Oeuvre»-а, завещанного кардиналом своему преемнику епископу Малинскому и достойному председателю комитета Chanoine Noblesse. Летом директор корпуса обратился к m-r Noblesse с просьбой о предоставлении новой стипендии кадетам VIII выпуска и получил ряд ответных писем со следующими строками:

> 1. 14 мая: «Иметь Вашу рекомендацию – превосходнейшая гарантия для нашего комитета в оценке нравственности и способности русского студента.
>
> Мы имеем тому доказательства в дисциплине, чувстве чести и в духе солидарности, проявляемых десятком русских кадет, состоящим в нашем «Oeuvre»-е и вышедшим из заведения, которым Вы управляете с таким высоким сознанием Вашего долга. Позвольте мне выразить Вам удовлетворение, доставляемое мне большинством Ваших старых воспитанников, и глубокое уважение, которое я питаю

к почтенному директору того корпуса, из которого вышли несколько молодых людей, пользующихся моей полной симпатией».

2. 13 июня: «Чтобы доказать уважение, которое мы питаем к духу дисциплины и трудолюбия, внушаемому Вами Вашим воспитанникам, мы постановили принять в «Oeuvre» на будущий год m-r Розанова и еще двух кадет по Вашему указанию. Я уверен, что эти новоприбывшие приложат все старания показать себя достойными своих предшественников».

3. 6 августа: «Мы решили открыть кадетам еще шире наши двери... мы принимаем, начиная с октября 1928 года, четырех Ваших кадет: двоих, имена которых я уже получил, и двух других, которых Вы укажете. Мы уверены, что получим, таким образом, отборных молодых людей, которые послужат своим поведением и прилежанием образцом своим соотечественникам. Сверх того, нам приятно признать этим способом прекрасное моральное и интеллектуальное воспитание, которое Вы даете Вашим кадетам».

Таким образом, на 1928-1929 учебный год Русскому корпусу предоставлено в Лувенском университете 5 новых стипендий «Oeuvre»-а: одна – заслужившему ее своими блестящими успехами, в течение первого года бывшему стипендиатом «Объединения», В. Розанову, и четыре – кадетам VIII выпуска, сверх того, освобожденная Розановым стипендия самого «Объединения». Вместе с ним «Объединение» б. кадет Русского кадетского корпуса в Бельгии состояло из 25 студентов.

Все сказанное свидетельствует, сверх иных выводов, о силе основанного на верных началах кадетского товарищества и о плодотворности избрания стипендиатов по признакам истинных достоинств, а не «протекционных» симпатий, более же всего – о долге признательности членов Бельгийской колонии Русского кадетского корпуса: Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев за полученное ими среднее образование, Бельгии – за предоставление возможности получения высшего и светлой памяти кардинала Мерсье и его преемникам за их заботы о русской молодежи.

К 1925 году в Бельгии собралось столько кадет корпуса, что они образовали «Объединение». Выработанный ими устав был прислан на утверждение директору корпуса, как избранному почетному председателю «Объединения». Устав предусматривал возможность открытия отделения «Объединения» в других странах.

Устав был утвержден 27-XI-1925 г. (н. ст.).

«Княже-Константиновцы»

Образование «Объединения» в Бельгии послужило примером для образования таких «Объединений» в Белграде (1926 г.) и в Загребе (в 1929 г.).

Преследуя цель сохранения и укрепления взаимной связи бывших служащих и бывших кадет корпуса с родным корпусом, было основано Общество «Княже-Константиновцев» (б. служащих и б. кадет Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса).

Устав утвержден почетным председателем Общества Его Высочеством Князем Гавриилом Константиновичем 10 (23) августа 1930года.

Устав содержит некоторые статьи из уставов бывших Объединений, например, ст. 9 из устава 1925 г. «Бельгийского Объединения»: «Поддержание среди бывших и настоящих кадет тех основ воспитания, кои закладываются в корпусе: неугасимой любви к Родине, уважения к родной истории и веры в возрождение России. Поддержание среди своих членов духа истинного христианства, нравственности и духовной чистоты».

Ст. 25 из ст. 9 устава 1929 г. «Белградского Объединения»: «Основным признаком при решении вопроса о приеме в Общество должно разуметь истинную преданность лучшим заветам Русских Военно-Учебных Заведений, любовь и уважение к корпусу, верность и преданность его доброй славе».

В настоящее время существуют Отделы Общества: Бельгийский, Белградский и Сараевский. Центр Общества по уставу в корпусе. Председатель Общества – директор корпуса по должности.

(«Шестая Кадетская Памятка Юбилейная» Первого Русского Кадетского Корпуса в Югославии, 1940 г., переиздана как «Седьмая Кадетская Памятка Юбилейная», Нью-Иорк, 1997 г., стр. 61-64.)

КАДЕТАМ

Императорских и зарубежных кадетских корпусов

Мы царским созданы указом,
Орел двуглавый нас вскормил,
А белый вождь своим приказом
Нас на чужбине сохранил.

Но шли года, семья редела,
В один свелись все корпуса,
А четверть века пролетела –
И разбросала нас судьба.

И вот, рассеявшись по свету
И рассекая жизни муть,
Стремимся мы, кадет – кадету,
Скорее руку протянуть.

У всех у нас виски седые,
Кой у кого уж впала грудь,
Но, вспоминая дни былые,
Мы не даем себя согнуть.

Неважно, что в объединения
Не всех могли мы записать,
А важно чистым быть в стремлении
И чувство локтя твердо знать.

Ведь мы – Российские кадеты,
Сыны двуглавого орла
И, хоть и в штатское одеты,
В строю кадетском навсегда.

«Наши Вести», № 250, 1 апреля 1967 г.
(Автор – кадет Крымского К. К.)

ПУСТЬ БУДУТ БУРИ!

Чернеет небо. Завывает
В снастях протяжней и сильней
Холодный ветер. Все грозней
Мою ладью волна взметает.
Скрипит ладья. Рукою твердо
Держу я руль. Вперед, мой челн!
Неустрашимо, стойко, гордо
Мы будем плыть меж грозных волн.
Огнем горит во мне отвага.
Пусть даже смерть, но с мачты флага
Я не спущу. Вперед! Смелей!
Возврата нет к былой лазури.
Пусть будет так! Пусть будут бури!
Плыть в бурю даже веселей.

(«Седьмая кадетская памятка юбилейная», Нью-Йорк, 1997 г.).

(Автор - кадет VII выпуска Первого Русского В. К. Константина Константиновича Кадетского корпуса)

ОМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Мемуары генерала Иннокентия Сергеевича Дамаскина

Кадетский Корпус

Я родился 22 октября (ст. стиля) 1875 года в городе Омске. Мои родители были еще совсем молодые люди: отец – Сергей Илларионович, чиновник особых поручений окружного интендантства Западно-Сибирского военного округа, не достиг еще к тому времени 30-летнего возраста, а мать - Анна Петровна, урожденная Молченко, была моложе своего мужа на 7 лет.

Несмотря на свои молодые годы, мой отец занимал в Интендантском Управлении видное место, получая частые командировки по округу, по закупке провианта для нужд военного ведомства, что при безграничных просторах Западно-Сибирского военного округа, включавшего области Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую и губернии Тобольскую и Томскую, давало большой плюс к получаемому содержанию в виде прогонных денег.

Будучи большим хлебосолом, отец мой вел обширное знакомство не только среди своих сослуживцев, но был желанным гостем и в кругах городской интеллигенции, благодаря своему веселому, общительному характеру и великолепному голосу, которым он пленял местное общество. Организованный им хор нередко выступал на вечерах в городском клубе, где имел неизменный успех, так же как и регент хора – в своих сольных номерах.

При Св. Крещении меня назвали Иннокентием в честь покровителя Сибири Св. Иннокентия, Иркутского Чудотворца.

По случаю крещения новорожденного собралось много друзей и знакомых. По сибирскому обычаю, бабушка моя, Мария Львовна Молченко, двоюродная тетка моей матери, проживавшая в нашем

доме и руководившая хозяйством, наготовила пельменей (любимое сибирское кушанье) и разных других яств, и гости шумно пировали, отпуская по моему адресу разные шутки и пожелания.

Восприемниками при купели были: друг нашего дома Василий Александрович Сперанский, офицер местного интендантства, сослуживец отца, и вышеупомянутая бабушка М. Л. Молченко.

Я, как в таких случаях полагается, мирно лежал в своей колыбельке, не подозревая, что все эти тети и дяди, которые приходят на меня посмотреть, собрались исключительно по случаю моего появления на свет Божий, и, вероятно, чувствовал себя недурно, т.к. родился полновесным, здоровым ребенком, кормила меня сама мама, молодая и здоровая, а колыбелька моя была теплая и мягкая.

Затем потекли счастливые годы моего детства. Судя по сохранившейся у меня карточке нашей семьи, относящейся к тому периоду, когда мне было около двух лет, я был славным мальчуганом с вьющимися волосами, и как мне впоследствии говорила моя бабушка, балуемым в доме всеми, начиная от отца и кончая нашей прислугой, Прасковьей Мокроносовой, женой гарнизонного музыканта, служившей у нас спокон века.

Папа, возвращаясь из своих непрерывных поездок по округу, привозил мне и моему старшему брату Мише, родившемуся на полтора года раньше меня, массу подарков и сластей, и наша детская всегда была полна всевозможными игрушками и картинками.

Между тем родилась у моих родителей дочь Серафима, вскоре умершая, а через два года другая дочь, тоже Серафима.

Будучи беременной этой последней, мама моя каталась в санях, на одном большом ухабе выпала в снег, результатом чего было преждевременное рождение ребенка и начавшееся после родов общее ухудшение здоровья.

Несмотря на заботы отца, не жалевшего средств на лечение, мама заметно стала чахнуть, но окончательно ее подкосила неожиданная смерть папы, скоропостижно скончавшегося от апоплексического удара в одну из своих поездок в г. Верном, Семиреченской области.

Как сейчас помню этот ужасный день, когда из Верного пришла телеграмма о смерти папы. Ее принес к маме мой крестный В. А. Сперанский.

Мама лежала в постели, из которой уже долгое время не вставала, а я стоял без дела около соседней лавки Богомолова, которого все знали. Потоптавшись и увидев идущего к нам крестного, удивился,

что он на меня как-то странно посмотрел и даже не приласкал, как он это раньше обычно делал.

Через короткое время вбежав в дом, я услышал раздирающий душу плач мамы и бабушки и узнал, что сделался сиротой.

Тогда начались для нас черные дни. Хотя к тому времени мы жили в собственном доме, но папа, умерший 37 лет отроду, не успел выслужить пенсии, обеспечивающей нашу семью. К тому же еще более обострившаяся болезнь мамы требовала значительных затрат, что повело к постепенной продаже обстановки, и вскоре наш дом, бывший полной чашей при жизни папы, опустел до неузнаваемости. А мы с братом уже вступали в такой возраст, когда было надо начинать учиться, и Мишу отдали к учителю, ссыльному за восстание 1863 года поляку Зарудельскому, для подготовки в находящийся в Омске Сибирский Кадетский корпус, куда он и поступил год спустя в 1-ый класс, блестяще выдержав конкурсный экзамен первым.

Меня же стала учить бабушка, и под ее руководством я постиг первую премудрость, научившись читать, писать и считать, а затем поступил в приготовительный пансион к известной в Омске учительнице А.А. Плешковой, успешно готовившей мальчиков в корпус.

Госпожа Плешкова была отличным педагогом, и мое ученье пошло очень успешно с первых же шагов. Занималось нас, мальчиков, человек 8 группой. Учительница наша сразу же сумела нас заинтересовать, и учились мы все более ли менее прилично. Г-жа Плешкова была с нами неизменно приветлива и терпелива, и никогда не шла дальше по программе, пока не убеждалась, что пройденное основательно усвоено.

Занимались мы ежедневно по 2 часа, и когда часы-кукушка возвещали о конце уроков, мы шумной толпой рассыпались в разные стороны по домам с тем, чтобы на следующий день снова встретиться под кровом нашей учительницы.

Так прошла короткая в Сибири осень, и когда в октябре наступили холода, маме стало совсем плохо, а в ноябре 1884 года ее не стало.

Остались мы с братом Мишей и маленькой сестрой Сарой круглыми сиротами, почти без всяких средств к существованию. Опекуном нам назначили В. А. Сперанского.

Мамины похороны я отчетливо помню. Брата Мишу отпустили для этого из корпуса, и мы с ним шествовали за катафалком по

снежным омским улицам в изрядный ноябрьский мороз, провожая маму на т. н. Кадышевское кладбище, где уже покоилась вечным сном бабушка А. Л. Молченко, сестра Марьи Львовны, и младенец Серафима, моя сестра.

На мне была новая шуба с долгими полами, сшитая в расчете на мой рост, и я с трудом передвигал свои ноги. Вернулись мы с кладбища в совсем уже опустевший дом, Миша ушел в корпус, а я остался один с бабушкой Марией Львовной, и тогда в моей маленькой душе впервые шевельнулось чувство упрека к чему-то далекому за ту несправедливость, которая допущена в отношении нас с братом. За что, в самом деле, у других есть и папа, и мама, а мы остались одни.

Впрочем, к счастью, мы не были одни: с нами была наша дорогая бабушка, которая долгое время заменяла нам так рано ушедших в вечность родителей.

Бабушка энергично принялась за устройство нашего расшатанного хозяйства. Мы перешли в небольшой флигель, а большой дом, где мы прежде жили, был отдан квартирантам. Я продолжал заниматься у г-жи Плешковой.

Брат приходил по субботам в отпуск домой, рассказывал нам о корпусной жизни, и таким образом до некоторой степени вводил меня в курс корпусных порядков. Бабушку он неизменно радовал отличными отметками, не уступал никому своего первенства в классе. Бабушка его баловала как могла и с правом гордилась перед знакомыми своим старшим внуком.

Вероятно, успехи брата вызывали во мне чувство соревнования, и я, преодолевая врожденную леность и не желая огорчать бабушку, прилежно учился всю зиму и к весне настолько преуспел, что г-жа Плешкова решила даже немного расширить программу для поступающих в 1-ый класс и познакомила меня с французским языком, который начинался лишь в 1-ом классе.

Летом заниматься трудно. Прежде всего жарко: на омском солнце зреют арбузы, а великая водная артерия Сибири – Иртыш – так манит к себе своими прохладными водами. Да и мои уличные товарищи Шулаевы, дети местного извозчика, неустанно зовут играть в мячик или другие соблазнительные игры, когда схлынет жара.

Но дело прежде всего. К тому же и бабушка довольно строга насчет уроков – не пускает из дома, пока не выучишь всего задания к следующему уроку...

Между тем приближался и август, время вступительных экзаменов в Корпус.

А. А. Плешкова ведет нас всех в Соборную церковь приобщиться Св. Таин, с наставлением особо усердно молиться о выдержании экзамена, когда священник выносит Св. Дары.

На другой день мы в лучших наших костюмах шествуем в Корпус. На мне новая куртка, кудри мои причесаны в вид торжественный. Из подъезда Корпуса мы входим в вестибюль, а затем через переднюю в общий зал, где производятся экзамены. Зал поражает своей величественностью. Посредине стоит большой стол, покрытый зеленой скатертью, и за ним сидит целый синедрион. В стороне доски для писания мелом. Наша учительница присутствует при всех наших ответах.

По окончании экзаменов нам объявляют, что мы все выдержали благополучно, а меня отдельно А. А. поздравляет с тем, что я отвечал лучше всех ее питомцев и на общем конкурсе оказался вторым. Вот-то обрадуется бабушка, и как жаль, что нет папы и мамы. Папа, конечно, изменил бы обо мне свое мнение, которое он выразил в одном из своих последних писем к маме из Верного. Сообщая в этом письме о посылке подарков, папа писал, что Мише, который хорошо учится, он посылает иноходца, а мне за то, что ленюсь, ишака.

Анна Алексеевна сообщает при выходе из Корпуса, что благодаря успешному исходу экзаменов меня безусловно примут в Корпус, невзирая на то, что мне еще не исполнилось 10 лет.

Я как сумасшедший бегу домой порадовать бабушку и похвастаться перед мальчиками. Приятели смотрят на меня с почтением и завистью, и я им сообщаю, что через несколько дней облекусь в кадетскую форму. Тогда мне сам черт будет не брат!

В конце августа 1885 года я, напутствуемый бабушкой, в сопровождении моего старшего брата Миши, уже теперь кадета 2-го класса, отправляюсь а Корпус. Мне как-то не по себе: немножко страшно и вместе с тем берет любопытство: как-то меня встретят новые товарищи и не будут ли слишком строги преподаватели и воспитатели. Миша меня успокаивает и дает наставления, как нужно себя вести в Корпусе. В случае каких-то недоразумений с товарищами рекомендует обращаться к нему, как кадету старшего класса в роте.

Но вот и Корпус. Сейчас войду в парадный подъезд, и входные

двери этого чудовища, раскинувшегося на громадном пространстве, на несколько лет закроются за нами, и многим из нас заменят каменные стены далекий отчий дом. Как хорошо, что у меня есть бабушка, и я буду ходить к ней в отпуск каждую субботу, если буду прилежно учиться. И как должно быть тяжело моим товарищам, у кого родители далеко, далеко, а знакомых и родственников в Омске нет.

Миша ведет меня в помещение младшей роты (3-ей). Всюду порядок, пахнет свежей краской окон и полов. Представляюсь дежурному воспитателю. Тот встречают Мишу как старого знакомого и узнав, что я его брат, гладит меня по голове и высказывает уверенность, что и я буду себя вести и учиться так же хорошо, как и мой старший брат. Затем меня ведут в класс, где уже собралось много товарищей, среди них есть и мои знакомые «с воли»: Сережа Лашков, с которым меня сажают на одну скамейку, Жорж Зощенко, Пономарев и др. Но большинство незнакомы, если не считать вступительных экзаменов, на которых все мы впервые встретились.

Воспитатель нашего отделения, подполковник Семенов, старый педагог, проверяет нас по списку и рассаживает по партам, а затем ведет в цейхгауз, где старый дядька пригоняет нам кадетское платье, и мы рядами идем к первому казенному обеду в общую громадную столовую, где собираются постепенно все кадеты. Следует общая молитва, которую стройно поют кадеты, и нам показывают, как нужно держать нож и вилку, ибо далеко не все умеют обращаться с этими инструментами. Таких дикарей немало: в корпус, в то время единственный на всю Азиатскую Россию, прибыли дети из самых отдаленных углов Средней Азии и Сибири. В большинстве случаев, из захолустий Приамурья, Семиречья и Туркестана, отдаленных от Омска тысячами верст грунтовых дорог – железная дорога пропахала Сибирь значительно позже, и мы лишь через семь лет впервые увидели «чугунку» в Тюмени, едучи по окончании Корпуса в военные училища.

Вся эта разношерстная детвора скоро свыкается с новой обстановкой, быстро знакомится между собой, и после обеда мы все высыпали шумной гурьбой на кадетский двор, выходящий на Иртыш, и, разделясь на партии, играем в городки, излюбленную детскую игру нашего времени. Потом нас собирают в класс, и воспитатель знакомит нас с правилами корпусной жизни и заканчивает день пожеланием всем хорошо учиться и слушаться старших, а затем следу-

ет вечерний чай с булкой, и вскоре мы уже в спальной на казенных кроватях. Долго не спится на твердом матраце от массы пережитых новых впечатлений, но наконец сон берет свое… До завтра!

А завтра – первые уроки. Приходит француз, рыжебородый Петр Иванович Мозер, гроза Корпуса, из-за которого, как меня предупредил брат, больше всего накопляется второгодников. Но я его не особенно боюсь: Анна Алексеевна Плешкова прошла со мной несколько параграфов из его учебника, и я уже умею читать и писать по-французски. Он большой чудак и вызывает кадет не полной фамилией, а сокращенно: Monsieur Сему (Семухин), monsieur Засу (Засухин), monsieur Голубь (Голубчников), Зощенку – Зозо. Меня назвал monsieur Дамас, а мальчика Окорокова - monsieur le gembon, что по-русски означает окорок. Вызвав меня, убедился, что я немного подготовлен уже по-французски, и сразу же меня стал выделять, сделав комплимент и по адресу моего брата, как лучшего своего ученика во 2-ом классе. Это сразу же подняло меня в глазах моих товарищей, и ко мне стали обращаться за помощью, т.к. многим французский язык не давался, хотя Петр Иванович, составивший свой известный учебник, преподавал в общем хорошо. На нас всех он произвел благоприятное впечатление, которое у многих сохранилось на все время пребывания в Корпусе.

Затем явился Константин Васильевич Ельницкий, также пользовавшийся известностью, и не только в Омске, по своим многочисленным хрестоматиям и другим трудам по русской литературе. В отличие от Мозера, который не придавал большого значения своей внешности и, по-видимому, не часто прибегал к услугам гребенки, К. В. Ельницкий был всегда безукоризненно одет в элегантный вицмундир, тщательно причесан, а свою длинную бороду, за которую был прозван кадетами Козлом, закладывал за воротник своей крахмальной рубахи. В то время как Мозер с первых же шагов поражал нас своим громогласным голосом и нещадно коверкал русские слова, хотя давно уже приехал в Россию и даже был женат на русской, бывшей своей ученице Омской гимназии, где он также преподавал французский язык, и выгнал из класса нескольких вновь испеченных кадет, неудачно начавших ему подражать, – К. В. Ельницкий говорил тихо, избранными выражениями и весьма приветливо улыбался, закрывая свои красивые глаза.

Мозер уже имел свою кличку от кадет – Барабанщик, данную за то, что, по какой-то непроверенной информации, на своей родине

он исполнял это почетное амплуа. Эти сведения были ни с чем не сообразны, но мы им поверили и кличку утвердили.

Закон Божий преподавал священник Фащевский. Это был очень умный богослов, едкий и остроумный. На уроках у него всегда была абсолютная тишина, и самые недисциплинированные хулиганы побаивались его языка. Про него рассказывали, что однажды при исповеди один кадет на все вопросы – грешен ли в том-то и том-то – отвечал отрицательно. Фащевский позвал причетника и приказал ему принести кадило, т. к. де новый святой объявился.

Другому кадету, который принес очень толстую свечу перед исповедью, Фащевский сделал выговор, что он, вероятно, хочет подкупить Бога, и пообещал треснуть исповедуемого по голове этой свечой для вразумления. Был случай, когда Фащевский выгнал из класса кадета, отвечавшего ему урок и сказавшего вместо: «Ей, Господи, Царю, даруй ми…» – «Эй, Господи…», – упрекнув отвечавшего в том, что он обращается с Богом, как с извозчиком. Мне лично, когда я был уже в 3-ем классе, не помню уже по какому поводу, Фащевский сказал: «Взял бы вот тебя да и понес по классу», – вероятно, за то, что я был самый младший по возрасту в классе; а Жоржа Зощенко выставил из класса за то, что тот не хотел сесть на парту, ссылаясь на то, что у него на мадам Сижу завелся чирей, назвав Зозо «Жидом». Кличка эта была Зощенко дана товарищами за то, что он и лицом был похож на еврея, и некоторые буквы не выговаривал правильно, шепелявил. Как, например, вместо «чирей» говорил «цирей», а себя называл «Зесенко». Кличку «Жид» он довольно терпеливо выносил от своих товарищей, но когда его так назвал Фащевский, он невероятно обиделся и возразил священнику, что и Иисус Христос был еврейского происхождения. За это неуместное сопоставление Зощенко и понес наказание в виде удаления из класса.

Фащевского сменил преподаватель чистописания Эзерский, которого звали «Эйнишкой» по имени его отца Эйнфана. Он неизменно писал своим красивым почерком на доске разные изречения, заставляя нас исправлять наши почерка, и я ему до сих пор искренне признателен за то, что он научил меня ровно и красиво писать, что впоследствии имело большое значение в моей судебной службе, и не столько даже для меня лично, сколько для моих сослуживцев, при чтении моих следовательских и других писаний. Кто много работал на судебном поприще, тот поймет, какое это благо – красивый почерк и сколько проклятий несется по адресу следователей

с нечетким почерком, каковых, к несчастью, бывает большинство. А сколько терзаний причинили мне самому впоследствии ужасные почерки составителей протоколов предварительных следствий при моей работе в военно-прокурорском надзоре!

Г. Эзерский преподавал у нас в корпусе не только чистописание, но еще и пение. На массовых спевках (ротных и общекорпусных) он появлялся со своей скрипкой и своим тенорком разучивал с нами разные песни патриотического характера и молитвы. Изводили его кадеты ужасно, умышленно детонируя или вставляя в текст песни ни к селу ни к городу его кличку. Так, в одной песне «Марш, марш, Скобелев ты наш!» - неожиданно вместо славного русского полководца появлялся «Эйнишка ты наш», что всю поющую массу приводило в дикое состояние восторга, особенно в виду того, что своей невзрачной внешностью «Эйнишка» отнюдь не напоминал Скобелева. На такие выходки учитель наш реагировал обыкновенно ударом смычка по чьей-нибудь особенно отличившейся и расходившейся голове, а иногда пускалась в ход и самая скрипка.

Но вот первые уроки окончились. За ними потянулась длинная вереница других часов с приготовлением арифметики, рисования и пр. предметов. За первой неделей промелькнула другая, потом третья. Я учился хорошо, особенно по русскому и французскому языкам.

Благодаря искусной подготовке г-жи Плешковой, заставлявшей нас ежедневно писать диктовки и переписывать с книги, а также, может быть, и хорошей зрительной памяти, я быстро овладел техническими трудностями русского правописания, в особенности правильным употреблением буквы «ять», и сразу же зарекомендовал себя грамотеем, чем не могли похвастаться мои одноклассники, много огорчений причинявшие К. В. Ельницкому.

В первый же отпускной день я принес бабушке вместе с кадетским обличьем несколько полноценных отметок и порадовал ее своими успехами. Очутившись впервые в кадетской форме на улице, я неистово отдавал честь кому надо и не надо, а придя домой, своим сподвижникам по детским дружеским играм с гордостью показывал свои погоны, про которые нам было сказано, что они отличают военных от невоенных и что их надо носить безупречно.

Жилось мне в Корпусе в общем недурно. Одноклассники меня не обижали, напротив, как к хорошему ученику относились с уважением, тем более, что всякому, ко мне обращавшемуся за помощью, я охотно шел навстречу.

Так незаметно прошел первый год корпусной жизни. Мы с братом перешли в следующие классы, наш класс, со значительно поредевшими рядами, главным образом из-за Мозера и Ельницкого, делался старшим в младшей роте, и к нам должны были на следующий год присоединиться второгодники из Мишиного класса. Среди них оказался кадет Никанор Куртуков, порезанный тем же Мозером, приятель брата, по наследству ставший и моим другом.

Из эпизодов жизни первого года в казенных стенах могу отметить прием в наш класс одного киргиза султана Сулейманова. Это был здоровенный детина, 16 лет, которого по распоряжению Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Г. А. Колтановского определили в Корпус по настойчивой просьбе его отца, весьма богатого киргиза, непременно желавшего сделать своего сына интеллигентным человеком. Так как молодой султан перешел указанный для вступления в Корпус возраст (и к тому же по-русски знал только два слова, которые ужасно коверкал, отвечая на все вопросы этими двумя словами), то генерал Колтановский сперва не хотел его допустить в Корпус. Но, как рассказывали, уступил все-таки султану Сулейманову, сознав, вероятно, свою вину, которая заключалась в следующем. Султан начал просить за своего сына, еще когда тому было 14 лет. Генерал Колтановский ему тогда прямо не отказал, а обещал подумать. При свидании в следующем году султан напомнил генерал-губернатору о своей просьбе, на что генерал Колтановский, чтобы отвязаться от султана, сказал ему, что забыл про его сына. На это султан приметил генерал-губернатору: «Стара стал, слаба стал, ум кончал, Питербурх пора», – намекая на то, что де время генералу отправляться в архив, т. е. в Государственный Совет. Этот комплимент так развеселил Колтановского, что он решил наконец удовлетворить просьбу султана, и его сын оказался не только моим одноклассником, но и первым моим учеником, которого мне подп. Семенов дал для ознакомления с русским языком и дальнейшего натаскивания. (Заниматься с ленивым султаном было нелегко, т.к. по-русски он знал всего два слова: «без экзамена», – вероятно, потому что он был принят в Корпус без экзамена). В благодарность за мои занятия с султаном я получал массу всевозможных сладких вещей, которые в изобилии посылались моему ученику из степи. Эти занятия, впрочем, продолжались только несколько месяцев, т.к. молодой султан не оказался достаточно восприимчивым к наукам и русскому языку, почему и был возвращен в первобытное состояние – к полудикому образу жизни.

Во втором классе появились у нас новые предметы, а с ними и новые преподаватели – по естественной истории А. П. Куртуков, по немецкому языку – преподаватель Пл. Ал. Леваневский. С немцем у меня сразу же установились наилучшие отношения, и он стал меня награждать двухзначным баллом. С естественником же, наоборот, дело как-то не ладилось, и на первых же его уроках я получил к нему какое-то необъяснимое отвращение, а с ним вместе и к его предмету, который он, нужно отдать ему справедливость, преподавал весьма неискусно, несмотря на то, что в его распоряжении находились все необходимые для успешного преподавания пособия. В младших классах Куртуков требовал, чтобы ученики сидели в затылок друг другу и не шевелились, что для малышей 2-го класса представлялось нестерпимой пыткой. За свой длинный нос преподаватель носил кличку Руля и, зная об этой кличке, всеми методами оберегал себя от попыток со стороны кадет напомнить ему о его физическом недостатке. И горе тому кадету, который случайно или умышленно, сидя на парте, возьмется за свой нос. Подозрительному преподавателю чудится в таком движении желание его оскорбить, и кадет летит к двери, где его всегда может увидеть инспектор классов, и виновному обеспечен или карцер, или оставление без отпуска.

На первых же уроках Куртуков поставил меня к двери, и при этом без всякой вины. Для меня, хорошего ученика и никогда еще до того не подвергавшегося никакому взысканию, это была настоящая пытка стоять у двери, и я был, естественно, чрезвычайно взволнован. В это время Куртуков обратился ко мне с каким-то вопросом, на котором я в таком состоянии не мог дать удовлетворительного ответа, за что и получил первый в своей жизни в Корпусе неудовлетворительный балл.

С переходом в 3-ий класс нас перевели в средний возраст (2 роту), где я снова соединился со своим братом, перешедшим уже в 4-ый класс.

Французский язык и арифметика задержали во 2 классе порядочное число наших товарищей, но зато наши ряды пополнились второгодниками из 3 класса. С нашим воспитателем Н. И. Семеновым нам пришлось расстаться, и к нам назначили нового воспитателя П. В. Нестеренко.

Такая перемена воспитателей, в то время бывшая общим правилом, приносила не пользу в деле воспитания детей, а скорее вред. Воспитатели сортировались на способных вести детей младшего,

среднего и старшего возраста. Между тем, умелый педагог, получивший малышей с 1 класса, с большим успехом может воспитывать детей и по переходе из возраста младшего в средний, т. к. ему вполне известны положительные и отрицательные стороны их характера, чем новый педагог, к которому переходили совершенно ему незнакомые дети, с душевными качествами которых он знакомился лишь по аттестациям своего предшественника. Вероятно, в этих видах впоследствии и обратились к новому способу назначения воспитателей, обязывая их вести кадет с 1-го до последнего класса.

В мое время еще не было различных педагогических курсов для подготовки воспитателей Кадетских корпусов, и наши доморощенные педагоги являлись к нам непосредственно из строя, постигая профессиональную премудрость своим личным опытом, без всякой теоретической подготовки.

И подполковник Н. И. Семенов, и П. В. Нестеренко не обладали какими-либо врожденными педагогическими способностями. С нами они обращались гуманно, к наказаниям прибегали лишь в случае необходимости. С детства нам внушалось, что мы будущие офицеры, и поэтому должны вести себя безукоризненно, быть послушными в отношении наших воспитателей, прилежно учиться, чтобы самим иметь должный авторитет впоследствии, когда наденем офицерский мундир. Бережливо развивалось чувство товарищества, как одного из важнейших основ существования армии. В случае проступков, носящих массовый характер, наши воспитатели никогда не прибегали к доносам для открытия виноватых, а всегда обращались к чувству товарищества самих виновников, призывая их сознаться, чтобы не страдали ни в чем не повинные кадеты. Всеми способами развивалось и поддерживалось чувство любви к родине и Царю.

В Корпусе была великолепная библиотека, в которой было отведено почетное место книгам патриотического содержания. Эта патриотическая нота проходила и через многочисленные песни, распевавшиеся кадетскими хорами, а также и беседы и чтения, которые воспитатели вели с нами в свободное от занятий время. В частности, Н. И. Семенов отличался умением выразительно читать, и с первых же шагов моего вступления в Корпус приохотил меня к чтению книг. Он никогда не «докучал нам моралью строгой», как это делали другие воспитатели, изводя кадет продолжительными распеканиями, и редко прибегал к карцеру.

Обычным родом наказания было тогда постановка провинив-

шегося под лампу в зале или коридоре на общее посрамление. Практиковались и более свирепые наказания, как-то карцер, оставление без отпуска, снимание погон и в исключительных случаях – увольнение из Корпуса. Телесные наказания не применялись. Случаев спарывания погон я помню за все время корпусной жизни 2 или 3. Один такой случай особенно запечатлелся в моей памяти. Был у нас старший врач в Корпусе, Статский Советник Белавин. Еженедельно, по субботам, он обыкновенно производил физический осмотр кадетам. Почтенного эскулапа кадеты прозвали «Шишкотряс». Как-то раз один из кадет среднего возраста, высунувшись из окна в корпусной двор, увидел на свое несчастье идущего по двору доктора и во всю глотку приветствовал его этой кличкой. Доктор успел заметить физиономию кадета, и на педагогическом совете виновного решено было подвергнуть строжайшему взысканию – спороть погоны. В назначенное время выстроился весь средний возраст, вызвали виновника печального торжества на середину, прочитали приказ по Корпусу, и затем ротный командир приказал дежурному барабанщику предоставить свой инструмент для операции. «Преступника» усадили на барабан, и барабанщик, вооружившись ножницами, снял с мундира погоны. Виновника отделили от других как зачумленного, и он несколько дней питался за отдельным столом без скатерти. Разговаривать с ним было запрещено. Бедняге было, вероятно, тяжело выдерживать такие унижения. Но он крепился, т.к. все же исключение из Корпуса было бы во сто крат хуже, ибо родители его жили где-то далеко, и перспектива встречи с родными после исключения из Корпуса его ни мало не радовала. Впрочем, и сами товарищи всемерно облегчали наказанному его положение и не особенно точно придерживались распоряжения о нравственном бойкоте.

С 3 класса некоторые кадеты начали уже покуривать. Т. к. курение было запрещено, то обыкновенно курильщики собирались в укромном месте группами и кто-нибудь из них обносил остальных папиросой. Во избежание прихода воспитателя ставился дежурный, и нагрянувший воспитатель обыкновенно заставал лишь «следы преступления» в виде густого облака дыма и запаха не столь дорогого табака; «преступники» же успевали своевременно улизнуть.

Говоря о практиковавшихся в нашем Корпусе наказаниях, я забыл отметить еще одно наказание – оставление без 2-го или 3-го блюда. К этому, в сущности, бесчеловечному наказанию прибегали у нас, к сожалению, часто, в особенности в младшем возрасте. Дежур-

ный воспитатель, рассчитывая кадет на столы по 12 человек, обыкновенно прибавлял, указывая на провинившегося: «Раз, два, на один суп, три, четыре, без третьего, пять, шесть, на один суп». Особенно увлекался этими наказаниями воспитатель Статский Советник Головеев, перешедший к нам в Корпус еще из восьмой гимназии, которого обзывали «Извозчиком». Между тем не трудно понять, что в таком возрасте, когда человек интенсивно растет и развивается, ему не может быть отказано в нормальном питании, и, т. о., это варварское наказание не находит себе никакого разумного оправдания. Впрочем, товарищи это инстинктивно понимали и наказанному восполняли недостающее из своих порций.

Не могу обойти молчанием один поистине чудовищный случай применения доморощенного наказания со стороны одного прикомандированного к Корпусу подъесаула N. Этот лихой казак однажды на своем дежурстве приказал всей 3 роте встать на колени за какой-то проступок, сопровождая свое приказание словами: «На колени, болваны». Вскоре после этого подъесаул, правда, был откомандирован от Корпуса.

В карцер сажали нас обыкновенно на часы. Один раз, когда я был уже в 4 классе, этого наказания удостоился и я. Когда мы шли строем к обеду, уже при входе в столовую какой-то служитель пересек нам дорогу. Шедший впереди меня кадет Семурин дал ему за это по шее. Это увидел прикомандированный к Корпусу саперный поручик Редько, но благодаря своей близорукости предположил, что ударил служителя я, и отправил меня под арест. Из страха оправдываться не полагалось, и я, скрепя сердце, в первый и последний раз за всю свою жизнь сел в карцер. Это наказание, совершенно мною не заслуженное, произвело на меня весьма тяжелое впечатление, и за полчаса пребывания в карцере я написал стихотворение, из которого помню следующие строки:

«Я понял, что ввергнулся в омут пороков,
Я душу им настежь открыл…
Я понял… Зараза проникла глубоко…
Добро ж я давно позабыл»…

Когда о случившемся узнал мой воспитатель подполковник Нестеренко, он немедленно пришел ко мне в карцер и спросил меня, я ли ударил служителя. На это последовал отрицательный ответ. На

следующий вопрос, кто ж ударил, понятно, я ответил незнанием. Выдать товарища, даже в подобном случае, по нашим традициям было бы бесчестно. После этого меня немедленно освободили из карцера.

Поступок пор. Редько мы почти все осудили, и поделом: нельзя подвергать такому строгому взысканию, не расследовав дело. Нужно сказать, что этого офицера мы как-то сразу невзлюбили. Относился он к нам достаточно высокомерно, хотя впоследствии, будучи уже штатным воспитателем Корпуса, он изменился к лучшему. С этим офицером много лет спустя произошло несчастье, послужившее вместе с тем началом его необычной карьеры.

Когда Редько был уже подполковником, на его дежурстве утонул один кадет во время прогулки в окрестностях Омска (купался в озере). За это Редько был предан Военно-Окружному Суду, который и приговорил его к заключению в крепости, признав виновным в бездействии власти. Вскоре, впрочем, это наказание по Высочайшему повелению было заменено отрешением от должности и прикомандированием к Тобольскому резервному батальону. Там Редько проявил недюжинные способности строевого офицера, и перед самой Японской войной получил чин полковника с назначением командиром батальона. При объявлении мобилизации по случаю войны с Японией батальон развернули в полк, и во главе этого полка Редько отправился в составе славного 4 Сибирского офицерского корпуса под командой генерала Зарубаева на фронт. Роль Сибирских частей за время Японской войны известна. Полки покрыли себя неувядаемой славой и заслужили Георгиевские знамена. Редько был произведен в генералы, награжден Георгием и Георгиевским оружием и получил бригаду, а потом и дивизию. Таким образом, этот скромный воспитатель, чьи мечтания не шли дальше ротного командира Корпуса, поднялся на верхи военно-иерархической лестницы, благодаря тому, что из-за несчастного случая он был принужден покинуть Корпус. Поистине: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»…

С 4-го класса по тогдашней программе начиналось преподавание алгебры и геометрии. Каждому понятно, насколько важно усвоить начала каждой науки, а наук математических в особенности. К нашему несчастью, основы этих предметов преподавал нам не профессионал-математик, а временно прикомандированный для этой цели саперный офицер А. В. Ивашкевич. Предмет свой он, может быть, и знал, но преподавать не умел, и поэтому в 5 класс мы перешли со значительными пробелами в знании математики, что и не замедлило

обнаружиться по приезде к нам из Москвы вновь назначенного математика Халилеева. Это был молодой, весьма знающий и любящий свое дело преподаватель, но болезненный и очень раздражительный. В минуты гнева за неудачный ответ он терял душевное равновесие, выходил из себя, запускал мелом в отвечавшего и ставил колы. Но, обладая даром преподавания, он заставил быстро восполнить пробелы прошлого преподавания и подтянул нас настолько, что даже самые ленивые знали предмет, как у нас говорили, «на ять».

Благодаря Халилееву, наш класс последние 2 года учился по математике блестяще, и многие наши однокашники, будучи впоследствии в специальных училищах и Академиях Инженерной и Артиллерийской, с благодарностью вспоминали своего учителя, заложившего прочные основания этого предмета. К несчастью, этот выдающийся педагог не долго был украшением Корпуса. Организм, подорванный чрезмерными трудами, не выдержал, и Халилеев в расцвете своих сил скончался от развившейся чахотки.

С 4-го класса наша молодежь уже почувствовала себя достаточно зрелой, чтобы войти в контакт с представительницами прекрасного пола и начать ухаживать. Этому способствовали и вечера, устраиваемые для кадет по случаю разных празднеств, на которых много и весело танцевали с приглашенными барышнями, по преимуществу ученицами местной гимназии и прогимназии. С этого же времени я начал выступать в составе нашего кадетского оркестра, играть на скрипке. Слух у меня был хороший, и стремление к музыке я унаследовал от своего отца. Поэтому с 3-го класса я попая в число учеников на скрипке и посвящал этому делу каждый вечер после окончания вечерних занятий. Преподавателем нашим был казачий урядник Тырков, хороший музыкант местного казачьего оркестра. За год я и мой одноклассник Набоков, который, впрочем, и до того уже играл на скрипке, настолько преуспели, что со следующего года играли уже на скрипке в кадетском оркестре.

Ходя каждую субботу в гости к бабушке, я очень часто бывал у своих соседей Нестеровских, где было несколько барышень, частью моих сверстниц, а частью и старше меня. Брат этих девиц Петр был мой одноклассник, поступивший к нам в 3 класс. Он был значительно старше меня годами и больше дружил с моим братом Мишей, я же предпочитал бывать в обществе его сестер, с которыми очень хорошо себя чувствовал. Отношения наши были, впрочем, чисто товарищеские, и шалун Амур пронзил мое юношеское сердце своей

стрелой, лишь когда я был уже в 5 классе. Моя первая любовь была девушка немного старше меня, ученица местной прогимназии, NN, подруга одной из сестер Нестеровских, в доме коих я с ней и познакомился. Она была хороша собой, но как-то не по годам серьезна. Я втюрился в нее с места в карьер, и т. к. скрывать своих чувств не умел, то вскоре всем стало известно, что Кеша, как меня все звали, заболел любовной лихорадкой. Роман мой, впрочем, продолжался недолго. Моя возлюбленная окончила прогимназию и уехала из Омска учительницей и вскоре вышла замуж. Я пережил свою первую любовную драму нелегко, но молодость взяла свое, и все обошлось благополучно, хотя не совсем. Дело в том, что благодаря этому событию я как-то охладел ко всему. Забросил и ученье. По некоторым предметам, как, например, языкам: русскому, французскому и немецкому – в старые заслуги мне еще ставили приличные отметки, хоть я почти не раскрывал учебников, но зато по другим предметам, где приходилось заниматься вновь, я ограничивался лишь баллами «душевного спокойствия», подчас узнавая о том, что задано, лишь на переменах перед самыми уроками. Словом, произошел какой-то душевный надрыв, что не ускользнуло и от внимания моего воспитателя П. В. Нестеренко, который неоднократно меня пытал: «Скажи, какая тебя злая муха укусила?» Я стал менее сообщительным со своими товарищами, в особенности после одного случая.

Дело в том, что мне всегда нравились стихи, и я упивался поэзией наших великанов Пушкина и Лермонтова. Как и некоторые другие ученики, я и сам начал «слагать вирши», и как-то раз, вместо переложения одной басни «Орел и Пчела» прозой, я сделал это в стихах. Вышло это как-то очень легко, без особых трудов и вымучиваний, и на следующий день товарищи сообщили преподавателю русского языка Ельницкому о моем подвиге. Ельницкий внимательно выслушал мою декламацию, одобрил стихи и поставил хорошую отметку, а потом, вероятно, и позабыл о доморощенном поэте. После этого я написал еще несколько стихотворений, в том числе одно сатирического характера на свой класс. Содержания этого стихотворения я не помню, но, вероятно, оно было настолько метко, что с некоторыми товарищами я из-за него рассорился.

Вообще с классом в последние три года жизни в Корпусе отношения у меня были хуже, чем в первых классах. Не знаю, чему это приписать, но думаю, что тут играло некоторую роль и то обстоятельство, что я был моложе всех и окончил Корпус, не достигши

17-летнего возраста, в то время, как некоторые мои одноклассники были много старше меня.

Зато я очень подружился с одним кадетом моложе меня классом, Саней Панкиным. У него были две сестры, Мотя и Наташа, обе очень милые девушки, уже взрослые барышни. В их обществе я провел последние годы кадетской жизни и могу с уверенностью сказать, что многими хорошими сторонами своего характера я обязан этим прелестным русским девушкам. Они были центром нашего молодого общества и пользовались неограниченным авторитетом. В старшую – Мотю – был без памяти влюблен Петя Нестеровский, а в младшую Наташу – Коля Сапожников, тоже мой одноклассник, присоединившийся к нашей компании уже в бытность нашу в 6 классе. В первых классах Корпуса это был совершеннейший дикарь, приехавший в Корпус из Восточной Сибири и первое время не ходивший в отпуск, благодаря чему свободно культивировавший свои наклонности на тех поприщах, где можно было проявить свою физическую силу над более слабыми товарищами. В короткое время своего знакомства с Панкиными он усвоил культурные способы обращения с себе подобными и стал славным малым и милым товарищем.

Сообща мы устраивали вечеринки, танцы до упаду или под гармошку, или под импровизированный оркестр. Веселье на этих вечерах царило неописуемое. Особенно весело было на Святках. Тогда наша дружная компания наряжалась в разнообразные костюмы и отправлялась на розвальнях «на огонек». Все, кто желал в эти дни принять у себя маскированных, отворял ставни дома и выставлял в окнах свечи. Большей частью на огонек летели знакомые под масками, но случалось, что залетали и в незнакомые дома. Мы обыкновенно путешествовали со своим оркестром, поэтому нас особенно радушно всюду принимали. Особым шиком для нас, кадет, было забраться в квартиру к какому-нибудь воспитателю и там с ним выпить водки. Это было, правда, небезопасно, т.к. кадетам воспрещалось маскироваться, а тем более употреблять спиртные напитки, но маска до известной степени гарантировала, и я не помню ни единого случая каких-либо недоразумений на этой почве. Надо сказать, что на такие забавы корпусное начальство смотрело сквозь пальцы, т.к. подчас в маскировании по домам принимали участие с кадетами и близкие персоналу Корпуса лица, и нередко бывало, что по приглашению радушного хозяина маски снимались, и тогда вечеринка превращалась в костюмированный вечер.

Такие забавы, впрочем, имели и опасную сторону. В декабре месяце в Омске страшные холода, а костюмы у нас легкие: какой-нибудь матрос с голой шеей или деревенский парень в рубашечке. В таком виде бежим вприпрыжку в освещенный дом, где подчас нет большой передней, чтобы снять шубы. Поэтому шуба оставляется в санях, и после танцев разгоряченные кавалеры находят ее в обледенелом виде, надевают и мчатся дальше до следующего дома. Там продолжается та же процедура и так до бесконечности, с 6 часов вечера и до рассвета. Домой добирались обыкновенно, когда уже бабушка встала, тотчас же ложимся спать и засыпаем как убитые.

Простудиться при таких Рождественских забавах было не трудно. Но молодость и крепкое здоровье, которым мы, сибиряки, почти все обладали, спасали нас от заболеваний, и только один из членов нашей компании поплатился своим здоровьем и самой жизнью: мой брат Миша, который, будучи уже в 6 классе, схватил воспаление легких и скончался 17-летним юношей от скоротечной чахотки.

Я был тогда в 5 классе, и т. к. наше 2-ое отделение входило в состав 2 роты, то мы с братом были в разных ротах и встречались только дома во время отпуска. Миша продолжал хорошо учиться и был во всех отношениях образцовым кадетом. Я же к тому времени значительно охладел к учебному делу по причинам, о которых упомянул выше, и даже поддразнивал брата за его излишнее усердие к наукам. На этой почве у нас доходило до «вспышек у домашнего очага», и мы, прежде очень дружные братья, стали как-то незаметно удаляться друг от друга. Этому способствовало еще и то, что к тому времени я уже переболел любовной корью, брат же, бывший хотя и старше меня почти на два года, только в 6 классе «врезался» в одну барышню, Лелю Елисееву, дочь местного чиновника – отца многочисленного семейства, осчастливленного 6 дочерьми. За такое обилие дочерей мы звали почтенное семейство «Елисеевским разливом». Я по этому поводу позволял себе некоторые, в сущности, безобидные остроты, которые, однако, задевали Мишу, по уши влюбленного в свой предмет. Вместе с тем Миша стал отдаляться и от нашей компании, т.к. Елисеева ни с Панкиными, ни с Нестеровскими знакома не была, а брат, бывало, лишь придет в отпуск, сейчас же направляет лыжи к своей королеве.

Болезнь брата нас снова сблизила. В лазарет он слег в марте 1890 г. Старший врач сначала не разобрал болезнь, и, думая, что заболевание ничтожное, отослал брата в роту, и лишь некоторое время

спустя, когда с братом сделалось дурно и его принесли на простыне в лазарет, установил, что начался процесс в легких. Мне разрешали часто навещать больного. Приходила к нему в лазарет и наша бабушка. Большое участие проявляла и жена нашего директора, г-жа Рейнеке, почти ежедневно посещая больного и принося ему конфеты и цветы. Крепкий организм брата долго боролся с болезнью, но ничего не помогло. Брат чахнул на наших глазах. Между тем на дворе была весна в полном разгаре. Под теплыми солнечными лучами таяли глыбы снега и льда, на Иртыше начался ледоход. Целые глыбы льда плыли по мощным водам этой сибирской красавицы-реки. Вешние воды залили беспредельное пространство за рекой. Картина была величественная. Миша начал строить планы о предстоящей ловле рыбы, увлекся этими планами и попросил меня подвести его к окну полюбоваться на развертывающийся впереди водный простор. Я с трудом поднял его с кровати и подвел к окну. Он долго не мог оторвать своих глаз от дивной картины, и я едва отвел его обратно в кровать и уложил обессилевшего. Через несколько дней его не стало. В день его смерти меня пробудили рано утром и сказали, что брату плохо и он меня зовет. Я наскоро оделся и помчался в лазарет. Брата уже приобщили, и он с каким-то особым «потусторонним» выражением в лице лежал высоко на подушках. Около него были доктор, супруга директора и бабушка, перед тем за несколько дней совсем перебравшаяся в лазарет и не отходившая от постели своего любимца. Миша сделал мне глазами знак, чтобы я к нему приблизился, и когда я это исполнил, прошептал мне несколько слов, которые я от волнения не разобрал. Через несколько минут началась агония… Когда я выходил из палаты, меня догнала директорша и спросила, разобрал ли я, что мне сказал брат, и на отрицательный кивок сообщила: «Ваш покойный брат сказал Вам, чтобы Вы были всегда верны Царю и Отечеству и честно им служили». Тогда я поклялся в душе свято исполнить завет брата, и клятву эту сдержал до конца.

Начались панихиды… Тяжело было на душе, особенно при виде моей дорогой бабушки, чье горе было велико. Товарищи и начальство проявили много знаков внимания к нашему горю и сочувствия. Вся 1 рота сопровождала прах брата на Кадышевское кладбище, где нашли уже упокоение моя мама и другие наши родственники. Было возложено много венков из весенних цветов и металлических. Брата опустили в могилу рядом с мамой. Потом все разошлись по домам. Я вернулся в Корпус… Снова потекла корпусная жизнь. Экзамены

были в полном разгаре. Наш класс переходил в 6-ой, в 1 роту. Мы становились взрослыми.

Наступившее лето, равно как и предыдущие, я проводил целыми днями на Иртыше. Там мы часами купались, плавали на далекие расстояния и рыбачили. Наш городской берег Иртыша был мало пригодным для рыбалок, и поэтому мы на несколько дней забирались на противоположный берег с удочками и переметами. Ловились, по большей части, окуни и ерши, шла и стерлядка. Питались импровизированной ухой, вкусно пахнувшей дымом и овощами, спали под открытым небом или в землянке рыбаков или в лодке. Катались на лодке с песнями по вечерам при луне.

Иногда я уходил в так называемую «Загородную рощу», на нашем городском берегу. Там было одно облюбованное место – при впадении маленького ручейка в Иртыш – где ловилась рыба и на лески, и на закидушки. Лески я приготовлял сам из конского волоса, плетя их или на колене, или машинкой. К концу лески прикрепляли крючки и грузило из олова или свинца. Удочки с поплавком мы не употребляли, т.к. течение в Иртыше быстрое и ловить рыбу можно лишь лесками с грузилом. Удочка приделывалась к удилищу, и чем удилище было длиннее, тем удобнее было рыбачить. Другой конец удилища обыкновенно держался в руке, чтобы не пропустить тот благодатный момент, когда рыба заклюет. Тогда начинались эволюции с леской, чтобы помочь рыбе сесть на крючок, и когда это случилось тащить стремглав удочку из воды с добычей. Окуни и ерши жадно схватывали червяка на крючке, и стоило большого труда и умения отцепить их с крючка. Чебаки же, как рыба более положительная и солидная, проглатывала червяка без такой жадности и легко снималась с крючка, часто даже без пролития крови. Стерлядь ловилась большей частью на закидушки, и всякий рыболов поймет, что этот способ ловли рыбы не вызывал таких переживаний, как при помощи удочки.

После таких похождений являешься домой с богатым уловом, и бабушка готовит из окуней и ершей вкусную уху, которая уже не пахнет дымом, как своя, доморощенная, или заливное, а из чебаков – пироги.

Жили мы с бабушкой это лето 1890 года, выражаясь фигурально, на развалинах Карфагена. Дело в том, что на нашей усадьбе при родителях было три дома: два двухэтажных деревянных и один флигель, окна которого были обращены в сад. Дома находились в

достаточно ветхом состоянии, и поэтому мой крестный, в качестве опекуна, решил снести дома, оставив лишь флигель, и на их месте соорудить новый дом на каменном фундаменте. Целое лето подрядчик Карташев мучился со своей артелью рабочих, воздвигая большой барский дом в 2 этажа: нижний из кирпича, а верхний из бревен. Мы с бабушкой переселились из флигеля в новый дом, заняв три комнаты внизу, а наверху поселился некий чиновник Буторин Лев Павлович, у которого было два племянника: один старший, Сима, учившийся в местном техническом училище, а другой Алеша – в учительской семинарии. Квартира наверху была одна из самых просторных в Омске, где дома преобладали одноэтажные и небольшие. Состояла она из 6 комнат вверху, соединенных лестницей с нижним этажом, где помещалась кухня и комнаты для прислуги. За все это Буторин платил бабушке в месяц 18 рублей, на которые бабушка и ухитрялась жить, платя при этом долг опекуну.

Сима Буторин был уже взрослый юноша, на следующий год оканчивающий техническое училище. Алеша же – мой сверстник. Жили мы вместе очень дружно, и я до сих пор сохранил о них наилучшие воспоминания. Дядя держал своих племянников в черном теле: жили они внизу и питались вместе с прислугой. Оба племянника были настроены демократически, в особенности старший, Сима, который в следующем году, когда к нам приезжал Наследник престола, а впоследствии столь трагически погибший Государь Николай Александрович, был, как опасный элемент, заключен в тюрьму на все время пребывания Наследника в Омске. Не могу судить, были ли у полиции какие-либо основательные данные для такого ареста, т.к. со мной Сима никаких недозволенных бесед не вел, но такая мера очень вооружила его против власти, и он мне потом, когда уже выпустили на свободу, клялся, что ничего предосудительного не сделал. Вскоре он уехал в Петербург и там поступил в Лесной институт.

Смерть брата оставила в моем сердце глубокий след, вызвав целую бурю протеста против новой несправедливости как в отношении меня лично, уже потерявшего отца и мать, так и в отношении моей бабушки, у которой со смертью брата оставалась в моем лице единая надежда и опора старости. Но последовавшее за этим несчастьем лето и жизнь на лоне природы под благодатным небом Сибири, с ее целительным степным воздухом, постепенно примирили меня с судьбой, и следующий 6-ой год жизни в Корпусе прошел нормально.

Мы были в 1-ой роте, и наш новый воспитатель, М. М. Садилов, пользовавшийся большим влиянием в Корпусе, заявил нам, что вице-фельдфебель Корпуса на будущий год должен быть из нашего отделения, как лучшего по учению в роте. Первым учеником в нашем классе и в целом Корпусе был кадет Владимир Голубятников, юноша весьма одаренный от природы, которому учение давалось легко, но который по своим личным свойствам был совершенно непригоден к занятию должности вице-фельдфебеля. Потеряв в детстве отца, он не имел возможности пользоваться отпуском, т.к. его мать, выйдя второй раз замуж, переехала из Омска, а других родных у него не было, и он с первых классов Корпуса принужден был проводить жизнь в четырех стенах, без всякого живого общения с внешним миром. Это наложило на него печать нелюдимости, оторванности, и, с ранних лет влекомый жаждой к знанию, он погрузился в чтение книг, перечитал всю корпусную библиотеку на русском и иностранных языках, которые он знал в совершенстве. Ко всему этому, это был юноша, с которым можно было поговорить на любую тему, гордость нашего класса и целого Корпуса. Но вместе с тем, благодаря именно этому отшельничеству, отсутствию связи с миром по ту сторону корпусных стен, Голубятников чуждался всего того, что не имело непосредственного отношения к миру книжному, и с общественной точки зрения был формальный дикарь, каких наш Корпус создавал немало.

А должность вице-фельдфебеля связана с известным представительством. Во время различных праздников и вечеров нужно фигурировать в роли представителя кадет и, о ужас, может быть и танцевать и ухаживать за барышнями. А этого наш Голубь, как его любовно звал Мозер, уж никак переварить не может. И поэтому, естественно, на предложение Садилова Голубятников ответил категорическим отказом. Отказ этот привел Садилова в ярость, и он дал понять Голубятникову, что настоит на своем. Тогда случилось то, чего никто не ожидал и что впоследствии сыграло роковую роль в жизни Голубятникова. В конце учебного года, когда Иртыш стал освобождаться от своих ледяных оков, Голубятников тайком выбрался из Корпуса, дошел до берега реки, отвязал чью-то лодку и на ней отправился по бурному Иртышу, лавируя между льдинами. Вскоре он был замечен и возвращен в Корпус в грязном и промоченном платье. Немедленно был собран комитет, и Голубятникову за самовольную отлучку из Корпуса сбавили несколько баллов

за поведение. Таким образом он добился своего: его оставили в покое и не приставали больше с фельдфебельством. Но зато постигшее его наказание произвело на него сильное впечатление. Он еще больше уткнулся в свои книжки и сделался еще нелюдимее. По окончании Корпуса он вышел со мной в Александровское военное училище в Москве. Там он удивлял всех товарищей и начальство своими необычайными способностями и вместе с тем странностями. Не открывая книг по военным предметам, которые его совершенно не занимали, он тем не менее успешно учился, отвечая на репетициях по усвоенному во время лекций. В отпуск он никуда не ходил и все время проводил за чтением книг. В конце зимы он совершил вторую самовольную отлучку, на этот раз уже из военного училища, которая имела для него роковые последствия. Сговорившись с двумя другими юнкерами, из коих один, Тейх, был уже на старшем курсе, тоже наш сибиряк, а другой из кадет 1-го Московского корпуса, чью фамилию я забыл, они отправились из Москвы на Кавказ с тем, чтобы оттуда пробраться в Персию и далее в Индию. Бегуны благополучно добрались до границы с Персией, но потом были задержаны нашими пограничниками и отправлены в Тифлис, а оттуда по распоряжению военного министра – в Туркестан, где распределены по стрелковым батальонам вольноопределяющимися. Тейху удалось в том же году выдержать офицерский экзамен, и он был произведен в подпоручики. Голубятников же не выдержал сурового режима в батальоне и повесился на дверной скобе в своей роте. Так погиб этот выдающийся юноша, которого ожидала блестящая карьера, жертвой сумасбродного наставника, не сумевшего проникнуть в душу своего воспитанника.

После перехода в 7 класс мы должны были провести часть лета в лагере для ознакомления со строем. Большую часть дня мы проводили в поле с винтовками, шагая в разных направлениях в сомкнутом и разомкнутом строе, или стреляли дробинками в мишень. Наш ротный командир полковник Михаил Кузьмич Канищев устраивал нам даже подобие маневров. Нелегко было этому, тогда уже старому человеку, передвигать свои непослушные ноги по нестерпимой июльской жаре, но он до того свыкся с Корпусом, в котором прослужил долгие годы, и его так пугала отставка, что он героически выносил все невзгоды, справедливо думая, что уйди он на покой – и тогда близок его конец. Так впоследствии и случилось. После выхода в отставку он от безделия зачах и вскоре умер.

Нужно отдать справедливость, что дисциплину он поддерживал в Корпусе строгую. С его авторитетом считались все от последнего служителя и до директора Корпуса. Вместе с тем, он был справедлив, и поэтому кадеты в общем относились к нему хорошо, добродушно подсмеиваясь над его слабостями. Так, он очень любил даже в строю делать замечания в стихах. Бывает, шагаешь-шагаешь по полю до изнеможения. Уже и голова и грудь мокры от пота, а Кузьмич, как мы его звали, брякнет: «Руки, ноги не махать, прямо голову держать» и, обращаясь к какому-нибудь кадету, заметит: «Такой бравый молодец, кренделем согнулся!». Или даст роте отдохнуть и начинает искать свою перчатку, ищет всюду сам, пошлет и барабанщика. Тот мучается, бегает по полю, а потом оказывается, что перчатка в собственной Кузьмича руке находится. Ну, понятно, общий хохот. За такую старческую рассеянность Кузьмич был воспет в нашей Звериаде, из которой помню только две строки:

«У Михаила Кузьмича
Голова из кирпича».

Конец лета мы проводили дома. Так как в комнатах было душно, то я переселился «на дачу», в комнату при каретнике, где пользовался совершенной свободой, не стеснял бабушку и не беспокоил ее своими поздними возвращениями с прогулок и рыбалок. Ко мне часто захаживали товарищи-кадеты и воспитанники других учебных заведений Омска. Кроме Симы и Алеши Буториных, о которых я говорил выше, моими частыми посетителями были и гимназисты, с которыми мы, кадеты, правда, нередко и вздорили и даже дрались. Среди этих гимназистов были братья Кремлевы, мои соседи, и Гриша Вербшонер, сын одного почтенного чиновника, заведовавшего аптекарскими складами Омского военного округа. Вербшонеры приехали к нам откуда-то из Европейской России и благодаря своему широкому гостеприимству быстро завоевали неподдельные симпатии всех, кто с ними входил в соприкосновение. Сам Вербшонер был уже пожилой человек и очень любил молодежь. Он был еврей, переменивший веру своих предков вследствие женитьбы на немке, премилейшей Софье Ивановне, чье гостеприимство не знало границ. У них было две дочери: Софья, уже взрослая девушка, и Вера, тогда оканчивавшая гимназию, обе девицы весьма серьезные и начитанные. Кроме того, два сына: Александр, оканчивавший в Омске клас-

сическую гимназию, и Гриша, мой сверстник, учившийся в 6 классе той же гимназии. Оба брата ничем друг на друга не походили.

Старший Александр был очень талантливый юноша, окончивший гимназию с золотой медалью и потом поступивший в Институт Инженеров Путей Сообщения, который кончил с отличием и впоследствии составил себе имя при постройке мостов Сибирской железной дороги.

Гриша же был парень весьма легкомысленный, учился кое-как и гимназии не окончил, вследствие чего поступил вольноопределяющимся в Омский батальон, откуда был послан в Казанское юнкерское училище, а по окончании его вышел в Варшавский военный округ, где после долгого перерыва судьба нас снова столкнула, но уже в совсем другой обстановке.

В этой милой семье я был принят как свой. Вербшонеры были люди состоятельные и часто устраивали у себя вечера, на которые собиралось много молодежи.

Там можно было встретить и гимназистов, и кадет, и гимназисток. Из последних обращала на себя мое особое внимание Юлечка Олигер, дочь заведующего Омским аптекарским складом. Это была очень миловидная барышня, веселая и остроумная, с которой мы всегда очень непринужденно болтали и много танцевали. И с ней мы встретились много лет спустя в Киеве, когда она уже была замужем за моим сослуживцем по Военно-Прокурорскому Надзору Киевского в.о. Суда Н. И. Булкиным. Поистине – сколь тесен мир! Если не ошибаюсь, брат Ю. Ф. Олигер, Николай Олигер, впоследствии известный писатель, тогда уже был в Петербурге. Юлечка хорошо играла на рояле и выступала в ученических концертах. Впоследствии она окончила консерваторию и передала свои музыкальные способности и своей дочери Лиле, известной танцовщице Елизавете Никольской.

На этой моей даче однажды произошел случай, который мог стоить жизни моему товарищу по классу Никанору Куртукову. Никанор, или, как мы его звали, «Корочка», часто заходил ко мне в гости поиграть в мячик или городки с моими друзьями.

Зайдя однажды в мою комнату, он не застал меня дома, и вместе с Симой Буториным они стали рассматривать оружие, висевшее на стене около моей кровати: шашку моего отца и его револьвер. Вынув шашку из ножен, Корочка предложил Симе сразиться на поединке, что тот и принял и, в свою очередь, направил револь-

вер прямо в лицо Куртукову. Последовал неожиданно выстрел, и оба дуэлянта в страхе упали на пол. Через короткое время, однако, поднялись, причем Корочка тер себе лоб, а Сима на него смотрел глазами, полными ужаса. Наконец оба разразились неудержимым хохотом и приступили к расследованию этого случая. Оказалось, что револьвер, который был системы «Бульдог», с вращающимся барабаном, был заряжен только одним патроном, и шомпол вдвинут в соответствующую камеру. Сима вынул шомпол из камеры, но не вставил его на надлежащее место, и это обстоятельство спасло Куртукову жизнь. Когда произошел выстрел, силою газов барабан, не имевший упора, сдвинулся, и пуля ударилась о заднюю стенку канала, откуда и вышла из ствола со значительно ослабленной силой. Таким образом, Корочка отделался испугом и синяком. Вскоре после этого вернулся домой и я, и мы вместе нашли деформированную пулю, мирно лежавшую на полу.

Долго после этого мы смеялись над крепостью Корочкина лба, от которого отскочила и деформировалась пуля. Впоследствии жизнь Куртукова пригодилась родине, и в Великую войну, командуя батальоном, он свершил чудеса храбрости, за что и удостоился звания Георгиевского кавалера.

С детства я очень любил посещать церковь. Ближайшая к нашему дому была соборная церковь, старейшая в Омске, куда я главным образом и заходил. Туда кроме того привлекало меня и отличное хоровое пение, и замечательный бас соборного дьякона. Это был красавец мужчина, очень музыкальный и большой ловелас.

Не мало представительниц прекрасного пола соблазнил он на своем веку, пленяя их и своей фигурой, и гривой черных волос, и красотой голоса.

Обычным местом свиданий он избрал т. наз. Загородную рощу, единственное место, где в знойное лето омичам предоставлялась возможность отдохнуть от палящих лучей солнца в тени высоких берез, на берегу красавца Иртыша, в этом месте особенно быстрого и полноводного. Жертв своего темперамента он обыкновенно доставлял туда на своих дрожках, запряженных гнедым, старым как мир. На его удочку попадались не только замужние женщины, видавшие виды, но и девушки из патриархальных семейств, о которых никакие досужие языки не могли сказать ничего дурного.

Так, в соседстве с нами проживало одно благочестивое семейс-

тво, с которым моя бабушка особенно дружила. Оно состояло из пожилой особы, матери трех взрослых дочерей, из которых одна младшая была особенно хороша собой. Вероятно, только за неимением приданого она не вышла замуж, и ей угрожало остаться старой девой. К непрекрасному полу она относилась свысока и не принимала никакого участия в увеселениях молодежи.

Но «пришла пора, она влюбилась». Влюбилась и села на дьячковские дрожки, которые и доставили ее в Загородную рощу.

Нам, тогда еще ребятам, казалось странным, зачем так часто по нашей улице возит гнедой дьякона эту пару, но потом более взрослые товарищи объяснили нам, в чем тут дело.

Девица, по прошествии определенного времени, стала редко появляться на улицу, а потом прошел слух, что к крыльцу при доме подбросили новорожденного ребенка, которого хозяйка дома подобрала с целью усыновления. Дитя оказалось мужского пола и точная копия соборного дьякона.

Кроме соборной церкви, я иногда заглядывал и в Крестовоздвиженскую церковь, где также пел очень недурной хор. Особенно мне нравились Великопостные напевы, которые уносили меня далеко, далеко от земли.

В свою же кадетскую церковь, хотя славившуюся своим хором, я ходил лишь по принуждению, когда собирался весь Корпус по торжественным дням. Отталкивал излишний формализм, необходимость стоять навытяжку под перекрестными взглядами надзирающих воспитателей.

В частных церквах этого не было. Чувствовалось свободно. Служили старые священники, к которым привыкли с детства. В особенности импонировал своей благородной внешностью прот. Недосеков, говоривший проникновенным голосом святые слова молитвы. Когда, уже будучи в старших классах Корпуса, я прочитал известное произведение Лескова «Соборяне», то мне показалось, что главная фигура «Соборян» списана с нашего протоиерея Недосекова.

Впоследствии мне неоднократно приходилось бывать в столичных церквах и слушать хоры Архангельского, Александро-Невской Лавры и Петербургской Консерватории. Но ни один из этих хоров не потрясал мою душу в такой мере, как провинциальный хор старой соборной церкви в Омске в мои кадетские годы.

Любил я и колокольный звон нашей церкви, какой-то глубокий,

особенный. Сам я не звонил, как это делали некоторые другие мои товарищи, достигшие на этом поприще завидного совершенства, выделывая на колоколах такие рулады, которым мог бы позавидовать любой профессионал, в особенности в торжественные дни светлого праздника Пасхи.

Тогда над целым городом носились и плыли к небу глубокие звуки соборных колоколов, которым вторили колокола других 3 омских церквей, создавая непередаваемую гармонию торжества вечного над скоропреходящим, добра над злом.

В такие минуты и в самой закоренелой душе безбожника рождались добрые нотки благодарности к Творцу мира, ради спасения человечества пославшего Богочеловека на Землю, там распятого на Кресте и воскресшего из мертвых.

В это же лето 1891 года к нам приезжал Государь Император Николай II, в то время еще Наследник Престола. Нам было известно о покушении на его жизнь, произведенном в Японии со стороны одного фанатика, и о том, что Наследником совершено кругосветное путешествие. Весь город готовился к встрече высокого Гостя, воздвигались триумфальные арки, заготовлялись спичи. Шли лихорадочные приготовления и у нас в Корпусе: строились, маршировали развернутым фронтом и колоннами, занимались на приборах гимнастикой, разучивали хором приличествующие случаю песнопения и в особенности приветственный марш, сочиненный одним кадетом (Кириченко) и положенный на музыку другим (Нагродским).

Наконец наступил давно жданный день. Мы участвовали в общем параде, в крепости, совместно с Омским батальоном, где в первый раз видели Наследника и его свиту; посетил Наследник и наш лагерь, где мы старались превзойти себя и в ломке фронта, и в прохождении церемониальным маршем, и в пении. По-видимому, Государь остался нами доволен, подарил обоим кадетам, авторам марша, часы и мило с ними разговаривал. Разумеется, всех нас он очаровал. Еще тогда нас всех поразили его грустные, куда-то далеко, в глубь души, смотрящие глаза. Мы приписывали это свойство недавно пережитому в Японии эпизоду. Позже мне еще несколько раз пришлось видеть Государя, и в последний раз на Кавказском фронте за год до отречения. Из 23-летнего молодого человека он превратился тогда уже в пожилого, но глаза остались все те же.

Государь прибыл к нам из Томска лошадьми, т.к. железной дороги у нас в Сибири тогда еще не было. В Томске он посетил знаме-

нитую Хромовскую заимку, где долго жил старец Феодор Кузьмич, в лице которого легенда видела Императора Александра I. И это посещение, как многие утверждали, совершенное ночью, еще более укрепляло эту легенду в умах томичей.

Посещение Наследником нашего захолустья вызвало, естественно, много разговоров в кадетской среде. Помимо чувства очарования личностью молодого Государя, нас занимала и цель его поездки вокруг света, и те печальные события, что произошли при его посещении столицы Японии. В то время газеты получались в Омске с большим опозданием и кадетами обыкновенно не читались, т.к. читалки у нас не было. Своего же печатного периодического органа Омск не имел. Поэтому за разъяснением волновавших нас вопросов приходилось обращаться к нашим воспитателям, которые и сами были не сильны в политических делах, общения же с преподавателями мы не имели по причине лагерного времени. Да и, по правде сказать, некогда было особенно углубляться в разрешение таких вопросов, т.к. одни торжества сменялись другими. Город был все время пребывания у нас Наследника ярко иллюминирован, при въезде в город воздвигнуты арки, украшенные елками и цветами. Прекрасная погода способствовала праздничному настроению народных масс. На площадях устраивались народные гулянья. Но когда после этого возбуждения я пришел домой, то с ужасом узнал, что мой приятель Сима Буторин уже несколько дней арестован и сидит в тюремном замке. Никто не мог мне сообщить о причине его ареста, и только когда уже празднества окончились и Наследник уехал из Омска, Симу выпустили, и он мне сообщил, что его арестовали по подозрению в неблагонадежности. Впервые мне пришлось тогда слышать о том, что люди разделяются на благонадежных и неблагонадежных.

Быстро прошел остаток лета, и с первыми арбузами, которые к нам доставлялись из Семипалатинска, расположенного по Иртышу южнее Омска, мы снова в Корпусе, уже последнюю зиму, т.к. по окончании Корпуса разъезжаемся по разным военным училищам.

Вследствие описанного выше происшествия с Голубятниковым, Садилов, пользующийся большим влиянием в Корпусе, настоял на том, чтобы вице-фельдфебель все-таки был из нашего отделения, и выбор его остановился на кадете Шнейвасе, сыне чиновника Туркестанского военного округа, из кантонистов.

Это был весьма самоуверенный юноша, с чертами лица и харак-

тера человека семитического происхождения. Учился он посредственно, но умел угождать начальству, и процвел для всех совершенно неожиданно. Впрочем, оговариваюсь. За время пребывания в корпусе я жил со своим классом дружно: в младших классах делился с товарищами разными вкусными вещами, приносимыми из дома, помогал мало успевающим кадетам по разным предметам и т.п. Но в общем атмосфера Корпуса меня тяготила, и я с большим удовольствием расставался и со своим классом, и с корпусной жизнью по праздникам, когда можно было пойти в отпуск домой, где меня ждали с нетерпеньем моя бабушка и мои добрые приятели «на воле». Со Шнейвасом, который поступил к нам в Корпус, когда мы уже были в 4 классе, я никогда не дружил, но и не ссорился. В 6-ом классе у нас произошло с ним столкновение из-за какого-то крылатого слова, адресованного мною на его счет, за что он меня хотел ударить, но был удержан моим соседом, Сапожниковым. С тех пор мы с ним некоторое время не разговаривали. Но на Великом Посту, когда наша рота говела, он подошел ко мне перед исповедью и извинился за свой поступок, и я ему последний искренне простил. С тех пор я относился к нему по-старому. Поэтому мой отзыв о нем не может быть результатом неприязни вследствие происшедшего столкновения, тем более, что с тех пор протекло так много времени, да и самого Шнейваса уже давно нет в живых. Будучи офицером саперного батальона в Ташкенте, он, возвращаясь из Троицкого лагеря (около Ташкента) в город, погиб, упав с арбы, на которой ехал.

Когда мы были в 6 классе, у нас произошло еще одно событие, оставившее глубокий след в наших сердцах. С нами в классе учился один кадет, Стрекаловский. Это был юноша, влюбленный в себя, и поэтому не в нашем вкусе. Ходил он в отпуск к преподавателю Куртукову, за дочкой которого, Сарочкой, ухаживал. В один прекрасный день, когда Стрекаловский был по своим делам в укромном месте, на него налетела ватага кадет, накрыла его одеялом и отдубасила по всем правилам кадетского искусства. В чем он провинился перед товарищами, мне так и не удалось узнать. Ходили, правда, смутные слухи, что он занимается наушничеством, сообщал Куртукову вещи, которые, как добрый кадет, не смел передавать старшим, но ничего конкретного установлено не было. Интересна судьба этого моего одноклассника. По выходе в офицеры мы разошлись по разным дорогам, служа в разных родах оружия и ведомствах. Некоторые из нас впоследствии пооканчивали и академии, но один только Стре-

каловский избрал себе карьеру жандармского офицера. В корпус жандармов он перешел из гвардейской артиллерии.

В этом классе стали из нашей среды выделяться своими математическими способностями некоторые кадеты, которые в младших классах учились весьма посредственно. Так, Михаил Окороков, каким-то чудом проскочивший до 4 класса у Мозера, с которым у него были постоянные нелады из-за французского языка, оказался теперь прекрасным математиком. С Мозером у него доходило до острых столкновений, и однажды, в 3 или 4 классе, Петр Иванович выругал Окорокова за какой-то неудачный ответ ослом, на что обиженный тотчас же ответил преподавателю соответствующим комплиментом, обозвавши его рыжей собакой. Мозер рассвирепел и пинком ноги вышиб Окорокова из класса с такой силой, что тот распахнул дверь, перелетел «без мотора» весь коридор и «вонзился» в шкап с шинелями... По другим предметам Окороков также учился плохо. И вдруг теперь такая перемена! Преподаватель Халилеев не нахвалится им, и мы сами видим, что он совсем как-то преобразился. Окороков постепенно сделался нашим авторитетом в математических вопросах и в течение вечерних занятий всему классу объяснял самые запутанные теоремы и решал задачи. Тем из нас, кто не отличался склонностью к математическим тонкостям, это было манной небесной, т.к. можно было, ограничиваясь объяснениями Окорокова, не раскрывать книги и все-таки получать баллы душевного спокойствия. Начал также выделяться и Сергей Лашков, в младших классах тоже весьма слабо преуспевавший.

Меня по-прежнему интересовали только словесные предметы. Помимо русского языка стала меня занимать и история. Наш историк Александр Иванович Бекреев преподавал интересно и в младших классах. Но с 6 класса интерес к его предмету у меня особенно возрос, и я с наслаждением слушал его лекции. Он много читал нам в классе сверх курса и тем старался нас развить и приохотить к чтению. И можно сказать, что этот предмет мы знали вполне прилично. Полученные по истории знания пригодились мне впоследствии, когда я стал готовиться в Военно-Юридическую Академию, для поступления в которую требовали весьма солидной подготовки по истории. Да и как можно было у Бекреева не учиться! Мало того, что незнание урока влекло за собой неудовлетворительную отметку со всеми невыгодными ее последствиями. Александр Иванович еще и высмеет за неудачный ответ так, что и деваться не знаешь куда.

Еще в младших классах, когда один кадет сказал ему, что Александр Македонский отправился в поход по железной дороге, Бекреев совершенно серьезно добавил: «И вернулся из похода на пароходе». Подъехать к нему, как это некоторые практиковали в отношении к Куртукову, преподавателю естественной истории, а потом и физики, было невозможно. Однажды, когда после Пасхальных каникул мы снова собрались в Корпусе, класс начал поздравлять Бекреева словами: «Христос Воскресе!» На это историк односложно заметил: «Слышал», - и перешел к спрашиванию. Куртуков же в таких случаях пускался в разговоры с классом, расспрашивал, кто что делал на праздниках, и когда стрелки часов показывали скорое окончание урока, наспех приступал к объяснению следующего урока, на середине прерывал лекцию и уходил. Нередко случалось с ним и то, что вывод какой-нибудь формулы ему совершенно не давался. Тогда он останавливался на полдороги, чинил мел, долго возился с циркулем, пока благодетельный звук горна или барабана не возвещал окончания урока. В отношении бестолковости своих лекций Куртуков очень напоминал другого нашего преподавателя К. В. Ельницкого. Несмотря на плодовитость Ельницкого, написавшего массу разных учебников и хрестоматий, и на то, что ему давалось преподавание самых разнообразных предметов: у нас в Корпусе – русского языка, законоведения и географии, в женской гимназии – психологии, логики и педагогики, - едва ли найдется кто-нибудь из его бывших учеников, который вынес что-нибудь из его лекций. Обычно это был набор слов, весьма невнятно произносимых с закрыванием глаз, и если при всем том были в нашей среде такие кадеты, которые недурно знали словесность и толково писали сочинения, то это можно объяснить только тем, что предмет сам по себе был очень интересным, и недостаток преподавания восполнялся самими кадетами путем чтения и бесед. Одно можно поставить в заслугу Ельницкому: он научил нас грамотно писать. Этого он добивался беспрерывными диктовками в младших классах.

Один наш доморощенный кадет в своем стихотворении, посвященном этим двум преподавателям, писал не без основания, прощаясь с Корпусом:

«Уж Ельницкий не потрясает
Наш слух своею болтовней,
А Куртуков не объясняет,
Какою циркуль брать рукой».

С этими преподавателями мы перешли из 6-го класса в 7-ой.

В 7-ом классе мы становились старшими в целом Корпусе. Наше отделение отлично училось, и из него выбран вице-фельдфебель и много вице унтер-офицеров и так называемых «супоразливальщиков». Функции этих последних состояли в том, что в строю они исполняли обязанности начальников отделения, а во время приема пищи в столовой раздавали своему отделению суп и другие блюда. 1-е отделение нашего класса очень ревниво к нам относится: там кадеты старше нас по возрасту, а между тем начальство выдвигает наше отделение, и скрепя сердце 1-е отделение должно признать наш авторитет. Зато 1-е отделение 6-го класса, где также много второгодников и др. великовозрастных, ни за что не может примириться с нашим верховодством. И в результате вспыхивает драка. На одной из перемен к нам в класс врываются наши соседи из 1-го отделения 6-го класса, «и грянул бой, кадетский бой!». Несмотря на то, что у напавших масса верзил: Астоллопов, Федор Шарпантье, Цитович и др., у нас же народ все мелкотравчатый, все же мы дали надлежащий отпор и выгнали напавших, порядочно намявши им бока… Хотя я и не гимнаст, но все же прилично развит. Каждый день вечером и утром я обмываюсь холодной водой, а зимой и обтираюсь льдом. Лед нам приносят с Иртыша с водой и наливают в громадный медный умывальник. Я раздеваюсь до пояса, беру из умывальника льдину побольше и всю высушиваю на своем теле. Затем начинаю делать всевозможные упражнения с крышкой от умывальника, весом около 2-х пудов, и, утомленный, ложусь спать. Зимой в спальне холодно: окна ее выходят на Иртыш, откуда всегда дует ветер, и как раз эта стенка, обращенная к Иртышу, говорят, дала трещину. Не удивительно, что у нас температура бодрящая. Тем не менее для закаления своего здоровья я редко прибегаю к услугам одеяла, обыкновенно я сплю во все сезоны под одной простыней. Ничего, это пригодится мне потом. Поэтому и я принимаю активное участие в отражении нападения. Противник, по-видимому, не ожидал такого сопротивления и обращается в бегство. Мы ликуем и долго потом обсуждаем все перепетии «боя».

Такая закалка полезна еще и в другом смысле: отвлекает от дурных мыслей. А эти мысли начинают закрадываться в голову, будоражить молодое тело, не дают спать по ночам. Уже не так идеально начинаешь смотреть на представительниц прекрасного пола. Некоторые товарищи уже «перешли рубикон», соблазнились первым сближением с женщинами. Рассказы их полны чудес. Но все же еще

большинство не рискует последовать их примеру. Да и в 1-ом отделении нашего класса произошел ужасный случай: отправились к девицам два кадета: Окороков, брат нашего Михаила, и Шафрин. Пошли в первый раз, чтобы отведать запрещенного плода. А как жестоко пострадали: заразились сифилисом. Скандал на весь Корпус! Из Корпуса их за это не исключили, стали лечить ртутными втираниями. Окороков вскоре начал лысеть, Шафрин с отчаяния едва не покончил самоубийством. А жаль! Очень славный и способный юноша!...

В середине года уже начинают мечтать о военном училище. Из столиц идут вести от юнкеров, бывших наших кадет. Всякий кулик хвалит свое болото. Павлоны довольны своей драконовской дисциплиной, Александровцы пишут самые лучшие отзывы о Москве и своем училище. Математики мечтают о специальных училищах: инженерном и артиллерийском.

Есть среди нас и такой кадет, что собирается поступать в Институт Инженеров Путей Сообщения. Это – Рейнеке, сын директора Корпуса, перешедший из гимназии в 7 класс Корпуса. Он уже в солидном возрасте, лет 20. Счастливец!

У меня выбора нет: по окончании Корпуса – военное училище. Москва меня прельщает больше, чем Петербург с его туманами и дождями. Хоть я чувствую себя крепышом, но у меня опасное наследство: мама умерла в молодых годах от чахотки; жертвой той же болезни сделался и мой старший брат. К тому же в Александровском училище приятель моего брата, Саша Васильев, который в письмах зовет меня в Москву, в соблазнительных чертах описывает московские театры: Малый и Большой. Да и дисциплина там не такая, как в Павловском. Итак, решено, записываюсь в Александровское! Сообщаю об этом бабушке и крестному В. А. Сперанскому. Оба одобряют мой выбор.

В конце лагерного сбора становится известным окончательно, кто куда едет. В артиллерийское училище (Михайловское) попадает один Лашков, все остальные мои одноклассники растасованы по пехотным училищам: Павловскому, Константиновскому и Александровскому. В последнее записан и Голубятников, а также мои ближайшие друзья Сапожников и Нестеровский. Будет сопровождать нас воспитатель 1-го отделения 7-го класса подполковник Булатов, человек умеренно строгий. Значит, поездка в военное училище будет приятной.

Нам предстоит разлука с Корпусом, в котором большинство провело 7 лет, с родственниками и знакомыми.

Корпус мне, впрочем, не особенно жаль: не так уж я им восхищен! Но зато жалко расставаться с этими милыми Панкиными, Нестеровскими, Вербшонерами, Олигерами! Какие это все хорошие, чудные люди и как с ними приятно жилось!

Жалко и бедную бабушку. Придется с ней расстаться на два года. Как-то она, такая старенькая, останется одна-одинешенька. Но делать нечего! Вернусь офицером, и опять будем жить с ней.

Вот еще и Омска жаль. Правда, это довольно скверный городишко. Летом ветры и пылища невозможная, а зимой стужа нестерпимая. Весной же, как только начнется таяние снегов, приходится проваливаться по колени в рыхлый снег, а там грязь начнется такая, что и в экипаже проехать трудно. Но зато какая это прелесть Иртыш! Какой чудный, ни с чем не сравнимый воздух стоит за Иртышем! А эти милые поездки в лодке по Иртышу! Веселые песни под гитару или скрипку в обществе очаровательных Мотей, Наташей, Шурочек и т.п.! А рыбная ловля за Иртышем, чью прелесть поймет только рыболов или охотник!

«Что Вашу прелесть заменит,
О родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!»…

Мы делаем последние прощальные визиты. Все трогательно нас напутствуют, обмениваемся фотографиями и разными сувенирами. Бабушка снабжает меня припасами и деньгами и обещает мне ежемесячно посылать в училище по 5 рублей: целое состояние!

Провожу последнюю ночь под родным кровом. Рано утром следующего дня собираемся в лагерь, служится напутственный молебен, прощаемся с персоналом. Нас уже ждут 16 тарантасов, запряженных тройками, и мы рассаживаемся по три человека в каждый экипаж. Стоит августовская жара. Фордеки тарантасов накалены. В экипажах чувствуешь себя как в печи. Но у всех подняты нервы. Сзади – Омск со школьными годами, а впереди – тысячи верст пути, из коих более 600 верст на лошадях до первой железнодорожной станции – Тюмени. А там – военное училище и столица!

Тройки трогаются, и мы под приветственные клики остающихся кадет катим к парому через Иртыш. Там нас ожидают родные и

знакомые, чтобы проститься последний раз. Иртыш принимает нас на свой стальной хребет. Медленно идет перевозка. Но вот наши тарантасы на левом берегу, мы вытягиваемся длинной лентой по степи и мчимся в бесконечную даль…

Три дня катили мы до Тюмени на перекладных. Проехали массу сел, переменили много лошадей и ямщиков. Пользовались мы абсолютной свободой, т.к. воспитатель, ехавший во главе нашей процессии, не мог за нами наблюдать. Это свободой, к нашей чести, мы не злоупотребляли, хотя среди нас были и такие, которые вырвались из казенных стен в первый раз и для которых такая экскурсия представляла много соблазнов. Курить нам, впрочем, было разрешено. Водку же пили умеренно и не напивались.

По приезде в Тюмень многие из нас в 1-ый раз в жизни увидели железную дорогу.

На вокзале нас накормили и потом рассадили по вагонам. Вскоре поезд помчал нас дальше на запад. Потом пересадка на пароход до Нижнего Новгорода, новая пересадка на железную дорогу в Нижнем, и наконец мы, александровцы, у цели нашего пути – в Москве.

Нужно ли говорить, что эта поездка произвела на нас ошеломляющее впечатление. За несколько дней пути мы постигли все способы передвижения: от элементарного тарантаса до роскошного речного парохода. Прошли путь, равный Германии и Франции, вместе взятым, от убогого сибирского захолустья до пышных столиц нашей родины, в могущественности которой мы воочую убедились.

Послесловие: Юбилей родного Корпуса

14 мая 1938 года исполнилось 125 лет со дня основания Сибирского Кадетского Корпуса.

Наши белградские Сибиряки, во главе с моим однокашником, Сергеем Лашковым, собрались отпраздновать этот юбилей, о чем я получил извещение от Лашкова, с предложением участвовать активно в торжестве, «принимая во внимание твой словоизвержительный талант».

Я решил прочесть отрывки из своих воспоминаний, в той части, которая относится к нашей alma mater.

Испросив отпуск, я с женой отправился в Белград, на юбилей.

Встретились мы все в русской церкви, где собралось до 25 человек участников торжества. Преобладала учащаяся молодежь, но

были и старики: последний директор Корпуса Е. В. Руссет, И. А. Зыбин, я, С. И. Лашков. По списку мы с Лашковым оказались в 65 выпуске из Корпуса. Из более младших выпусков явились на торжество К. Ф. Петров, бывший офицер Варшавской Гвардии; А. И. Андреев, полковник ж.д. и др.

Очень торжественно служил молебен Митрополит, сказавший прочувствованное слово, в котором он восхвалял Сибиряков, давших истории России немало крупных имен на разных поприщах жизни государства.

По окончании молебна, мы гурьбой отправились в русский ресторан «Аквариум», по дороге знакомясь друг с другом.

По приходе в ресторан, мы выслушали небольшой доклад генерала Руссета о последних днях существования нашего Корпуса, а затем приступили к уничтожению плодов земных, предварительно прочитав соответствующую молитву по-кадетски.

Затем полились речи. Застрельщиком выступил организатор съезда С. И. Лашков, говоривший о корпусе в самых лестных выражениях, а когда от русской водки развязались языки, явились и другие ораторы.

Молодежь вспомнила один действительно незаурядный случай любви к родному учебному заведению со стороны младших кадет.

Когда решено было эвакуировать Корпус из Владивостока в Шанхай, то начальству, ввиду ограниченных средств передвижения, пришлось оставить младший класс во Владивостоке. При этом руководствовались тем соображением, что малышам не перенести тяжелого путешествия в неизвестность, у большевиков же нет оснований вымещать на них своей злобы, т.к. никакой активной роли они, по своему возрасту, в белом движении играть не могли, и в Корпус поступили, по большей части, из детей местных жителей.

Корпус, таким образом, эвакуировался в Шанхай без них. Между тем, малышам такой поступок старших пришелся не по вкусу, и они стали принимать меры к драпежу из Владивостока. Нашли какого-то китайца, соорудили плот и по нетихим водам Тихого океана принудили китайца вести их в Шанхай. Долго продолжалось это смелое путешествие, но наконец смельчаки добрались до Шанхая, измученные, голодные, оборванные. В таком виде они отправились разыскивать свой Корпус и скоро встретили своего директора, который был немало изумлен, услышав русскую команду «Смирно» и увидев группу мальчуганов, пожиравших своего начальника глазами.

Один из этих смельчаков оказался за нашим столом и подтвердил эту «Одиссею».

Наши Сибиряки издавна славились своими голосами. Быстро сорганизовался хор, который с большим подъемом пропел несколько сибирских песен, а затем грянуло «Бородино». Когда дошли до того места: «Не будь на то Господня воля – не отдали б Москвы», - меня подняло с места, и я разразился на эту тему импровизированным спичем, призывая молодежь отобрать Москву от тех, кому мы, старое поколение, отдали ее в кабалу.

После этого мы снялись группой, вышедшей удачно, и в приподнятом настроении стали расходиться по домам.

Доклада своего я так и не прочел.

*(**От редакции:** Генерал-майор Иннокентий Сергеевич Дамаскин (1875 – 1941) окончил Первый Сибирский Императора Александра I Кадетский корпус (г. Омск) в 1892 г., Александровское военное училище (г. Москва) в 1894 г., Александровскую Военно-Юридическую Академию (г. Санкт-Петербург) в 1902 г. Служил на разных постах в военно-судебном ведомстве. В 1919 – 1920 г. г. – прокурор Военно-Морского суда в г. Севастополе. Скончался в Изгнании, в городе Зайечар, в Югославии. Настоящие отрывки из воспоминаний И. С. Дамаскина печатаются впервые, по авторской рукописи.)*

ПОСЛЕДНЯЯ РОССИЯ

Воспоминания о Дальнем Востоке

Дальний Восток – это последняя Россия, которую мы пытались удержать от порабощения советской властью и в которой мечтали возобновить дело освобождения всей России. Мечтам нашим не удалось осуществиться, и наше дело не получило благословения Бога. В октябре 1922 г. и нам пришлось покинуть родные пределы.

События 1920-1922 годов вытекают из событий предыдущих и теснейшим образом связаны с освободительным движением, возглавлявшимся адмиралом Колчаком. Я принимал тогда некоторое участие в управлении Приморской областью и потому начинаю воспоминания с первых дней моей службы под властью Верховнаго правителя.

I. Уездная жизнь.

В ноябре 1918 года английский пароход Dunera медленно двигался от Бомбея на север. На корабле находились: батальон 9 Hempshire-скаго полка и человек 15 русских офицеров, и в числе последних – я. Мы, по-видимому, спешили восстановить фронт против немцев где-то на Урале, но в пути по радио пришло известие о мире.

Известие это было отпраздновано чинно. Всех офицеров собрали в столовую, туда же явился оркестр. Наш командир, англичанин полковник, прочел телеграмму и прокричал:

- Гип, гип, ура!

Мы ему ответили тем же.

Оркестр заиграл God save the King. За английским гимном следовал французский, за французским – русский, «Боже, Царя храни», потом американский, японский, бельгийский – словом все.

Английские офицеры подходили к нам, русским, пожимали руки и поздравляли. Поздравляли и мы. А на душе у меня было не особенно весело. Не к чему теперь строить Уральский фронт!

А затем гвардии полковник К. встал, подошел к командиру и доложил ему:

-«Боже, Царя храни» - не есть больше русский гимн.

Англичане никогда уже больше не играли русскаго гимна.

Сейчас же после Гонг-Конга наступили холода, а в Японском море, лишь миновали Цусиму, задул леденящий ветер. Но море волновалось лишь слегка. Мы, русские, поминутно выбегали на палубу, ждали появления берега и, не дождавшись, скрывались от ветра.

Наконец пришли. Кто-то уже увидел берег. Темнело. Мы, и русские, и англичане, столпились на палубе у борта и жадными глазами впивались в ту сторону, где была Россия. Протяжно лязгнула цепь, тяжелый якорь свалился в воду, и винт перестал работать.

О чем думали в ту пору англичане, я не знаю, но нас, русских, охватили странныя чувства. Итак, наконец, мы у ворот родного дома. Дни вежливаго, но холоднаго гостеприимства в рядах английских войск – кончились. Теперь англичане будут нашими гостями. А что последует дальше?

Пароход застыл на внешнем рейде Владивостока. Слева, то вспыхивая, то потухая, светили огни маяка, а огни города показались лишь глубокой ночью, когда ветер разогнал туман. Спалось плохо. На рассвете подняли якорь, обогнули мыс и медленно пошли вдоль всего Владивостока по бухте Золотой Рог.

Пароход, наконец, пристал. С шумом спустили сходни. Первым сошел оркестр, потом англичане, а мы, русские, на русскую землю сошли последними.

Англичан встретили и русския, и английския власти, и сейчас же повели в казармы, а мы оказались сиротливо одинокими, предоставленными самим себе среди пустырей в так называвшемся Гнилом Углу Золотого Рога. Постояли и пошли, кого-то встретили, кого-то расспросили и дошли до линии трамвая.

Найти комнату в Владивостоке оказалось делом трудным. Все, что было лучшее, и все гостиницы оказались отобранными для господ иностранцев. А главная улица Владивостока, Светланская, не казалась вовсе улицей русскаго города; казалось, что на этой длинной и красивой улице не было дома, на котором не развевался бы иноземный флаг. Кое-где среди флагов великих держав торчали флаги совершенно неизвестные: польские, чешские, грузинские, латвийские. Звание консула великих республик давало множество

преимуществ, например, в квартиру его никто из иностранцев не решался «уплотниться».

Незадолго до нашего прибытия в Омске произошла перемена власти. Власть Директории из пяти лиц, из которых трое были социалисты-революционеры, - была заменена единственною властью адмирала Колчака. Но это событие мало волновало граждан Владивостока. За последние полтора года они перевидали множество правительств – Керенского; большевиков; Кости Суханова – сына владивостокскаго вице-губернатора; аптекаря Дербера; земской управы; чехов; генерала Хорвата - и достаточно устали от всех этих перемен.

Колчак и его правительство были далеко. На Урале сражалась с большевиками молодая армия, но это было еще дальше. А в Владивостоке почти все лучшия казармы бывшаго гарнизона крепости были заняты иностранными войсками. Японцы стояли часовыми у русских пушек на русских фортах. Японцы вообще преобладали. Держали себя скромнее всех, но время в праздности не проводили.

На некоторых перекрестках улиц стояло сразу по три милицейских: кроме растерзаннаго русскаго, еще долговязый, разбитной американец и маленький, коренастый японец. По всем улицам свободно разгуливали наши военнопленные. Они частью донашивали то одеяние, в котором были взяты в плен, и странно было видеть посреди русских и английских солдат – солдат австрийских. Чехи, одетые в русское, имели растерзанный и неприятный вид: погоны, кокарды и пуговицы были ими сорваны, а на рукава и фуражки были нашиты нелепыя, красно-белыя тесемочки.

Впрочем, часть казарм осталась за нами. Возле казарм, занятых нашими ротами добровольцев, шли учения. Было невыразимо приятно видеть старых солдат в порядке, подтянутых, опрятно одетых, в погонах.

Настроение в городе было спокойное и уверенное. Никто не допускал возможности возврата большевиков. С объединением Сибири и Дальняго Востока и сосредоточием власти в руках адмирала Колчака закончилась нудная, говорливая и бестолковая власть социалистов-революционеров. Последние продолжали оставаться в земстве и в кооперативах, но на них, на их воззвания и речи уже мало обращали внимания.

Стоимость рубля несколько поднялась, так, стоимость иены, дойдя до четырех рублей, теперь упала на 3 руб. 25 коп. Торговля шла

бойко. Денег у всех, как будто, было много. Иностранцы поражались дешевизной жизни и сорили деньгами.

Светланская улица с утра до поздняго вечера была переполнена народом. Кондитерския были всегда полны. Чтобы пообедать, нужно было дождаться очереди. А возле почты стояли хвосты чуть ли не в течение круглых суток. Дело в том, что в Западной Сибири был голод на мануфактуру, и вот эта-та мануфактура и отсылалась туда из Владивостока почтовыми посылками. Из Владивостока ежедневно отправлялось 9 почтовых вагонов с посылками. Торговля эта, как говорили, давала до 500 процентов прибыли.

В ту пору генерала Хорвата, Верховнаго уполномоченнаго правительства на Дальнем Востоке, не было в Владивостоке, и я представился генералу Романовскому, как представителю Верховнаго правителя при союзном командовании. Узнав, что я не только кадровый военный, но и юрист и бывший земский начальник, генерал Романовский посоветовал мне представиться помощнику генерала Хорвата по гражданской части, Глухареву.

В течение войны командуя ротой и батальоном, я был ранен четыре раза, а в декабре 1916 года я был признан негодным к службе вообще и подлежащим увольнению в отставку. Но за истекшие два года я как будто оправился и мог бы, пожалуй, пойти снова в строй. Но я устал, утомился. Пусть будет то, что будет.

Я представился Глухареву в его вагоне на путях станции Владивосток. Речь зашла о назначении меня на должность помощника приморскаго областного правительственнаго комиссара. Гражданское управление, сталкиваясь с особенностями управления казачьих войск, разнаго рода военными нуждами, а в Владивостоке и с многочисленными иностранными войсками, особенно нуждалось в военных, в то же время знающих и опытных в деле гражданском.

Комиссаром Приморской области был бывший владивостокский городской голова Иван Иннокентьевич Циммерман, выдвинутый на эту должность владивостокской общественностью, но, по словам Глухарева, нетерпимый в этой должности, ввиду своей независимости, своенравия и плохого знания дела. Циммерман было подал в отставку, но взял ее обратно по просьбе многочисленных общественных организаций. Мне предстояло добиться ухода Циммермана и затем занять его место.

Я не возражал против высказанных предположений; обще-

ственное мнение не всегда бывает право. Я представился И. И. Циммерману.

Узнав, что я от Глухарева, И. И. Циммерман насторожился, но очень скоро мы поняли друг друга. Он посоветовал мне прямо: не идти к нему в помощники и не зарываться в ворохи бумаг, а идти на живое дело – управление уездом. Имелась свободная должность правительственнаго комиссара Иманскаго уезда, тем более ответственная, что в этом уезде распоряжался Уссурийский атаман Калмыков, не признавая никаких гражданских властей. Быть может, мои полковничьи погоны несколько охладят этого подъесаула, с одной стороны, а с другой – мое знание военнаго быта и службы помогут гражданской власти войти в равновесие с властями военными.

Я с радостью согласился на предложение Циммермана. Быть самостоятельным, стоять у живого дела мне улыбалось больше, чем сидеть в канцелярии. Уездные правительственные комиссары равнялись по положению помощникам губернских комиссаров. Их права и обязанности определялись положением о губернских и уездных комиссарах, изданным Временным правительством. В начале января 1919 года правительственные комиссары были переименованы соответственно в управляющих областями, губерниями и уездами, а права и обязанности их продолжали определяться положением о комиссарах.

Временное правительство, упразднив губернския и уездныя власти, учредило должность губернскаго и уезднаго комиссара, сделав его представителем правительства. Распоряжениям комиссара должны были подчиняться все губернския и уездныя учреждения всех ведомств. Дела ведомства внутренних дел были частью выделены, и для ведения ими были учреждены особыя должности – начальника губернской и уездной милиции, административнаго судьи и т. д.

Вот этим-то положением о комиссарах, совершенно новым в русской жизни, мне и предстояло руководствоваться на новой службе.

Любезный комендант станции позаботился об удобстве моего пути и отвел мне целое отделение вагона. Я заперся, и мне стало скучно. В пути предстояло быть двадцать часов; от Владивостока до Имана расстояние такое же, как от Москвы до Нижняго. Поезд, по-видимому, был переполнен. Даже в вагоне перваго класса не

хватало мест, и я слышал, как кто-то жаловался, что все полно, а некий чин, сторуживший дверь ко мне, стойко стоял на своем посту. Я открыл дверь. Перед мною оказался некто в меховой поддевке и в шапке с наушниками. Человек крепкий, кряжистый, по-видимому, природный сибиряк. Я пригласил его к себе.

Я был очень рад своему спутнику. Он оказался живой историей края, и от беседы с ним я почерпнул весьма многое и ценное. Но прежде чем мы разговорились, мой спутник достал корзину с провизией и пригласил разделить с ним трапезу. Я только что пообедал, но, право, не мог отказаться от тех вкусных яств, что находились в корзине. Здесь были и фазан, и навага, и красныя ноги краба, и икра, и пирог из рыбы, вкусом похожей на сардину. Русский стол вообще не имеет в мире соперника, а по обилию блюд уступает только столу китайскому. Дальний Восток особенно обладает обилием съестного. Множество всевозможной рыбы, крабы, устрицы, дичь делают этот русский стол особенно разнообразным и вкусным.

Рыба, например, во время метания икры заходит в реки материка и расходится на тысячи верст по всем малым речушкам в таком изобилии, что лодка с трудом плывет по реке, и рыбу можно вынимать руками прямо из реки. Население тогда запасается рыбой на целый год. Но еще больше рыбы ловится на промыслах в устьях рек, где тут же разделывается, обрабатывается, а потом поступает на рынки Японии, Китая и Европы. Наша рыба нужна особенно Японии, как продукт питания и как удобрение для полей. Рыба шла раньше и к японским берегам, но японцы так хищнически ее вылавливали, что, как говорят, отучили рыбу от японских вод, и теперь японцы зависят всецело от русской рыбы. Вот причина рыболовной конвенции между Россией и Японией, и вот почему японцы подлинные хозяева почти всех рыбных промыслов на наших берегах и работают при помощи подставных русских там, где по закону заниматься рыболовством иностранцам воспрещается.

Из окна вагона виднелись сопки – то голыя, то покрытыя чернолесьем. Дорога шла по берегу Амурскаго залива, мимо чудесных дачных местностей, густо населенных и зимой. На тридцатой версте дорога оставляла Муравьев-Амурский полуостров, сплошное владение города Владивостока, и выходила на материк, в богатейшую долину реки Сейфун. Проехали станцию Угольная, откуда шла ветка на Сучанския копи, с углем, превосходящим по качеству зна-

менитый кардифский уголь Англии. Мелькали села. Село Раздольное тянулось на протяжении нескольких верст и имело поэтому, помимо станции, еще и платформу для остановки поезда вблизи Приморскаго драгунскаго полка. Долго тянулся олений питомник Яновскаго. Олени, столпившись кучками, разглядывали пробегавший мимо поезд. Яновский славился хозяйством, у него, между прочим, были огороды, засеянные жень-шеном, за корни котораго китайцы платят бешеныя деньги. Здешние крестьяне особенно богаты – они наделены стодесятинным наделом на душу. Крестьянская семья здесь, в сущности, семья помещичья. Земля вокруг тучная, лесовая, привольная для пшеницы, а еще лучше для культуры технических злаков: мака, свеклы, конопли, бобов и т. д. В низинах, близ воды, растет рис, давая сказочные урожаи; но русский крестьянин не может сам заниматься рисоразведением, так как для этого требуется работать по колено в грязи, в воде. Рисовыя поля, поэтому, обычно сдаются в аренду корейцам.

Поселения корейцев вперемешку с русскими раскинуты преимущественно в части Южно-Уссурийскаго края, тяготеющаго к Посьету – на берегу обширной бухты. Немногочисленное племя гольдов расположено в верховьях рек, в горах, и занимается скотоводством, но не знает вкуса молока. А русския села вытянулись – редко вдоль берега океана и несколько гуще вдоль Уссурийской железной дороги, идущей рядом с китайской границей. В узкую полосу между дорогой и границей втиснулись казаки. В глубину области села расположились не больше 80 верст от дороги. Здесь уже густая тайга, преимущественно из кедра. А весь остальной промежуток Приморской области, между побережьем океана и русскими поселениями вдоль железной дороги, занят могучим хребтом Сихота-Алинь, тянущимся свыше тысячи верст.

Всего только два-три исследователя прошли Сихота-Алинь в двух-трех местах. В остальных же просторах гор еще не бывала нога ни русскаго, ни вообще белаго человека. Но и столь скудное обследование Приморских гор обнаружило, что долины рек – золотоносны, а недра Сихота-Алинь полны угля, железа, серебра, марганца... Наш лес идет не только на рынки Азии, но и на рынки Австралии, Африки и доходит до Европы. Наша лиственница особенно нужна для постройки флота. Лес, растущий на противоположном берегу океана в Калифорнии, выше леса нашего, мощнее, отдельныя деревья там много толще, но зато калифорнийский лес,

например, прославленная оригонская сосна, много мягче нашего леса и по качеству значительно хуже. Крестьянския поля наши поросли осиной, и осина эта питает всю спичечную промышленность всей восточной Азии. Словом, куда ни ткнись – всюду лежат богатства, в количествах почти неисчерпаемых, и нужно только уметь их поднять и ими воспользоваться.

Приморский край, лежащий к югу от нижняго течения Амура, между океаном и пограничной теперь с Китаем рекой Уссури и до границ Кореи, был присоединен к России, благодаря неутомимой деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, получившаго за этот труд титул графа Амурскаго. История приобретения края, когда в его водах рыскал английский флот, изучая побережье и подыскивая для себя стоянки – весьма поучительна.

Настоящие русские поселенцы появились в крае лишь в 1883 году, это были малороссы, и они придали облюбованному ими степному Южно-Уссурийскому краю некое подобие Малороссии – белыя хаты, широко раскинутыя села; но малороссийкое наречие свое местное население уже утеряло и теперь почти повсюду говорит наречием русским.

Край был признан за Россией по Пекинскому договору 2 ноября 1860 года, но город Владивосток был основан несколько раньше, а именно 20 июня того же года. Прапорщик Комаров, во главе 40 солдат, спустился к бухте Мэя, где было несколько корейских фанз, а корейцы ловили трепанги и собирали морскую капусту для китайской кухни, и основал здесь Владивостокский пост. Бухта же Мэя, красивая, хорошо защищенная, была названа Золотым Рогом.

За 50 лет Владивосток из жалкаго корейскаго селения превратился в цветущий город и порт. Владивосток имеет несколько средних учебных заведений, из коих коммерческое обставлено образцово, университет с факультетом восточных языков, музей и т. д. Музей общества изучения Амурскаго края основан в 1883 году знаменитым Буссе и помещается в собственном здании, в самой середине города, напротив арки, построенной для встречи Наследника Цесаревича Николая Александровича. А есть в Владивостоке старожилы, которые видели когда-то на том же самом месте, там прежде была чья-то деревянная баня, - великолепнаго уссурийскаго тигра…

Я слушал собеседника, его рассказы о чудесном крае, о городе Владивостоке, и мне в голову не приходила мысль, что вскоре я

буду здесь председательствовать в Народном собрании, хранящем и блюдущем великодержавность России, когда вся остальная Россия изнывала в горе и бессилии, и что в то же время среди жителей Владивостока я займу место председателя его городской думы, последней и законной, и затем унесу эту честь и долг на чужбину, уступая, но не покоряясь злой враждебной силе.

Я, прибыв в Иман, поселился в гостинице и в тот же день стал знакомиться с должностными лицами всех ведомств.

Во времена Керенскаго в Имане существовали все обычныя учреждения революции: совдеп, комитет общественной безопасности и проч. Затем пришли большевики, и из города бежало все, что могло бежать. Все учреждения министерства внутренних дел были разгромлены совершенно, частично были разгромлены и остальныя учреждения. Когда большевики, в свою очередь, бежали, то они увезли с собой все мало-мальски ценное, казенное имущество. Правительственныя канцелярии остались без архивов, делопроизводств, без обстановки, без пишущих машинок и т. д. Частично все это имущество обнаруживалось в весьма различных местах, иногда даже в Амурской области за тысячу верст; оно собиралось и приводилось в порядок. Младшие служащие, разнузданные свободами, подтягивались, не болтали, а работали, и притом работали честно, как будто сознавшись в былых заблуждениях. Все старые чиновники вернулись к исполнению прерванных обязанностей. Но революция изменила совершенно некоторыя учреждения и ход их работы. Некоторые старые законы были отменены, а новых не создали. Некоторыя должностныя лица совсем не имели теперь работы.

Однако, почти все возникающия затруднения постепенно превозмогались и изживались. Должностныя лица приступили к работе за совесть и просили только общих указаний. Все хотели знать: что делает Колчак? Углубляет ли он революцию или ее искореняет? Известно было только, что Верховный правитель ведет войну с большевиками и, в случае победы, соберет Учредительное собрание, но только не старого состава, вернее – Земский собор. Но в заявлениях правительства было много неяснаго и неопределеннаго. Затем тревожил целый ряд вопросов: почему атаман Семенов не подчинился Верховному правителю? Почему атаман Калмыков не подчиняется властям? Почему правительство отпустило заграницу членов бывшей Директории, социалистов-революционеров? Поче-

му эти социал-революционеры выставляют себя заграницей подлинными демократами и истинными выразителями нужд русскаго народа, а правительство вступает с ними в препирательства?

Все эти вопросы были неоднократно мне задаваемы, как правительственному комиссару, и я ничего не мог на них ответить.

Высланные заграницу члены Директории: Авксентьев, Зензинов и близкий им Аргунов, снабженные к тому же казенными деньгами, - доказывали в иностранной печати, что они явились жертвой насилия со стороны некоторых офицеров, и всячески поносили правительство Верховнаго правителя, выставляя самих себя подлинными выразителями дум народа, а местныя газеты перепечатывали эти сообщения и их обсуждали. В то же время правительственныя газеты подчеркивали, что председатель совета министров Вологодский – социалист-революционер, однако, вот он пошел служить вместе с Верховным правителем! Вот это-то подчеркивание демократизма новаго правительства, его левизны, сообщения, что адмирал Колчак отнюдь не монархист – смущали многих. Боялись продолжения революции на многие годы. И в то же время ни левые, да, пожалуй, и вообще никто не верил в искренность заявлений новаго правительства.

Особенно волновал вопрос о Семенове. Кто такой атаман Семенов? Откуда он взялся и что он собою представляет? На этот вопрос никто и ничего не мог ответить толком.

О Семенове говорили уже целый год, и большевицкия и небольшевицкия газеты были полны сведений о подвигах Семенова, и поэтому Семенов представлялся в глазах обывателя чем-то значительным и уже, во всяком случае, стойким, отважным и вполне определенным борцом за старую Россию.

Как известно, атаман Семенов объявил, что он не желает подчиняться Верховному правителю, если таковым останется адмирал Колчак, и предложил (хотя его никто не спрашивал) на этот пост или Хорвата, или Дутова. Оба последних генерала немедленно ответили Семенову письмами, полными укоризны. Оренбургский атаман Дутов в том же письме открыто обвинял Семенова в присвоении грузов, идущих по железной дороге в адрес Оренбургскаго казачьяго войска. О деятельности Семенова на Забайкальской железной дороге говорили открыто. Теперь же обвинение было брошено Семенову и со стороны власти. Эта история весьма всех смущала. К ней отнеслись по-разному. И если старики осуждали

Семенова и требовали решительных мер воздействия на него, молодежь, воспитанная в свободных нравах войны и революции, приветствовала Семенова!

Молодые офицеры, отправляемые воинскими начальниками на фронт, открыто, в подавляющем большинстве случаев, говорили, что они сойдут в Чите и присоединятся в Семенову; офицеры постарше, но потрусливей, также слезали в Чите. Семенов всех принимал с распростертыми объятиями, и потому-то отряды Семенова быстро распухали. Семенов объявил о формировании «5-го Амурскаго корпуса» и сам себя сделал командиром этого корпуса. Мало того, он учредил в Чите военное училище и целый ряд штабов и воинских управлений. В окружении Семенова был член Государственной Думы Таскин, который в то же время считался и правительственным комиссаром Забайкальской области; у Семенова служило и несколько старых генералов.

О непокорности правительству, вслед за Семеновым, объявил и атаман Уссурийскаго казачьяго войска, подъесаул Калмыков. Получались государства в государстве. Командир казачьей сотни Уссурийскаго войска, подъесаул Ширяев, явился ко мне и заявил, впрочем, весьма благопристойно, что он не признает меня за представителя власти, как «колчаковца». Семенов приказал областному управлению государственными имуществами подчиняться распоряжениям только его штаба. Калмыков, подражая, объявил, что если иманские лесничие появятся в лесничествах, то они будут расстреляны.

Подобное положение требовало решительных и быстрых мер. А время шло. На совещании должностных лиц мне прямо был поставлен вопрос: будут ли укрощены атаманы и как скоро?

Я не имел оснований сомневаться, что правительство примет решительныя меры и атаманы будут поставлены на свое место в весьма ближайшем будущем, что и высказал в ответ на заданный вопрос.

Верховный правитель издал весьма строгий приказ по поводу Семенова, смещал его с должности, а ввиду продолжающейся непокорности, послал отряд войск, под командой генерала Волкова. Отряд, действительно, выступил походом в Забайкалье, но дальнейших сведений об этом отряде не было. И все осталось на многие месяцы по-старому.

Атаман Семенов, сын казачьяго урядника, все свое детство,

вплоть до поступления в юнкерское училище, провел в глухой полу-бурятской деревне, вблизи Монгольской границы, в Забайкальской области, и окончил поселковую школу. В 1911 году из Оренбургскаго казачьяго юнкерскаго училища он был произведен в офицеры. Великую войну он провел в строю 1-го Нерчинскаго казачьяго полка и имел Георгиевское оружие за снятие вражеской заставы.

Летом 1917 года 3-ий Верхнеудинский казачий полк избрал подъесаула Семенова своим командиром, но Семенов солдатскаго избрания не принял. Он просил разрешить ему организовать Монголо-Бурятский революционно-ударный полк. Испрашиваемое разрешение ему было дано, и Семенов отправился в Забайкалье.

Большевицкий переворот застал Семенова в г. Верхнеудинске. Здесь в ноябре того же года Семенов с начатками своего отряда разоружил большевиствующия ополченския части и стал хозяином положения. Но большевики его вскоре потеснили. Семенову пришлось перекочевать к ст. Маньчжурия, а затем и в Харбин.

В ту пору в Харбине находился генерал Хорват, который представлял собою единственное должностное лицо, оставшееся на своем месте, и в качестве таковаго почитался многими, как законный наследник Временнаго правительства, обязанный принять меры к восстановлению законнаго порядка и законной власти.

В Харбин тогда из Сибири и из областей Дальняго Востока стекались и состоятельные люди, и офицерство, и все вообще, не мирившиеся с советской властью. Там образовался «Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительнаго собрания». Денег было много, людей, сидящих без дела, также. Было решено сорганизовать несколько отрядов для борьбы с большевиками, и таковые скоро образовались: полковника Орлова – этому отряду поручена была охрана Китайской железной дороги; есаула Семенова, которому поручено было действовать на западной границе у станции Маньчжурия; и подъесаула Калмыкова – для действий на восточной границе, возле станции Пограничная.

И немедленно последние два отряда встали во враждебныя отношения с отрядом полковника Орлова. Дальневосточный комитет, вставший на путь уговоров, не имел никакого веса в глазах есаулов, которые уговорам не поддавались. Поэтому генерал Хорват объединил все эти отряды под общей командой командира 1-го Сибирскаго корпуса ген. Плешкова, в помощь которому был учрежден «Штаб российских войск полосы отчуждения». Но генерал

Плешков, привыкший к иному порядку прохождения службы, не смог утихомирить разгоревшиеся страсти, и был сменен появившимся в Харбине адмиралом Колчаком.

Адмирал Колчак не уговаривал, а приказывал, и притом почти всегда в резкой форме. Есаул Семенов отказался исполнять приказания своего нового начальника. И вместо того, чтобы незамедлительно поступить с Семеновым по закону, адмирал Колчак сам отказался от должности и выехал в Японию, предложив свои услуги Англии.

Дальневосточный комитет, желая привлечь внимание союзников, всячески расхваливал свои отряды и, в частности, отряд Семенова. И действительно, сначала французы, а затем и японцы заинтересовались отрядом и стали снабжать его деньгами, прислали к нему своих офицеров. Осязая поддержку иностранцев, есаул Семенов стал тяготиться и Дальневосточным комитетом, и генералом Хорватом. Приказания последняго Семенов выполнял теперь постольку, поскольку хотел.

Когда в июле 1918 года чехи совместно с добровольцами повсеместно в Сибири сбросили власть большевиков, Семенов поспешил к Чите и занял ее совместно с чешскими частями. Генерал Хорват, желая не выпускать из рук Семенова, произвел его в войсковые старшины. Но дать Семенову еще и чин полковника Хорват постеснялся и дал ему чин зауряд-полковника. Семенов обиделся.

Семенов в Чите чувствовал себя полновластным хозяином.

Появление адмирала Колчака, вернувшагося по просьбѣ Англии из Сингапура в Сибирь, и притом вскоре ставшаго Верховным правителем, - было весьма не по душе Семенову.

Я прибыл в Иман на святки. Немногочисленные социалисты – члены земской управы и ея служащие – отпраздновали новый год раньше Рождества, остальное же население продолжало жить по старине.

Меня радушно приглашали на праздничныя вечеринки, которыя проходили весело и оживленно: пели, танцовали, играли. Все было как будто так же, как и до войны. Но бросалось в глаза отсутствие мужской молодежи, и казалось, что во взглядах всех таилась глубокая, тщательно скрываемая душевная боль, чувствовалось, что чего-то не хватает, весьма существеннаго…

Летом того же года, за время большевицкой власти, значительная часть населения Имана скрывалась за рекой Уссури, в пределах

Китая, и мне поэтому было необходимо посетить китайский город, расположенный в шести верстах от Имана на противоположном берегу Уссури, и поблагодарить амбаня за его любезное отношение к русским.

Управляющий таможней любезно вызвался сопровождать меня, и на его прекрасных лошадях мы сделали прелестную прогулку в ясный, солнечный, крепко-морозный день. По дороге, на льду реки, встретили казаков, ловивших рыбу сквозь проруби. Таможенные посты несли службу исправно.

Дом амбаня деревянный, построенный скорее по-русски, был расположен в глубине обширнаго двора. По левой стороне двора располагались казармы, по правой – тюрьма. Амбань, высокий дородный мужчина, с осанкой мандарина, встретил меня весьма любезно, но далеко не так, как мы, русские, обычно встречаем иностранцев. Он угостил нас душистым чаем, французским коньяком и английскими бисквитами. Я попросил амбаня разрешить мне посмотреть его тюрьму. Амбань сделал вид, что не понял меня. Я все-таки в тюрьму заглянул.

Амбань ответил мне своим посещением на следующий день, и я при этом попросил его, от имени иманского общества, встретить с нами новый год в общественном собрании. Амбань охотно согласился и приехал не только сам, но привез своих двух жен, чем поставил устроителей ужина в затруднительное положение. Китайцы считают этикет вежливостью и, пожалуй, в этом правы. Китайцу нельзя сказать, что у него две жены. У него только одна жена, а остальныя лишь его подруги! Китайский полковник, командир батальона, расположеннаго в Имане по праву интервенции, добродушнейший толстяк, учил нас китайской мудрости. Жена, - сказал он, - есть жена, и никто не может с нею сравняться, подруга же есть радость сердца, и обе оне друг другу не мешают. Меня и амбаня, по указанию полковника, посадили за ужином рядом, старую жену посадили вправо от мужа, а круглолицую красавицу, его молодую жену, посадили влево от меня. Сзади стали переводчики. Толстяк полковник сел напротив. В голенищах своих сапог он всегда прятал ножницы, этими ножницами он обрезал косы попадавшихся ему по пути соотечественников.

Старушка была одета по-старому, в штанишках, молодая же модничала и была в юбочке. Обе держались на крохотных ножках и на ходу качались, как былинки в поле под ветром. С удовольствием

оне сели на стулья, курили, все ели, все пили, держали себя в высшей степени просто и непринужденно, как будто бывать на подобнаго рода собраниях для них обычное дело.

После ужина китайския дамы, окруженныя нашими дамами, наблюдали танцы. Было удивительно мило. Этот вечер, эта встреча 1919 года, стоит и сейчас в моих глазах во всей своей яркости.

Амбань, потягивая дым табака из длинной металлической трубки, сообщил мне, между прочим, что, вероятно, в эту ночь отряд хунхузов, численностью в 3-4 тысячи, перейдет границу и войдет в русские пределы. Амбань добавил, что он послал против хунхузов войска, но на успех не надеется.

Я взволновался и подозвал начальника уездной милиции, который подтвердил мне сообщение амбаня, добавив, что китайское население Имана волнуется уже дня три-четыре, но придавать какое-либо значение всему этому не следует, так как это чисто китайское дело. Хунхузы русских не тронут.

Я удивился.

- Но хунхузы могут напасть на Иман?

- Могут, но этого не сделают, так как китайское общество Имана заплатит все, что потребуют хунхузы. Хунхузы соберут назначенную ими подать, а потом вернутся обратно в Маньчжурию.

Согласиться с такими доводами я не мог. Китайское население живет в России под покровительством русских законов, и наша обязанность не допускать каких-либо незаконных поборов с китайцев, а тем более в пользу хунхузов.

Начальник милиции убедительно просил меня не принимать никаких мер, говоря, что это чисто китайское дело, освященное обычаем. Китайцы, живущие у нас, судятся между собою у своих судей, они имеют свои общества, своих старшин и даже свою полицию, помогающую нашей в случае надобности.

Тем не менее, я телеграфировал уполномоченному по охране государственного порядка в Никольском уезде, генералу Кордюкову, с просьбой прислать роту стрелков, а чинам милиции приказал следить за движением и действиями хунхузов.

Милиция следила за каждым шагом хунхузской шайки. Китайское общество Имана не пожелало, однако, укрываться за штыками и внесло хунхузам установленную дань. Хунхузы повернули на юг и пошли вдоль железной дороги, всюду собирая с китайцев подать и притом совершенно не трогая русских. От станции Зеньковка

хунхузы направились на Свиягинския казенныя лесныя заготовки и стали обирать китайцев-рабочих в числе нескольких тысяч, работавших в тайге. Здесь хунхузов настигла рота стрелков и совершенно их уничтожила.

Отдавая распоряжения по борьбе с хунхузами, я был прав с точки зрения закона, но были ли мои действия целесообразны – я теперь сомневаюсь. За время моего пребывания в Имане, хунхузы значительными отрядами никогда больше не появлялись в Уссурийском крае, но когда впоследствии появились, то из совершенно безразличных к русским, к русским делам и к русской законной власти, хунхузы превратились в сообщников и союзников красных шаек. Больше того, они впоследствии поступали на японскую службу и выполняли японския задания.

Хунхуза нельзя считать разбойником, в нашем понимании этого слова. Хунхуз скорее безработный. Когда китаец не имеет работы и бедствует, он охотно соединяется с себе подобными в отряд большей или меньшей силы и облагает имущих жителей той местности податью, соответствующей достаткам облагаемого. Когда тяжелое время пройдет, хунхуз возвращается к обычным мирным занятиям, ни на минуту не теряя к себе всеобщаго уважения. Хунхузничество – есть своеобразное взаимное страхование на случай какого-либо бедствия. Лишь весьма немногие хунхузы входят во вкус, увлекаются хунхузнической жизнью и к мирному труду уже не возвращаются. Такие становятся начальниками хунхузских шаек, а с течением времени… генералами и маршалами Китайской армии.

Хунхузские отряды рассыпались во время сбора опиума. Хунхузы превращались в простых честных и весьма трудолюбивых рабочих и, в свою очередь, платили подать в пользу товарищей, не нашедших работы на маковых полях.

Однажды, уже в бытность мою уполномоченным по охране государственнаго порядка, при моем проезде через Спасск, встречавший меня начальник милиции указал среди толпы на вокзале хунхуза. Кругом было много полиции: и железнодорожная, и уездная, и полицейские китайцы, с огромными маузерами у пояса. Но хунхуза, явившагося в Спасск для сбора дани, никто не трогал. Он совершенно спокойно стоял в пяти шагах от меня и сосредоточенно разглядывал паровоз, вагоны поезда и проезжавших. Его никто не трогал, хотя его короткая кофта была обшита по краям белой тесьмой – знак его хунхузскаго достоинства.

Город Иман покрылся воззваниями к городскому населению. Предстояли выборы в городскую думу, и поэтому различныя партии зазывали граждан голосовать за их списки. Часть воззваний была отпечатана на красной бумаге, таким путем я узнал, что в Имане имеются и социалисты-революционеры.

Выборы проходили по закону Временнаго правительства, с соблюдением всех правил, предписанных демократизмом. Городская дума вновь заполнилась не пришлыми и случайными людьми, а старожилами, которым судьба их города была дорога. Но один социалист-революционер все-таки прошел в думу в качестве гласнаго. Это был инспектор местнаго высшаго начальнаго училища.

Отцы города иногда просили меня посетить их заседание. Когда я являлся в думу, меня усаживали за общий стол, справа от председателя думы. Докладчиком дел был обычно городской голова Г. И. Иванченко, местный купец, человек дельный и умный. Но что бы ни предложил городской голова, все неминуемо подвергалось оспариванию со стороны товарища инспектора.

Между прочим, в его словаре слова: казак, разбойник и опричник – были равнозначущи, но когда весной 1919 года ему пришлось явиться в войска в качестве прапорщика, он… немедленно приписался к казакам. Калмыков, столь ненавистный социалистам, охотно брал в казаки всех без разбора, а казаки на фронт не шли. Еще через месяц атаман Калмыков посетил поселок Графский, к казакам котораго приписался инспектор училища, и казаки поручили ему, как человеку ученому, приветствовать атамана.

Я был вместе с Калмыковым, я видел, как тряслись ноги инспектора, и слышал его выкрики:

- Наш батька атаман, веди нас!

Через несколько месяцев атаман Дутов поднял Уссурийских казаков и послал их в деревни, выловить там большевиков, а кстати, отнять заодно у крестьян оружие. С казаками отправился и инспектор училищ в качестве писаря. Вернувшись из пятидневнаго похода, он счел долгом явиться ко мне.

- Ну, что же, - спросил я его, - много изловили коммунистов?

- Нет, ни одного!

- Что же вы делали?

- Да так – пороли!

Еще через несколько месяцев, новоиспеченный казак вышел навстречу красной шайке, входившей в Иман, под командой какого-

то беглого каторжника, и поднес ему хлеб-соль, громко приветствуя советскую власть.

Начальник уездной милиции представил мне две бумажки. Одна из них являлась приказом атамана Калмыкова, а другая – воззванием Приморской областной земской управы.

Приказ был длинный, тяжеловесный, полный ненужных слов. Приказ был полон противоречий. Тут была и свобода народа, и угроза расстрелом всякому социалисту, и отказ повиноваться Верховному правителю, и утверждение, что только земство, как избранное народом, является правительством законным.

Я посмеялся и отложил приказ в собрание редкостей.

Воззвание земской управы было много хуже. Оно было выпущено по случаю провозглашения адмирала Колчака Верховным правителем. Земская управа в Владивостоке, в нудных и трескучих словах, пригвождала реакцию и кровавую контрреволюцию к позорному столбу и призывала население не повиноваться никому, кроме земских управ, никому не платить налогов, не сдавать казеннаго оружия, не давать солдат. Воззвание было так написано, что крестьянин вряд ли мог что-либо понять, кроме одного: грабь награбленное и не повинуйся никому, кроме товарищей – подписавших воззвание.

Этим воззванием в первый раз пускалось в обращение слово «колчаковец», а Колчак рисовался каким-то отъявленным злодеем, пришедшим грабить и насиловать народ.

Все это было тем более омерзительно, что незадолго до того председатель совета министров Вологодский был в Владивостоке, и земская управа просила и получила от него миллион рублей. Я препроводил воззвание в Владивосток. Оттуда мне ответили, что воззвание там известно, но что распоряжения из Омска совершенно ясны: ни в коем случае земцев не трогать.

Земства до революции в Сибири не было. Но требование введения земства и в областях Сибири значилось в либеральных партийных программах. Поэтому Временное правительство поспешило распространить закон о земстве на области Сибири и Дальняго Востока.

Не знаю, как в Западной Сибири, но земство в областях Дальняго Востока – нелепость. Земство имеет задачей ведение местнаго хозяйства и распространение полезных знаний среди населения. Но для этой цели нужны подходящие люди. На Дальнем Востоке было

весьма много дельных людей, но все они были преимущественно промышленниками и купцами, связанными с городом, а не с деревней. Сельское же население было пришлое и, в большинстве, еще не совсем осевшее. Самыя старыя русския сельския поселения в Приморской области относятся к 1884 году, но таких поселений было очень мало. Большинство же деревень возникло лишь с проведением Уссурийской железной дороги за пять-десять лет до войны. Откуда же было взяться людям для ведения земскаго хозяйства и насаждения цивилизации?..

Выборы в земския управы произошли летом 1917 года, в угаре революции. Правильных выборов устроить было невозможно. Всем выборным делом руководила партия социалистов-революционеров. К выборам были допущены, за неявкой основного населения, не понимавшего, в чем дело, советы солдатских депутатов, комитеты общественной безопасности и т. д. Итог был следующий. В Иманскую уездную земскую управу оказались избранными: председателем управы – сельский учитель, расстриженный по суду диакон, а членами управы: один мещанин Имана, тюремный надзиратель, станционный жандарм и один из волостных старшин.

Все эти люди были, в сущности, людьми неплохими. Но, обязанные своим положением партии социалистов-революционеров, они и держались за партию, считая своим долгом идти за ней, и подписывали, скрепя сердце, все, что им подсовывали земские чиновники, партийные ставленники.

Большевики земцев разогнали, и они укрывались, наравне со всеми беженцами, в течение нескольких месяцев в Китае, на маньчжурском берегу Уссури, но как только большевики сбежали в свою очередь, то вернувшиеся земцы стали притязать на власть, считая себя властью верховной. Областная земская управа в Владивостоке вошла в дружеския отношения с чехами, а при посредстве чехов и с командованием союзных войск, прибывавших в Владивосток и, вместе с тем, всячески противодействовала деятельности генерала Хорвата. Земцы перед иностранцами, невежественными в русских делах, выставляли себя, как подлинную власть, избранную народом, а генерала Хорвата обзывали печатно и устно узурпатором, авантюристом, контрреволюционером, слугой царизма и т. д. И Хорвату пришлось потратить много времени и много упорства и такта, чтобы сломить земство и самому возглавить области Дальняго Востока.

Когда состоялось объединение всех областей Урала, Сибири и Дальняго Востока, наше земство повело работу против правительства, на деньги, от этого правительства получаемыя.

И в то же время, крестьянское население было настроено по отношению к земству крайне враждебно. Дело в том, что крестьяне до революции находились на попечении переселенческаго управления. Все, что только было сделано в деревне в деле просвещения и улучшения условий жизни, все было сделано переселенческим управлением. Церкви, школы, больницы, прекрасныя, дорого стоющия, шоссейныя дороги, сельскохозяйственные склады, показательныя поля и хозяйства – все это было устроено царским правительством. С мужиком носились, как с ребенком. У мужика, конечно, не заискивали, но самым чистосердечным образом заботились, чтобы переселенец устроился на новом месте возможно лучше, целесообразнее и с соблюдением всех требований экономической и агрономической науки.

Генерал-губернатор Н. Л. Гондатти считал своей первейшей обязанностью заботу о благе крестьянина. Его известная комиссия по исследованию областей Дальняго Востока оставила многотомный и ценный труд. Гондатти вникал в многия отрасли хозяйства, как, например, пчеловодство, чрезвычайно развившееся и дававшее свои продукты для вывоза заграницу.

И вдруг вся эта благодать рухнула с революцией и с одновременным введением земства. Правда, по закону Временнаго правительства все средства казны, отпускавшиеся раньше переселенческому управлению на удовлетворение нужд и развитие сельского хозяйства, стали выдаваться теперь земству. Но земския управы получаемыя от казны средства стали тратить, прежде всего, на свое содержание, на содержание многочисленнаго земскаго чиновничества, на взносы Земгору и Далькрайземгору, на политическия партии, на печатание воззваний и т. п., и при таких условиях, да еще при падении стоимости рубля, у земства ничего не оставалось на удовлетворение крестьянских нужд. Мосты не починялись. Показательныя хозяй-ства захирели. Все переселенческия учреждения, перешедшия в ведение земства – пропадали. Врачи и учителя не получали жалованья и разбегались. Богатейшая, образцовая, показательная пасека в Имане – пропала, а имущество ея перешло в руки одного из членов земской управы.

Однажды ко мне явился один земский врач и, положив ключи

от вверенной ему больницы на стол, заявил, что он больницу закрыл и уезжает, так как в течение нескольких месяцев он не получал жалованья. Все необходимейшия лекарства израсходованы, а новых невозможно добыть от земской управы. Такие порядки ему не по душе, и в городе он проживет лучше. Земство такое, как у нас, он презирает и не желает с ним разговаривать. Я препроводил ключи от больницы в земскую управу, а земская управа – сторожу больницы. Сторож надел на себя докторский халат и сам занялся медицинской деятельностью, раздавая, кстати и некстати, оставшиеся лекарства. Когда же от лечения сторожа прока не оказалось – население отказалось давать больнице дрова. И сторож для отопления своей комнаты сжег всю деревянную обстановку больницы.

В поисках денежных средств, земския управы обложили население земским сбором, доселе населению неизвестным. Переселенцы вообще были освобождены от всяких податей на целый ряд лет и часто сами получали от правительства денежную помощь, покуда не укрепляли свои хозяйства. Крестьяне денег земству не платили и рассматривали земство, как какую-то напасть.

Правительство решило переизбрать состав волостных земских управ. Из распоряжений по этому поводу явствовало, что правительство надеялось, что теперь к земскому волостному делу станут люди более благоразумные, государственно настроенные, и что новые люди будут более полезными в деле государственнаго строительства. Выборы были назначены на январь 1919 года. Как бывший земский начальник, знающий жизнь села и волости, я быстро ознакомился с ходом дел в волостях, а некоторыя волостныя земския управы посетил лично.

Временное правительство уничтожило волостныя правления и волостные суды и ввело волостныя земския управы. Но это введение волостного земства осталось на бумаге, а на деле остались старыя волостныя правления, но уже совершенно безнадзорныя. Земския управы помещались в зданиях старых волостных правлений. Почти все бывшие волостные старшины и писаря остались на местах и лишь именовались по-новому: один – председателем управы, другой – секретарем ея. Все было старое: и вывески на зданиях, и бланки, и даже печати были старыя, с императорским орлом.

Боже мой, как обрадовались в одном волостном правлении, по-новому в земской управе, моему прибытию. Наконец-то появилось начальство!

В определенный срок я получил подлинныя выборныя делопроизводства и был весьма смущен: все избирательныя записки по волостям оказались написанными одной и той же рукой, на одинаковых лоскутках бумаги, и повсюду оказались избранными те же старшины – председателями, а писаря – секретарями. Было ясно – крестьяне на выборы не пошли, и избирательныя записки повсюду написаны писарями, выполнявшими требование о производстве выборов. О том же донесла и полиция.

Я не мог не опротестовать подобных выборов и все выборныя производства направил административному судье. Административный судья и административное отделение окружнаго суда – были учреждения новыя, созданныя революцией и установленныя законом Временнаго правительства. Никакого дела они не имели, и потому судья страшно обрадовался полученной работе. Но работа была проста, так как и по его мнению все выборныя делопроизводства по всем волостям свидетельствовали, что выборов никаких и нигде не было. Выборы пришлось отменить и назначить новые, но и новые выборы не отличались от предыдущих. Только по некоторым волостям делопроизводства совсем не были высланы на утверждение.

Так и осталось все по-старому.

В сущности говоря, управление государством обрывалось на управляющем уездом. Железныя дороги, почта, телеграф работали полным ходом. Работали – таможня, казначейства, податные инспектора, судьи и полиция, но все это – учреждения преимущественно городския, а деревня, после упразднения волостного правления и крестьянских учреждений, возвращалась к временам первобытным. Раньше волость имела свой суд и полицию, подчиненные надзору земскаго начальника. Различнаго рода определения, в отношении сельскаго населения, общегосударственных установлений, приводились в исполнение волостными правлениями. Волостныя правления служили основанием для государственной машины, а это основание законами Временнаго правительства было разрушено.

Столь важныя отправления государственной жизни, как призыв новобранцев, проведение мобилизации и т. д., лежало, главным образом, на плечах волостных правлений, за упразднением же крестьянских учреждений в волостях распространялось безвластие и безначалие. Правда, некоторыя обязанности волостных прав-

лений были возложены на волостныя земския управы, но не было надзора за выполнением этих обязанностей, а уездная земская управа, домогавшаяся начальствовать над волостными управами, слала предписания... не слушать и не подчиняться колчаковским установлениям.

Однажды ко мне явился председатель одной земской волостной управы, бывший старшина, с просьбой разрешить закрыть управу. Он объяснил следующее: раньше служить волостным старшиной было приятно: и смысл тому был, было и положение в волости, и в уезде, и шло жалованье. Все было ясно и просто. Всякая вещь лежала на своем месте. Теперь же какой-то тюремный надзиратель корчит из себя над ним начальство. Раньше волостное правление было учреждение государственное и дело справляло государственное, царское, а теперь – вся забота: взыщи с мужика земский сбор. Мужик смеется, почтения не оказывает, денег не дает. Уездная земская управа отпускает деньги (из миллиона, отпущеннаго правительством) на содержание волостных управ, но смотря кому и как. Вот он повздорил с уездной управой, и она ему в деньгах отказала. Он человек хозяйственный, то же – и писарь: кланяться им не к лицу. «Разрешите закрыть земскую управу! Ни к чему она мужику!»

Я пытался подойти к крестьянину возможно ближе, желая постичь, каков он стал в действительности в эти проклятые годы. Церковь стояла на базарной площади, и, выйдя из церкви, я неминуемо должен был проходить среди многочисленных крестьянских повозок, приехавших в город покупать-продавать. Кругом было множество бывших солдат, еще носивших солдатския шинели, иногда еще с погонами. Увидя на мне погоны сибирскаго стрелковаго полка, какой-то солдат подскочил, приложил руку к козырьку и спросил:

- Ваше высокоблагородие, какого вы полка?

Я ответил.

- А я такого-то!

Оказались однодивизники. Начались воспоминания. Нас окружила толпа, преимущественно солдатская. И на душе у меня стало тепло.

Посыпались жалобы: сахар вздорожал и нет его, на мед перешли! Муки достать трудно, заработков нет, порядка нет. Крестьянин явно злобился и обвинял во всех своих бедах одних только

господ. Слушал я все это, и было от чего растеряться. Невероятная путаница в понятиях! Оказывалось, между прочим, что воззвание Приморской земской управы, о котором я упоминал, было прочитано многими, но понято из него было только одно, что какой-то Колчак, бандит, завладел в Омске властью.

- Вот напасть какая, прости Господи, свалилась на Россию, и края не видать!

Впечатление от разговора с крестьянами было ошеломляющим. Я пытался напомнить, что адмирал Колчак – царский адмирал, что он командовал флотом в Черном море, что он верный и честный слуга России. Но я никого не убедил. Лишь на меня самого стали смотреть недоверчиво.

Я вернулся домой, как в ознобе.

Участковые начальники милиции и другие чиновники говорили мне, что крестьяне охотно вступают с ними в разговоры о политическом положении, но что они избегали говорить крестьянам о своей службе правительству Колчака. Можно было говорить о Верховном правителе – этот титул действовал благотворно, но слово Колчак надо было избегать. Говорить же, что Колчак ведет нас к Учредительному собранию и волеизъявлению народа – совсем не поворачивался язык. Разговор о том, что Колчак спасает Россию от большевиков, был также для крестьян невразумителен. «Большевик потому и большевик, - отвечал крестьянин, - что ихняго брата больше. Большевик за Царя, за порядок, большевик господ уничтожает, тех, что куражатся над простым народом».

Слух о том, что в Имане появилось как будто бы настоящее начальство, стал привлекать в мою приемную все больше и больше народу. В особенности – по воскресеньям. Одни приходили жаловаться, другие просить, а третьи, лукавые, просто посмотреть, поговорить, поразведать. И, принимая этот сермяжный народ, я видел, в какой бездне оказалась деревня в дни революции.

Законами Временнаго правительства были упразднены волостной суд и все сельския власти. Вместо сельских старост, ввели сельские комитеты, но в деревне на комитеты и смотрели как на комитеты. Председателями сих комитетов стали, по собственной воле, говоруны, сбежавшие с фронта, и почтения им никто не оказывал. А если кто в деревне не пользуется почтением, тот и властью пользоваться не может. Кроме того, в деревне было много солдат, раненных в боях, честно выполнявших долг, они не мири-

лись с «бегунцами», ссорились с ними и власти их не признавали. Так мало-помалу сельские комитеты, столь шумные в 1917 году, - в 1918 году сходили на нет. На комитеты стали смотреть, как на одно из проявлений разрухи, и их не жаловали.

Деревня разделилась. С одной стороны стала молодежь, гульливая голытьба, озорники, сбежавшие с фронта, с неспокойной совестью, а на другой стороне – весь степенный люд: старики, инвалиды, старыя должностныя лица. Между этими двумя концами деревни начиналась борьба. И государственная власть должна была придти на помощь одному из них. Советское правительство так именно и поступило: оно создало комитеты бедноты, наделив их даже властью, ради скорейшаго удушения здоровой части деревни. А у нас все: и те, кто приветствовал революцию, а потом разочаровался, и те, кто вовсе революции не приветствовал, - все огулом обвиняли мужика. Мужик всему причина! И поэтому случалось часто, когда в деревне оказывался какой-нибудь лихой, но невежественный усмиритель, он вызывал, прежде всего, старосту. Выходил бывший староста, польщенный вниманием. И порка начиналась именно со старосты. А потом председатель сельскаго комитета ехидничал над пострадавшим.

Волостные суды прервали свою деятельность внезапно, не закончив даже начатых слушанием дел. Дела волостных судов, в красных и синих обложках, были чьим-то распоряжением свезены к мировым судьям и сброшены на пол в углы камер. Они покрылись пылью, и их грызли мыши. А между тем, в этих делах было множество документов и состояния, и обязательственных, и крепостных. Люди, разыскивая свои документы, бегали к мировым судьям, а последние, не имея ни списков принятых дел, ни времени, ни возможности разобраться в тысячах дел, лишь запрашивали меня, как быть с делами волостных судов.

Волостной суд – суд близкий и понятный крестьянскому люду. Поручить крестьянския дела суду сведущих юристов, но не сведущих в крестьянской жизни и в сельском быту – было бы большой ошибкой. Но, в данном случае, волостной суд просто упразднили, а новаго ввести не успели.

Деревня жестоко страдала от отсутствия суда. Правосознание затемнялось. Две соседки поссорились и пригрозили пустить краснаго петуха. Раньше за такия угрозы сволокли бы в волость. Теперь волости не было, суда не было, старосты не было. Всякий был

сам за себя. И красный петух пускался. Какой-то озорник отрубил чужой корове хвост. Раньше за такое озорство волостной суд посадил бы, во-первых, под арест, а во-вторых, присудил бы убытки. Теперь же хозяин обиженной коровы бросался на озорника с оглоблей. Один запахал у другого полосу, шириною в шаг. Раньше с этим делом разобрался бы волостной старшина по поручению суда или сам суд, а теперь спорщики хватались за дубины, а на помощь каждому бежала его родня.

Но особенно тяжело было выслушивать вдов, преимущественно солдаток. Опекунския дела всегда требовали особой чуткости земскаго начальника. И волостные старшины, и волостные суды всегда бывали начеку, лишь дело касалось крестьянской опеки. Теперь же дети погибших на полях сражений и дети мирно почивших крестьян были отданы всецело на произвол старших родственников, часто безжалостных. Навзрыд рыдали вдовы солдатки.

Так и шла уездная жизнь в первые месяцы власти Верховнаго правителя. В городах жизнь шла почти как раньше. Лишь люди стали беднее и озабоченнее. Но в городах царила бодрость и вера, что лихолетие скоро окончится. Только на вопрос, как это лихолетие поскорее изжить, было много мнений и колебаний. Государственная власть была слаба, а жизнь осложнилась. В общем же господствовало мнение, что все осложнения окончатся и все недоуменные вопросы отпадут, лишь только фронт достигнет Москвы.

И к Москве спешили, отмахиваясь от всех вопросов. Деревня же возвращалась к временам первобытным.

В январе в Владивостоке состоялось совещание управляющих и обратило внимание правительства на нездоровое состояние деревни. Мы советовали: прежде всего, раньше всех иных обещанных благодетельных законов, для сочинения которых требовалось все-таки много времени и предварительных споров, восстановить волостное правление и волостной суд, упразднить волостное земство, назначить перевыборы уездных и областных земских управ, впредь до пересмотра вопроса вообще о введении земства в областях Дальняго Востока.

Из Омска любезно ответили, что наше мнение очень ценно и передано в какую-то комиссию. Затем мы узнали, что сменивший Гаттенбергера на посту министра внутренних дел адвокат Пепеляев занялся вопросом о волостном суде. Суд был восстановлен, но исчерпывающих распоряжений по сему делу мы так и не получили.

В то же время в Омске спешно разрабатывался закон о расширении прав земства по обложению населения.

Шло время. Город и деревня расходились в разныя стороны. Лишь в июле был объявлен закон о восстановлении крестьянских начальников, под именованием помощников управляющаго уездом. Власть несколько приблизилась к деревне. Но было уже поздно. +

(Продолжение следует.)

*(**От редакции:** Полковник Николай Александрович Андрушкевич кончил I Московский кадетский корпус и Александровское военное училище в Москве. После недолгой военной службы, пройдя через Юридический факультет Петербургского университета, служил Земским начальником в Минской губернии. Во время Первой Мировой войны находился в строю, на немецком фронте, где был четыре раза ранен. После революции, не признав Брест-Литовского сепаратного мира, перешел в Финляндию, где был принят в Месопотамский экспедиционный корпус Английской армии. Сразу после окончания Первой Мировой войны попал во Владивосток, где стал Правительственным комиссаром Иманского уезда, потом Уполномоченным по охране Государственного порядка в Уссурийском крае, Председателем совета второго съезда несоциалистического населения Дальнего Востока, Председателем городской думы города Владивостока и Председателем Народного собрания. С 1922 по 1924 год был преподавателем правоведения в Хабаровском Графа Муравьева-Амурского Кадетском Корпусе, в составе какового прибыл в декабре 1924 года в Югославию. Выше опубликованные воспоминания являются Главой I из его неизданной книги «Последняя Россия».*

Полк. А. С. Гершельман

ОДИН ИЗ СОРОКА ТРЕХ

(Историческая повесть)

ЧАСТЬ 3

XI

Рат-та-т-та-рат-та-т-та.

Скорый поезд Мюнхен-Берлин несся с невероятной быстротой, без остановок на маленьких станциях. Стукнет, качнет на стрелке, промелькнет освещенное здание и отдающий честь начальник станции, и поезд снова погружается в тьму ночи.

Рат-та-т-та. В купе III класса все места заняты. Все спят в неудобных, утомительных дорожных позах. Изредка кто-нибудь клюнет сильнее носом, всхрапнет и, будто испугавшись, снова поднимет сонную тяжелую голову.

Против Шарапова, тоже у окна, сидит баварец, толстый, налитой; кажется, если проткнуть его, непременно из-под кожи брызнет пиво. Он сидит на дорожной подушке «Сиеста» с лямками, чтобы подвесить голову и локти, вид смешной, нелепый, но спать можно «Ich muss Morgen frisch sein» (я завтра должен быть свежим), - заявил баварец, устраиваясь на ночь: завтра он должен в Берлине подписывать контракт, а потому может себе позволить некоторую роскошь, чтобы иметь свежую голову.

Шарапову тоже надо быть свежим – на завтра его вызвал в Берлин генерал Кулаков. Шарапов знает, что его вызывают не зря, - надо ожидать поручение.

Рат-та-т-та, шумят колеса. «Надо спать», - решает Борис, но он не может заснуть. «Нервы, что ли, гуляют?» - думает он, а в голову лезут несуразные мысли. Кто-то, когда-то ему говорил: все в жизни важно, даже то, как сидишь в поезде. Если сидишь лицом по ходу движения, значит, летишь навстречу событиям, если же спиной, - значит, цепляешься за прошлое, сожалеешь о покинутом. Борису не о чем сожалеть, он ничего не теряет. Он сидит лицом по направ-

лению движения. Все, о чем стоило жалеть, осталось там, в России. Теперь он снова с поручением попадет «туда», но будет ли это та самая Россия, которую он покинул? Земля – та же: сытая, плодородная, но не в земле одной дело. Дух над ней парит другой. Дух, освящающий эту землю и вдохновляющий ее народ, исчез. Шарапову не за что цепляться, да, - он бежит навстречу будущему, но какому? Быть может, смерти - в подвалах ЧК. Пусть так, он не авантюрист, ищущий опасности, он – всего лишь исполняет свой долг. Так ему велит голос дворянской традиции.

Стук колес своим, то ускоряющимся, то замедляющимся, ритмом вызывает из глубин воспоминаний другой ритм, ритм давно забытой, слышанной где-то в кабачке шансонетки: «Ах, мама, мама, какая драма». - «Глупая и пошлая песенка, - подумал Шарапов, - и слова дурацкие, но где я ее слышал? Ах, да, в «Вилле Родэ» в Петербурге. Мы сидели целой компанией незадолго до войны. Мешенцева тогда еще дразнили, что исполнительница ему очень приглянулась. Бедный Мешенцев..., а может, - он счастливее нас, меня?.. Убит..., без мучений..., а я как умру?.. Кто знает?..»

«Ах, мама, мама, какая драма»... Борис хочет избавиться от навязчивого мотива, но, как это бывает при нервном напряжении, он снова возвращается упорно. Шарапов старается думать о другом: как он завтра встретится с генералом. На вокзале его будет ждать Мартынов, который проводит его до гостиницы, где остановился Кулаков. Борис, конечно, примет поручение, генерал ему объяснит задание и скажет так, как говорят, когда посылают на опасное дело: «Ну, а теперь, Шарапов, - с Богом! Я надеюсь на вас». Пошлют Бориса, наверное, в Петербург – надо хорошо знать место, куда идешь, иначе сразу засыпешься. А вдруг «там» встретишь кого-либо из старых знакомых. Может ведь так случиться. Витковский, например, «там» остался, где-то читает лекции советским курсантам. Когда его уговаривали уходить за границу, он неизменно отвечал: «Здесь больше работы, я остаюсь». Сомневаться в нем нельзя, он – не предатель. Интересно было бы с ним поговорить. Кто прав: мы или они, оставшиеся?

Поезд замедлил ход, въехал в крытый вокзал, затормозил с визгом. Послышалось хлопанье закрываемых дверей, голоса, зовущие носильщиков: «Трегэр, трегэр!», - свисток, и поезд снова двинулся. Луч фонаря с перрона заглянул в купе, осветил крепко спавшего баварца, скользнул по другим путешественникам, ослепил Шарапова

и исчез, а за ним уже спешил луч следующего фонаря. Паровоз ускорил ход, перроны оборвались, колеса прогромыхали на стрелках, и снова черная ночь охватила поезд.

Рат-та-т-та.

XII

Наутро песчаные, поросшие сосновыми рощами холмы возвестили о близости Берлина. На суетливом дебаркадере Шарапова ждал Мартынов.

- Идем, - сказал последний, - генерал тебя ждет. Устал с дороги? Зайдем ко мне – вымоешься, побреешься и сразу к Кулакову.

- А в чем дело?

- Тебе предложат идти в Петроград, там сейчас Вавич...

- Наш Вавич!?

- Да, да. Подумай, наш Вася оказался превосходным разведчиком. Со своим штатским видом и несуразной наружностью он проходит там, где любой другой засыпался бы наверняка. Но сейчас в Питере произошло что-то. Боимся, не предательство ли. Вавич в назначенный срок не явился. Надо пройти туда, предупредить о неявке Вавича и вообще узнать, в чем дело.

- Так что, надо будет скоро ехать?

- Пароход уходит в субботу, место задержано, виза готова. Ты аккуратно получал наши осведомления? Советские газеты тоже доходили?

- Да, я все получил, газеты тоже, и их, хоть и с омерзением, но читал от доски до доски.

- Правильно делал, эта подготовка совершенно необходима. К тому же, наши осведомления и газеты – единственные средства, находящиеся в нашем распоряжении, чтобы войти в тот мир, в который тебе придется скоро окунуться. До отъезда вызубри наизусть условные знаки, опознавательные фразы и адреса. Все держи в голове, никаких заметок или записных книжек.

Мартынов жил в маленькой узкой меблированной комнате на Курфюрстен-штрассе. Владелицей пансиона была пожилая и добродушная вдова фрау Хильшке. Год тому назад она приняла постояльцем русского эмигранта, вскоре тот привел своего друга, а тот своего, и не успела фрау Хильшке оглянуться, как пансион оказался заселенным русскими. Сначала фрау Хильшке удивлялась образу жизни и поведению своих гостей - вставали поздно, ложились за полночь.

Бывали случаи, что проводили целый день в кровати. На участливый вопрос хозяйки жилец отвечал, что он совершенно здоров, но нет денег на обед, а потому он решил проспать весь день. Потом появлялись деньги, и вчерашний голодный угощал всех. На день рождения хозяйки ей поднесли цветы, а она и не помнила, когда в последний раз получала цветы, - кажется, еще невестой от покойного Херр Хильшке. Постепенно фрау Хильшке свыклась со своими новыми жильцами и даже полюбила их - они, в общем, были славные ребята.

- Чем ты занимаешься, кроме нашего общего дела, с чего живешь? - спросил Шарапов Мартынова.

- Ты заметил в табачных лавках надписи «Die Russen sind wieder da» (русские опять здесь). Не подумай только, что это нас, эмигрантов, приветствуют, - это лишь реклама снова появившихся папирос с мундштуком. Набивкой этих папирос, как, впрочем, многие наши, я и занимаюсь. Найти работу нелегко, немцы сами страдают от безработицы, так что иностранцам нет места у станков. Но сейчас, пока Малер здесь, не до набивки. Сам сижу без папирос: сапожник без сапог. Ну как, готов? Так едем!

Спиной к свету в глубокой амбразуре окна стоял плотный человек, упругое тело которого плохо умещалось в синий двубортный пиджак. Кулаков крепко пожал руку Борису и усадил его. После нескольких незначительных фраз он перешел к делу.

- Я не сомневаюсь, что произошло что-то неладное. Вавич не явился, боюсь за него и за наших людей. С таким трудом налаженная связь может нарушиться, и мы в своей работе окажемся отброшенными в исходное положение. Наши люди, не имея ответа на свои донесения, верно, недоумевают. Связь с ними должна быть восстановлена немедленно. Для этого вам надлежит выехать через Ревель – Нарву в Петербург и разыскать там нашего человека... вернее, я вам дам две явки: если засыпался один, чтобы вы могли явиться к другому. Будьте крайне осторожны. О положении на границе, где тоже могут быть неожиданности, узнаете от Петра Илларионовича в Ревеле - ведь вы его знаете. Прибыв на Балтийский вокзал, звоните по телефону 54-52 и просите к телефону Николая Петровича Кальцева, когда он подойдет, скажете ему условную фразу: «Здравствуйте, Николай Петрович, привез вам из Москвы новые инструкции для обучения молодых красноармейцев. Когда могу вас видеть?». Запишите эту фразу для выучки наизусть, перед отъездом записку уничтожьте, конечно. Так пишите... «привез вам из Москвы», - диктовал

Кулаков, - записали? Теперь пишите его ответ: «Здравствуйте, наконец привезли, инструкции эти нам нужны до зареза». Это условный ответ, дальше пойдет отсебятина, мы ведь не можем отсюда угадать и предписать место, час свидания, а также другие подробности. Если вам будет дан не тот ответ, значит, там провал, но трубку сразу не вешайте, скажите, что просите указать, куда вам явиться, сказав, что вы звоните с Николаевского вокзала. А сами, не задерживаясь, идите и звоните из другого места по № 23-70. Перемена места звонка важна – через телефонную станцию они могут проверить место, откуда вы звонили. По новому номеру вы должны сказать следующую фразу... хотя, не записывайте, я вам ее дам, не забудьте только все уничтожить перед отъездом. Мартынов, вы будете до отъезда при Шарапове и напомните, и отберете записки у него.

- Так точно, ваше превосходительство, - щелкнул каблуками под столом Мартынов.

- Хорошо. Если дойдете до Кальцева, скажете ему о неявке Вавича, может быть, он знает, в чем дело, а нет, при его помощи узнайте обстоятельно, что случилось, получите инструкции от наших людей и немедленно возвращайтесь заграницу, помня, что мы ждем от вас срочного восстановления связи. Если же Кальцев засыпался, в чем я сомневаюсь, добейтесь свидания по второй явке. Там вы будете иметь дело с ...

В этот момент в дверь постучали. «Антрэ», - крикнул генерал и тут же поправился: «Херейн». Просунулась голова:

- Вас срочно просит приехать Степан Иванович.

- Не вовремя, но надо ехать. Мы не обговорили с вами всего, - обратился он, вставая, к Шарапову, - но время еще есть, ведь вы уезжаете лишь в субботу, а на сегодня вы меня простите.

- Шубаев со своим такси ждет у подъезда, - вставил Мартынов.

- Спасибо, - кивнул головой Кулаков и, обращаясь к Борису, - приходите завтра в четырнадцать часов.

Генерал снова крепко пожал руку Шарапову и вдруг, словно вспомнив что-то, и не выпуская руки Бориса: «Дурень я, говорил с вами битый час, а главное не спросил: а вы -то согласны принять это рискованное и крайне опасное поручение?»

Борис вытянулся в струнку перед генералом:

- Ваша Превосходительство, - сказал он, улыбаясь, - когда вы нас посылали в бой, вы разве спрашивали, хотим ли мы идти и согласны ли мы.

В глазах Кулакова блеснуло что-то вроде слезы, и грубая кожа на его лице сложилась в почти нежную улыбку.

- Спасибо, Шарапов, да хранит вас Господь. Вы правы, ведь то, что мы теперь делаем, тоже для России.

И он крепко обнял Бориса.

XIII

Уже на пароходе, а тем более после высадки в Ревельском порту, Шарапов начал надевать на себя маску «серости», как он про себя говорил. Осторожность и тщательное обдумывание каждого шага, даже самого обыденного, казались ему совершенно необходимыми для успешного выполнения задания. «Так мой Герольд ходил по болоту, - с улыбкой он вспоминал своего походного коня, - весь напряженный, полный недоверия к мягкой зеленеющей трясине».

Оставив чемодан на хранение, он по купленному плану города разыскал улицу, где жил Петр Илларионович. Оглянув пустынный переулок, он поднялся на деревянное крылечко и позвонил. Прогремела цепочка, и сам хозяин открыл дверь. Шарапов представился.

- Знаю, знаю, мне писали о вашем приезде. Заходите, а где ваши вещи? На хранение сдали, правильно. За мной, конечно, следят «наши друзья», появление незнакомца с багажом возбудило бы их внимание. Нам лучше не показываться вместе. Я вам дам адрес для ночевки, завтра сведу с кем надо, и вы с первым же возможным поездом отправитесь в Нарву. Я вам дам нужный вам в Нарве маяк.

Войдя в отделение вагона второго класса, Шарапов подсознательно почувствовал себя как бы снова в старой России. Это ощущение его уже несколько раз охватывало и в Ревеле, но, сев на глубокий просторный диван вагона русской постройки, он это особенно сильно почувствовал.

Мимо окон мелькали близкие каждому северянину скромные виды балтийского побережья. За Тапсом потянулись болота. Перед Нарвой готические шпили кирок стали в деревнях заменяться луковками православных церквей.

Николай Иванович Малых, к которому был направлен Шарапов, жил в домике на окраине Нарвы. Борис дернул у деревянной калитки звонок, где-то в доме задребезжал колокольчик, и ему открыла девочка лет четырнадцати, круглоголовый подросток с рыжими косичками и веснушками на носу.

- Папы дома нет, - с ясной улыбкой сообщила она. - Но он скоро вернется с работы. Зайдите. Я скажу маме.

Жена Малых была полная, ко всему, казалось, безразличная женщина, из тех, что любят ходить в церковь, со вздохом ставить там свечи и ужасно боятся сквозняков.

В комнате было душно, хотя на дворе стоял ясный солнечный день начинающегося бабьего лета. Разговор не клеился. Марья Петровна без особой приветливости оглядывала гостя. «И чего его принесло сюда, - думала она, - уж не иначе как по «конспирации» к Коле», - так она называла дела, в которые муж ее не посвящал. Шарапов был рад, когда вошел хозяин.

- Я вас проведу в помещение, где будете ночевать, - сказал последний.

По узкой, заросшей травой и сиренью тропинке, они дошли до затонувшей в глубине сада среди лопухов и кустов акации беседки. Там они застали рыжую девочку, свежим березовым веником подметавшую комнату. На венском стуле стоял эмалевый таз, рядом на полу кувшин со свежей водой, прикрытый чистым полотенцем.

- Вижу, Рыжик, ты уже все приготовила для гостя, - ласково потрепал Малых дочку по щеке. – Милости прошу, располагайтесь, скоро будем ужинать.

Разложив вещи и умывшись, Шарапов сел на кровать, дожидаясь, когда его позовут ужинать. Он глубоко задумался, глядя в темнеющее окно. С вокзала он отправил заранее заготовленную открытку человеку, указанному ему в Ревеле. Через несколько дней начнется его испытание. Скорее бы! А куда торопиться? Здесь, в этой беседке, так тихо и мирно - куда спешить навстречу новым опасностям и заботам, быть может, смерти. Достаточно он смотрел в глаза смерти! В свои 30 лет он имел уже две кампании за плечами. Он уже исполнил свой долг перед Россией... Стук в дверь прервал его размышления. Рыжая головка просунулась в дверь: «Пожалуйте ужинать».

После ужина хозяйка ушла к себе, Рыжика отправили готовить уроки. Шарапов хотел откланяться.

- Нет, нет, - замахал руками хозяин, - гости, как вы, бывают у нас редко. Посидим, расскажите, что делается в Европе; как у вас смотрят на события. Мы, наш кружок, получаем газеты, знаем из них, как растет наша идея, как живут наши кадры, как все ждут лишь зова вождя, чтобы снова сразиться с красными. Но о чем, скажите, думают союзники, если их так можно еще называть, неужели не только

торговать, но и брататься можно с «людоедами» из-за кордона, - мотнул он головой на восток.

Задребезжал колокольчик, Шарапов встал, чтобы скрыться от посетителя.

- Не беспокойтесь, - сказал Малых, - это свой, мой помощник по объединению.

Стуча тяжелыми рабочими сапогами, вошел человек средних лет.

- Познакомьтесь, - сказал хозяин, указывая на Шарапова и называя его по псевдониму. Только что из Берлина.

- Капитан Егоров, - представился гость. – Что нового, расскажите. Когда же начнется? Говорят, к весне англичане готовят серьезное выступление против советов. Вернетесь, скажите всем, что мы здесь готовы, что кадры наши по-старому ждут лишь приказа, а там за красной чертой неудовольствие растет; их сотни, тысячи, что думают, как мы и присоединятся к нам.

Шарапов говорил долго, рассказывая о жизни эмиграции, ее работе, о стихийном росте монархической идеи, идущей на смену увлечению революцией. Лишь дойдя до надежды на бывших союзников, рассказ его стал горьким, жестким: не понимают они опасности большевизма, болеют разновидностью той же болезни. С исчезновением России - будто пропала совесть в мире.

За столом замолчали.

- Страшно за них, неужели русский народ должен будет один перебороть эту страшную болезнь. Здесь, в нашем захолустье, мы часто собираемся, читаем вместе, изучаем Тихомирова, строим планы будущего. Недавно читали разбор Апокалипсиса.

- Я его тоже читал, но мало что понял, - признался Шарапов.

- Его мало читать, - воскликнул Малых, - ему надо поверить и, поверив, впитать в себя его образы. Мы ищем в нем сроков, забывая, что две тысячи лет тому назад Провидец не мог дать никаких сроков. Он, которого слепила тьма, и тянул к себе свет, указал лишь нам место тьмы. Охарактеризовал явления торжества тьмы, победы зла над добром. По этим данным мы можем лишь узнать признаки, указывающие нам на то, созрел ли мир для конца века нашего и скоро ли кончится наша эра.

- Годы смут и лихолетий и проявления их в жизни всегда были и будут близки к образам Откровения, - возразил Шарапов. - Вспомните: в 1812 году хотели уложить имя Наполеона в число 666; не видели ли старообрядцы в Петре I воплощение Антихриста, а в начале

XV века не ожидала ли Русь, стонущая под игом татарщины, конца века? А человечество все живет и живет дальше.

- Постойте, - перебил его Малых, - не надо увлекаться примерами старых времен. Довлеет нам и нашего времени. До конца прошлого века было около 30 толкователей Откровения, но лучшими из них являются, все же, сами события жизни. Я не хочу гадать о сроках, мы их не знаем, я лишь хочу выдержками из Апокалипсиса указать, как близки признаки, характерные для нашего времени, к тем образам, которые нам дает Апостол. И этот разбор нам нужен, главным образом, для того, чтобы знать, как нам себя вести в это время, время учений «горьких как полынь».

И он вынул из ящика стола книгу со множеством закладок с выписками.

- Вот мы говорим о непонимании Западом опасности большевизма – в гл. 8 ст. 12 указывается на то, что слепота охватит правителей третьей (т. е. христианской) части земли. А вот общие признаки: жестокие войны, социальные потрясения, господство ложных учений и ложных вождей и всякие стихийные бедствия. И как все покрывающее явление – атака дьявола на Христианство. А способы борьбы: гонения на инакомыслящих и подрыв Церкви путем внутренних распрей. И Апостол видит зверя, выходящего из моря, и даны ему будут «уста, говорящие гордо и богохульно... И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить Имя Его, и жилище Его, и живущих на небе». Зверь этот будет стремиться и достигнет власти над миром, и будет дана ему власть «над всяким коленом и народом и языком и племенем». И власть эту люди признают добровольно, поверив его прелестным обещаниям, и поклонятся ему. Само стремление объединить весь мир на силе и принуждении не ново, характерно для нашего времени желание сделать это под лозунгом борьбы с Богом. Характерно будет и выдвижение одного человека, «человека греха», как правителя всемирным государством, при помощи десяти мудрецов, преданных ему как мужей совета. Предвиден и начальник пропаганды – Лжепророк, своим красноречием низводящий, как выражается Провидец, «огонь на землю». И в этом государстве будет объявлена трудовая повинность, и каждый должен будет декларировать свое признание власти зверя; кто не признает – тому смерть, а за всеми будет следить осведомительный аппарат. И всем будет положено начертание на правую руку и на чело, и «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это

начертание или имя зверя, или число имени его», кто их не имеет, тот – лишенец, по современному выражению.

И в страшных войнах зверь победит Церковь. В этих войнах будут применяться неведомые до сих пор оружия уничтожения: «кони» забронированные, с головами «как у львов, и изо рта их выходит огонь, дым и сера»... и летающая «саранча», на которой будет броня железная и шум от крыльев, как стук от колесницы, когда множество коней бежит на войну».

- Скажите, - прервал свое чтение и свои разъяснения Николай Иванович, - разве эти явления не знакомы нам, вплоть до танков и самолетов?

- Но вот наступила полная победа зверя и, казалось бы, и «мир во всем мире», но, несмотря на обещанное благополучие, счастье и веселую жизнь, «царство зверя сделалось мрачно, и люди кусали языки свои от страданий». Молчаливое и безысходное горе стало участью их. И снова усилятся стихийные бедствия, падут языческие города, и повсюду наступит полная звериная анархия.

И Малых продолжал свое поучение, скандируя слова и подчеркивая особо разительные места ударами своей широкой ладони по столу.

Он замолк, откинувшись на спинку кресла и смотря в дальний угол комнаты.

- Но кто нам скажет сроки?

Собеседники молчали.

- Но если так, - сказал Шарапов, бессознательно продолжая ход своих мыслей в беседке, - но если так, для чего наша борьба, наши жертвы, для чего погибло пол нашего поколения и гибнет дальше под советами. Для чего же, если все предрешено?!

- Пути Господни неисповедимы, - произнес Малых, - нам сроки, повторяю, неизвестны. Но Откровение и здесь дает нам указания словами: «Блаженны мертвые, умирающие в Господе, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними», и пойдут они в то уготованное место, когда, по окончании борьбы Добра со Злом, наступит Царство Божье, когда Бог «будет обитать с нами» и праведные «будут Его народом, и сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу очей их, и смерти не будет, ни плача, ни войн, ни болезней уже не будет, ибо прежнее прошло». Аминь.

Полный неясных мыслей, ушел Борис в свою беседку и, раздевшись, усталый, скоро заснул.

Утром Шарапов, как всегда, повторял наизусть условные фразы и устное донесение, когда постучали в дверь: «Папа сказал дать вам сюда чай». Рыжие косы трепались по спине, веснушчатый нос был полон любопытства. «Папа сказал, чтобы я проводила вас город показать или купить помочь, если вам что нужно».

Пошли. Готика левого берега Наровы словно с вызовом смотрела на широко раскинувшиеся башни Ивангорода. На крутом берегу крест в память русских, павших здесь во время взятия Нарвы. У подножия креста – букетики цветов.

- Это мы, русские из гимназии, кладем цветы у памятника, - говорила Рыжик, - по очереди, по классам. На будущей неделе мы кладем, наш класс; наши цветы всегда лучше, чем у других, так как у отца Сони Миронович большое садоводство. А вот, когда сносили часовню у моста, построенную на месте, где потешные полки Петра Великого дрались со шведами, наши русские девочки три дня не ходили в школу.

- Отчего же не ходили?

- В виде протеста. Говорили, часовня мешала движению. А она совсем не мешала. Все потому, что «они» не любят нас, русских.

- А вас не исключили за это из школы?

– Чуть-чуть, что не исключили, ну а потом обошлось.

Рыжик болтала не останавливаясь, рассказывая о школе, о подругах. Время прошло быстро и незаметно. Подходя к беседке, она вдруг остановилась...

– Я знаю, куда вы идете.

Шарапов улыбнулся: «Куда же, по-вашему?»

– Я правду знаю, я догадалась, вы едете «туда»... Вы герой.

И вдруг, неожиданно встав на цыпочки, она быстро и серьезно перекрестила Бориса и, обняв его, поцеловала в щеку: «Вы – герой!»

Рыжие косички запрыгали по спине и быстро исчезли за поворотом дорожки.

XIV

- Чтобы перебраться через границу и благополучно миновать приграничную полосу, вам нужен проводник, не раз ходивший через проволоку и знающий местность от границы и, приблизительно, до станции Веймарн, откуда вы можете уже пользоваться железной дорогой.

Рекомендованный в Ревеле человек говорил коротко и деловито, не проявляя никакого интереса ни к Шарапову самому, ни к его заданию.

- Вперед ему деньги не давайте, лишь аванс можно дать, но небольшой. Семья его живет здесь, ему нет расчета не вернуться. Я сейчас его вам приведу.

«Проводник» оказался долговязым мужчиной в розовой русской рубахе под городским пиджаком. Какая-то незаконченность движений и мягкая одутловатость лица не понравились Шарапову: «Взводным фейерверкером в батарее я бы его не назначил», - подумал Борис, оглядывая его с головы до ног. Но выбора не было, он с ним сговорился.

Жил проводник в пригороде у стен Ивангорода. Вечером Шарапов пришел к нему, чтобы определить день ухода. На столе была водка, были расставлены закуски, а сам хозяин был навеселе. После общего разговора о семье, хозяйстве Борис перешел к делу: когда идем?

- Чего откладывать, - хоть завтра! Нет, стойте, завтра нельзя, с утра должен ехать за сеном, своего не хватает.

Пришлось покориться.

Но к обеду следующего дня – новое затруднение. За утро проводник успел побывать у матери Ольги, и она ему сказала: «Не ходи, Фока, брось это дело!». Ну как же ему, Фоке, идти, если нет на то благословения матери Ольги.

- Да кто она, эта мать Ольга?

Фока объяснил: вроде как монахиня, но в монастыре не живет, без согласия ее он и шагу не сделает. Как же идти на такое дело без ее благословения, а она говорит: «Не ходи, Фока».

Он снова был выпивши, говорил много и бестолково.

Шарапов вскипел: «Какого же черта давал согласие?»

- Да я окончательно согласия не давал, – петлил как заяц Фока. Если по мне, я пошел бы, да вот мать Ольга не велит: не ходи, Фока, говорит.

– Где она, эта мать Ольга? Я сам с ней поговорю.

Шарапов нашел мать Ольгу в доме, указанном ему проводником. У окна, на котором стояли горшки герани, сидела немолодая, худая, одетая в черное платье женщина. Поздоровались.

– Я к вам по делу, - начал Шарапов, - насчет Фоки.

– А кто вы такие?

Шарапов рассказал.

– Нехорошее дело задумали, - проговорила она, - Фока человек семейный, из-за корысти идти на такое дело.

– Какая корысть, - воскликнул Борис и, видя, что другого выхода нет, частично рассказал о характере своего задания: спасти товарища надо.

Мать Ольга долго молчала, смотря в окно.

– Идите, - наконец сказала она, – Бог вас благословит. Я Фоке скажу, только пить ему не давайте в пути, а то грех будет.

Начальником пограничного поста, на который Шарапова привел Фока, был эстонский унтер-офицер, служивший в Российской Армии и хорошо говоривший по-русски. Он обстоятельно объяснил Борису как всю технику перехода через колючую проволоку, так и расположение советских постов и застав, указал время обходов патрулей и т. д.

– Вот там, за этим лесом, – указал он из окна сторожевого помещения на стену сосен, окаймляющую пограничную просеку, – идет шоссе. Это опасное место, его надо перейти ночью. Лишь пройдя район Ямбурга и попав в окрестности станций Веймарн – Молосковицы, вы можете считать себя в относительной безопасности. Ты дорогу до тех мест знаешь? – обратился он к проводнику.

- Я же там родился, жена – она тутошняя, а я – тамошний, и ходил не раз, пока не хватили вы меня. За рекой, как попадешь на дорогу, так ею и идтить мимо бора графов Сиверсов до выселок. Бор он большой...

Болтливость Фоки, хотя он и был сейчас трезв, раздражала Шарапова, он прервал его, обращаясь к эстонцу:

– А когда лучше выступать?

– Время я вам укажу. Вот только день вы выбрали неподходящий.

– Чем неподходящий?

– Тишина-то какая, - не шелохнет, слышно, как лист в лесу падает. Ну, да мы поможем, как выйдете, я устрою здесь вроде пьянки, граммофон заведем, прикажу ребятам шуметь побольше, а вы тут и проскочите.

До вечера время тянулось бесконечно долго, волнение мешало сосредоточиться.

Уже темнело, когда в комнату вошел унтер-офицер: «Пора, - коротко сказал он, - я вас провожу».

Отошли с полверсты и залегли в кустах. В сгущающихся сумер-

ках неясно виднелись колья проволочного заграждения.

– Вот у того камня – наш лаз, проволока слегка оттянута, вдоль проволоки канава, вы в нее заляжете. Когда пройдет обход, ползите под проволоку, только не торопитесь, дайте им отойти.

Он помолчал.

--Первый раз идете?

– Да.

Покачал головой.

– Ну, я пошел. Что же граммофон, черти, не пускают. До того, что заиграет граммофон, не ходите - тишина-то какая!

В это время заиграл граммофон и раздался смех и громкие голоса с поста. Эстонец улыбнулся:

– Все в порядке. Мы часа два «погуляем», - и пожав им руки, он скрылся в кустах.

Шарапов и Фока осторожно переползли в канаву у самой проволоки. На той стороне было тихо, от поста граммофон хрипло ревел «Кирпичики».

Вдруг послышались шаги – шел патруль из двух человек. Он остановился по ту сторону заграждения, совсем близко.

– Ишь сволочи! Пьянку на посту устроили. Водку пьют, закусывают, - сказал один голос.

Другой ничего не ответил. Пошли дальше, песок скрипел под тяжелыми сапогами.

Пора было двигаться дальше. Шарапов поднялся на локте: вокруг никаких признаков жизни. «На кирпичный завод я пошла...», - хрипел граммофон. Борис оглянулся на Фоку, тот лежал навзничь и ногтем силился откупорить бутылочку.

«Водка», - мелькнула мысль, и Борис быстрым движением вырвал бутылку. На знаки протеста Фоки он только ответил угрозой кулаком и полез, опираясь на локти и колени, под проволоку. Пролез и завалился по ту сторону в канаву. Сопя носом, Фока лез за ним.

В несколько прыжков они пересекли просеку и присели в лесу под лапчатой молодой елкой. Было тихо, лес молчал. Лишь по ту сторону только что пройденной грани граммофон продолжал прикрывать их своей песнью. Пластинку, видимо, перевернули: «Меня несчастную, торговку частную, ты пожалей...», – пел надломленный и нарочито разухабистый голос.

Шарапов вспомнил о флаконе, забранном у Фоки, и поднес его к носу: вместо спирта от него несло аптекой.

– Что это? – тихо спросил он.

– То не водка, то «бадерьян». Мой кум, аптекарь, говорил мне: «Фока, не пей водки, когда идешь, потому водка, она нервы тупит, а пей «бадерьян», он нервы крепит и мозги проясняет», – шептал Фока.

«Дурень», - невольно улыбнулся Шарапов, вообразив на минуту, что сталось бы с Фокой, если бы он вылил себе в глотку содержание бутылки валерьяна. Объяснять было некогда: «Идем!»

В эту минуту раздались голоса в лесу. Они снова присели. Сердце забилось. Но тревога была напрасная; видимо, группа пограничников, задержавшихся в деревне, возвращалась на свой пост.

«Идем!», - и они двинулись. Скоро лес начал редеть, и они подошли к шоссе, согнувшись, перебежали его. Ни звука, вокруг было тихо. Дальше. Они скорым шагом продолжали путь.

Переправа через Лугу совершилась благополучно: нашли лодку, вывернули причальный столб и, огребаясь доской, переправились. На том берегу, оттолкнув лодку в течение, быстро вскарабкались на песчаный, осыпающийся под ногами берег.

«Дальше, дальше!» Шли всю ночь.

Где-то пропел петух, скоро рассвет. «Вперед, вперед!». Они прибавили шагу.

– Помни, Фока, если сейчас кого встретим, не бежать, а объяснять, что заблудились, идучи из села в село. Только не бежать. Понял?

– Как не понять, - говорил Фока, – мы – люди понятливые, не впервые идем. Скоро влево деревня, а за полем начинается дорога.

Вышли на жнивье, на котором паслось стадо. Влево, в предрассветном тумане, видны были избы деревни, некоторые трубы дымились – люди вставали. До молодого смешанного леса по полю было с версту, там начиналась дорога, указанная Фокой, пришлось идти прямо полем, другого пути не было.

Коровы, подняв головы, как будто с любопытством оглядывали путников. Но не прошли и половины поля, как от деревни их окликнули. Оглянулись. Мужик что-то им кричит и машет рукой. Они не остановились. Крик повторился более настойчивый.

– Фока, не беги, – стараясь быть спокойным, сказал Шарапов, он заметил, что проводник заторопился. – Покричит и перестанет.

Но тот не унимался и двинулся за ними большими шагами. До лесу было недалеко. И вдруг Фока, согнувшись и как-то нелепо махая своими длинными руками, побежал. Делать было нечего, Шарапов побежал тоже, а за ними и тот: «Стой, стой!».

– Сюда, сюда, вот здесь дорога, – торопил Фока. Переводя дыхание, Борис ругал проводника.

– Чего бежал? Теперь на нас подозрение. В лес он за нами не пойдет, а предупредить стражу может.

– Виноват, - оправдывался Фока. – Вот, не дали выпить, нервы, они и не выдержали. Теперь надо спешить.

– Дурья голова, - выругался Шарапов, но согласился, что спешить следует.

Прошли, вернее, пробежали версты две, потом продолжали путь скорым шагом.

– Сердце у меня неспокойно, – заговорил Фока, – лучше бы нам свернуть с дороги, не было бы погони, у них и собаки есть.

Шарапов согласился, и с первой же возможностью они свернули с лесной дороги. Сворачивая, Борис откупорил бутылочку «бадерьяна» и вылил ее содержимое на подошвы и их следы: «А может быть, действительно собаки с ними будут».

Не успели они отойти далеко, как со стороны пройденного пути раздались голоса и собачий лай. По лесной дороге, о чем-то громко разговаривая, широкой рысью проехало несколько конных с собаками. Удалились.

Шарапов и Фока перекрестились. Быстро пошли дальше. Тропа вилась между частыми кустарниками, молодыми березками, елками и иногда пропадала, потом снова появлялась; ею, видимо, пользовались лишь дровосеки.

– Куда она нас выведет? Ты лес знаешь?

– Как не знать!

Солнце стояло высоко, остановились поесть, передохнуть. Глаза горели от бессонной ночи, но надо было идти дальше: «Вперед, вперед!»

Встали, пошли. Тропа, дойдя до болотистой поляны, прекратилась. Дальше шли уже лесом напрямик.

- Да ты дорогу дальше знаешь?

- Ну как не знать. Вот скоро начнется бор графов Сиверсов, а там и выселки.

Но прежней уверенности в голосе Фоки не было. Шарапов шагал за ним, смотря на его длинные болтающиеся руки. В нем зрело убеждение, что Фока дороги не знает.

Когда стемнело, выбрали место посуше, натаскали хворосту, сгребли листья, расположились на ночлег, не разводя огня.

Проснулись на заре, продрогшие, стуча зубами. «Пошли», – приказал Шарапов. Усталое, бледное, с покрасневшим носом лицо Фоки не внушало ему больше никакого доверия. К тому же, по целому ряду признаков, Борис убедился, что они кружат по лесу. Ни бора Сиверсов, ни выселок видно не было.

Солнце поднялось уже высоко, когда они подошли к поляне, которую признали, как пройденную на заре. Путники переглянулись.

Фока сел на пень и вдруг зарыдал как мальчишка, причитая и чуть ли не голося. Плач этого бородатого мужика взбесил Бориса, он подскочил к нему и, схватив его за ворот рубахи, так тряхнул его, что зубы щелкнули: «Молчи с. с., а не то убью!»

Тот немедленно смолк и вскочил на ноги:

– Виноват, ваше благородие.

Шарапов сдержал себя.

– Дорогу не знаешь?

– Виноват.

– Где выселки, где бор?

Из путаных описаний Фоки Борис уяснил себе карту местности: на юге – железная дорога Ямбург – Гатчина, севернее ее шоссе – Нарвский тракт, вдоль шоссе селения, которые осторожнее избегать, с севера, к району станции Веймарн, спускается массив лесов. Значит, идти надо на восток, до бора, и там свернуть на юго-восток.

Встали, пошли, теперь уже Шарапов впереди, за ним Фока, с которого спала вся его развязность. Шли долго, до вечера, миновали высокий сосновый лес, в котором проводник признал «бор графов Сиверсов». Подались на юг, лес снова стал мельчать. День стал клониться к вечеру, когда мычание коров возвестило о близости жилья.

– Выселки, - воскликнул Фока, - они самые, отсюда рукой подать до кума.

К дому кума подошли с осторожностью, двор стоял на краю деревни. Постучали в окно, никто не ответил: верно, сквозь тусклое стекло наблюдали, что за гости пожаловали. Приободрившийся Фока объяснил хозяину, указывая через плечо на Бориса: пришли по «делам», а этот хлопец – его помощник. Хозяин в ответ мотал головой: контрабандисты – свои люди, они комиссарами преследуются, а каждый, кто преследуется советами, – свой человек.

– В избу только спать пустить не могу, сын может скоро вернуться, а он у меня – комсомолец, вмиг донесет.

– Да что ты, Кузьма, на отца донесет!?

– А то как же! Вон, намедня, Андрея увели, а почему увели - потому сын донес.

– Куда же нам деваться?

Кузьма подумал: «На чердаке устрою, туды он не ходит. Чердак просторный, чистый».

На чердаке пахло дегтем от развешанной сбруи, пищали мыши, возясь между мешками, и принесенное Кузьмой сено еще сохранило запах трав. Борису спалось превосходно.

XV

Покупка билета на станции прошла гладко. Это первое и удачное соприкосновение с советской жизнью ободрило Шарапова, и он уверенно вошел в вагон.

Борис сидел в вагоне, читая газету, и у него было впечатление, что на него мало кто обращает внимание, кроме одного типа с неприятно бегающими глазами – этот, казалось, все поглядывал на него. Осторожность требовала замести следы, а потому в Гатчине, когда поезд уже тронулся, Шарапов выскочил на платформу. Он решил перейти на Гатчину-Варшавскую и оттуда продолжать путь.

По знакомым, но кажущимся какими-то новыми, улицам он прошел мимо дворца на станцию. Перед замком, с тростью в руках и в треугольной шляпе, Император Павел I, казалось, с неудовольствием наблюдал, во что превратили новые хозяева его, когда-то чопорную, резиденцию. До поезда Шарапову оставалось еще много времени и, не желая оставаться на станции, где толпился народ, он пошел побродить по городу.

Бессознательно стопы его направились к ближайшей церкви. Он вошел в ограду и, обойдя здание, остановился перед двойной могилой.

Воспоминания вдруг зароились в его голове. Тяжелый, безостановочный поход, бросок горсти белых добровольцев из топких гдовских болот к подступам Северной Столицы. Отряды белых подходили к Гатчине. Шоссе и подступы к городу освещались заревом пожара здания собрания кирасирского полка. Впереди, в темноте осенней ночи, пешая разведка осторожно вступала в город. Сзади напирали нетерпеливые полки, с песнями идущие за передовыми частями:

«То не тучки, тучки понависли -
На поле пал туман...», -

заводил запевала.

Из цепи прибежал связной:

– Красные залегли в канаве в двух кварталах отсюда. Тише!

Но людей было не удержать: «Ура, вперед!», – и прерванная песня превращается в победный крик: «Даешь Петроград!»

Красные сбиты; ведут пленных, из домов выходят жители. Плач, радость, смех: «Белые пришли!». Какая-то пожилая женщина бросается к ним: «Родные, милые! Смотрите, на них погоны!»

За Гатчиной взято Царское Село, взят Павловск, взята Стрельна, белые полки дошли до окраины Столицы, захвачен даже трамвай городского сообщения. Потом начались неравные бои за город. Подготовленное в Петрограде восстание сорвалось. Первые неудачи, отход, страшные потери. Убит Назимов, ранен Герасимов.

Шарапов вспоминает, как он стоял тогда перед свежевырытой могилой, в которую опускали тела молодых героев, убитых в боях под Гатчиной. Тогда, как и теперь, он стоял с обнаженной головой и вместе со случайным хором молил Создателя упокоить со святыми души их. Холм земли над могилой осел, но на кресте еще сохранились химическим карандашом вычерченные имена их.

По приезде на Варшавский вокзал Шарапов позвонил по данному ему телефону: приятный низкий голос ему ответил условной фразой.

Квартира Николая Петровича Кальцева поразила Шарапова своим видом, будто ее революция не коснулась - на стенах портреты родных хозяина, по большей части военных, товарищеские группы, корпусные снимки.

– Я ничего не скрываю из своего прошлого, быть может, это обстоятельство – мой лучший козырь. Моя маска: парень – душа нараспашку.

– Располагайтесь, – продолжал он, – отдохните. Здесь можете выбриться и помыться. Говорить будем позже, когда придет Александр Николаевич, он, как глава нашей организации, от вас и примет доклад.

Уходя, Кальцев добавил: «Вам необходимо и костюм переменить – ваша «толстовка» чертовски пахнет берлинским портным. Нужны вам также и другие бумаги, я вам их пришлю, так что, если будут звонить, откройте, но до вечера не выходите.

Хозяин ушел, и Шарапов с восторгом исполнил его указания – вымылся, побрился и заснул как убитый.

Резкий звонок его разбудил. Перед раскрытой им дверью стоял «мильтон». Сердце у Бориса невольно сжалось.

– Разрешите войти. Приказано вам доставить документы.

Подтянутый, почти щегольский вид выдавал в красном «мильтоне» бывшего военного царского времени.

Вернулся вскоре и Николай Петрович и сообщил, что Александр Николаевич не замедлит прийти, и действительно, в передней вскоре раздался звонок. Изрядное количество ромбов показало Шарапову, что глава белой организации занимает у красных немаловажную должность. Его крупные, тяжелые черты лица, умный, нависший над глазами лоб и волевые складки в углах рта свидетельствовали о его незаурядности. Следуя указаниям Кальцева, Шарапов по-военному отрапортовал о своем приезде.

– Хорошо, благодарю. Приступим к делу. Была какая-то нарочитая театральность в том, как глава организации встречался и говорил с Борисом, и ему было от этого неловко.

Сели, и Шарапов начал свой подробный доклад. Александр Николаевич часто перебивал его вопросами, и Борис удивлялся каждый раз тому, как его собеседник быстро и верно схватывал сущность излагаемого. И по мере того, как он все больше увлекался докладом Шарапова, с него спадала наигранность и неестественность.

– Прекрасно. Спасибо за сведения, они мне дали полную картину того, что у вас делается, и разъяснили многое, что мне было еще неясно. Теперь я знаю, на что мы можем рассчитывать. Связь с заграничными военными кругами нам совершенно необходима. Вы должны добиться того, чтобы стать советниками, экспертами по русским вопросам при командовании возможных противников советов. Вы должны стать, через головы красных, нашей связью с ними. Столкновение неминуемо. Война, если она будет неудачна для советов, будет их концом, и кто, как не мы, призваны будем стать преемниками их жалкого и крайне расстроенного наследства. В предвидении этого, мы стараемся пронизать весь их аппарат своими людьми.

– Мы уже заняли многие руководящие места, могли бы еще больше сделать, но не хватает людей! На нашу работу нужны исключительные люди: лишнего слова достаточно, чтобы вызвать арест, пытки, быть может, признание, прорыв нашей сети. Вот, например, сейчас нам нужен опытный моряк, а нет такового. Скажите Кулакову об этом, быть может, у него есть - пусть пришлет.

– А как Кулаков? Все такой же твердый и стойкий? Помню его еще молодым – его отличительной чертой было всегда упорство, не знающее предела. Еще скажите ему, что мы все здесь ходим по острию брит-

вы, а потому пусть всех торопит. Торопит во имя России, так как она, как и мы, в опасности и истекает ежедневно, ежечасно в подвалах В.Ч.К. своей лучшей кровью. Конечно, благодаря нашей организации, нам удается спасать людей из застенков Гороховой, но это единицы, а гибнут сотни, тысячи, миллионы. Во времена Царя русский народ не поспевал выделять из своей среды нужное для развития количество представителей культурного слоя. Развитие шло слишком быстро. Потому, может быть, наша интеллигенция была слишком беспозвоночная, слишком скороспелая, что ли. Это, своего рода, болезнь роста. А теперь этот слой, тонкий и слабый, уничтожается и развращается душевно. Страшно за Россию. Ее жизненные силы расходуются слишком неэкономно. Народ, что человек – надорвется, не залечишь. Надорванный организм может не выдержать, а что тогда? – дегенерация, умирание нашего великого народа. А потому торопите, действуйте, пока не поздно.

Беседа в уютном кабинете продолжалась до ночи. Видно было, что Александр Николаевич высказываемые мысли излагал не впервые, а часто пользовался этими аргументами, вербуя людей в свою организацию, умело играя на струнках молодых душ, зажигая в них желание борьбы и подвига.

Закончив деловую часть беседы, перешли к расспросам о жизни тех, кто за рубежом. Где тот, чем занят этот – шофером служит? Пусть едет сюда, мы его устроим профессором военной академии. – Ясно, что работа связана здесь с риском. У В.Ч.К. руки длинные, но и у нас они не короче, – улыбаясь, говорил глава белой организации, – и мы буквально шарим у красных в кармане. Да, вся жизнь здесь прослоилась точно сандвич: слой красный, слой белый, потом снова красный – картинно пояснил Александр Николаевич. – Вот, если кто попадется, как Вавич, это уже хуже... Ну, да и здесь мы еще посмотрим... К счастью, его арест не отразился на нашей организации.

Решено было, что Шарапов уйдет, как только подобрана будет вся информация.

– Вы не задерживайтесь, а, если понравится, возвращайтесь, будем работать вместе. Оптимизм так и бил ключом из массивной, самоуверенной фигуры Александра Николаевича. – Сами теперь уверились, что мы здесь делаем большое дело.

Жизнь в Петрограде, в особенности под руководством спокойного и благожелательного Кальцева, оказалась гораздо проще, нежели Борис себе ее представлял. Та маска серости, которую он на себя

надел, чтобы пройти незамеченным через границу СССР, оказалась присущей всем жителям пролетарского рая. Давление власти создавало атмосферу спертого воздуха, и понятно, что натуры типа Александра Николаевича искали, задыхаясь в этом воздухе, себе выхода, хотя бы отдушины, в контрреволюции. А обывателю, что ему оставалось, кроме мелких, страшно осложненных, каждодневных забот?

Одетый в купленную на толкучке «толстовку» и снабженный верными документами, Шарапов сопровождал Кальцева в близлежащую «столовку». Николай Петрович, войдя в зашарканную комнату и заказав еду, как правило, шептался с подающим, и на столе появлялся кофейник, для конспирации, в котором подавалась водка. Такие кофейники Борис наблюдал и на соседних столах. В запретном напитке этом и в самом нарушении запрета загнанный обыватель искал и радость жизни и выражал свой протест против ненавистной власти.

Кальцев не был оптимистом, он не уговаривал Шарапова оставаться или возвращаться в Петроград. На прощанье он сказал: «С Богом, продолжайте исполнять свой долг, как и мы его здесь исполняем, оставаясь верными России до смерти. Передайте это там всем нашим. Я согласен с Александром Николаевичем – надо торопиться с освобождением России, как бы не было поздно!»

На вокзале Борис подошел к буфету, чтобы закусить. Получив потребованное, он облокотился о стойку и по принятой привычке обвел глазами зал и находящихся в нем людей. И тут он обмер – его глаза встретились с глазами Вавича... Не могло быть сомнения, что этот бледный, худой с большим носом человек был Вавич. Рядом с ним стоял другой. Шарапов невольно рванулся к нему, но вовремя остановился. Вавич быстром шагом подошел к буфету и, поравнявшись с Борисом, шепнул: «Осторожно! Уйди!», - и обращаясь к подходящему спутнику: «Закусим, жаль, что водки не взяли.»

– Хотите сказать, жаль, что всю выпили, – засмеялся тот; он был в плаще синеватого цвета. Его взгляд остановился на Шарапове, Борис медленно отошел от стойки.

Обратный путь через лес прошел благополучно. Избегая селения и места, ими пройденные, Шарапов с Фокой благополучно добрались до границы и залегли в лесу перед проволокой. Осенняя ночь была ветреная, шум леса мешал различать звуки шагов патру-

лей. Фока нервно шептал: «Не услышишь, как подойдут и накроют тепленькими. Вдвоем идти опасно, идите в этот лаз, а я в другой полезу. Оно вернее.»

Не хотелось отпускать Фоку: быть может, за этим предложением кроется что-либо, но с другой стороны, он был прав, что в одиночку проскочить было легче. Расстались.

Обождав прохождение патруля, Борис дополз до опушки, оглянул просеку, прислушался. Ничего подозрительного не было. Было настолько темно, что он с трудом определил место лаза. Снова мелькнула мысль: не предал бы Фока, надо торопиться. Пора! Он рванулся вперед, согнувшись, в несколько прыжков пересек свободное от деревьев пространство и пополз под заграждение. Лаз был неудачный, торопясь, он вещевым мешком зацепился за проволоку. Силился высвободиться, и вдруг крик: «Кто там? Стой, стой!»

Шарапов рванулся вперед и оторвался от проволоки, которая зазвенела как гитара.

- Стой! Стой!

Широкими прыжками, спотыкаясь о кочки, Борис бежал прочь, лишь бы подальше от проволоки, и в темноте свалился в канаву. Что произошло? Предательство Фоки, излишняя ли бдительность патруля в эту холодную ненастную ночь или его собственная неопытность?

Канава оказалась осушительной, на дне ее стояла вода. Но делать было нечего; Шарапов лежал, не двигаясь, ожидая, чтобы тревога на красной стороне улеглась. Ветер все усиливался, пошел дождь. Патруль долго еще топтался по ту сторону границы, а Борис лежал в канаве, чувствуя, как вода пропитывала его одежду, холодила его разгоряченное тело. Когда все стихло, он встал и пошел дальше. Радость, почти звериная, его охватила: он в безопасности.

На другой день он явился в Ревель Петру Илларионовичу, но уже к вечеру слег: сильный озноб колотил его, голова болела. Вызвали доктора, он пожал плечами: болезнь еще не определилась – вернее всего, сильная простуда с осложнением в легком. Напряжение последних дней, а главное, конечно, лежание в болотистой воде канавы дали себя знать.

На следующий день жар усилился, начался бред. Прошлое,

бывшие яркие впечатления, слышанные когда-то слова, события жизни – все мешалось в его голове, принимая болезненные горячечные формы. Он видел дорогу, русское, мощеное щебнем шоссе, по бокам кучи дробленого камня, высокие, екатерининских времен, березы. По шоссе с сумами за плечами, вот такими, какую он имел, когда пролезал под проволокой на границе, идут странники. Он сам идет, рядом Малых и еще кто-то, их много даже. Борису тяжело, в ногах словно свинец, страшная усталость во всем теле.

– Сядем, Николай Иванович.

– Вперед, - говорит тот.

– Ноги не несут.

А Малых в ответ:

– Вперед!

– Доколь, - шепчут запекшиеся губы Шарапова.

Малых дорожной палкой указывает на свет впереди – точно звезда на темном небосклоне.

Идут дальше. И незаметно к ним присоединяются другие. Среди них много давно умерших. Но Бориса это не удивляет, что рядом с ним идет покойный Мешенцев, а дальше Герасимов, который жив и в Париже, а там Вавич и дальше кто-то, очень знакомый, с окровавленной повязкой на простреленной шее. Толпа все растет.

– Вперед, - говорит кто-то, и за ним повторяют все: «Вперед.»

– Доколь, - спрашивает себя Шарапов, и как бы в ответ далекая звезда превращается в крутящийся и светящийся шар. «Так в кинематографе бывает», – думает Шарапов. А шар все растет, и это уже не шар, а яркая панорама, освещенная светом солнца: соборы, дворцы, толпы радостного народа, звон колоколов... И все рвется туда – вперед, к радостному яркому свету.

И вдруг все упали на колени.

Дошли! Рядом Малых на коленях и, устремив глаза на кресты, шепчет молитву: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыка, с миром, яко видят очи мои спасение России...»

Шарапов очнулся. Над ним склонилась хозяйка квартиры, старые ее глаза смотрели испуганно: «Что с вами?»

Но Шарапов молчит; зачем разрушено очарование, зачем ушла снова вдаль дивная картина, отдалилась снова достигнутая было цель. Долга и мучительна дорога до освобождения России, но путь этот должен быть пройден!

XVI
Рассказ Вавича

В этот день у Бориса жара уже не было. Он лежал, с удовольствием ощущая, как здоровье растекается по всему телу.

Неожиданно дверь отворилась, и на ее пороге остановился Вавич. Сердце сильно забилось у Бориса.

– Ты здесь! – воскликнул он.

С бледной улыбкой на некрасивом лице Вавич подошел к кровати больного и пожал ему руку.

– Садись.

– Приехал, вырвался,... никто не слышит?

– Говори свободно. Но вот неожиданность. Твой арест, наша встреча на вокзале, и теперь ты здесь...

– Да, и .., – его рот искривился натянутой улыбкой, – ... и как советский агент.

– Что это значит?

– Я завербован ВЧК.

– Вавич, не мели чушь!

– Сразу не расскажешь – это длинная история.

Шарапов смотрел на своего товарища: что с ним, не сбрендил ли, или пьян?

– Вася, да скажи, в чем дело.

Тот отвел глаза и медленно проговорил: «Целая повесть, если хочешь, расскажу, но надо начинать издалека. Если хочешь...»

–Да, хочу, говори.

– Мы с тобой последний раз говорили перед твоим уходом из Петербурга в Финляндию. Помнишь? Оттуда и надо начинать. Тебе не будет скучно слушать исповедь агента ВЧК? - снова криво улыбнулся Вавич.

– Брось, Вавич, кривляться, я слушаю.

– Так вот. Я ведь остался в Петербурге из-за болезни жены.

– Ты мне говорил - она болела легкими.

– Болела и умерла. Помнишь мою свадьбу во время войны. Ты был в отпуску с фронта. Мы были очень счастливы, потом революция, потом она заболела и начала таять как свеча. Уехать не было возможности: нельзя было больной рисковать – переход границы или бегство по льду залива. Врачи меня предупредили, что надежды нет. Я уже тогда жил на нелегальном положении, ее видал редко,

боясь навлечь на нее внимание власть имущих.

Это было тяжелое время, я тогда же втянулся в работу: с одной стороны, ненависть к большевикам, с другой, жить нелегально, не имея связи с подпольными организациями, не было возможности. Жизнь требовала документов, карточек, удостоверений, а где их было достать без помощи друзей.

Собирались мы на квартире Ниланда, только свои, с женами нашими, человек 8 – 10. Иногда не было света, горела свеча, без топлива, часто голодные, всегда усталые за день мотания по городу. Сидели, обменивались сведениями, подбодряя друг друга надеждами на возможность спасения из советского ада. Все время начеку, прислушиваясь к шуму проезжающего автомобиля – не дай Бог, он остановится у дома – обыск? Облава? Ниланд садился иногда за рояль и играл, и от этого нервы отпускали и легче дышать становилось. Долго сидели молча, мы в своих пальто, дамы, кутаясь в свои, начинающие уже трепаться, шубки. И когда Ниланд кончал свою игру, с дивана, в углу которого он всегда сидел, Сергей Говоров читал стихи. Мы все тогда особенно любили Гумилева – его творения, здоровые и смелые, особенно захватывали, они были созвучны тому, чем мы тогда жили и во что верили: «все в себя вмещает человек, который любит мир и верит в Бога.» Мы все знали опасность игры, которую играли, и вместе с Гумилевым могли повторять, что умрем «не на постели при нотариусе и враче», а, по всей вероятности, в подвале ЧК, не без помощи чекиста.

И Вавич, полный воспоминаний, декламировал:

Свод небесный будет раздвинут
Перед душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.

Со временем работа становилась все сложнее, удостоверений с печатями, вырезанными в сырой картошке (ты ведь помнишь этот доморощенный способ подделки печати), становилось недостаточно, члены наших организаций поступали в учреждения, начали брать должности в арсеналах, складах, повсюду. А жизнь моя

шла по-прежнему: без дома, холодный, голодный, при постоянной опасности быть схваченным, преданным случаем. После смерти жены я полностью ей отдался – этой опасной игре. Многие гибли, но мне как-то удавалось работать без «засыпа», несмотря на то, что ходил и за границу. Но вот пришел и мой черед, и я засыпался как новичок, так глупо, так по-детски. Правда, чувство осторожности притупляется со временем. В результате, я снова здесь, но прибыл в стан белых как агент ВЧК.

Вавич замолчал, уставившись в угол комнаты. Шарапов наблюдал за ним, теряясь в догадках.

– Было так. Я шел сюда, имея, кроме устного поручения, томик рассказов Зощенки, в котором было зашифровано главное сообщение. Место перехода и проводник мне были даны отсюда. Когда я на условленном месте нашел проводника, он мне сообщил, что надо идти дорогой, которую он плохо знает, а потому предложил обратиться к его другу, в соседнюю деревню, тоже как и он контрабандисту – тот, мол, знает границу как свой карман.

– А ты его хорошо знаешь? – осведомился я.

– Ну как не знать, мальчонками вместе росли, друзья закадычные, кумовья, ближе брата он мне, за меня он в огонь и в воду.

Я торопился исполнить свое срочное поручение. Уговорил, пошли.

Кум и закадычный друг держал постоялый двор на самом шоссе. После длительных и запутанных переговоров он согласился вести: «Я тебе говорю, Колька, – обращался он все время к проводнику, – брось дело это. Ну, да если уж очень хотишь, помогу.»

Мы остались у него на сеновале. Наутро, после его возвращения с мельницы, условились выходить. Было еще темно, когда хозяин уехал, часа через четыре он вернулся, сгрузил мешки, все казалось в исправности, сели закусить. Появился самогон. Конечно, я пил мало, но проводник мой быстро хмелел. «Кум» мне все меньше и меньше нравился, глаза у него бегали. Я торопил с выходом, но кумовья не торопились, болтали между собой, вспоминая общих друзей, общие попойки.

И тут случилось что-то страшное. Выглянув в окно, я увидел зеленую фуражку... пограничники!!!

Я метнулся в соседнюю комнату с одной мыслью – уничтожить томик Зощенки, попал в чулан без выхода, в котором были сложены мешки, рухлядь всякая. Успел лишь забросить книжку за мешки

и выскочил обратно в тот момент, когда в дверь, толкаясь, вбегали красноармейцы.

– Стой! – закричал их старший, – хотя я вовсе никуда не бежал (да и куда было бежать!), и схватил меня за ворот толстовки. Кто-то меня схватил за руки, скручивая их за спину.

– Попался, сукин сын, – снова заорал старшой и ударил меня револьвером по лицу. Кровь брызнула у меня изо рта, и я зашатался, выплевывая сломанные зубы.

– Вот, видишь, здесь, - показал Вавич.

Рядом скручивали руки моему проводнику, и он визжал, как подстреленный заяц. Его «кум» и «приятель», «почти брат» исчез из комнаты, и мы видели лишь его спину, когда нас сажали на телегу, чтобы везти в Ямбург.

Меня тщательно обыскали, в мешке нашли купленные мною для Ревеля газеты и воинские уставы.

– Сознавайся, сволочь! – иногда при этом орал товарищ старшой. Но сознаваться-то было не в чем – все было так ясно.

Вдруг меня обуял ужас: шаря в помещении, один из пограничников набрел на томик Зощенки.

– Я, вот, книжицу нашел, товарищ начальник.

– Твоя? – грозно заорал последний.

Собрав последние силы, с трудом справляясь со своими вздувшимися губами, я, по возможности твердым голосом, ответил: «Нет.»

Старшой покрутил книжицу, перелистал ее.

– Брось, верно хозяйская.

Камень свалился с сердца – ведь это было единственное «вещественное». Не буду описывать наше путешествие в Ямбург и шествие с приставленными в спину дулами, сначала в одиночную камеру, а оттуда на допрос.

Опрашивавшему меня чину ВЧК буду век благодарен. Я боялся крика, побоев, я так не терплю всего этого. Но он меня встретил спокойно и так же спокойно сказал:

- Вы человек интеллигентный, а потому должны понимать свое положение, вряд ли вам удастся избежать высшей меры наказания (расстрела). Чистосердечным признанием вы, все же, избежите много неприятностей и лишних допросов, – слегка подчеркнул он.

Я понял его намек и обещал полное сознание.

– Хотите чаю? Вот папиросы. Я вас оставлю на время одного,

соберитесь с мыслями. Помните, что вы все время под наблюдением и не делайте глупостей. Поняли?

Я мотнул головой. Он вышел.

Что делать? Мысли бежали скоро, скоро. Я залпом выпил чай, обтер запекшуюся на лице кровь. Что делать? Доказать мне ничего не могут. Зощенко не находится в числе вещественных доказательств, в мешке найдены были уставы и газеты, мой проводник знает только, что я иду в Ревель, и ему известно лишь мое фальшивое имя. Вот те вехи, что я установил... Вывод: врать под видом полного признания, врать и врать...

Он вернулся все такой же спокойный: «Подумали?»

– Я решил во всем признаться.

– Вот и хорошо. Говорите.

И я заговорил, облекая в плоть ту мифическую личность, в шкуре которой я сидел перед чином ВЧК. Описав свое прошлое, я дошел до отправки меня в Петроград по поручению военного штаба иностранного государства. И чем дальше я говорил, тем искреннее лилась моя речь, и моя мифическая личность получала краски, жизнь – реальность.

– Вот и отлично, - сказал мой собеседник, – запишите все это.

На составление моего жизнеописания потребовалось больше часа. Тщательно запоминая все написанное, я как-то вживался в новую роль Василия Телякова, агента иностранного государства, пойманного с поличным при попытке перейти границу.

Дальше меня и моего злополучного проводника, опять же с приставленными к спинам дулами, доставили на станцию и повезли в Петербург, а там отправили на Гороховую, где за мной замкнулась дверь одиночки.

XVII

Рассказ Вавича (продолжение)

Вавич замолчал.

В это время постучали в дверь. Оба невольно вздрогнули, но это была лишь хозяйка, которая, поставив керосиновую лампу на круглый стол посреди комнаты, тихо вышла.

– Какая тишина, - сказал, чтобы прервать молчание, Шарапов, – так тихо бывает лишь в таких маленьких городках; в западных столицах не так – вечные гудки, скрежет трамваев, грохот железных дорог.

– Эта тишина вызывает у меня воспоминания далекого и близкого прошлого, – снова нервно заговорил Вавич. – Одна картина детства в деревне. Мы уже в кроватях, а на столе, за которым работает старушка няня, вот такая же керосиновая лампа под зеленым абажуром. Тишина такая, что в ушах звенит и теряешь ощущение бытия. Откроешь один глаз (два уже трудно – сон одолевает), хочешь проверить, все ли на месте. Няня за столом штопает чулок и иногда постукивает наперстком по грибу, чтобы сгладить штопку, и это – единственный звук. Изредка лишь, как бы из другого мира, доносится колотушка сторожа Ефрема. Ему было за 70 лет, и ему была поручена охрана усадьбы. Подумай только, это было всего двадцать лет тому назад, и вся Русь спала тогда еще без запоров! Помнишь? А теперь!

Вторая тишина, мною недавно пережитая, тишина одиночной камеры на Гороховой. Жуткая, страшная, могильная тишина. Одиночки расположены во внутреннем здании, вокруг коридор, по которому ходит стража, дверь в камеру открывается неслышно, точно дверь сейфа, только движение воздуха чувствуешь. В дверях – глазок, через который, не входя, стража за тобой наблюдает. Обстановка: кровать, стол, табурет, «параша». Окно высоко, в него виден лишь клочок серого петербургского неба. А вокруг тишина – мертвая, беспощадная.

Все первые дни своего заключения я провел, нервно ходя из угла в угол: пять шагов по диагонали, крутой поворот на каблуках и снова пять шагов до противоположного угла.

Ночью не спал, знал, что это время допросов, расстрелов. Да, забыл сказать, что все стены камеры были испещрены надписями, сделанными сидевшими в ней до меня смертниками. Ужасные надписи, полные отчаяния, порой злобы или гордой обреченности, иногда с бессильными проклятиями или богохульствами. Их невольно читаешь, хотя отлично сознаешь, что они тебя еще больше выводят из равновесия, приближают к сумасшествию – эти немые крики отчаяния в этом проклятом склепе молчания. Эти надписи не стирались, наоборот, у меня создалось впечатление, что они поддерживаются, составляя продуманное мучение смертникам со стороны палачей ВЧК. Больше того, я вполне допускаю, что некоторые из них составлялись каким-нибудь садистом типа Якобсона, следователя по делу Гумилева, так как дойти до такого безысходного отчаяния, до таких дерзких вызовов Богу не мог никто из нас.

Наоборот, у меня в одиночке, в этой тишине, не заглушаемой внешними впечатлениями, сильнее заговорил голос веры. Там я впервые заметил, как мы все не умеем говорить с Богом, и, стоя на коленях, с глазами, обращенными к грязному лоскутку неба, я тоже не знал, что сказать. Я тогда начал вспоминать слова молитвы и скоро убедился, что прав был Лермонтов, когда говорил, что «есть сила благодатная в созвучьи слов святых». Помнишь, в корпусе нас заставляли учить наизусть 90 псалом: «Живый в помощи Вышняго... на аспида и василиска наступиши...» Помнишь? Ну вот, его чаще всего я и читал, и в данной обстановке слова его начинали приобретать для меня особое значение.

Во время одной из моих молитв в камеру вошел страж. Я встал с колен.

– Молишься, – с неопределенной улыбкой сказал он, – думаешь, твой Бог тебе поможет? Не поможет!

Меня это издевательство взорвало.

– Да, молюсь, и верю, что Бог мне поможет выбраться живым из ваших лап, и верю, что Он вас покарает, и тебя – в первую очередь, собака!

Было приятно прервать тишину этим бешеным выкриком. Что было мне терять, смертнику. Страж поднял на меня глаза, но они у него забегали, и он отвел их в сторону. Покачав головой, он молча вышел.

Через несколько дней пришла комиссия, опрашивающая заключенных о их нуждах.

Я решил использовать этот случай, чтобы из ответов комиссии «нащупать» свою судьбу. Обращением я был доволен, едой также, но я хочу писать, заявил я, я хочу читать. Комиссия отклонила мое желание: каждый из «пациентов» имеет свой режим, и отступлений от него не делается. Мой режим – одиночное заключение без книг и бумаги.

Ответ этот не дал мне никакого ключа к моему положению, ничего не дал «нащупать». Да, по правде сказать, чего я ждал – пойманный на месте преступления шпион – чего, кроме высшей меры наказания? Страшили допросы, их я боялся, но сомнения в неминуемости смерти не было. А вдруг произойдет чудо, Бог поможет, но отчего именно мне, чем я лучше всех этих смертников, оставивших после себя лишь эти надписи на стенах, чем я лучше многих моих

друзей, погибших до меня. Кто не пережил одиночного заключения, тому трудно себе представить настроения смертника, заживо погребенного в этом проклятом сейфе, в этом гробе, крышка которого крепко пригнана.

Но вот настал и мой черед, или мои палачи решили, что мои нервы достаточно развинчены, и я стал податливее. Вечером дверь отворилась, и вошел чин ВЧК; в коридоре видны были фигуры конвоя.

– Следуйте за мной.

– С вещами? – для чего-то спросил я, верно, чтобы оттянуть время.

– Без вещей. В пути следования не оборачивайтесь, не смотрите ни направо, ни налево. Нарушение порядка не допущу.

Пошли. Спереди один, сзади другой конвоир и чин ЧК. Короткие команды: направо, налево, по лестнице вверх, вниз, не смотри направо. Дошли до какой-то двери: «Стой», – он вошел один и, почти немедленно, ввел меня в комнату, обставленную как рабочий кабинет, мягкое освещение, удобные сидения.

За столом бритый человек, которого я при всем желании не знаю, куда отнести: еврей или грузин, но, может быть, и русский, манеры ни в чем себя не выдающие. Он спокойным голосом пригласил меня сесть, протянул мне папиросы (а я не курил столько дней), подали чай.

Глотая слюну волнения, я закурил и ждал что будет, но он, видимо, не торопился.

– Ну, расскажите, – сказал он наконец.

– Что рассказать?

– Как дошли вы до жизни такой, – улыбнулся он, но в улыбке его не было ни издевательства, ничего «дьявольского», – все было просто и, так сказать, на своем месте.

Я повторил свой рассказ о завербовке меня разведкой иностранного государства, иллюстрируя свой рассказ вымышленными лицами и фамилиями.

– А дальше?

– Что дальше?

Меня интересует, где вы были раньше и как попали в Ревель.

Пришлось свою легенду развить экскурсией в Берлин, описать царящую там безработицу, приезд в Ревель в поисках работы, попытку найти заработок на строящемся аэродроме, вербовку.

– Ну, и дальше!

– «Дальше» не было, я все рассказал.

– Жаль, что вы говорите неправду, – медленно протянул он.

Мелькнула мысль: может, он все знает?

– Я сказал правду, - тихо проговорил я.

– А генерала Кулакова вы знаете?

Сердце забилось, спасения нет – он все знает. Сознаться? – нет, сознание – предательство. Почти как автомат я отвечал: «Я его знал по армии.»

– Перед отъездом сюда его не видели?

– Нет.

– Нет? – быстрый взгляд на меня, потом он покачал головой: «Жаль, что вы не сознаетесь и... затягиваете свое дело.»

Я молчал и мысленно молился: «Живый в помощи Вышняго...»

– Все равно ни одному вашему слову я не верю.

Уставившись ему в переносицу (мне кто-то когда-то говорил, что это верный способ подчинить собеседника своей воле), я продолжал молчать.

– Жаль, что вы не хотите сказать правду, быть может, мы сговорились бы тогда.

Что значит это «сговорились»? Провокация! Какой может быть сговор между удавом и кроликом. И потом вдруг:

– Я не верю ни одному слову вашего показания, я мог бы рассказать вам вашу историю гораздо более правдиво, но мне все же импонирует ваше упорство, когда вы знаете, что, быть может, от вашего признания может зависеть ваша жизнь.

Я нервно глотнул слюну.

– Должен сказать, что такие люди, как вы, и нам нужны. Жаль, что приходится их уничтожать, когда они могли бы служить и приносить пользу нашей стране. Не их, а всех этих Кулаковых, все эти осколки старого мира надо бы уничтожить. Да, да, они шлют на смерть людей как вы, и для чего? Они шлют вас на грязное дело, подстрекают на измену своей стране. Мы все равно победим, что бы ни делали Кулаковы и компания. Старый мир не вернется. Нам еще трудно, нет людей, нет времени, чтобы сделать все, что надо, – вот и я, как видите, работаю по ночам, сижу с вами вместо сна, отдыха. И так повсюду, все перегружены, из-за этого много промахов, а спецы саботируют. Приходится обходиться случайными людьми, не всегда чистыми... Нам нужны честные работники, а потому мы зовем к себе всех. Смотрите, как много уже сделано, какие успехи в строительстве,

какая широта в планировке. Америка может нам завидовать. Мы покончили со спячкой прогнившего старого режима, с его дегенеративным укладом жизни, и искореним навеки его предрассудки и мракобесие. Довольно он держал народ во тьме. Мы подымем всю страну на дыбы, пустим ее вскачь, мы перегоним Запад, и он от нас научится, как надо жить и работать.

– Неужели вы все это не видите, не признаете нашего успеха, не чувствуете нашей динамики... Я вам говорю – мы были бы еще дальше, если бы не палки в колеса со стороны всех этих империалистов Запада и всех этих «вождей белого движения», подстрекающих Запад на интервенцию в наши дела.

Он говорил долго и с убеждением, и должен признаться, что этот человек, безусловно, имел какую-то гипнотическую силу. Я иногда замечал, что воля к сопротивлению у меня начинала слабеть, и я начинал поддаваться гипнозу его убеждения. Но тут же я волею побеждал эту слабость и повторял: «... на аспида и василиска наступиши...», - вкладывая в эти слова образ сидящего передо мною соблазнителя.

Когда он, по-видимому, решил, что я «готов», он прервал свою речь.

- Ну, вот, поговорили (однако говорил он один), идите и подумайте.

О чем думать, было весьма неясно, он же мне ничего не предлагал. Я встал, и снова началось шествие: направо, налево, вверх, вниз, стой. Бесшумно открылась и закрылась дверь моего склепа.

XVIII
Рассказ Вавича (продолжение)

Не знаю, какие дни моего заключения были тяжелее: до допроса, когда я боролся, боролся с отчаянием, охватившим все мое существо, и со страхом грозившего мне расстрела, или после допроса, когда пришлось встретиться лицом к лицу с сомнениями и соблазнами.

Вспомнив весь наш разговор со следователем, я уяснил себе, что он мне предложит службу у большевиков. Ясно, что будет предъявлено условие – предательство своих. Служба «стране своей», как он выражался! Но служба может быть разная: по строительству, долженствующему обогнать Америку, или просто в ВЧК. Передо мной была поставлена альтернатива: или смерть, или предательство, которым я куплю свою жизнь. Голова была как в огне, мысли вспыхи-

вали и потухали в ней как молния. Я старался их систематизировать, привести в порядок, и с ужасом устанавливал, что этот порядок был ничем иным, как старанием рассудка оправдать то, что сердце называло предательством. Я в эти дни убедился в том, что человек может совершить любую подлость, любое зверство или преступление, только бы ему найти оправдание этому поступку.

Мой второй вызов к следователю наступил неожиданно скоро. По тому, как взволнованно билось мое сердце, я мог судить о своей полной неподготовленности к разговору с товарищем Алатырским и отсутствии какого-то ни было решения. Если бы меня вели на расстрел, я бы, пожалуй, меньше волновался.

– Что же вы решили? – был его первый вопрос.

– Вы мне ничего не предложили, – уклонился я.

– Разве вам неясно, – с оттенком раздражения сказал он, и в коротких фразах, уснащенных все теми же ссылками на работу на благо «страны», он изложил свое предложение: я должен поступить на службу в ВЧК, за что получаю свободу и жизнь.

И вдруг у меня в сердце что-то будто захлопнулось, и я заговорил, вполне владея собой, как автомат, будто разговор велся не обо мне, а о ком-то, мне постороннем.

– Вы мне предлагаете измену, – играя возмущение, сказал я.

– Я вам предлагаю службу нашей стране, – парировал он.

– Спасибо, - криво улыбнулся я, – но что скажут мои товарищи и друзья. Кто поверит искренности моей службы Рос... стране и не назовет это просто предательством.

– Плевать вам на то, что думают другие, если вы сами верите, что служите благу своей страны. Кроме того, им знать это нечего!

– Я не могу!

– Подумайте. Я вас оставлю здесь одного ненадолго. Когда вернусь, ответите – какую путевку вам выписать: в «штаб Духонина» или «путевку в жизнь».

Он вышел.

Я сам на заметил, как принял решение: я не предам никого, приму предложение и вырвусь на свободу.

По его возвращении, после нескольких наигранных истерических выкриков в защиту своих белых риз, я дал согласие. Он заулыбался, пожал мне руку и уже другим, дружески-деловым тоном продолжал разговор.

– А теперь расскажи о себе, – сказал он, переходя на «ты», подчеркивая этим и свое доверие, и мое новое положение близкого сотрудника своего.

Я съежился, было противно: – Я все рассказал, – холодно произнес я.

– Хорошо, бросим это. Как же ты представляешь себе свою работу?

– Я еще не думал об этом, ведь я новичок в этом деле. Я здесь никого не знаю. Что я могу сказать?

Он помолчал, как будто что-то соображая.

– А если я тебе предложу поездку заграницу, где ты попадешь в среду, тебе знакомую. Как офицеру, тебе легко втереться в военные союзы, к Кулакову, который нас особо интересует, стать, быть может, его доверенным человеком...

Сердце у меня, сам понимаешь, билось, готовое разорваться, но я выразил на лице сомнение.

– В военные союзы попасть нетрудно, но к Кулакову пробраться, думаю, не легко. И вдруг, будто спохватившись: – Заграницу мне путь вообще закрыт, ведь я столько отсутствую, как я объясню мою неявку в условленный день. Нет, заграницу ехать невозможно.

– Отчего, отчего? Я тебя отправлю немедленно. Тянуть нет основания. Если ты решил работать, надо начинать как можно скорее и доказать свою преданность нашему правительству.

Разговор принял столь неожиданный оборот, и я разыгрывал свою роль так уверенно, что мне все казалось, будто не я говорю, а кто-то другой за меня. Да и весь «договор» был настолько необычен, что невольно зарождался вопрос: всерьез ли это, я ли ему лгу, или он надо мной издевается, или мы оба надуваем кого-то третьего. Не ВЧК ли?

Он изложил мне план моей шпионской работы в среде военных организаций заграницей, указал лиц, с которыми мне надлежало связаться. Между прочим здесь, с Петром Илларионовичем.

На прощание он мне, так, между прочим, дал бумагу и карандаш, с просьбой записать все о себе и то, что я знал о воинских организациях заграницей.

– Сегодня я тебя выпущу. Вещи свои получишь обратно, деньги тоже. Переспи в городе и позвони мне завтра с утра, – и он мне дал номер своего телефона. – А там – сразу в путь.

– А бумаги?

– Паспорт и все нужное я заготовлю, – заключил он, покровительственно похлопывая меня по плечу.

XIX
Рассказ Вавича (продолжение)

Покинув ночью ЧК, я первое время шел по улице не оборачиваясь, держась ближе к стенам домов, мне казалось, что непременно кто-то должен был за мной следить. В свободу свою я все еще не верил. Лишь отойдя несколько кварталов и завернув за пару углов, я обернулся – во всю свою длину улица была пустынна и темна. Никого... Я постоял, подождал, слежки, как будто, не было. Надо было позаботиться о ночевке, но спать не хотелось; обдумать свое новое положение, но, по правде сказать, я боялся того момента, когда надо будет думать, решать. Я шел вперед по знакомым и дорогим улицам города, теперь таким запущенным и опустившимся... ну, да ты теперь сам знаешь, на что нынче похож наш красавец Санкт-Петербург.

Но все же надо было думать о пристанище на ночь: идти в одно из мест своего жительства в эти годы я не мог. Вошел в первую попавшуюся на пути гостиницу и протянул сонному швейцару свой паспорт.

– По такому документу пустить не могу, – был лаконичный ответ.

Отчего? Расспрашивать нельзя было, я предпочел выкатиться подобру–поздорову. Дойдя до фонаря, начал изучать свой документ и определил, что он выставлен в провинции. Все стало ясно: с провинциальными документами впускать в столичные гостиницы запрещено.

Что делать? Тут у меня мелькнула мысль: я вспомнил, что около Николаевского вокзала есть гостиница, которую мне советовали всячески избегать, так как она числилась за ВЧК. Кому, как не мне, новоиспеченному агенту Гороховой, пользоваться уютом этого заведения.

В гостиницу я был принят без затруднений и спал до утра как убитый. Посмотревши в зеркало, я ужаснулся. Из грязной, засиженной мухами рамки глядела на меня заросшая волосами и встрепанная образина. Надо было привести себя в порядок, но до этого позвонить Алатарскому.

С развязным видом я заказал швейцару данный мне следователем телефон. Когда я взял трубку в будке, она вся покачнулась под нажимом прильнувших к ней снаружи ушами швейцара и его по-

мощника. На том конце провода я услышал приятный баритон моего нового начальника, обещавшего еще до обеда быть у меня и привезти с собой «человека», в обязанности которого будет входить «усыпать, где надо, твой путь розами», – заключил он свой разговор.

Мой престиж в гостинице после подслушанного разговора возрос необычайно, что не помешало, конечно, персоналу перерыть мои вещи, пока я брился у цирюльника.

Пока меня стригли и брили, я задумался о своем положении. У меня родилась мысль, оставив вещи в гостинице, бежать; слежки за мной не было, деньги были при мне. Но я так устал, был так надломлен, воля ослабела, сил не было, и я решил, идя по линии наименьшего сопротивления, ждать событий.

Визит следователя был краток, но плодотворен. Еще раз обо всем условились.

– Я подумал обо всем, – заключил наш разговор Алатарский, – я поручил Савельеву, – указал он на приведенного с собою субъекта, – купить тебе газеты и присоединить их к имеющимся уже у тебя номерам, а то образовался бы провал за время твоего сидения. Если еще что-нибудь надо, скажи. Мы перед отъездом твоим больше не увидимся. Желаю счастья, успеха и жду тебя, непременно в установленный срок, – подчеркнул он со странной улыбкой. – Будь точен, ведь ты не заставишь меня искать тебя там.

Что это значило: угроза, намек? Он протянул мне руку, наши глаза встретились на секунду, но мы их тотчас же отвели.

XX

Рассказ Вавича (заключение)

Мы остались с Савельевым одни. Он был неприятного вида человек и стал мне еще более антипатичен, когда рассказал о себе. Повесть жизни этого студента, призванного во время войны, воевавшего в архангельских отрядах против красных, а теперь чекиста, вместо рассчитанного впечатления вызвала во мне лишь чувство омерзения и злобного отвращения. Как в зеркале я увидел, во что я превращусь, если исполню задание Алатарского. Разговор с Савельевым был как удар бича по загнанной и теряющей свои последние силы кляче. Мой мозг снова заработал, и воля стала целеустремленной. Но внешне я сохранял к нему доверчивое и хамски-панибратское отношение. Мы пили с ним принесенную им водку, и он хвастал мне благами жизни,

достигнутыми им своей верной службой советам, на фоне всеобщей нищеты.

А на другой день – наша с тобой встреча на вокзале, могущая стать роковой для нас обоих.

– Спасибо, Вася, что ты так ловко предупредил меня, – перебил его Шарапов, – хотя, если бы я был внимательнее, я по пальто твоего компаньона сразу мог бы определить его принадлежность к Гороховой. Меня предупреждали об этих пальто.

– Да, да. Эти плащи, партия которых была закуплена заграницей, полностью поступили на нужды служащих Гороховой. Немедленно об этом стало известно в городе, и людей в «синих непромокашках» легко было опознавать, как агентов ВЧК. Вот эта халатность в мелочах и, с другой стороны, педантично разработанная система приемов и ухваток типичны для этого учреждения.

– Ну и что дальше?

– В сопровождении все того же чекиста я прибыл в Ямбург, где мне дали пограничника для провода до границы.

До самого моего прибытия на эстонский пограничный пост я не верил в возможность того, что со мной происходило. Какие у меня были гарантии, что чину пограничной стражи, меня теперь сопровождавшему, не было дано приказание меня по дороге пристрелить? Во всяком случае, когда я слез с таратайки, подвезшей нас к границе, и остался с пограничником с глазу на глаз, я решил быть начеку. Когда же я заметил, что он, идя по лесной дороге, пытается меня пропустить вперед, я определенно стал этому противиться и, сжимая в кармане браунинг, начал маневрировать так, чтобы оказаться в более выгодном положении. Ему мои маневры были ясны: его доверие ко мне было не больше моего к нему, и я неоднократно ловил на себе его злобный и настороженный взгляд. Вот этак, ощетинившись, как два озверевших пса, шли по направлению к лазу двое верных слуг Советского Союза.

Уже темнело, когда он мне указал место моего перехода. Момент нашего расставания был облегчением для нас обоих, но до самого того момента, когда я нырнул под проволоку, мне мерещился на затылке холод револьверного дула и из-за каждого куста пуля человека в зеленой пограничной фуражке.

Казалось, мои злоключения были закончены. Я приехал в Ревель, переоделся в остававшееся у меня заграницей платье, выбрился своим «жилетом», набил папиросами портсигар (еще отцовс-

кий), положил в карман свой «ватерман» – словом, стал человеком. Ты теперь себе можешь представить удовольствие: после грязного белья, засаленной толстовки, полного отсутствия комфорта, придя сюда, снова себя почувствовать человеком, имеющим право на ношение чистого костюма, портсигара, самопишущего пера, коротко говоря, всего того, что составляет внешние признаки цивилизованного человека. Но здесь произошло со мной что-то ужасное, хуже, пожалуй, всего пережитого.

– Да что могло случиться?

– Слушай! По приезде я немедленно переслал заказанные мне газеты и уставы по назначению. Петр Илларионович был, как на несчастье, в отъезде, а потому рассказ о своих злоключениях я отложил до его приезда. Вчера он меня вызывает и говорит, что произошла пренеприятная история: при перелистывании привезенных мною уставов была найдена записка, подписанная Алатарским, о моем освобождении с Гороховой. Я все рассказал Петру Илларионовичу, и он мне посоветовал все так же подробно изложить людям, помогавшим мне при последнем задании. Я это сделал сегодня утром. Моя сегодняшняя исповедь была принята с большим интересом. Еще бы! Это редкий случай – рассказ прибывшего с того света. Все записали, благодарили за технические подробности, но, судя по натянутым улыбкам при прощании, мне не поверили. Ты поймешь мой ужас, когда я это заметил. Быть может, это уже больная подозрительность, но мне кажется, что и Петр Илларионович сомневается во мне.

– Отчего эта записка оказалась между листочками устава? Был ли это умысел или недосмотр? Система или халатность? Впрочем, не все ли это равно теперь!

Вавич вскочил с места и нервно заходил по комнате.

– Не все ли это равно теперь, когда я на всю жизнь заклеймен подозрением в измене, предательстве, когда каждый меня может назвать сексотом, и я никак не могу доказать свою невиновность! Меня завербовали? –завербовали! Я дал свое согласие? – дал! Так в чем же дело? Чего я хочу?

– Постой, Вавич, ты не прав, ты не изменил, ты не предал.

– Знаю, но как доказать это. Как объяснить наличие этой проклятой записки. А кроме того, будут все равно говорить, что я сделал подлость: надо было умереть, но не давать согласия. Ты знаешь, как легко требовать геройства и смерти от других и как трудно умирать самому героем, в особенности в подвале ЧК, одному, без поддержки,

без «чувства локтя», как у нас говорили в армии. Ты же видишь, даже Петр Илларионович сомневается во мне.

– Ты бредишь, Вавич, у тебя мания преследования. Тебе показалось, будто Петр Илларионович потерял веру в тебя. Наконец, я с ним поговорю.

– Да он ли один, за ним наш Мартынов, потом Кулаков, суровый Кулаков, который не признает слабости.

– Прости, но разве ты что-либо сделал позорное, что-либо против нашего общего дела, предал ли кого-нибудь? Нет и нет! Ты лишь спас свою жизнь.

– Но у меня ведь нет доказательств того, что все, что я говорю – правда. Кто мне поверит, кто защитит? Встань в их положение... Эта записка... Да, кроме того, весь мой случай такой необыкновенный...

Шарапов выпрямился на кровати и почти резким голосом заговорил:

– Довольно! Быть может, твой случай и выяснится, но теперь ты бредишь, нервничаешь, близок к истерике. Это недостойно ни тебя, ни всего того, что ты за эти годы совершил. Ты говоришь – тебе не поверят, ты говоришь – тебя осудят, будут показывать пальцем как на сексота, агента ВЧК и т.д. Так знай, что этого не будет. Ты здесь не один, хоть сильно поредели наши ряды, хоть многие звенья выпали из цепи, нас соединяющей, но все же мы едины, и нас достаточно, чтобы поднять голос в защиту своего товарища, в честности и чистоте которого мы не сомневаемся. Будь спокоен, что наш священный союз, осененный знаком Мальтийского Креста, не пустое слово, и что мы сумеем защитить в стане Белых ОДНОГО ИЗ СОРОКА ТРЕХ.

***(От редакции:** Публикуемая впервые в «Кадетской перекличке» историческая повесть «Один из сорока трех» полковника А. С. Гершельмана описывает истинные события, но под вымышленными фамилиями, как это было отмечено в предисловии дочерьми автора, в № 74 «Кадетской переклички». Кроме того, изменены некоторые географические названия. В этом предыдущем номере уже были опубликованы Часть 1 и Часть 2 повести, относящиеся к периоду до Катастрофы и к периоду Гражданской войны. Ниже публикуемая Часть 3 относится к периоду Изгнания. Описываемые в ней события имели место в конце двадцатых годов прошлого века. Полковник А. С. Гершельман скончался в Аргентине в 1977 году.)*

ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА

15-ая Юбилейная Встреча Сан-Францисского Объединения

С 3-го по 11-ое сентября 2003 года в Санта Розе, в отеле Фламинго, Сан-Францисское Кадетское Объединение устроило «15-ю Юбилейную Встречу кадет и друзей». Первая «Встреча» была организована там же в 1989 году. По отзывам присутствующих, эта последняя «Встреча» прошла весьма удачно и полностью удовлетворила всех участников. В день приезда тон задали наши милые неутомимые дамы, устроившие великолепный вечер в зале отдыха, в так называемой Garden Room. Обед был обильный, и настроение у всех было прекрасное.

После еды гости расположились в уютной комнате, и стало раздаваться пение группы любителей вокала, собравшихся вокруг одного из столов.

На следующий день, как и во все последующие дни, утром завтрак и вечером обед были сервированы гостиницей в главном зале. С первого дня начали показывать интересные русские видеофильмы. В четверг 4-го сентября, днем, редактор нашего «Бюллетеня» К. Ф. Синькевич познакомил слушателей с готовящейся к печати прекрасной книгой своих воспоминаний.

Вечером в главном зале состоялось официальное открытие «Встречи». После молитвы, председатель Объединения Игорь Козлов приветствовал всех присутствующих дам, гостей и однокашников, кратко указав цели и задачи Кадетских Объединений за рубежом и, в частности, Сан-Францисского Кадетского Объединения. Среди гостей он приветствовал консула-советника России в Сан-Франциско И. Ю. Кочеткова, председателей Кадетских Объединений в Нью-Иорке Д. Горбенко с супругой, П. Карасика с супругой во Флориде, И. Андрушкевича с супругой в Аргентине и всех членов Объединений из других штатов. Приветствовал также председателя Обще-Казачьего Союза атамана В. П. Метленко и пожелал

всем присутствующим богатырского здоровья и кавказского долголетия.

После приветствий уважаемого консула-советника и господ председателей Объединений, все участники перешли в зал отдыха, где веселье, как и каждый вечер, продолжалось глубоко за полночь.

На следующий день днем состоялось общее собрание всех участников «Встречи», на котором обсуждались вопросы будущей деятельности наших кадетских объединений. Собрание оказалось плодотворным и во всех отношениях полезным.

Вечером в главном зале состоялся парадный ужин, танцы и прекрасное выступление нашего знаменитого Володи Мартыненко. Состоялся также розыгрыш золотой лотереи. Тут необходимо упомянуть лиц, участвовавших в организации и проведении этой лотереи. Возглавлял ее кадет Александр Писарев с помощниками Наталией Ивановной Писаревой и Екатериной Святославовной Данич. Доход от продажи лотерейных билетов оказывает необходимую поддержку нашей благотворительной деятельности. Большое спасибо всем, купившим билеты, а также и всем, оказавшим содействие в их приобретении.

В этот вечер нас посетили председатель Конгресса Русских Американцев Г. Б. Авизов с супругой и управляющий Домом Русского Скаута скаутмастер ОРЮР-НОРС М. В. Николаев с супругой.

Днем в субботу в саду отеля был устроен «Пикник», который посетили более 100 человек. Богатая лотерея под руководством Аллы Борисовны Шереметовой и нескольких дам-тружениц оказалась весьма популярной. Пикник прошел с большим успехом. Прекрасные, обильные блюда… шампанское и другие напитки…

Вечером в главном зале имели место доклады С. Н. Забелина и его супруги Ксении Ивановны об их поездке в Россию. Интересный обзор с обстоятельными сообщениями.

Утром в воскресенье гости направились в храм свв. Апостолов Петра и Павла на литургию, а после этого в 2 часа дня поехали на выступление знаменитого танцевального ансамбля, прибывшего в Калифорнию из Красноярска. На выступление приехала наша группа из 70 человек. Прекрасный ансамбль. Отличное выступление. После этого – ужин и вечер в зале отдыха.

В понедельник состоялось Общее собрание кадет, на котором поднимались вопросы об устройстве следующего 18-го Съезда, посещении кадетских корпусов в России, укреплении связи с Суво-

ровцами и Нахимовцами и обсуждался план работы зарубежных кадетских объединений. После собрания, председателями Аргентинского и Сан-Франциcского Объединений было составлено заявление, которое было отправлено председателю Президиума 17-го Обще-Кадетского Съезда на рассмотрение и утверждение Президиума.

Вечером в главном зале состоялось долгожданное выступление кадета Михаила Скворцова, прошедшее прекрасно, с большим успехом. К выступающему поступили просьбы подготовить подобный вечер на одном из праздников Объединения в Доме Ветеранов в Сан-Франциско.

В последующие дни программа оказалась несколько измененной, хотя основное расписание оставалось нетронутым. Участники имели возможность познакомиться с изданной кадетом Юрием Мордвинкиным своей книгой «Белогвардейцы». Книга отлично издана на русском и отдельно на английском языке и безусловно заслуживает нашего внимания. Участники также имели возможность посетить казино и винодельное предприятие, посмотреть ряд видеофильмов, пользоваться бассейном и отдохнуть на природе.

В среду 10 сентября был устроен прощальный ужин, и состоялось закрытие «Встречи». В четверг после завтрака прощались и желали друг другу всего наилучшего до следующей встречи или Съезда.

Необходимо сказать, что кадетская «Встреча» оказалась весьма полезной как в отношении хорошего времяпрепровождения, так и в идеологическом смысле. Все стали как бы еще дружнее, еще ближе друг к другу. Не может быть сомнения, что, обновленные этой встречей, мы духовно зарядились для нашей дальнейшей патриотической работы. Поэтому хотелось бы поблагодарить всех тех, кто постарался сделать эту «Встречу» такой удачной. Спасибо, большое спасибо нашим дамам! Благодарю Алешу Истомина, Юру Пишенина, Света Данича, Алешу Могилева, Славу Забелина, Юру Куманского, Жоржа Шиллера, Костю де Гардера, Константина Амосова (бар), Тима Авзенхарт (бар) и всех незаметных тружеников, которых случайно мог пропустить.

Бог в помощь, дорогие кадеты и друзья!

Игорь Козлов

Предложения Кадетской Встречи

От 3-го до 11 сентября 2003 года, в городе Санта Роза, Калифорния, состоялась 15-ая годовая Встреча Сан-Францисского Кадетского Объединения, в которой приняли участие также и кадеты из других Объединений, в том числе Нью-Иоркского, Аргентинского и Флоридского.

На закрытом собрании кадет 8-го сентября, вице-председатель Нью-Иоркского Объединения Д. Горбенко внес следующее предложение от имени этого Объединения:

1. Поручить Нью-Иоркскому Объединению устроить следующий 18-ый Кадетский Съезд в 2004 году за рубежом, в месте по усмотрению этого Объединения.

2. Обратиться к кадетам, закончившим Кадетские Корпуса в России, с предложением устраивать свои Кадетские Съезды в России, на которых зарубежные кадеты будут гостями.

3. Устраивать за рубежом и дальше Кадетские Съезды и Встречи.

Эти предложения Нью-Иоркского Объединения были поддержаны председателями Аргентинского, Флоридского и Сан-Францисского Объединений и большинством кадет. Также было поддержано предложение посылать представителей от Объединений на Кадетские Торжества в России.

Председатель Аргентинского Объединения внёс предложение, чтобы 18-ый Кадетский Съезд утвердил «Кадетское завещание» и «Кадетский наказ», для кадет и кадетских делегаций, посещающих Кадетские Корпуса в России.

Кадетское Собрание на 15-ой Встрече Сан-Францисского Объединения постановило обратиться к Председателю Президиума 17-го Съезда, с просьбой поставить вышеуказанные предложения на утверждение Президиума и Кадетского совещания.

Игорь Козлов,
Председатель Сан-Францисского Кадетского Объединения

XVIII Кадетский Съезд

Согласно сообщению вице-председателя Нью-Иоркского Кадетского Объединения Д. В. Горбенко, очередной 18-ый Кадетский Съезд состоится с 8-го по 15-е сентября 2004 года в Канаде, в местечке Вал Моран, 82 километрах к северо-западу от Монреаля, в той же гостинице, где состоялся предыдущий 17-ый Съезд в 2000 году.

Русский общевоинский праздник Георгиевских кавалеров

Согласно установившейся традиции, Кадетское Объединение в Аргентине отмечает ежегодно русский традиционный общевоинский праздник святого Георгия Победоносца, в ближайшее к 9-му декабря воскресенье. 7-го декабря сего года, после литургии в храме Святого Сергия Радонежского, в буэносайресском пригороде Вижа Бажестер, митрофорный протоиерей о. Владимир Шленев отслужил молебен святому Георгию, с поминовением «Благоверных Великих Князей Киевских, Владимирских и Московских; Благоверных Царей Московских и Всея Руси; Благоверных Государей Императоров Всероссийских; Великого Князя Константина Константиновича; Российской армии Победоносца болярина Александра; основателей и Шефов Русских Кадетских Корпусов; всех учивших и учившихся в Русских Кадетских Корпусах; всех Георгиевских кавалеров и всех русских православных воинов, на поле брани живот свой положивших, в смуте убиенных и в Изгнании скончавшихся». После слова Председателя Объединения, в столовом зале Епархиальной Школы РПЦЗ состоялось чествование институток К. И. Шпаковской и Т. С. Домрачеевой, по поводу их юбилея.

Вручение Андреевского Флага Аргентинскому Яхт Клубу

В рамках празднования в прошедшем 2003 году 300-летия основания Санкт-Петербурга и пожалования императором Петром Великим Русскому Флоту Андреевского Флага, председатель Кадетского Объединения в Аргентине И. Н. Андрушкевич прочел 15 октября в Аргентинском Яхт Клубе доклад на испанском языке об этой годовщине. По просьбе хозяев, докладчик особенно отметил значение Андреевского Флага для Аргентинского Флота, ибо он был Адмиральским Флагом основателя и первого Главнокомандующего Аргентинского Военно-морского флота адмирала Брауна. Затем, вице-председатель Объединения, архитектор О. Н. Ауэ, вручил от имени Объединения Андреевский Флаг Аргентинскому Яхт Клубу. Этот Клуб был основан в конце XIX века, и в нем состоит много военных моряков. Зал клуба, на более чем 100 мест, во время доклада был переполнен.

«Электронное кадетское письмо»

Начиная с марта 2003 года, Кадетское Объединение в Аргентине начало выпускать периодически свое «Электронное кадетское письмо», посылаемое электронной почтой кадетам а также и некоторым органам печати в России. Каждый номер этого «Электронного письма» содержит одну или две статьи, главным образом передовицы «Кадетского письма».

В 2003 году вышло 7 номеров этого электронного письма, на следующие темы: 300-летие Санкт-Петербурга; Санкт-Петербургские проекты; Синодик петербуржцев, скончавшихся в Аргентине; Анализы международного положения; Семена и плоды имперского периода России; Историческая миссия кадет; Менделеев о России в 2000 году.

В 2004 году, до месяца марта вышло 3 номера: Русский обще-воинский праздник Святого Георгия Победоносца и 550-летие падения Константинополя; Русская эмиграция в мире; Учение Святого императора Юстиниана Великого о Симфонии. Эта последняя статься является авансом из «Кадетской переклички» № 75.

«Электронное кадетское письмо» высылается электронной почтой всем желающим его получать. Также можно заказать определенные предыдущие номера. Для этого необходимо сообщить об этом электронной почтой, по адрессу «Кадетского письма»: kadetpismo@hotmail.com

В. Н. Мантулин

ТОРЖЕСТВА 300-ЛЕТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Когда , в пятницу 23 мая 2003 года, началась посадка на самолет «Луфтганзы» из Франкфурта в Петербург, можно было предположить, что летят на торжества одни иностранцы, главным образом, немцы и голландцы, хотя потом среди них оказалось и несколько русских. На вопрос, почему все они в таком количестве стремятся в город Петра, немедленно последовал ответ такого характера: потому что это наш европейский город, и мы хотим участвовать в его празднике.

На фоне этих восторженных высказываний случайных чужеземцев невольно воскресала в памяти вся наша многомесячная и бесплодная подготовка к несостоявшемуся кадетскому съезду с постоянными колебаниями, вынудившая нас двоих, Павла Карасика и меня, проделать все туристические формальности буквально в последнюю минуту. Надежды на приглашения и льготные визы оказались несбыточными мечтаниями, несмотря на многократные обещания с разных сторон, нередко весьма влиятельных.

Пулковский аэропорт по своей тишине, малолюдности и недостроенным ступенькам производил далеко не праздничное впечатление. Встречали нас трое: Василий Кузьмич Левченко, Юрий Юрьевич Добровольский и Борис Даварашвили (Казанский суворовец), владелец "Лады", который и доставил всех на своей автомашине в квартиру Левченко, где нас встретила его супруга, Светлана Михайловна, и дочь Оля. Чета Карасиков прибыла несколькими часами раньше и была встречена представителями генерала Скоблова. Благодаря заботливости гостеприимных хозяев, на следующее утро, в субботу 24 мая, мы уже были готовы к посещению Суворовского училища, начальник которого, как потом выяснилось, ожидал также и чету Карасиков, остановившихся в соседнем отеле.

После радостных приветствий ген. Скоблов повел нас на второй этаж и показал результаты реставрационных работ по украшению церкви Пажескаго Корпуса в честь Рождества св. Иоанна Предтечи.

Особаго внимания заслуживает восстановление барельефов и скульптурных фрагментов распятия, разбитых и долгие годы пролежавших где-то на чердаке. Во всем чувствуется рука профессионалов. Процесс обновления запечатлен на многочисленных фотографиях, выставленных на стендах.

Гости далее осмотрели паркет церкви, обновленный пожертвованиями Павла Карасика. Кстати, нужно добавить, что он также поддерживает возрождение Феодоровского Государева собора в Царском Селе, который некогда был храмом Конвоя Его Величества, а теперь, после советских и немецких разрушений, нуждается в коренной перестройке.

В полдень начальник пригласил всех в свой кабинет на чаепитие, во время которого были обсуждены дальнейшие планы участия в городских торжествах. Присутствовали чета Карасиков, В.Мантулин, В.Левченко, Ю.Добровольский, служащие и педагоги училища.

После обеда гости отправились в студио Маши Молодых и Сергея Морозова, хорошо известное кадетам по созданию портрета в. кн. Константина Константиновича. Действительно, вдобавок к нему, на видном месте стоял портрет короля Александра I, что было нам в равной степени дорого. Надо заметить, что это старинное студио, некогда принадлежавшее сыну известного Елисеева, является средоточием местной интеллигенции, представители которой, пользуясь радушием хозяев, постоянно и горячо беседуют за длинными столами. В данном случае, кроме вышеперечисленных, в разное время посетили этот художественный салон весьма интересные личности, как-то: Наталия Петрова (Олимпийский комитет), Флер Дедюлина, потомок камер-пажа выпуска 1876 года, художник Дм.Тугаринов и другие. Несмотря на увлекательные беседы и приподнятое настроение, в ожидании следующей программы, нужно было расходиться по домам.

В воскресенье 25 мая день выдался поистине чудесный. Поговаривали, что самолеты местных гарнизонов разгоняли облака, во всяком случае, безоблачность держалась всю неделю, вплоть до приезда президента Буша. И уже рано утром, не без гордости, хозяин повел меня в одну из местных новых церквей – их в Красносельском районе три - и объяснил, что названа она в память митрополита Московского Петра. Поразило количество причащавшихся детей и серьезность, с которой они исполняли это таинство.

На этом месте следует упомянуть об одном, как мне кажется, нововведении постсоветской жизни, вернее, транспорта. Для соединения периферийных комплексов огромных зданий с конечными остановками метро установлены крошечные автобусы на манер американских СУВ, именуемых в просторечьи “маршрутки”, и надо признать, они выполняют свои функции примерно. Дешево и быстро. Всего за 7 рублей. Вот, благодаря этой маршрутке, к 12-ти часам мы уже были на Невском и стали в толпе спиною к солнцу, прямо против кондитерской “Север”.

Первые ряды карнавала двинулись в 13.30. На фоне ярко покрашенных домов классической архитектуры прошли тысячные толпы разнаряженных юношей и девушек явно в приподнятом настроении, а на макетах боевых кораблей, вслед за самим Императором (прекрасно загримированным), с чувством достоинства шествовали бравые бомбардиры, плыли гардемарины, гарцевали усатые гусары. Хотя многое было проведено в духе типичного шоу, однако душа радовалась, что у России еще столько здоровой и беззаботной молодежи.

В понедельник 26 утром была проведена регистрация обоих приезжих гостей через турагентство, а немного погодя в Казанском соборе состоялось поклонение деснице мощей св. ап. Андрея Первозванного, привезенных греческими монахами из Афона. Благодаря небольшой толпе молящихся и образцовму порядку, все ожидание заняло менее часа, и паломники получили иконку св.апостола, благословение патриарха Алексия II.

В полдень имело место посещение Военно-Космического Кадетского Корпуса, размещенного в старинном, добротном и массивном здании разгрузки пеньки. Между толстенными стенами архитекторы умело встроили просторные и оборудованные в современном стиле кадетские помещения. Как объяснил нам начальник Корпуса, полковник Игорь Андреевич Форсюк, Корпус состоит в ведомстве Министерства Обороны Р.Ф. Внешний вид питомцев, дисциплина, порядок и вся обстановка Корпуса производит самое приятное впечатление. Строительные работы по улучшению здания и плаца продолжаются.

К трем часам мы сновы были в Суворовском училище для беседы с начальником кафедры истории, С.В.Апраксиным, который высказал ряд интересных соображений по поводу преподавания истории в современных условиях.

Вечером состоялся более многолюдный прием в гостеприимном студио, на котором, кроме вышеупомянутых лиц, присутствовала и вдова Алексея Йордана, Мария Александровна.

Несмотря на оптический обман белых ночей, следовало поскорее возвращаться домой, чтобы подготовиться к следующему дню, обещавшему быть не только интересным и насыщенным событиями, но, прежде всего, изнурительным.

Согласно четкому плану моего хозяина, во вторник 27 мая, в день рождения города, к 11-ти часам мы уже отстояли в Исакиевском соборе особую литургию в честь Града и Державы, после чего, под руководством В.Левченко, вся группа заняла стратегические позиции в Александровском сквере, ожидая начало крестного хода, который двинулся из собора ровно в полдень, и, возглавляемый греческими монахами с мощами, проследовал на Дворцовую площадь. Несмотря на строжайший контроль ОМОН-а, мы все присоединились к процесси и благодаря содействию капитана I ранга Пешикова обошли чугунные преграды вдоль строя его Кронштадтскаго Корпуса, и стали за духовенством, перед трибунами. Остальная масса участников в течение всего Смотра оставалась за границами площади. Я обратил внимание присутствующих на то необыкновенное обстоятельство, что огромный сонм духовенства, целая армия, молитвенно стоит лицом к лицу с армией кадет.

Благодаря отменной системе звукоусилителей, громогласные возгласы диакона могущественной волной разносились по всей площади, и многотысячная толпа, ожидавшая в благоговейной тишине, могла слышать каждый звук многолетия:

Богоспасаемому граду Петра!

Богоспасаемой державе Российстей!

Христолюбивому воинству нашему! Сиречь, мальчикам-кадетам, застывшим по команде смирно.

Слова бессильны, чтобы описать пережитое нами в этот момент. Там надо было быть. И мы – в который уже раз – испытали чувство сожаления, что с нами не стояли наши однокашники, как это было во время XVI-го Съезда в 1998 году.

Следует напомнить, что во время крестного хода пушка Петропавловской крепости дала три залпа – по числу столетий – возвестив открытие памятного знака у Государева бастиона, на месте, с котораго началось строительство Санкт-Петербурга. Вслед затем петербуржцы и их гости услышали гимн “Коль славенъ” и “Боже,царя

храни", исполненные восстановленными курантами Петропавловского собора. Открывая торжество, губернатор Яковлев провозгласил "Виват, Санкт-Петербург!" Теперь уже звездочеты начертят точный гороскоп города и узнают, была ли катастрофа 1917 года и трагическая Блокада 1941 года предначертана "божией планидой". Если же небесная хартия на этот раз не сработает, то в таком случае нужно будет обратиться к самому герольдмейстеру города, Георгию Вилинбахову, который выступил в прессе с заявлением, что согласно тогдашнему, Никейскому календарю, Петербург был основан 31 мая, и поэтому важнейшие события, водная феерия и прием глав иностранных государств были перенесены на эту дату. Еще более радикальную оценку местной хронологии дал Игорь Андрушкевич в своем докладе в Буэнос Айресе от 15 июня сего года. Он подчеркивает, что, согласно официальным документам, датой основания был первый день Троицы, в 1703 году приходившийся на 16-е мая по Никейскому календарю («старому стилю»). Если к этой дате прибавить разницу в 13 дней, то годовщина основания падает на 29 мая, по реформированному западному григорианскому календарю («новому стилю»). В дореволюционной России 200-летие основания Санкт-Петербурга праздновалось в 1903 году 29 мая по новому стилю, так что 300-летие падает на тот же день, сто лет позже.

Возвращаясь назад на Дворцовую площадь, укажем на дальнейшие события. Краткая речь губернатора Яковлева, который уже в 13.30 успел появиться на трибунах, отличалась искренностью и простотой. Однако пресса очень скупо осветила это выступление, как, впрочем, и другие. А между тем, губернатор пожелал кадетам мира и спокойствия и процитировал адмирала Нахимова: «У моряка нет тяжелаго или легкаго пути, а есть один путь, славный», - и добавил от себя: «Это относится ко всем вам. Я уверен, что вы достойно продолжите традиции петербургских офицеров». Далее оратор напомнил,что и парад и фестиваль были возможны благодаря помощи Бориса Йордана из Фонда Содействия Кадетским Корпусам, имени его отца Алексея Йордана.

Поздравив петербургскаго митрополита Владимира , который по совпадению тоже праздновал день своего рождения, губернатор провозгласил "Ура!" Петербургу, в ответ на что услышал восторженные крики 850-ти молодых голосов. Как объяснил в печати генерал Друкарев, на прошлом Смотре участвовали только 500 кадет. Вслед за тем оркестр исполнил гимн граду Петра, музыки Глинки, после

чего кадеты – представители каждаго училища выстроились для получения подарков: от города – электронику (домашний кинотеатр), а от Церкви – Евангелие.

И в завершение церемонии состоялся самый парад, в начале которого взвод младших барабанщиков Кронштадтского Корпуса, под сенью Андреевского флага, дружно выбили первые такты лихой дроби, вдохновив кадетский батальон на стройное шествие уверенным шагом, что было продолжено под звуки оркестра. В арьергарде училищ телерепортеры сняли интервью с контр-адмирала Малова и нач. Пешикова, которые указли на меня, и мне пришлось сказать несколько слов в микрофон.

Вслед за уходящими взводами кадет, еле сдерживаемая ОМОН-ом, толпа ринулась к воротам Зимнего дворца, где ее приветствовал тот же губернатор шутливыми словами, что ей, де, предстоит произвести второе взятие Зимнего, хотя всем было ясно, что никакого штурма по пресловутому сценарию Эйзенштейна в 1917-ом не было. И действительно, где-то найденные и великолепно отремонтированные, подлинные ворота с позолоченными орлами отверзлись, и любознательная толпа влилась во внутренний сад и затем и в самый Эрмитаж. Конечно, ни о каком внимательном созерцании предметов искусства, впрочем, хорошо нам известных, не могло быть и речи. Людская лавина безостановочно растекалась по нарядным залам и широким живописным лестницам.

В одном из переполненных залов я столкнулся лицом к лицу с геральдмейстером России, Вилинбаховым Георгием Вадимовичем, которому меня представил Добровольский, и поблагодарил его за хлопоты в связи с получением приглашения, что, к сожалению, не осуществилось, и тут же состоялось знакомство с князем Гавриилом Романовичем (?) Романовым, который уклончиво ответил на мой вопрос, как он относится к идее созыва Земского Собора.

Изнуренные всеми описанными происшествиями, мы еле успели отдохнуть в дворцовой кафетерии (пирожные не произвели особеннаго впечатления), как разнеслось очередное приглашение идти к Михайловскому замку, в который, после капитального ремонта, вот-вот должны были открыть входные ворота, к которым публика кинулась через подвесной мостик над свежевыкопанным рвом.

В то же самое время перед замком выстроилась рота Морских Кадетских классов из Москвы, с начальником которых, Георгием Андроновым, мне удалось обменяться несколькими словами.

В 16 часов публика была допущена во внутренний двор, где уже стоял под покрывалом недавно возведенный памятник Павлу I. Вслед за открытием памятника раздался пушечный салют холостым зарядом, из которого посыпались большие конфетти с эмблемами замка, а Оркестр Адмиралтейства в эффектных, черно-серебряных мундирах заиграл туш и какой-то марш. Я сразу же подошел к дирижеру и обратил его внимание на то, что в царствование Павла суворовские чудо-богатыри прославили Россию своим Альпийским походом, и потому было бы уместно сыграть хотя бы Фанагорийский, точнее, Семеновский марш, на что капельмейстер, не раздумывая, взмахнул дирижерской палочкой, и из труб полилась музыка всех гвардейских полков. Очевидно, такая программа у него была приготовлена заранее.

Всеобщее приподнятое настроение способствовало тому, что вскоре у подножия памятника спонтанно образовался форум, в центре которого оказался барон Фальцфейн. Его забрасывали вопросами, и он очень охотно отвечал, подчеркивая, что часто ездит в Россию и гордится тем, что сохранил русский язык предков.

К вечеру, в 22 часа, хотя было светло как днем, предстояло еще взять одно праздничное препятствие – посмотреть Водную Феерию на Неве. Несмотря на передышку в студио радушных художников и на неиссякаемую энергию моего вожака и руководителя, пробиться через миллионную толпу к набережной было выше наших сил, и, что еще хуже, доступы во все ближайшие метро были закрыты. Промаршировав несколько верст, мы все-таки нашли нужное метро и мертвецки усталые добрались до дому.

В среду утром, 28 мая, состоялись проводы четы Карасиков в ресторане их гостиницы «Русский витязь»: они уезжали на следующий день, а в обед удалось свершить одно дело, которое пришлось откладывать несколько раз. Само собой разумеется, что с первых дней пребывания в Петербурге я хотел отправить родным и близким юбилейные открытки с видом города и обязательно с цифрой «300». Каково же было мое удивление и назойливая досада, когда я обнаружил, что ни в одном киоске и ни в одной книжной лавке таких открыток нет. И только благодаря любезному участию художника Сергея Морозова мы нашли в одном почтамте не только желанные карточки, но даже и художественные конверты под стать. Весь набор был отослан заказным, и – о, добавочная досада! – я уже успел съездить в Москву, вернуться домой, и только тогда самолично получил

заказное письмо, адресованное моей жене. Судьба остальных писем пока неизвестна. Вечером того же дня состоялся прием Карасиков в семье Василия Левченко.

В четверг, 29 мая, рано утром, при содействии Ю.Добровольскаго, не без моторно-технических приключений, мы отправились на автомашине в Кронштадтский Кадетский Корпус, куда нас, в конце концов, довезла чья-то спасительная "маршрутка". После беседы с Начальником, капитаном I ранга Пешиковым, с педагогами и малышами нам удалось присутствовать на выпускных экзаменах. Как и всегда, обстановка произвела самое отрадное впечатление, и не только потому, что начальник угостил нас отличным обедом.

Как только была отремонтирована капризная автомашина, не теряя времени, около16 часов, мы двинулись далее к Нахимовскому училищу, где нас встретил начальник, контр-адмирал Букин Александр Николаевич. Вместо вступительного слова, он сразу же вынул из письменного стола заготовленный лист и без обиняков прочитал текст группы матерей, обвинявших питомцев училища в безчинствах, и тут же пояснил, что несколько следственных комиссий уже проверили состояние дел и отклонили все обвинения, найдя училище в примерном состоянии.

Осмотрев памятную доску с именами нахимовцев, погибших на подлодке "Курск", и простившись с начальником, мы вновь торопились к очередному мероприятию, а именно, к торжественному концерту военных оркестров разных стран на крытом стадионе спортивно-концертного комплекса "Юбилейный". Трудно сказать, который из оркестров заслуживает наибольшей похвалы, но украинский определенно разочаровал. При обилии ярких народных тем, ни одна из них не прозвучала в маршевых аранжировках, а вместо знакомых мелодий слушателей потчевали синтезом каких-то модных шлягеров сомнительного качества, не говоря уже о том, что вступительным номером выпустили певицу, исполнившую малоизвестную гуцульскую песню.

Зато сводный оркестр русских военных училищ не ударил лицом в грязь. Первый же аккорд «Увертюры 1812 года» Чайковскаго заставил весь огромный стадион замереть в благоговейном ожидании, а когда курсанты, в солдатской форме со штыками наперевес, в такт музыке начали производить строевые упражнения попутно с ружейными приемами, раздались дружные аплодисменты. В наступившей паузе после боевых упражнений, я заволновался, что Увер-

тюра будет закончена, вернее, «смазана» на советский манер, но мои волнения были напрасны. Вслед за хорошо известным позывным сигналом, оркестр грянул «Боже, царя храни» по оригиналу партитуры Чайковского, и весь стадион буквально подскочил с восторженными криками"Ура!". Кто-то даже в знак одобрения по-американски трижды свистнул.

На пятницу 30 мая, в студио Морозова-Молодых была назначена встреча с руководителем Терского казачьего хора, Чирковым Юрием Ефимовичем, который только что вернулся из поездки по Уралу. Плодотворная беседа вращалась вокруг темы казачьих песен.

В субботу 31 мая, перед парадом военных оркестров на Невском, мы с Левченко зашли в небольшой ресторан, и я заказал блинчики с рубленой говядиной, которых в меню не было, как и во всех остальных бистро. Но это еще полбеды. Досадно было другое. Как истый американец, хотя и русский, я всю неделю мечтал выпить чашку самого обыкновенного кофе, конечно, колумбийского, который можно купить в Америке на каждом углу. То, что подают в России маленькими чашечками, да еще без сливок (!!), вообще нельзя назвать этим оживляющим напитком. Все пьют растворимое. Отчаявшись, я решил купить кофевар, но в самом роскошном универмаге района такого ширпотреба не оказалось.

Но если с кофеваром произошел конфуз, то ассортимент товаров в "Доме книги" превзошел все мои ожидания. Целые прилавки и длиннейшие ряды полок были уставлены изданиями о Белой эмиграции. Я открыл наугад первую попавшуюся под руку книгу в 900 страниц, и – о, радость! – сразу же узнал фотографию из нашего кадетскаго архива, кажется XXIII выпуска. Не раздумывая, я сразу же купил книгу. Цена 280 рублей. Тираж 3000.

Потом я задавал многим вопрос, почему вдруг такая популярность белоэмигрантской литературы, и ответ на это дал один из самых осведомленных суворовцев, Евгений Павлович Исаков: Русский народ ищет свои исторические корни и зачастую находит таковые у своих земляков за рубежом.

Самый парад прошел на славу. В отличие от тусклых фонарей позавчерашняго стадиона, майское солнце щедро осветило и красочные мундиры музыкантов, и пробковые шлемы с плюмажами, и начищенные трубы. Все ликовали: и маленькие дети на плечах у своих отцов, и сами родители обоего пола, да и любой национальности. Вот она, подлинная глобализация. Вот она, вселенскость и Петра , и

Достоевского. Такое бы пустить по Бродвею или по Пятому Авеню. В тот день на Невском шведские и голландские оркестры зазвучали по-новому.

И в заключение Петербургской эпопеи 2003 года оставалось выполнить еще одну, более скромную миссию, посетить прот. Андрея Дьяконова, настоятеля Благовещенской церкви, что на Васильевском острове. Дело в том, что о. Андрей большой любитель Хора Донских Казаков Сергея Жарова, и в этом отношении сотрудничает с Дм.Скачковым, директором компании "Русская лира", которая недавно выпустила компактный диск Жаровского хора, использовав в качестве препроводительного текста мою статью из журнала "Русский Американец". Я же в свою очередь передал им несколько наших кадетских пластинок.

На следующий день, 1 июня, простившись с гостеприимной семьей Василия Левченко, в сопровождении хозяина и его сына я добрался до Николаевского вокзала и, расположившись в просторном кресле АСУ Экспресса, окруженный роскошными железнодорожными журналами и заботой персонала, тронулся в Москву точно в 18.28, как было указано в билете.

Разбирая номера местных газет, я вдруг обнаружил, что из всех мероприятий Петербурга я пропустил, может быть, самое дорогое для кадетского сердца – покои в. кн. Константина Константиновича, которые уже восстановлены в обоих дворцах, в Мраморном и в Стрельне. Единственное утешение состояло в том, что меня никто об этом не уведомил. Будущие паломники увидят покои своими глазами и привезут нам красочные снимки. +

Кадетам, офицерам - воспитателям и преподавателям Иваново-Вознесенского имени графа Б.П. Шереметева Кадетского Корпуса в честь его 5-ти летия

ШЕРЕМЕТЕВЦАМ УРА!

К неприступной, кажется, вершине
Кто - то ныне сделал первый шаг...
Мы пять лет одним стремленьем жили,
Чтоб поднять родной кадетский стяг!

По крутым стремнинам, камнепадам,
Закаляясь в тяжестях дорог,
В День Иконы Иверской наградой
Знамя Корпусное дал нам Бог!

Солнцем старины родной согреты,
Как учил Суворов, Ушаков,
Дружным строем юные кадеты
Держат курс дорогой стариков.

Новым смыслом жгут слова Мессии,
В юных душах нескончаем свет...
Родине, Отечеству, России
Жизнь отдать готов любой кадет!

А пока отбои и подъёмы,
Взрослые погоны на плечах.
И восходов ясных окоёмы,
И молитвы в Храмах при свечах...

Пусть пока не все равнение держат,
Груз «гражданки» не изжит пока.
Свой корабль выводим мы на стрежень,
На штурвале сильная рука.

Год от года набираем скорость,
Ветер счастья ловят паруса.
В строй шагает молодая поросль,
Как хрусталь, чисты их голоса.

Педагоги силы не жалеют,
Лучшее кадетам отдают,
Как родных детей своих лелеют,
Патриотов Родины куют...

Пусть ещё далёк заветный берег,
Рвётся иногда штурвал из рук...
Наш кадет в Россию свято верит,
С Родиной сверяет сердца стук!

Сколько их в училищах военных,
По гражданской части тоже есть,
Защитить готовы непременно
Веру, доброту, свободу, честь!

Всех, кто помогал нам поименно,
Корпус наш запомнит на века...
Славою овеяны знамена
Крепко держит юная рука...

Всем спасибо Вам от Корпуса родного,
Впереди дел больше, чем вчера...
Но не надо счастья нам иного,
Всем кадетам - шереметевцам ур-р-ра !

25 февраля 2004 года

ДВЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Песни Русской Императорской Армии возвращаются домой

В среду 10-го марта 2004 года, в день 100-летия подвига миноносца «Стерегущий», в Государственном мемориальном музее А.В. Суворова в Санкт-Петербурге был представлен компакт-диск «Песни Российской Императорской Армии», выпущенный издательским центром «Русская Лира» совместно с Александровским Историческим Обществом.

Уникальность диска заключается в том, что он является точным современным переизданием записанного в Канаде и США и выпущенного в 1988 году диска Хора Российского Наследия под управлением известного в Русском Зарубежье кадета-дирижера Валентина Мантулина, который любезно дал свое согласие на его переиздание.

Собрание открыл Председатель Александровского Исторического Общества, Дмитрий Кириллович Матлин, который прочел приветственное письмо от Валентина Николаевича Мантулина. После этого под высокими сводами музея, в память героев «Стерегущего», прозвучала песня с нового диска – «Гибель Стерегущего». Затем приветствовал гостей Дмитрий Николаевич Скачков, Директор издательского центра «Русская Лира». В память всех погибших в годы Японской Войны был прослушан Русский Национальный Гимн, «Боже, Царя храни».

В заключение, отцом Николаем Савченко была отслужена лития по офицерам и матросам миноносца «Стерегущий» и всем русским воинам «За Веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положившим». Прозвучала «Вечная Память».

Встреча закончилась скромной, постной трапезой.

17 марта 2004 года в Санкт-Петербурге состоялась презентация трёхтомника В. М. Меньшова "Российские кадеты".

Презентация проводилась в стенах Санкт-Петербургского Суворовского военного училища. На ней присутствовали Начальник СВУ, заместитель Начальника Нахимовского училища и представители кадетских корпусов Санкт-Петербурга, а также члены «Клуба нахимовцев» и «Санкт-Петербургского союза суворовцев, нахимовцев и кадет», во главе с председателем генерал-лейтенантом В. Черновым.

Бывший председатель правительства Мурманской области Анатолий Малинин в своей речи отметил, что выход этой «Малой кадетской энциклопедии» является важным фактором в культурной и научной жизни Кольского полуострова, не избалованного литературой о суворовцах, нахимовцах и кадетах, с чем он сердечно поздравил своего земляка.

Много теплых слов было сказано в адрес автора, сумевшего в непростое время собрать и обобщить большой материал и правдиво рассказать о кадетах земли русской.

На презентации В. М. Меньшову была вручена медаль "За укрепление боевого содружества", которой он был награжден приказом Министра обороны России.

Автор очень подробно рассказал о своей работе, поблагодарил всех, кто оказал ему помощь в выпуске книг.

«Кадетская перекличка» в Российской национальной библиотеке

6 апреля 2004 года, представители «Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана» передали дар нью-йоркского «Объединения российских кадетских корпусов за рубежом» в Российскую национальную библиотеку - полный комплект журнала «Кадетская перекличка». Открыл торжественный акт директор РНБ В.Н.Зайцев, затем выступили главный библиотекарь России (из Министерства культуры РФ) Е.И.Кузьмин, В.П.Зеленский, начальник музея артиллерии В.М.Крылов, начальник отдела по связям с общественными организациями Администрации Санкт-Петербурга П.Е.Тищенко.

Представительница Фонда, Ольга Барковец, прочла письмо председателя Нью-Иоркского Объединения С. Муравьева, выразившего надежду, что этот дар «поможет в деле воспитания и образования молодого поколения». На акте пррисутствовали директора кадетских корпусов СПб, представители Суворовского и Нахимовского училищ.

ЧЕСТЬ РОДНОГО ПОГОНА

Книга о традициях Российских кадетских корпусов

В ноябре 2003 года в Москве вышла в свет книга «***Честь родного погона.*** *Книга о традициях Российских кадетских корпусов*», составленная А. Б. Иорданом, изданная «Фондом содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана». Редактором книги является полковник Е. П. Исаков, оформление сделано М. А. Лермонтовым, обложка А. М. Ермаковым и В. П. Зеленским. Книга издана тиражем в 1500 экземпляров, в ней 510 страниц.

Книга состоит из двух частей и нескольких приложений. В первой части четыре главы: Истоки и русло; Отец всех кадет; Наши символы и традиции; Русские кадеты в Зарубежье. В этой последней главе воспроизведены тексты Резолюций, Обращений и Постановлений последних шести Кадетских Съездов, начиная с 12-го, состоявшегося в 1990 году в Сан Франциско. Вторая часть содержит воспоминания известных кадетских авторов о кадетских традициях и кадетском быте. В приложениях даны тексты русской традиционной Зари с церемонией, как она исполнялась до последних дней в русских кадетских корпусах в России, а затем и в Зарубежье, и песен Дворянского полка и Крымского кадетского корпуса, Звериада и кадетский словарь.

Как указано издателями, эта книга «предназначена для офицеров-воспитателей, преподавателей и воспитанников кадетских учебных заведений, а также для всех, кого интересуют проблемы военной педагогики».

И. А.

ЗА КУРГАНОМ

В издательстве «Рост/Издат» за 2000-ый год вышла книга **Владимира Улитина,** кадета 34 выпуска (1922 г.) Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса, «**За курганом**». В основном она состоит из статей и заметок автора, помещенных в разных патриотических зарубежных изданиях, таких как «Кадетская Перекличка», канадский «Станичный Вестник», газета «Русская Жизнь» и др. Сюда же входят письма и статьи самого автора на тему, которую можно описать четырьмя словами: «Россия, которую мы потеряли». Все статьи проникнуты горячей любовью к России, к родному Дону, казачеству и его истории. В книге 160 страниц. Подбор статей сделан неутомимым казачьим деятелем К. Н. Хохульниковым в Ростове-на-Дону. Особое внимание обращает на себя эссе, помещенное также в «Перекличке» в 1984 году: «Политическое наследие русской эмиграции». В нем автор делает краткий обзор трудов эмиграции на политическом поприще с начала эмиграции до последних дней. Живая, интересная статья, не теряющая своего значения и сегодня. Но и другие статьи не менее интересны и написаны с тем же подъемом и патриотическим настроением, которым была наполнена вся девяностовосьмилетняя жизнь автора.

Приближаясь к столетнему юбилею, автор нисколько не утерял своего интереса к происходящему вокруг, сохраняя светлый ум и хорошую память. Даже постигшая его Паркинсонова болезнь, лишив мобильности, не лишила желания видеть и общаться с единомышленниками и близкими друзьями.

От всей души желаем дорогому однокашнику преодоления болезни и сохранения всех дарований своего незаурядного интеллекта не только до столетия, но и дальше.

Константин Синькевич

(Бюллетень Сан-Францисского Кадетского Объединения)

БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ

«Белогвардейцы». Так называется книга **Юрия Мордвинкина** (26 выпуска Первого Русского Вел. Кн. Константина Константиновича Кадетского Корпуса), выпущенная при участии канадского издательства Trafford.

Большая книга содержит 313 страниц и представляет собой автобиографическую повесть, как ее охарактеризовал сам автор, в которой идет рассказ о русских добровольцах с 1917 по 1945 годы, от маленьких кадетиков до седых генералов. Они поднялись, спасая честь России, отдавая свои молодые, и не столь молодые жизни за Родину. Здесь описывается жизнь семьи в России, далее пребывание автора в кадетском корпусе, затем в Русском Охранном Корпусе, послевоенные годы в Германии, эмиграция в Америку и деятельность автора в США, включая многочисленные поездки в Россию в годы, когда это стало возможно.

Книга содержит множество интересных фотографий и документальных данных и читается с неослабевающим интересом.

Книгу можно выписать у автора: **George Mordvinkin, 303 Scottdale Avenue, Scottdale, PA 15683, USA. E-mail: senscor@aol.com**

Константин Синькевич.

(Бюллетень Сан-Францисского Кадетского Объединения)

ВНЕ РОДИНЫ

«Вне Родины». Таково название вышедшей в Москве книги **Константина Синькевича** (12 выпуска Первого Русского Вел. Кн. Константина Константиновича Кадетского Корпуса). В ней господствует тот же лейтмотив, которым проникнута книга Мордвинкина: семья в России, эмиграция, кадетский корпус в Югославии, Русский Охранный Корпус, послевоенные годы и эмиграция в Африку, где автор с семьей провел восемь с половиной лет. Далее идет переезд в Америку, но книга на этом заканчивается, заняв около 500 страниц. В данное время автор работает над английским переводом.

К. С.

(Бюллетень Сан-Францисского Кадетского Объединения)

ЈОВАН КАЧАКИ: БИБЛИОГРАФИЈА РАДОВА 1920-1944

Јован Качаки. Руске избеглице у Краљевини СХС – Југославији. Библиографија радова 1920-1944. Изд. Универзитетске библиотеке «Светозар Марковић» и Књижаре «Жагор», Београд 2003, 452 стр. илл. 245 мм. Цена 30 долл. США. zagor-bg@net.yu

Полное название книги в переводе на русский было бы: Иоанн Качаки: “Русские беженцы в Королевстве СХС - Югославии. Библиография работ 1920-1944 гг.” Заглавие и предисловие написаны по-сербски, а сама библиография – по-русски. Это второе, дополненное издание, а первое было издано в Голландии, где проживает автор, в 1991 г. с английским предисловием и эпилогом.

Иоанн Николаевич Качаки родился в Белграде в 1939 г. Его отец был кадетом Одесского корпуса и окончил вице унтер-офицером Первый русский кадетский корпус в Сараеве в 1923 г. Сам Иоанн Николаевич окончил сербскую гимназию и медицинский факультет в Белграде. Переехав на работу в Голландию, он в течение многих лет, работая над первым изданием библиографии, проводил свои отпуска в Югославии в поисках случайно сохранившихся книг и периодики, а также каталогов с указанием названий книг, отправленных в СССР или уничтоженных в библиотеках новыми коммунистическими хозяевами страны. Двенадцать последних лет И.Н.Качаки продолжал собирать материалы для второго, дополненного, издания своей библиографии, на этот раз на сербском языке. Как и для первого, так и для второго издания исключительная помощь И.Н.Качаки была оказана известным исследователем истории русских в Югославии Алексеем Борисовичем Арсеньевым, сыном кадета 41-го выпуска Донского имп. Александра III кадетского корпуса, постоянно проживающим в Новом Саду (Сербия).

Второе издание посвящено супруге Дубравке, ур. Раичевич, тоже врачу, которую автор благодарит за терпеливое отношение к его многолетней работе над библиографией, не имевшей ничего общего с их профессией и часто бывшей ей в ущерб.

Далее в посвящении автор упоминает, с молитвой за упокой, свою мать Видосаву, ур. Ковачевич, которая, будучи сербкой, согласилась, чтобы его первым языком был русский, и своих бабушку и

дедушку, которые провели многие годы изгнания в гостеприимный Сербии, так и не увидев своей любимой России. Они – как пишет автор – привили ему любовь к культуре и языку предательски убитой старой России.

Далее автор особенно благодарит "знатока и неутомимого исследователя жизни и культурного вклада русских беженцев в общественную жизнь Югославии" А.Б. Арсеньева, за дополнения библиографии новыми данными, иллюстрациями, объяснениями, за корректуру книги, а также за привлечение других лиц к сотрудничеству над вторым изданием. Из других сотрудников, автор выделяет Татьяну Виталиевну Рыбкину из Загреба и автора этой рецензии.

Если предисловие к первому изданию занимало 29 страниц, то ко второму – 48. В первом издании было перечислено 1464 названия, а во втором – 1998. Всё это говорит о масштабе сделанных дополнений. Небольшое, но интересное дополнение, относится к списку театральных программ и плакатов (57 номеров) из коллекции Музея театрального искусства Сербии и коллекции А.Б.Арсеньева, которых в первом издании вообще не было. К сожалению, в библиографии нет ни одной программы кадетских корпусных спектаклей, а такие были, не только в Сараеве, но и в других корпусах, институтах и гимназиях. В юбилейной "Седьмой кадетской памятке" на стр.334-335 приведены две такие программы, а я, как посетитель корпусных спектаклей, помню, что их было больше. Помню литографированную программу спектакля "Гей славяне", состоявшегося 16 декабря 1928 г.

Список песен с нотами, которых в первом издании было всего 27, благодаря Т.В. Рыбкиной, увеличился более в чем два раза – до 65. Вообще же говоря, в Югославии, только в одном издательстве С.С.Страхова – "Музичке новости" в периоде 1935-1944 гг. вышло 402 номера, но в библиографии И.Н.Качаки приведены "лишь некоторые, имеющие русские тексты или сочинения русских композиторов". Всего 23 названия.

Несравненно возросло количество иллюстраций, в том числе 4 оттисков печатей кадетских корпусов – Первого, Донского и Княже-Константиновского, оттисок печати Атамана Донского Кадетского Корпуса, 5 оттисков печатей библиотек. всех трёх кадетских корпусов и одна, для меня непонятная «Классна Библиотека Русскаго Кадетск. Корп.»

В предисловии И.Н. Качаки предвидит, что ему не удастся обнаружить не только сами издания, но даже их упоминания, и он составил график по годам, сколько было обнаружено и сколько вероятно было издано. В итоге было обнаружено 1556 изданий при предполагаемом числе – 2100 названий.

Рецензент заведующая Отделением библиографии Народной библиотеки Сербии др. Борьянка Трайкович справедливо назвала работу И.Н. Качаки «первой серьёзной исследовательской попыткой, чтобы в зеркале библиографии показать объём и достижения одной этнической группы в нашей среде. Этой книгой автор возвращает долг предкам и соотечественникам, а будущим исследователям культурной истории облегчает доступ к матерьялу».

Несмотря на большую научную ценность, библиография И.Н.Качаки, написанная не для широкого круга читателей, выпущена всего в количестве 500 экземпляров. Издание было осуществлено в сотрудничестве с белградской частной библиотекой книжного магазина «Жагор», хозяйка которого Мирьяна Литричин, знаток и ценитель русской литературы, была вместе с Марией Вранич-Игнячевич, сотрудником Университетской библиотеки Белграда (соиздателем книги), редактором второго издания библиографии.

Р. В. Полчанинов

ДОБРОЙ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ БОРИСОВИЧА ИОРДАНА

С большим опозданием из глубокой провинции США я спешу сообщить мое искреннее соболезнование семье и всем кадетам Зарубежья и в России в связи с неожиданной смертью во сне Алексея Борисовича Иордана, кадета XXI выпуска Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского корпуса.

Это была незаурядная личность. Несмотря на свой преклонный возраст, он проявил исключительную динамику и трудоспособность в должности редактора «Кадетской переклички» в течение 10 лет, и в то же время, вместе со своей супругой Машей, Алексей дал блестящее русское воспитание и образование в американских университетах детям.

В Америке мы мало встречались, но по телефону периодически обменивались по всем вопросам, и Алеша живо интересовался национальными вопросами России и опубликованными **материалами о калмыцкой депортации** в Сибирь.

Алеша предупреждал меня, как бывшего гимнаста, что по статистике известно: гимнасты страдают сердечным недомоганием в жизни. Он был прав. В 2001 году я перенес первый удар. В начале августа 2002 года я ответил косвенно на это предчувствие Алеши следующим письмом:

«Дорогой Алеша, вот мы докатились до 9-го десятилетия… Хорошо, что ты еще держишься и ведешь огромную работу; по существу, ты стал **знаменщиком** нашего корпуса; как **маяк**, освещаешь наши **заветы** подрастающему поколению на Родине. Твой жизненный труд не потерян. Твои сыновья идут по твоим следам, а в особенности Борис в России».

Джаб Наминов Бурхинов,
кадет 20-го выпуска ПРВКККК
(Аурора, Колорадо, США)

ПРИЗЫВ КАДЕТ К СУВОРОВЦАМ И НАХИМОВЦАМ

В течение девяти месяцев редактирование книги занимало все мое время с утра до вечера. Откровенно говоря, я основательно выдохся, но теперь рад, что справился с доверенным мне делом. Как справился – пусть обе этом судят «сверхсрочнослужащие» и молодые кадеты. Во всяком случае, представляется, что книга «**Честь родного погона**» может помочь очередному Общекадетскому съезду в составлении **Кадетского завещания** и **Кадетского наказа** – документов крайне необходимых в нашей смуте...

На мой взгляд, Русские кадеты Зарубежья, как х**ранители и носители Традиций Русской Армии**, упустили возможность передавать свое наследие не только кадетам возродившихся корпусов, но и **непосредственно в войско**, которое, по Твоим же словам, сумев перебороть интернационалистскую, коммунистическую отраву, в конце концов освободилось от своей красноты и тоже стало Русским. Для того, чтобы решить эту задачу, кадетам Русского Зарубежья представилась хорошая возможность. Я имею в виду установившуюся у вас в 1992 году связь с суворовцами. Да, мы воспитывались в другом духе, самая большая беда – без Бога, но подавляющее число моих однокашников порядочные люди, у них **есть совесть**. И если бы кадеты Зарубежья смогли объяснить этой довольно сплоченной массе стариков, что совесть-то – это не что иное, как голос Господа нашего в душе человека, многое бы изменилось в наших отношениях и, прежде всего, в самом подходе ветеранов-суворовцев к возрождению в Отечестве кадетских корпусов. Сейчас мы - сторонние скептики - наблюдатели. А были бы активные деятели не только на этой ниве, но и в деле внедрения веры православной и традиций Русской Армии в армию теперешней России.

У нашего скептицизма есть и основания. Во-первых, как могут, думаем мы, воспитать мальчиков настоящими кадетами люди, сами плохо знающие и понимающие, в чем **суть кадетского воспитания.** Тем более, что 70 процентов воспитателей кадет - **дамы**. Во-вторых, **кадетские корпуса не включены в жизнь Армии и Флота** – они управляются министерством образования, которое давно уже блуждает в трех соснах затеянной им реформы. Министерские шпаки, в

принципе-то продолжающие дело «товарища» Луначарского, то есть изживающие из школы все национальное, все традиционное и молящиеся на американский школьный опыт, терпят существование кадетских корпусов лишь как экзотику, без которой невозможно пока обойтись.

Будет хорошо, если при составлении Кадетского завещания и Кадетского наказа очередной Съезд исправит двенадцатилетней давности ошибку и **адресует** эти два документа не только кадетам возрожденных корпусов, но и **суворовцам и нахимовцам**. Больше того, к воспитанникам Суворовских и Нахимовских училищ стоит обратиться отдельно. Я понимаю: уже было «Воззвание ко всем русским людям, имеющим воинское звание». Однако оно, по многим причинам, получило неширокий отклик.

Теперь нужно бы с подобным открытым письмом **обратиться ко всем суворовцам и нахимовцам** и, признав их право называть себя тоже кадетами, призвать к дружной совместной работе на поприще **целостного национально-традиционного воспитания** военной молодежи.

Полковник Е. П. Исаков
(Москва)

СЕМИРЕЧЕНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Уже три года, как я получаю Ваш прекрасный журнал «Кадетская перекличка». Помимо интересного содержания (особенно в части истории кадетских корпусов и вообще исторических материалов), хотелось бы отметить и хорошую полиграфию и качественную компановку журнала. Много места в «Кадетской перекличке» уделяется и сегодняшним событиям. Именно поэтому я и пишу Вам…

Семиреченская Казачья Община (власти Казахстана не разрешили зарегистрироваться под именем «Войско» - поэтому «Община») направило в Главную Военную прокуратуру РФ заявление с просьбой о реабилитации одного из выдающихся белых вождей атамана Б. В. Анненкова, а также его начальника штаба Н. А. Денисова, расстрелянных в 1927 году. Копию этого заявления я прилагаю при сем письме и от имени Правления СКО обращаюсь к Вам

с просьбой опубликовать текст этого заявления на страницах «Кадетской переклички». Кстати, Борис Владимирович Анненков тоже был кадетом – в 1906 году он окончил Одесский Кадетский Корпус.

После развала СССР семиреченское казачество оказалось полностью отрезанным от России, так как земли его располагались на территориях нынешних новообразований – Казахстана и Киргизии. Казаки, да и вообще все русское население там, оказались в положении «людей второго сорта». За прошедшие десять лет из Казахстана выехало около 2 миллионов «русскоязычных», но, тем не менее, там продолжают действовать структуры Семиреченского, Уральского и Сибирского Казачьих войск.

Если возможно – хотелось бы и дальше получать «Кадетскую перекличку».

Максим Николаевич Ивлев
(Казахстан)

ВЛАДИКАВКАЗСКОЕ СУВОРОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ

В соответствии с распоряжением Правительства РФ и директивой Генерального Штаба при поддержке Правительства РСО – Алания и Министерства обороны РФ, в городе Владикавказе было возрождено Северо-Кавказское Суворовское военное училище. В СК СВУ принимаются мальчики после 4 класса средней школы. **Срок обучения – 7 лет.**

Великим князем Константином Константиновичем в 1901 году был открыт Казачий кадетский корпус. В 1902 году кадетский корпус был переведен в здание женской духовной семинарии города Владикавказа и получил наименование Императорского кадетского корпуса, куда принимали не только детей казаков, но и детей других национальностей и народов Кавказа из дворянских семей.

Кадетский корпус просуществовал до 1917 года.

В 1943 году после постановления СНК СССР об открытии Суворовских военных училищ было создано училище, которое первоначально располагалось в городе Майкопе, а затем было переведе-

но в здание кадетского корпуса в городе Владикавказе. Кавказское СВУ просуществовало до 1968 года.

В период тяжелейших событий 1992-2000гг на Северном Кавказе возникла необходимость воссоздания Суворовского военного училища как исторического фактора объединения детей разных национальностей и народов Кавказа, которая была поддержана президентом РСО-Алания Дзасоховым А.С. и бывшим командующим войсками СКВО генералом Армии Казанцевым В.Г.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации № 322-р от 2 марта 2000 года и директивой Генерального штаба МО РФ № 207/5/21951 от 18.08.99г., правительством РСО-Алания совместно с Министерством обороны РФ в городе Владикавказе возрождено Северо–Кавказское Суворовское военное училище для подготовки из числа несовершеннолетних граждан – офицеров Российской Армии.

Благодаря пониманию Президентом РФ важности стабилизации обстановки на Северном Кавказе, а также кардинальному подходу к решению военной реформы, в самом ее начале, на основании приказа Министра Обороны РФ от 11.04.2000 года № 165, начало формироваться единственное на юге России Северо–Кавказское Суворовское военное училище в городе Владикавказе.

В училище обучаются мальчики, начиная с 5-ого класса **в течение 7-ми лет**, так как **этот период времени благоприятен** для формирования личности будущего офицера Российской Армии. В настоящее время в училище обучаются 315 суворовцев 18 национальностей России из 7 республик, краев и областей Северного Кавказа. 84 суворовца имеют одного родителя, 12 суворовцев, потерявших отцов в вооруженных конфликтах, 24 суворовца – сироты. Все суворовцы организационно разделены на курсы (соответствующие школьным классам), по два курса входят в состав роты. Таким образом, в трех ротах по два курса (класса), а в одной роте один курс.

Действующая штатная структура позволяет организовывать учебный процесс с помощью 25 офицеров, 5 прапорщиков, 28 солдат и сержантов, 132 человек гражданского персонала. В связи с тем, что нынешняя структура училища не соответствует типовым штатам Суворовских училищ Министерства обороны России, руководством училища подготовлены и в марте 2001 года направлены на утверждение в Генеральный штаб РФ предложения для ее усо-

вершенствования. Предлагается иметь 7 рот 3-х взводного состава в количестве 525 суворовцев (в каждом взводе по 25 человек). Количество офицеров, прапорщиков и гражданского персонала предполагается привести в соответствие с установленными нормами.

В 2001 году из различных регионов России на 50 кандидатов для зачисления в училище поступило более 500 личных дел. Имеются предложения с просьбой о приеме мальчиков из других регионов, а также заявки на выпускников для продолжения учебы в учебных заведениях МВД, ФСБ, ФПС, налоговой полиции.

В связи с тем, что руководители местных предприятий, а также краев и областей Северного Кавказа оказывают материальную помощь на развитие СК СВУ, был создан фонд по поддержке Северо-Кавказского Суворовского военного училища.

Полковник Ю. Манагаров
Начальник Северо-Кавказского Суворовского
Военного Училища

С. Бондарев
Директор Фонда по поддержке Северо-Кавказского
Суворовского Военного Училища (Владикавказ)

Просьба присылать **старые номера** «Кадетской переклички» в **администрацию журнала**, для пересылки в Россию.

Все материалы для редакции (статьи, рецензии, некрологи, фотографии и т. д.) должны направляться только на имя редактора журнала, по адресу:
Igor Andruskiewitsch, Casilla de Correo 51, 1653 Villa Ballester, Argentina.
E-mail: kadetpismo@hotmail.com

Вся переписка, касающаяся экспедиции, подписки и пожертвований, должна направляться только по адресу администратора:
George I. Schidlovsky, 2 Carman Place, Glen Head, NY 11545, USA.
Tel. (001)-516-759-1328. Fax. (001)-516-759-0416.
E-mail: geosffa@i-2000.com
Все чеки нужно выписывать на Association of Russian Cadets, Inc., указывая, на что именно посылается чек. Просьба подписчикам, урегулировать как можно скорее свои задолженности за предыдущие номера.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АЛЕКСАНДРОВ Владимир, скончался 1-го июня 2003 года, в Добрице, Югославии. Кадет 26-го выпуска ПРВКККК. Способный и многогранный художник.

БЕЛКИН Павел В., скончался 15 ноября 2003 года, после тяжкой болезни, в городе Санкт-Петербурге, Флорида, США.

БОГОЛЮБОВ Алексей Борисович, скончался 17 июля 2003 года, в Вашингтоне, после тяжелой болезни. Кадет 17-го выпуска ПРВКККК. За отличные успехи в учении, его имя было высечено в 1937 году на мраморной доске в Корпусе. Архитектор, учился в Белградском и Мюнхенском университетах. Был председателем Вашингтонского Отдела Нью-Йоркского Кадетского Объединения, председателем 14-го Кадетского Съезда, состоявшегося в 1994 году в Пенсильвании, и вице-председателем 16-го Общекадетского Съезда, Первого в России, в 1998 году. В работе Кадетского Объединения, не только редактировал Кадетский Сборник, посвященный Великому Князю Константину Константиновичу, предназначенный для военной молодежи в России, но и давал постоянно советы по докладам на кадетских съездах.

БОГОЛЮБОВ Николай Семенович, скончался в Нью-Йорке, дома,1-го июля 2003 года, после многолетней тяжелой болезни. Кадет 25-го выпуска ПРВКККК. Родился 21-го мая 1924 года. Талантливый художник, чьи пейзажи часто попадали на выставки русских художников в районе Нью-Иорка, а сделанный им портрет Бетховена до сих пор украшает комнату одного из его одноклассников. Женат на Елене Константиновне, рожд. Мухановой. Одна дочь. Активно участвовал в работе Нью-Йоркского Кадетского Объединения. Преподавал в субботней школе при Синоде РПЦЗ в Нью-Йорке. Многолетний староста прихода при храме Св. Троицы в Астории. Его отец, Семён Николаевич, преподавал естественные науки и химию в ПРВКККК. Отпевание было в храме Св. Троицы в Астории, погребение на кладбище Ново-Дивеево, при Успенском женском монас-

тыре около Нью-Йорка, 3-го июля 2003. В присутствии около 70-ти друзей и членов семьи, кадеты, держа трехцветный флаг над гробом, спели традиционную песню дворянского полка «Братья, все в одно моленье...». О. Сергий Лукьянов вспомнил Нику добрыми словами и благодарил его за приверженность Церкви и русской молодежи, с которой он работал в ОРЮР-е. На поминальной трапезе, председатель Нью-Йоркского Кадетского Объединения, С. Муравьев, и Валентин Мантулин тепло вспомнили своего однокашника.

ГРАФ Георгий, скончался 31-го января 2004 года в Лос Анжелесе. Кадет XIV выпуска ПРВККККК.

ГУЦАЛЕНКО о. Сергий, протоиерей. Скончался в Венецуэле. Кадет XIV выпуска ПРВККККК.

ДРУКАРЕВ Анатолий Александрович, генерал-майор, скончался в Москве на 72 году жизни, после операции на сердце, 4-го января 2004 года. Председатель Московского Суворовско-Нахимовского Содружества (с 1993 года), управляющий директор Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана (с 1999 года).

Родился 29 сентября 1932 года, с 12-и лет воспитанник Тамбовского СВУ, которое закончил с золотой медалью. В 1951 году поступил в пехотное училище. За время службы в Вооруженных Силах прошел все командные должности от командира взвода до начальника штаба ракетной армии. Затем его опыт и талант был востребован в военной академии, в которой он работал начальником кафедры, факультета и научным консультантом академии. Принимал активное участие в Кадетской Встрече в России в 1992 году, в 14-ом Кадетском Съезде в 1994 году в Пенсильвании и в 16-ом Общекадетском Съезде в России в 1998 году. Много сил и энергии отдал созданию кадетских корпусов в России. При его непосредственном участии и поддержке созданы 1-ый, 2-ой и 3-ий Московские кадетские корпуса. Вместе с А. Б. Иорданом, А. А. Друкарев посетил большинство создававшихся корпусов России. В результате его деятельности на посту управляющего директора Фонда содействия кадетским корпусам, конкретная помощь была оказана более чем 50-и кадетским корпусам в России. Он был одним из организаторов проведения Общекадетского Съезда в 1998 году в России и слета лучших кадет России, в декабре 2001 года, в Москве. Как человек энергичный и доброжелательный, генерал Друкарев постоянно оказывал содействие зарубежным кадетам, приезжавшим в Россию и попадавшим в необычные для них условия.

Следует также упомянуть, что вслед за выходом Кадетской Памятки за рубежом, под руководством Анатолия Алесандровича был издан Альманах Тамбовского СВУ, уникальный сборник, где особенно отмечены добродетели их любимого воспитателя, офицера Царской Армии, и где описаны исторические и трогательнные моменты погребения их капельмейстера, Ильи Шатрова, известного композитора вальса "На сопках Маньчжурии".

В 2002 году поздней осенью Анатолий Александрович упал в метро на эскалаторе и сломал кости бедра и таза. Он долго лежал в больнице и дома, но затем пошел на поправку, и уже 5 октября 2003 года на праздновании 10-летия возрождения кадетского образования в столице ходил уже без палочки. В середине декабря он лег в госпиталь, чтобы вынуть стальные спицы, вставленные для лечения переломов. После проведения общего медицинского исследования, ему порекомендовали сделать шунтирование на сердце. Его перевели в военный госпиталь, в подмосковный Красногорск, перед новым годом 29.12.2003 г. сделали операцию. Операция прошла успешно, он хорошо себя чувствовал после выхода из наркоза, уже после нового года он начал самостоятельно ходить. Но затем неожиданно вскрылась старая язва желудка, оторвался тромб, и в результате в 06.00 4 января 2004 года его не стало.

Хоронили Анатолия Александровича 6 января, в Москве был сильный мороз. Гроб с усопшим был выставлен для прощания в актовом зале Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени императора Петра Великого. Проститься пришло много друзей и родственников, ветеранов суворовцев, директоров кадетских корпусов, кадет, слушателей академии, руководителей Департамента города Москвы, профессорско-преподавательский состав академии, офицеры и генералы. В почетном карауле у гроба стояли его соратники по службе и последующей работе, директора кадетских корпусов, слушатели и курсанты академии. Выступили его сослуживцы, соратники по учебе в Тамбовском СВУ, выступил начальник академии, генералы. Затем траурная процессия на автобусах двинулась в церковь, где в 13.00 началось отпевание покойного. После отпевания траурная процессия на автобусах проследовала до Хованского кладбища (центрального сектора), где с 15.00 началось погребение. После заупокойной литии, попрощались с покойным друзья, близкие и родственники. Похоронили А. А. Друкарева рядом с его женой, было много цветов и венков от сослуживцев, от Мос-

ковского Суворовско-Нахимовского Содружества, от Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана, от директоров кадетских корпусов, от Второго Московского Кадетского Корпуса, от Военной академии, от близких и родственников. Затем все желающие проследовали на автобусах в военную академию, где в зале офицерской столовой состоялась поминальная трапеза.

КОВАЧ-ТАРАКАНОВА Елена (Галя), вдова кадета Крымского Кадетского Корпуса Юрия Тараканова, скончалась 22 мая 2003 года в штате Мичиган.

КОЗЛОВ Георгий, скончался 10 мая 2004 года. Кадет XVII выпуска ПРВКККК.

ЛЕРМОНТОВА Стефанида Климовна, супруга Михаила Александровича Лермонтова, кадета 25-го выпуска ПРВКККК, скончалась 22 июня 2003 года. Похоронена на Свято-Владимирском кладбище, в Джаксоне, Пенсильвания.

МАКАРОВ Георгий Михайлович, скончался 24 марта 2004 года в городе Оттумва, штат Иова. Похоронен в этом же городе. Кадет 22-го выпуска ПРВКККК. Родился в 1921 году в Константинополе. В 1950 году эмигрировал в США.

МАЛАШЕНКО Георгий, скончался в Канаде. Кадет 6-го выпуска ПРВКККК (1926 г.), инженер-строитель.

РОЖНОВ Георгий Николаевич, скончался 17-го мая 2003 года, в Стамфорде, США, после тяжелой болезни. Юра Рожнов - кадет XXVI выпуска ПРВКККК. Родился 18-го августа 1927 г. в городе Панчево, Югославия. В конце 1944 года поступил в Русский Охранный Корпус в Сербии, вместе со своим отцом. После конца войны поступил в Русскую Гимназию в лагере Парш, Зальцбург (Австрия) и закончил её в 1947 году, после чего поступил в университет в Граце. Эмигрировал в США в 1949 году, где работал управляющим клубами. Вышел на пенсию в 1989 году. Похороны его состоялись в православной церкви Св. Николая в городе Ерие (Пенсильвания), и он похоронен на кладбище рядом с родителями. Во время похорон присутствовали три кадета: брат Борис Рожнов (кадет XXIX выпуска), Константин Волошинов (кадет XXVIII выпуска) и Юрий Мордвинкин (кадет XXVI выпуска), которые стояли почётным караулом у гроба.

Архиепископ СЕРАФИМ (в миру – Игорь Александрович Дулгов), скончался 26-го ноября 2003 г. в Лесненском монастыре (Провемон,

Франция). Родился 19 Июля 1923 г. Вице унтер-офицер и знаменщик 5-го выпуска Кадетского Корпуса Императора Николая 2-го, Версаль, Франция. 19-го сентября 1993 г. хиротонисан в Крестовоздвиженском кафедральном соборе в Женеве, как Епископ Лесненский, викарий Западно-Европейской Епархии. С 1995 года – Архиепископ Брюссельский и Западно-Европейский.

СЛУЧЕВСКИЙ Владимир Николаевич, скончался 18-го июня 2003 года, в г. Новато, Калифорния. Кадет 16-го выпуска ПРВКККК. Был известен среди кадет тем, что в 1936 году, на Литературном конкурсе в Корпусе, получил первый приз за свое стихотворение "Поэтессе", причем, сам Директор Корпуса генерал Адамович, не особенно жаловавший Володю, прочитал его стихотворение перед полным залом и вручил победителю приз.

СТЕФАНСКИЙ Георгий Борисович, скончался 4 мая 2003 года, в г. Монтерей Парк. Родился 24 сентября 1918 г. в Кисловодске. Когда ему было 5 лет, родители сумели выехать с ним в Югославию. В 1933 году Юра поступил в Донской Императора Александра III кадетский корпус в Горадже, в том же году, после расформирования корпуса, переведен в ПРВКККК, который и окончил в 1941 г.

В Корпусе он не отличался особыми литературными дарованиями, если не считать его многочисленных посланий в Девичий Институт, оставшихся в тайне, в каковом эпистолярном искусстве он занял среди кадет не последнее место.

Проведя годы немецкой оккупации в Сербии, Юра в 1945 году оказался в Мюнхене, а в 1949 году с супругой эмигрировал в США. Здесь через несколько лет ему удалось открыть собственное дело по ремонту автомобилей. Выйдя на пенсию в 1980 году, Юра предпринял несколько поездок в Россию, главным образом в родной Кисловодск, где разыскал ценные документы из истории своей семьи. Являясь дальним родственником М. Ю. Лермонтова, он посетил местные музеи и привез с собой копии интересных исторических документов. В это время Юра обнаружил в себе не только скромный талант писателя, но и напористость исторического исследователя. В течение десяти лет он съездил четыре раза в Россию и там обнаружил целую сокровищницу сведений о его пращуре, генерале от инфантерии графе Николае Ивановиче Евдокимове, крестьянском сыне Уфимской Губернии. Его головокружительную военную карьеру Юра описал в своей книге захватывающим образом, хотя

и по-английски, для удобства чтения его потомками. В объемистых фолиантах Стефанского воспроизведено много фотографий, гербов, приказов за подписью Российских Императоров, и другие исторические документы, но может быть, наибольшую ценность для России сегодня представляет описание борьбы с горцами, взятие неприступной крепостии Гуниб и пленение самого Шамиля 25 мая 1859 года, в чем Юра оспаривает английских историков, приписывающих этот успех князю А. Барятинскому. В хронике Стефанского много места уделено родословной его матери из рода Доливо-Добровольских, потомки которых ныне проживают в Санкт-Петербурге.

После 1997 года начались Юрины болезни и тяжелые страдания. Ему ампутировали сначала одну ногу, затем вторую, он страдал диабетом. Все кадеты сердечно встретили Юру Стефанского, прибывшего на кадетскую «Встречу» в Санта-Розе в 2002 году, которая оказалась его последней поездкой. В 2003 году наступило резкое ухудшение здоровья, организм стал слабеть, и он, забывшись сном, скончался, окруженный любящей семьей. *(Некролог дополнил В. Н. Мантулин).*

ТИМОНИН, Душан Андреевич, скончался 15 января 2004 года в Аргентине. Родился 14 марта 1929 года, в Костарице, Югославия. Кадет 29-го выпуска ПРВКККК.

УЛЬЯНЦЕВ Николай, скончался 8 марта 2004 года в городе Сан Рафаель, Северная Калифорния. Кадет 24-го выпуска ПРВКККК.

ЧУВАКИН Анатолий Романович, генерал-лейтенант, скончался 9 января 2004 года, после тяжелой болезни. Родился 29 апреля 1934 г. в г. Борисове, Минской области. Окончил Тульское Суворовское военное училище в 1952 году. За время службы в Вооруженных Силах прошел все командные должности от командира взвода до помощника начальника Генерального штаба. 1968-1992 годы - служба в Генеральном штабе: ст. офицер-оператор, начальник отдела, секретарь коллегии Министерства обороны, помощник начальника Генерального штаба – секретарь Совета обороны. Уволен по возрасту в августе 1992 г. С августа 1992 по сентябрь 1998 г. работал консультантом в аппарате начальника Генштаба. В 1992-1995 годы был председателем Межрегионального Союза выпускников суворовских, нахимовских училищ и кадетских корпусов; с 1995 г.- 1-й заместитель Председателя и один из основателей Московского Суворовско-Нахимовского Содружества; с 1974 г. председатель, а затем с 2000 г. почетный

председатель Союза выпускников Тульского Суворовского военного училища. Принимал активное участие в Кадетской Встрече в России в 1992 году, в 14-ом Кадетском Съезде в 1994 году в Пенсильвании и в 16-ом Общекадетском Съезде в России в 1998 году.

ХЛОДОВСКИЙ Всеволод Владимирович, скончался 10 сентября 2002 года. Кадет 14-го выпуска ПРВКККК (1934 г.). Как сын преподавателя гимнастики в белоцерковской гимназии, Мумик - такая у него была кличка - состоял приходящим кадетом и пользовался большой популярностью среди футболистов "навиячей" (болельщиков), ибо по понедельникам он приносил утреннюю газету с результатами спортивных состязаний. Будучи студентом юридического факультета и отслужив призывной срок во время войны с немцами в 1941 году, Хлодовский вернулся домой в Белую Церковь, а летом 1946 года был арестован СМЕРШ-ем по ложному обвинению в членстве НТСНП. Через Лубянку он был сослан в Казахстан, где провел долгие годы на стройке, где женился на русской девушке и, дождавшись советской "оттепели", уехал с женой и дочерью в Зальцбург. Всю эту эмигрантскую эпопею Мумик описал в нескольких увесистых томах, изданных кустарным способом и посланных только его закадычным белоцерковским друзьям, Косте Шереметову и Володе Случевскому, любезностью которых кое-какие подробности просочились в кадетскую среду. В своих необычайно откровенных описаниях и суждениях, Хлодовский представляет русскому читателю сагу о крестном пути русского эмиранта, отец которого перенес пытки в ЧК во время революции - у него были искалечены ногти на руках - а в 1945-ом был расстрелян титовцами в Белой Церкви. В Кадетской Памятке фотография Мумика на стр. 355, а описание казни отца на стр. 428. *(Некролог дополнил В. Н. Мантулин).*

"Кадетская перекличка" выражает искреннее соболезнование всем родственникам и друзьям усопших.

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ! ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

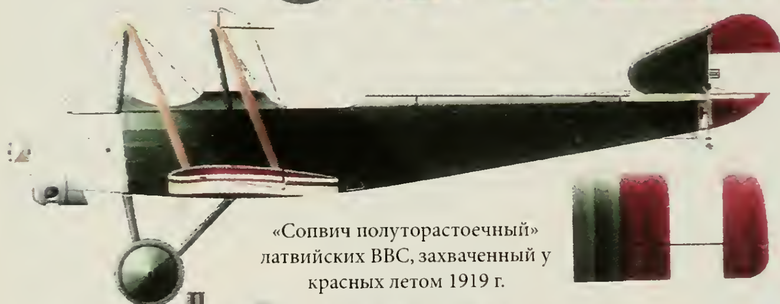
ФОТОГРАФИИ



Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович, Августейший Президент Императорской Академии Наук и Генерал-Инспектор Военно-Учебных Заведений.



«Альбатрос» С-XV авиаотряда имени графа Келлера Западной Дорбовольческой армии, лето 1919 г.



«Сопвич полуторастоечный» латвийских ВВС, захваченный у красных летом 1919 г.



LVG C-VI литовских ВВС, 1919 г.

Символика военной авиации во время Гражданской войны



«Ньюпоры-24бис» 39-го Железного отряда
Восточного фронта, 1919 г.



«Ньюпор-23» Московской авиашколы
зима 1919-1220 гг.



«Ньюпор-24бис» и «Ньюпор-17»
13-го Казанского отряда,
аэродром Сокологорное,
Северная Таврия, март 1920 г.



Е. И. В. Княжна Вера Константиновна и Тихон Николаевич Куликовский (родной племянник Государя Императора Николая Второго) на XII Кадетском Съезде в 1990 году в Сан-Франциско.



Строй кадет на XII Съезде.



Тихон Николаевич Куликовский и И. Н. Андрушкевич на XII Съезде.



Граф О. В. Толстой (правнук Л. Н. Толстого), П. А. Карасик и И. Н. Андрушкевич, кадеты XXVI выпуска ПРВКККК, на XII Съезде.



Кадеты и суворовцы на Встрече 1992 года перед Успенским собором в Москве, под знаменем Суворовского Фанагорийского полка.



Встреча кадет и суворовцев в Москве в 1992 году. Строй кадет. На правом фланге Знамя Суворовского Фанагорийского полка и военный оркестр.



Строй кадет на XIV Съезде.



XIV Кадетский Съезд в 1994 году в Пенсильвании. Знамена.
Кадеты XXVI выпуска.



Строй кадет XV Кадетского Съезда в 1996 году в Сан-Франциско.



Кадеты Донского и Кубанского Кадетских Корпусов на XV Съезде.



Освящение Знамени Донского Императора Александра Третьего Кадетского Корпуса на XV кадетском съезде.

Кадеты Донского Кадетского Корпуса с иконой своего Небесного покровителя Святого Николая Угодника, подаренной корпусу Кадетским Объединением в Аргентине (икона написана вицепредседателем Аргентинского Объединения архитектором О. Н. Ауэ), на XV кадетском съезде.



Кадетский парад с освященным Знаменем на XV Съезде.



Знамя Донского Кадетского корпуса с кадетом Кубанского Кадетского Корпуса на XV кадетском съезде. (Кубанский кадет - полный сирота, его родители погибли в процессе антирусской этнической чистки в Чечне.)



Реставрированные ворота Зимняго Дворца, на фоне Александрийскаго столпа.
27 мая 2003. Фото В. Н. Мантулина.



Парад в честь 300-летия в Санкт-Петербурге открывает взвод младших барабанщиков Кронштадтскаго Кадетского Корпуса. 27 мая 2003.
Фото СПб СВУ.



Священство удивляется искусству маленьких барабанщиков-кронштадтцев на параде 300-летия Санкт-Петербурга. 27 мая 2003.
Фото о. А. Дьяконова.



Суворовцы маршируют на Дворцовой площади во время Губернаторского смотра. 27 мая 2003.
Фото Спб СВУ.



Крестный ход из Исаакиевскаго собора становится на Дворцовой площади перед строем Христолюбиваго воинства кадет. 27 мая 2003.
Фото В. Н. Мантулина.



Михайловский замок перед первым открытием ворот после его реставрации. 27 мая 2003. Фото В. Н. Мантулина.



Посещение Первого Московского Кадетского Корпуса. Директор В. Кирсанов с супругой, В. Мантулин и В. Ковыркин. 5 июня 2003. Фото Иг. Федоровскаго.



Посещение Первого Московского Кадетского Корпуса. Директор В. Кирсанов и В. Мантулин на паперти Корпусной церкви. 5 июня 2003.
Фото Иг. Федоровскаго.

Похороны Алексея Борисовича Боголюбова,
вице-унтер-офицера XVII выпуска ПРВКККК, 19 июля 2003 года,
в Ново-Дивееве, под Нью-Йорком.






ISBN 0-9741857-3-6
9 780974 185736